

МАЙН РИД

*Переселенцы
Трансваала*

*Водяная пустыня
Затерявшаяся гора*

Капитан
МАЙН РИД
романы и повести

Т. I

ИЗ СОБРАНИЙ И. СЫТИНА, П. СОЙКИНА,
М. ВОЛЬФА

МАЙН РИД

*Переселенцы
Трансвааля*

Водяная пустыня

Затерявшаяся гора

МОСКВА
1992

ББК 84. (Вл).
М 14

Художник
Е. Клодт

Издание подготовлено при участии
Акционерной компании «К.И.Т.»

Р 4703010100—001
Э26(03)—92

ISBN 5—7685—0049—9

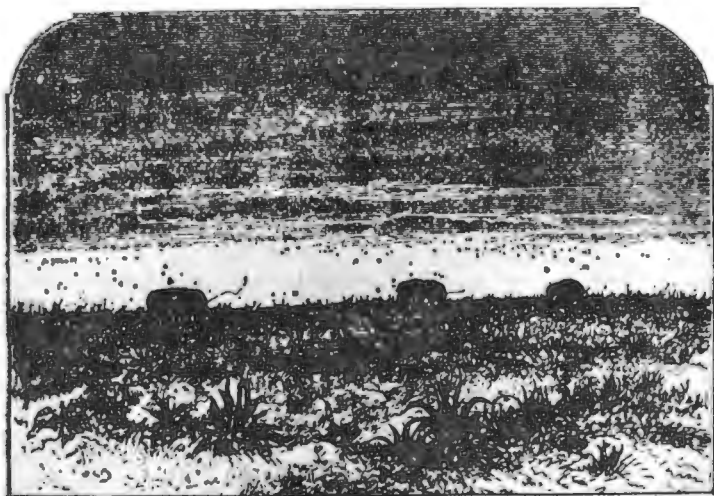
© МП «Активитас»
1992 г.
© Оформление и макет
Е. Клодт. 1992 г.

Переселенцы Трансвааля

Роман

ИЗ СОБРАНИЯ И. СЫТИНА

Иллюстрации художника Риу

Вместо предисловия

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЮЖНО-АФРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ

Голландцы в Капландии

После того как в 1497 году португалец Васко да-Гама в первый раз объехал мыс (кап) Доброй Надежды, начали понемногу устанавливаться торговые сношения между Европой и Индией. Корабли стали часто подходить к этому мысу, чтобы запастись свежей водой или провизией. Селиться же на капе никто еще тогда не думал. Вся местность, известная впоследствии под названием Капландии, пользовалась дурною славой у моряков. Коренные ее обитатели, готтентоты, считались чуть ли не самыми кровожадными и зверскими из всех дикарей.

Мысль поселиться на капе впервые возникла у голландца ван Рибеека, хирурга и ботаника, который в 1648 году по пути из Индии обратно на свою родину, подробно исследовал Капландию.

Предприимчивый голландец составил проект о заселении исследованной им страны и сообщил его Ост-индской компании, находившейся тогда в период наивысшего процветания. Компания одобрила этот проект и

снарядила четыре корабля, снабдив их всем необходимым для основания колонии.

Корабли, наполненные желающими попытать счастья в новом месте, прибыли в Капландию 6 апреля 1651 года.

Все пошло отлично, благодаря уму, познаниям и распорядительности ван Рибеека, ставшего во главе колонии.

Сначала он основал у Столовой горы форт и составил для своих поселенцев строгие правила относительно обращения с туземцами. Виновный в жестокости, даже просто в оскорблении готтентота или другого темнокожего, подвергался пятидесяти ударам бича.

Благодаря разумным мероприятиям главы колонии, голландцы вскоре внушили туземцам полное доверие, выразившееся, между прочим, в том, что те охотно стали уступать им землю, в обмен за разные орудия и другие хозяйственные предметы.

Поселенцы энергично принялись за обработку земли, разведение виноградников и за скотоводство. Не прошло и года, как колония уже начала заметно процветать.

К несчастью, ей угрожали неприятности с той стороны, откуда и не ждали их: жестокие бури истребляли всю жатву, болезни сваливали многих с ног, и смерть похищала одного за другим из рядов колонистов.

Этим, однако, трудно было смутить энергичных, предприимчивых и терпеливых голландцев. Горькие опыты только делали их более осторожными и упорными в борьбе.

Изучив окружающие условия природы, они вступили с ними в ожесточенную борьбу, и через некоторое время достигли того, что мыс Доброй Надежды, считавшийся одною из наиболее нездоровых местностей, сделался самою здоровою во всем мире.

Из Голландии стали прибывать целыми семьями колонисты и начали селиться частью на берегу, частью внутри страны.

Ни одно голландское судно, направлявшееся к Ост-Индии, не проходило мимо Столовой горы, чтобы не остановиться в ее бухте, и потому Капштадт (название колонии) скоро сделался довольно значительным городом чисто голландского характера.

Для земледелия и трудных работ голландцы стали покупать рабов, но обращались с ними, как с обыкновен-

ными рабочими. Свободные, но бедные готтентоты добровольно шли к ним в пастухи.

Они получали хижину, содержание и имели полное право считаться принадлежащими к семье своих хозяев, никогда не позволявших себе ни малейшего произвола над ними, напротив, относившихся к ним так человечно, как только и могут относиться голландцы.

Капская колония видела много перемен и невзгод. В начале наместничества ван Рибеека гарнизон форта, состоявший частью из англичан, устроил было заговор с целью истребить всех колонистов-голландцев, но к счастью, этот заговор был во-время открыт и англичан удалили.

При губернаторе Симоне ван дер Стеле (1679—1699), этом благодетеле южно-африканских колоний, явилось много французских эмигрантов, искавших себе надежно-го убежища. Они строили прекрасные дома, улучшали плодоводство и виноделие. К концу XVII столетия число французских переселенцев доходило уже до 3000.

Следующий губернатор, Виллем Адриан ван дер Стел, по примеру своего отца, превращал громадные пустоши в прекрасные, плодородные местности. Зато преемники его, не такие дельные и добросовестные, как он, а также и Ост-Индская компания, позволявшая вести торговлю исключительно на ее кораблях, нанесли много вреда колонии.

Когда в 1781 году возникла война между Англией и Соединенными Нидерландскими Штатами, первая захотела взять капскую колонию, но ее отстояло посланное туда французское войско. В 1795 году Англия снова заявила претензию на колонию, и губернатор Гордон с генералом Слунским покорно передали ее Англии со всеми орудиями, боевыми запасами и прочими предметами.

Несколько лет спустя туда была послана нидерландская эскадра, под начальством капитана Лукаса, с целью отобрать колонию обратно, но эта экспедиция потерпела полное фиаско, и весь флот попал в руки англичан. Только Амьенский договор, в 1802 году, снова возвратил колонию Голландии.

Как ни пострадала колония под владычеством англичан, голландцы, со свойственною им энергией и деловитостью, сумели снова поднять ее благосостояние, но в 1806 году англичане, несмотря на данный им отчаянный отпор, опять завладели ею. Договором 19 августа

1814 года колония официально признана собственностью Великобритании.

Однако англичанам не удалось заслужить доверие капландцев, оставшихся в душе голландцами. Это происходило главным образом, оттого, что Англия, глядя на Капландию, как на покоренную страну, не находила нужным заботиться об ее интересах и, управляя ею, думала лишь о собственных выгодах.

Впрочем, отчасти были виноваты и сами капландцы. Они, по своему упрямству, систематично противодействовали на каждом шагу англичанам, чем и восстанавливали их против себя.

Особенно дурно отзывалось на Капландии освобождение рабов. Она вдруг лишилась всех рабочих, которые, соединившись вместе с кафрами, стали бродить по стране беспорядочными шайками, причем многие из них погибали самым жалким образом.

Недостаток сил для охраны колонии от нападений дикарей и другие неблагоприятные условия вынудили голландских колонистов искать себе нового отечества. Британское правительство не препятствовало им в этом, и они отдельными партиями стали пробираться через Оранжевую реку, границу Капландии, в местности, находящиеся вокруг Порта Наталя.

Но и там англичане не дали им покоя и гнали их все далее и далее к северу, где им, наконец, удалось прочно основаться за рекою Ваалою.

Таким образом возникла южно-африканская (Трансваальская) республика, независимость которой была признана Англией в 1848 году.

II

Голландские боеры

Голландские колонисты Южной Африки, иначе называемые боерами (боер по-голландски — крестьянин, земледелец), сохранили все коренные черты настоящих голландцев: религиозность, мужество, терпение, неутомимость в труде, доброту, честность и бескорыстие.

Что касается наружности, то боеры народ рослый, здоровый, сильный и красивый. Всего дороже боерам свобода, и ради сохранения ее они совершали поистине геройские подвиги. Уважая лично себя, они уважают

одинаково и друг друга, так что о серьезных ссорах и раздорах между ними не может быть и речи.

Несмотря на свое крайнее миролюбие, они очень храбры. Следующий пример может послужить иллюстрацией их стойкости и смелости.

6-го октября 1838 года происходило сражение между боерами и одним из сильных кафрских племен при Омкингингловле. Боеров под начальством Питера Уиса и Якова Потгетьера было всего 347 человек. Кавалерия, под предводительством Потгетьера, была уже вся уничтожена превосходными силами неприятеля. Уис, почтенный старик, семь внуков которого уже пали на его глазах, один противостоял натиску дикарей. С отрядом в двадцать человек он бросился в самую середину неприятеля, чтобы спасти друга, сброшенного на землю споткнувшейся лошадей. Окруженному со всех сторон дикарями, ему оставалось только продать свою жизнь как можно дороже. Его последний внук, мальчик двенадцати лет, сражался рядом с ним как лев, но тоже пал. Сам старик, весь покрытый ранами и истекая кровью, отчаянно бился до последней минуты и умер с криком: «Не сдавайтесь, братья!... Пробивайтесь вперед!... Я умираю!...» — «Мы умрем так же, как ты, не беспокойся!» — отвечали ему боеры и, подобно древним спартамцам, погибли все до одного, уложив множество кафров.

Обращаясь прекрасно со своими слугами и рабочими, боеры вместе с тем очень гостеприимны. Они охотно пускают путешественников, прекрасно их кормят, отводят им особую комнату со всеми удобствами, заботятся об их лошадях, как о собственных, и за все это они не берут никакой платы и даже обижаются, когда им предлагают ее.

Некоторые тунейдцы только и живут тем, что гостят месяца по три то у одного боера, то у другого и, ничего не делая, пользуются всеми удобствами, не слыша никогда даже и тени намека, что они служат обузой и дурным примером для других.

Боеры едят и пьют хорошо: на столе у них всегда разного рода мясные блюда с овощами, яйца, молоко, сыр, хлеб нескольких сортов, вина, чай и кофе.

Одеваются они также хорошо: по праздничным дням они носят все черное, по будням — белое. В дороге мужчины носят кожаные куртки и панталоны, а женщины, если едут верхом, красуются в суконных амазонках и соломенных шляпах с зеленой вуалью. Они сами шьют

себе все — одежду и обувь, сами выделывают кожу, сами ткнут полотно и сами делают сукно. Покупаются ими только дорогие материи.

Босры живут земледелием, скотоводством и охотой. Между ними есть очень крупные богачи, и вообще все они люди вполне состоятельные.

Виноделие тоже процветает у них, но только для собственной потребности.

Школьное дело у них поставлено хорошо; обучение обязательное. Учатся читать, писать, арифметике, географии, всеобщей истории и естествознанию. Учителями в их школах — большею частью люди, имеющие докторский диплом. Многие учатся и иностранным языкам. Мыслителей между боерами нет, но зато во всем, что касается практической жизни, они положительно велики и достойны всякого уважения.

Глава I

ЧЕРЕЗ КАРРУ

По совершенно выжженной жгучими лучами африканского солнца местности ехали три всадника.

Была уже полная ночь. Луна слабо освещала путь. Но даже и при ее бледном свете можно было видеть, как неприглядна и пустынна местность, по которой пробирались всадники.

— Ну, и скверно же тут! — воскликнул один из всадников, плотный, средних лет человек, с подвижным, загорелым лицом. — Сторонка, нечего сказать!

— Да, милейший Блом — отвечал другой, — кроме жалкой сожженной солнцем травы и песка здесь ровно ничего не видно. Впрочем, особенно удивляться нечего, ведь мы и раньше знали об этом, когда решились пробраться через эту безотрадную пустыню. Зато вот за нею мы найдем веселую и плодородную страну и заживем там наверное не хуже, чем жили на родине до тех пор, пока эти алчные завоеватели не вынудили и нас искать счастья в другом месте... Ради достижения независимой и счастливой жизни не беда и потомиться немного в этой угрюмой пустыне.

Человека, старавшегося таким образом ободрить своего спутника, звали Яном ван Дорном.

Высокий и худощавый, лет около пятидесяти от роду, он сразу поражал той спокойной энергией, которой дышало все его существо,— энергией, способной сделать несравненно более, чем пылкие, подчас и необдуманные порывы увлекающейся натуры его товарища Блома.

Вообще Ян ван Дорн производил впечатление человека, способного хорошо распорядиться и повелевать. Это была одна из тех натур, которые не отступают ни перед какою опасностью.

— А вы что призадумались, Ринвальд? — обратился Ян ван Дорн к другому своему спутнику, с приятным и тоже сильно загоревшим лицом, задумчиво ехавшему по правую его сторону.— Уж не начинаете ли, чего доброго, и вы падать духом при виде бесконечных неудобств, нашего длинного и утомительного путешествия?

— Нет, ван Дорн, дело не в этом — ответил тот, которого называли Ринвальдом, выходя из своей задумчивости.— Я уверен в благоприятном исходе нашего предприятия. Но все-таки, знаете, необходимо обдумать каждый шаг, все предстоящие нам затруднения и опасности в этой проклятой местности и на всякий случай подготовиться..... Главное же, меня заботит участь наших семейств... Кажется, это очень естественно и понятно.

— О, конечно! Спасибо за откровенность, Ринвальд. Я вполне уверен, что благодаря вам и нашему другу Блому, нам удастся справиться со всеми препятствиями и опасностями, угрожающими нашему каравану на каждом шагу в этой угрюмой, неприветливой стороне. Побольше терпения и энергии — вот и все. Не следует забывать, что на нас троих лежит обязанность внушать нашим спутникам надежду и душевную бодрость. Когда заметите, что они начнут унывать, подтверждайте им мои слова, что как только мы выйдем из карру, то будем уже недалеко от прекрасной страны с роскошными пастбищами и обильными источниками. Там мы найдем себе удобное место и снова заживем свободными и независимыми боерами.

Но что это собственно, были за люди, и где находилась та обетованная земля, в которую они стремились?

Поговорим сначала о стране, а потом уже о людях. Вообразите себе бесконечную и безграничную равнину. Насколько хватает глаз, не видно было ничего, кроме плоской, однообразной равнины: ни леса, ни горы, ни

даже небольшого холмика. Лишь изредка попадаете одинокое дерево с перистыми листьями. Это свойственная Южной Африке порода акаций, очень похожая на нашу акацию ярко-желтыми цветами и формой листьев, с той лишь разницей, что тут листья снабжены колючками. Дерево это носит название верблюжьего терновника. Кроме него виднеется еще кое-где алое, попеременно с жесткими стеблями молочая, и под ними несколько кочков желтой, сожженной солнцем травы.

Таков вид угрюмых и суровых карру Южной Африки. Их можно сравнить с европейскими степями, но они несравненно обширнее, и в них встречаются прекраснейшие разновидности вереска, удивительно нежные, с замечательно красиво очерченными колокольчиками. Одна из этих разновидностей начинает культивироваться у нас, в Европе.

По этой-то пустыне, носящей название карру, медленно двигались три громадные повозки, метра в четыре длиною. Непромокаемое полотно, натянутое сверху на согнутых в виде арок бамбуковых подставках, защищало кладь в повозках от зноя и непогоды. В каждую повозку было впряжено по восьми пар быков с длинными рогами. На передке повозки сидел туземный проводник с длиннейшим бичом в руках. Около каждой упряжи шел еще туземец, вооруженный страшным жамбоком. В обязанности последнего лежало подбодрять и понукать быков. Во главе каравана шел главный проводник. По бокам повозок ехало человек двадцать всадников.

Трое всадников, уже несколько знакомых нам, ехали далеко впереди.

Сзади повозок двигалось большое стадо коров с телятами и несколько пар тех интересных баранов, которые известны под названием «жирнохвостых», отличающихся громадными жирными хвостами, которые достигали иногда веса пятидесяти фунтов. Вследствие своей тяжести хвосты эти волочились по земле.

Стадо сопровождалось несколькими пастухами из негров и десятком больших собак с длинными тонкими мордами и взъерошенной шерстью, очень похожих на волков.

В повозках помещались женщины и дети всех возрастов.

Из пассажирок прежде всего бросались в глаза две дочери Ринвальда: Катринка, старшая, и Мейстья, млад-

шая. Первой было восемнадцать лет, второй — около семнадцати. Они были очень хороши, каждая в своем роде. Трудно было решить, кому и зних отдать предпочтение: Катринке ли с ее черными глазами и пепельными волосами, или Мейстье с темно-синими глазами и темно-золотистыми кудрями.

Мать девушек, госпожа, Ринвальд тоже была женщиной красивой. Она представляла собою тип того врожденного благородства, которое не поддается никакому подражанию.

Госпожа Блом была в том же роде, только еще более нежная и хрупкая. Что же касается до госпожи ван Дорн, то она, высокая, стройная брюнетка, очень походила на своего мужа правильными, энергичными чертами лица и серьезностью обращения.

У Яна ван Дорна тоже были две дочери — Рихия и Анни, милые и красивые девушки. Дочери Ринвальда были, бесспорно, красивее, но это нисколько не вредило общей искренней дружбе всех четырех девушек.

Сыновья Яна ван Дорна, Пит и Гендрик, увеселяли все общество своею неистощимую веселостью и богатством фантазии. Сыновья же Ринвальда — Людвиг и Блома — Андрэ, представляли собой цвет интеллигенции, как их отцы являлись во всем караване представителями силы и опыта.

Несколько мальчиков, от пяти до шести лет, и девочек, от семи до двенадцати, довершали семейную картину в повозках, каждая из которых являлась домом одного из трех предводителей каравана.

Ян ван Дорн, Ганс Блом и Клаас Ринвальд, как видит читатель — имена голландские.

Действительно, все они были голландцами, по крайней мере по происхождению. Это были так называемые боеры и, судя по многочисленности стад, заключавших в себе около ста коров и около трехсот баранов (не считая лошадей, быков и телят), богатые боеры, и принадлежали к классу вэ-боеров, т. е. более независимых и образованных, чем другие их соотечественники.

Подобно стокменам Австралии и рэнчменам Западной Америки, вэ-боеры обязаны своим благосостоянием исключительно скотоводству. У них нет оседлых жилищ, и они переходят с места на место в поисках хороших пастбищ. Когда находят место, обещающее обильный корм на более или менее продолжительное время, вэ-

боеры разбивают на нем палатки или устраивают из ветвей шалаши. Но большей частью они так и живут в своих громадных повозках, разделенных на несколько отделений и снабженных всем необходимым. Переселяются они всегда со всей семьей, отыскивая новые пастбища, для чего обыкновенно следуют по течению реки.

Патриархальные нравы и обычаи этих людей дают нам понятие о том, как жили в давно минувшие времена пастушечьи народы. Да еще и поныне сохранились подобные поучительные анахронизмы! Как в настоящее время живут в Трансваале вэ-боеры, так жили когда-то в Малой Азии наши прародители Иаков и Лаван.

Но зачем попали эти вэ-боеры в бесплодную пустыню карру? Самый ближайший город к этому месту, Зупансберг, находится на расстоянии более пятисот километров.

На далекое пространство вокруг не было ни одного поселения белых. Они двигались на север и проходили теперь по земле, принадлежавшей дикому племени тебелов.

По какому же случаю очутились эти голландцы так далеко от обычных своих пастбищ? Стечение каких неблагоприятных обстоятельств выгнало их оттуда?

Поясним это в нескольких словах.

Одно время много говорилось о Трансваальской республике, по случаю попытки англичан присоединить и ее к своим капским владениям. Боеры, обитатели этой страны, завоеванной ими некогда у туземцев, энергично запротестовали против поползновения англичан лишить их независимости. Многие из них собственными руками разрушили свои жилища и отправились искать удобного места для независимой жизни в каком-нибудь другом углу африканской территории, еще так мало населенной и не вполне исследованной. Эти честные, миролюбивые люди предпочитали лучше подвергаться опасностям странствования по неизвестной стране, чем молча смотреть на порабощение своей родины.

Часть этих переселенцев, конечно, погибла в пути вследствие всевозможных лишений и трудностей.

Ян ван Дори, единодушно избранный в предводители каравана, был охотником на жирафов и слонов, и потому он и ранее не раз переходил через границы Трансвааля. Это было, впрочем, еще до его женитьбы, после которой он до описываемого нами времени не двигался с места. Во время одной из своих экскурсий ему удалось выкурить трубку мира с начальником племени тебелей —

Мозелекатсэ. Дикарь и европеец поклялись друг другу в вечной дружбе и заключили одни из тех договоров, которые к нашему стыду, если когда и нарушаются, то обыкновенно не дикарями.

Договор боера и тебела твердо хранился до сих пор и Ян ван Дорн спокойно вел свой караван через землю Мозелекатсэ, пробираясь к месту, еще ранее облюбованному им,— месту, которое по своему плодородию и цветущему виду будет настоящим раем для боеров.

Но для того, чтобы достигнуть этого рая, необходимо было пройти тысячу шестьсот километров по этому ужасному карру, в который только что вошли. Перспектива далеко не утешительная!

Переселенцы рассчитывали, что по дороге им будут попадаться колодцы с водою и озера, но зноем высушило большую часть этих водоемов. Это-то обстоятельство более всего и пугало предводителей каравана.

Насколько было возможно, они ускоряли движение каравана и делали длинные переходы, начиная ночью и кончая утром, т. е. путешествовать днем, под палящими лучами солнца, в этом жарком поясе положительно невозможно.

Ехать же ночью было почти приятно. Полная луна и мириады ярких звезд, сиявших с темно-синего неба, прекрасно освещали путь, избавляя от опасности заблудиться. Боеры, придерживаясь преданий патриархов, шли по течению звезд, как делали когда-то халдейские пастухи. Кроме того их верный проводник, готтентот Смуц, знал карру вдоль и поперек, и потому на него вполне можно было положиться.

Караван двигался по пескам почти без шума, не было слышно даже стука копыт животных, лишь изредка слышались ободряющие или понукающие возгласы людей, правивших повозками, щелканье бича или свист жамбока.

Жамбок или шамбок — тоже род бича, но без ремня. Он весь эластичный, длиною в два метра, толщиною в нижнем конце более дюйма, затем постепенно суживается и кончается острием на подобие иголки. Этот бич покрывает спину животного сетью кровавых рубцов и просекает одним ударом кожу человека. Этим страшным орудием всегда понукают в Африке ленивых животных. Туземцы тоже хорошо знакомы с жамбоком. Самого упорного можно заставить слепо повиноваться одною угрозою побить этим бичом.

Чрезвычайно странное и фантастическое зрелище представляли ночью, посреди пустынного карру, гигантские повозки, с белыми верхами, запряженные длинными перенницами быков. Дикарь принял бы это шествие за какое-нибудь сверхъестественное явление, нечто вроде процессии злых духов.

А между тем этот караван состоял из людей, в сущности не представлявших ничего странного, а, наоборот, олицетворявших собою самые лучшие человеческие свойства. Боеры всегда отличались честностью, добротой, мягкостью и крайнею привязчивостью, и почти все обладали открытою, внушающей полное доверие наружностью. Только один из всадников, ехавших по бокам обоза, составлял исключение. Высокий, костлявый, с жесткими, резкими чертами точно выветрившегося лица, с глубоко лежащими в орбитах острыми черными глазами, под седыми щетинистыми бровями, угрюмый и молчаливый — он был крайне несимпатичен.

Но несмотря на это, предводитель каравана, Ян ван Дорн, относился с уважением и почти дружески к этому человеку, и в затруднительных случаях даже обращался к нему за советом. Звали его Карл де Моор. Ему также отлично был знаком карру, по которому теперь шел караван, и он, действительно, мог дать полезные советы и указания. Отсутствие в нем словоохотливости ставилось ему ван Дорном даже в заслугу, а способ его действий всегда свидетельствовал о замечательной его опытности, сообразительности и неустрашимости.

Боеры почти совершенно не знали его. Когда он просил позволения сопровождать их при переселении, они сначала колебались, не решаясь принять в свою среду человека с такою несимпатичной наружностью. Но Ян ван Дорн, никогда не действовавший наобум, навел о нем справки, и все собранные сведения оказались в пользу Карла де Моора. Его хвалили, говоря, что это человек безусловно честный, безупречного поведения и что семейные несчастья сделали его угрюмым и необщительным.

Действительно, деятельный и угрюмый, Карл де Моор оказал уже не одну услугу каравану, чем и заслужил общее расположение. Понемногу все привыкли спрашивать его мнения и совета во всех делах, как общих, касавшихся всего каравана, так и частных, совершенно личного свойства.

Кроме того он всегда старался умять в глазах своих спутников существующие или предполагаемые опасности, очевидно с целью успокоить и ободрить более трусливых. Таким образом он сделался положительно необходимым.

Незадолго до наступления утренней зари, у боев произошла встреча, которая составила бы выходящее из ряда событие для приезжающих прямо из Европы, но для наших переселенцев она не была особенным сюрпризом.

Они вдруг заметили впереди себя, на расстоянии нескольких сот метров, длинный ряд надвигавшихся на них гигантских животных. Это было стадо слонов. Ни малейший шум не предвещал их приближения.

Несмотря на свою массивность, слон ходит почти также тихо, как кошка и по обыкновенной дороге, а по пескам карру и подавно.

Эти неуклюжие и толстокожие животные уходили по грудь в мелкий кустарник и в высокую пожелтевшую и высохшую траву пустыни. Они точно скользили, подталкиваемые какою-то постороннею силою, а не шли. При свете луны эти громадные существа, двигавшиеся подобно теням, казались игрою расстроенного воображения.

— Слоны!... Целое стадо слонов!.....

Эти восклицания передавались от одного всадника к другому, из повозки стали показываться заспанные лица.

Представившееся глазам переселенцев зрелище действительно заслуживало внимания и вызвало среди молодых людей не одно любопытство, но и другое чувство.

— Видеть перед собою столько слоновой кости и не иметь возможности воспользоваться ею,— это просто обидно! — заметил Людвиг Ринвальд.

— Вероятно, существует опасность — проговорил Андрэ Блом,— бааз прислал проводника Смуца сказать, чтобы мы ехали возле самых повозок и двигались как можно тише, отнюдь не выказывая этим четвероногим гигантам никаких враждебных намерений.

— Бааз слишком уже осторожен! — молвил со вздохом Людвиг. Может быть он не доверяет нашей молодости? Но я уверен, что если бы мы хоть раз заявили себя хорошими охотниками, он позволил бы нам атаковать хотя бы одно из этих животных. Ведь вот идут же некоторые из них немного в стороне от стада. Я, ты,

NO. 1
1894
1894
1894

Гендрик и Пит, вчетвером мы отлично бы справились с тем лентяем, что плетется позади всех.

— Не стоит и говорить об этом, — бааз все равно не позволит — сказал Андрэ Блом.

— Ну да, я и говорю, что он боится, как бы такая крупная дичь не напугала таких юных охотников, как мы.... Эх, если бы у меня хватило смелости идти к баазу!... Будь я его сыном.....

И выразительный взгляд, брошенный Людвигом Ринвальдом на Гендрика и Пита ван Дорнов, досказал его мысль. Гендрик только пожал плечами при этом намеке. В душе он вполне сочувствовал Людвигу, и отданный отцом приказ сильно раздосадовал его, но он знал, что Ян ван Дорн никогда не отменял однажды сделанного распоряжения. Поэтому просить об отмене его — значило подвергать себя напрасному выговору.

Пит же, более пылкий и решительный и, вдобавок, считавший себя уже достаточно взрослым, соскользнул с лошади, бросил поводья Людвигу Ринвальду и побежал просить у отца позволения поохотиться с товарищами хотя бы на одного слона. Но едва он начал говорить, как лицо Яна ван Дорна приняло выражение суровой непреклонности.

— Я вижу, — строго сказал он, — что вы действительно еще дети. Вы даете дурной пример вашей глупой просьбой о разрешении вам нарушить приказ, отданный для всех, и кроме того, вы выказываете полное непонимание того, о чем просите. Вы воображаете, что можете «сразить» из ваших новых ружей слона так, что другие этого не заметят. Вы говорите, что будете охотиться только на одинокого, плетушегося сзади, животного. Поясню тебе всю глупость вашей безрассудной просьбы примером. Представьте себе, что кто-нибудь из нас отстал бы и на него напали бы, ведь тогда мы не оставили бы его без помощи, не так ли? Ну, и слоны едва ли дадут товарищу погибнуть без помощи. Попробуйте сделать хоть один выстрел — в один миг разъяренные животные разнесут в щепки наши повозки, да и мы сами едва ли уцелеем. Со слонами шутить нельзя. Благодарите судьбу, если между этими великанами не окажется таких же сумасбродных голов, как вы. Обыкновенно слоны, к стыду нашему, настолько благородны и умны, что не злоупотребляют своей силой, подобно нам, и очень редко нападают на тех, кто не выказывает намерения

нанести им вред. Но ведь могут и между ними быть дураки, особенно из молодых, — поручиться за это нельзя. Мне вижу, что с самого начала нашей экспедиции вы, юнны, физически стараетесь «отличиться», чтобы и вас считали за «мужчин». Однако, если вы будете действовать бесприсудно, вас не скоро еще признают... большими. Настоящая храбрость состоит не в том, чтобы лезть в опасность, очертя голову, а в том, чтобы, не теряясь, стараться избегать ее. Понял?... Отправляйся теперь к своим товарищам и расскажи им все, что слышал от меня.

Пит, выслушав нравоучение отца, в котором ясно слышалась насмешливость, покраснел, как вареный рак и понурил голову. Брат и товарищи не стали расспрашивать его, когда он возвратился к ним: результат посольства ясно выразался на смущенной физиономии Пита.

Между тем слоны уже подошли близко. Вид ли поволок смутил их или, благодаря принятой баазом предосторожности, они оценили по достоинству скромность людей и сами пожелали выказать свою благовоспитанность — так или иначе, но серые гиганты вежливо свернули в сторону, даже не остановившись, так что оба шествия, столь различные по своему составу, мирно продолжали путь — одно на север, другое на юг. С восходом солнца слоны были уже далеко.

Несмотря на долгий ночной переход, боеры не сделали привала в это утро. Им нельзя было останавливаться, пока не найдут воды. Жажда уже давно томила и их и животных, но во что бы ни стало необходимо было идти вперед и добраться до воды.

— Не унывайте! — поочередно твердили проводник Смук, Карл де Моор, и Ян ван Дорн. — Мы скоро должны встретить какую-нибудь лужу. Не может быть, чтобы вода высохла на всем нашем пути!

Но — увы! — на местах, где должна была быть вода, находили только сырой песок. Без воды отдых невыносим. Люди и животные начинали изнемогать от жажды. Нужно было искать воду и найти ее ценою каких бы то ни было усилий! Кто никогда не бывал в пустыне и не страдал от жажды, тот и представить себе не может, какую цену имеет там вода!

Готтентоты и кафры, служившие в караване, страдали более других за неизменением обуви. Хотя от привычки с рождения ходить босиком подошвы их ног и сделались

как деревянные, но тем не менее раскаленный песок жег им ноги, а колючие растения раздирали кожу. Чтобы несколько облегчить свои страдания, они обвязывали ноги травой и смачивали ее соком молочая и другого подходящего растения.

Каждую минуту зной становился нестерпимее. Пот лил градом с людей и с животных, раскаленный песок жег как огонь.

Если бы измученные переселенцы еще способны были воспринять и оценить комический элемент, неразлучный со многими трагическими положениями, то они от души посмеялись бы, глядя на собак, принявших удивительно наивный способ для возобновления своих сил. Они пускались в галоп, опережали караван на несколько сот шагов, ложились на брюхо под каким-нибудь жалким кустом и расставив все четыре лапы и высунув язык, принимались дышать во все легкие, пока караван не проходил мимо них. Пропустив шествие, они нехотя вставали, с сожалением оглядывали место своего отдыха и, испустив жалобный вой, снова неслись мимо каравана на новое место для минутного отдыха. Таким образом они повторяли этот маневр всю дорогу. И смешно и грустно было смотреть на бедных животных!

Днем в караване не было той тишины, какая царствовала ночью. В повозках дети тихо плакали или стонали, смотря по характеру. Матери и старшие сестры старались утешать их. Вне повозки раздавался раздрающий душу концерт ревущих быков, мычащих коров и телят, и блеющих баранов.

Час проходил за часом, не принося никакого облегчения, напротив, постепенно усиливая страдания каравана. Отвесные лучи солнца вонзались, точно стрелы, в тело и, в довершение мучений, местность, по которой теперь двигались, была сплошь покрыта мелкими колючими порослями, до крови раздиравшими босые ноги кафров, готтентотов и даже животных.

Благодаря этому новому препятствию, уже не представлялось возможности проходить по пяти километров в час, что при путешествиях по Южной Африке считается самым меньшим.

Эта медлительность сильно беспокоила бааза, тем более, что переходу не виделось и конца. Впрочем, его пока поддерживала еще надежда, внушенная Смуцом и Карлом де Моором. Они уверяли, что в километрах пят-

надцати или восемнадцати находится никогда не пересыхающее озеро, но, при медленном движении каравана оставалось еще по крайней мере часа четыре до того озера. Это была страшная пытка при том состоянии, в котором все находились. Люди и животные готовы были каждую минуту свалиться с ног.

А между тем идти вперед заставляла крайняя необходимость, иначе пришлось бы погибнуть от зноя и жажды среди пустыни. И волей-неволей шли, напрягая последние силы.

Глава 2

СТЫЧКА СО ЛЬВАМИ

Наконец путешественники увидели на горизонте темное пятно, все увеличивавшееся по мере того, как к нему приближались.

— Вот и влей! — воскликнул проводник Смуц. «Влей» значило озеро, так нетерпеливо ожидаемое, оазис в этой песчаной пустыни.

При одном этом слове весь караван оживился. Пешеходы прибавили шагу, животные, инстинктивно почуявшие близость отдыха, тоже пошли быстрее и не нуждались более в понуканиях. Последние километры живо были пройдены.

Но — увы! — надежда и на этот раз обманула боевров: это озеро так же как и предыдущее оказалось высохшим даже еще более, так что на дне его не осталось ни капли влаги, вместо светлых струй и волн было лишь скопище миловидных гольшей, покрытых слоем белой пыли, резавшей глаза своим блеском в лучах заходящего солнца.

Карл де Моор и Смуц уверяли, что возле озера будет и тень, но это тоже оказалось мечтою. Деревья, окружавшие впадину, где когда-то существовало озеро, были из тех, что дают тени не более проволочной решетки. Это были так называемые мопаны, из семейства «бангиний». Подобно австралийскому эвкалиптусу, листья их поднимаются вверх. Солнечные лучи скользят по этим листьям, так что самое густое дерево описанной породы не дает никакой тени.

Трудно описать горькое разочарование несчастных

переселенцев! Они молча перекидывались скорбными взглядами. Кричали лишь дети, усугубляя страдания взрослых, да ревели животные.

Смуц и Карл де Моор старались утешать окончательно выбившихся из сил путешественников уверениями, что немного далее есть другое озеро, несравненно более глубокое и потому едва ли успевшее совершенно высохнуть. Но их почти и не слушали. На всех лицах выражались только полная безнадежность и глубокое отчаяние. Было очевидно, что большая часть страдальцев предпочла бы лучше отдохнуть хоть под мопанами, нежели продолжать утомительный путь.

— Оставаясь здесь, мы ничего не выиграем, — говорил бааз. — Двинемся же далее. Еще несколько шагов — и мы будем у цели. Озеро само не может прийти к нам, и потому мы должны идти к нему.

Карл де Моор хотел тоже сказать что-то, но тут вдруг случилось нечто неожиданное, поразившее и его самого.

Несколько в стороне от высохшего озера деревья составляли довольно густую чащу. Из этой чащи вдруг раздались звуки, от которых одинаково задрожали и люди и животные. Звуки эти, как громовые раскаты, пронеслись по окрестностям и невольно заставили оледенеть сердца даже у людей, уже привыкших к ним. Словом, раздалось страшное львиное рычание, которое сразу узнается даже слышащими его первый раз в жизни.

Рычало сразу по крайней мере двадцать львов, составляя дикий, нестройный концерт. Казалось, каждый из них старался перешеголять собрата силой и выразительностью своего голоса.

Несмотря на свое испытанное уже во многих опасностях мужество, боеры чуть было не упали духом при мысли о близких, хотя и сидевших в крепких повозках, но слишком, конечно, мало защищенных от страшных врагов, если тем вздумается штурмовать передвижные дома, заграждавшие им путь.

Все верховые, включая и молодых людей, мгновенно спешились и, осмотрев свои ружья, выстроились в одну линию возле повозок.

Весь караван пришел в страшное смятение. Испуганные животные все до одного разбежались бы куда глаза глядят, если бы не были крепко привязаны. С взъерошенною шерстью, с дрожащими ноздрями, с тревожно

беспокойными глазами и наостренными ушами они тщетно пытались освободиться, между тем как их проводники протискивались под повозки. Ни у кафров, ни у готтентотов не было никакого оружия. В обыкновенное время они не имели в нем нужды для охранения вверенных им стад, и в пути Ян ван Дорн тоже не нашел нужным снабдить их оружием. Он опасался, как бы эти люди не сумели взбунтоваться дорогою, если представятся слишком уж сильные испытания.

Грозные враги не замедлили приблизиться и начали одновременно выступать из-за деревьев. Они шли к каравану прямо, но большими зигзагами. Судя по страшному реву, от которого буквально мороз продираал по коже и все живое пряталось, куда можно, страшные звери были очень голодны, а потому и находились, конечно, в самом сиренном настроении. Если бы им вздумалось сразу начать дружную атаку, то, без сомнения, погибли бы все боеры и во всяком случае лишились бы половины стада скота.

Но, к счастью для переселенцев, лев, следуя своему кошачьему инстинкту, никогда не бросается зря, не изучив предварительно своего противника.

Вид повозок, представлявших для этих диких царей новую совершенную новинку, очевидно, смутил их. Они не легли на землю, с целью хорошенько рассмотреть эти диковинные штуки и сообразить, что бы это могло быть.

Ободренные тем, что ни повозки, ни окружавшие их люди не двигались, львы стали приближаться ползком.

Боеры только этого и ждали. Подпустив к себе зверей на выстрел, они сделали по ним дружный залп. Грохот выстрелов заставил умолкнуть рев этих величественных «кошек». Несколько львов было убито на месте.

Не давая времени зверям опомниться, боеры сделали новый залп. Когда рассеялся дым от выстрелов, видно было, как около десятка раненых львов тащилось назад, под защиту деревьев, оставляя за собою широкие кровавые следы; остальные валялись на песке в предсмертных судорогах.

Боеры и их слуги вздохнули с облегчением и огласили воздух радостными криками.

Победа была полная. Боеры не понесли ни малейшего урона. Бааз не ожидал, чтобы стычка с таким опасным неприятелем обошлась благополучно, и едва верил глазам.

Ну, дешево отделались, слава Богу! — воскликнул он. Теперь опасность миновала. Остается лишь снять шкуры с наших мертвых противников. Они останутся у нас на память, в виде трофеев... Принимайтесь-ка за дело, юнши, — добавил он, обращаясь к своим сыновьям и их товарищам. — Кстати, я должен сказать, что вы держали себя отлично — настоящими молодцами. Таким самокровием и такую выдержкою отличаются только вполне опытные охотники. Даже и ты, Пит, превзошел самого себя на этот раз.

Пит смутился и покраснел от похвалы отца еще больше, нежели раньше от его выговора. Удостоверившись одним взглядом на повозку Ринвальда, что там слышались лестный для него отзыв бааза, он последовал за своими товарищами, которые уже бросились сдирать шкуры с убитых зверей.

Обменявшись с членами семей выражениями радости по поводу блестящей победы и поговорив с ними о всех подробностях неожиданной встречи, боеры принялись обсуждать это событие между собою.

Я сосчитал число убитых зверей. Оказывается, мы убили одиннадцать штук, — сказал Ганс Блом.

Я никак не пойму, что значило это скопище львов, — заметил Ринвальд. — Обыкновенно эти гордые животные живут в одиночку. Они никогда не сходятся в большие стаи. У них и характер самый неподходящий для общезития.

— Засуха, вероятно, согнала их вместе, — проговорил бааз. — Должно быть, этот влей служил раньше водоемом для всех окрестных пустынно-жителей.

Очень может быть, — заметил Карл де Моор, несколько минут бродивший под деревьями. — Я вижу здесь много остовов буйволов и антилоп, обчищенных до последней возможности. Очевидно, жвачные все погибли уже от засухи. Остались лишь плотоядные. Если бы мы не покончили несколькими меткими выстрелами мучения этих проголодавшихся «царей пустыни», то им пришлось бы, в конце концов, съесть друг друга.

Судя по худобе трупов, львы, действительно, должны были быть очень голодны. Продолжительность их голодовки доказывалась тем, что они решились сойтись вместе целой стаей.

Одна минута колебания боеров, малейшая их оплошность и немного более смелости со стороны львов — и от

всего каравана не осталось бы почти ничего: одни из животных были бы съедены голодными зверями, другие разбежались бы в разные стороны и погибли бы в пустыне.

Молодые люди сняли шкуры только с пяти львов — наиболее красивые и лучше других сохранившиеся. Эти трофеи они принесли с видом такого торжества, точно покорили полмира.

— Разве вы боитесь посмотреть на эти прекрасные шкуры, Катринка? — спросил Пит старшую дочь Ринвальда, которая, несмотря на просьбы братьев, ни за что не соглашалась выйти из повозки, пока ее не вытащила оттуда сестра Мейстя.

— Вовсе нет, — ответила девушка, — чего мне бояться шкур!.. Я, просто, молилась сейчас, благодарила Бога за избавление нас от такой страшной опасности. Спасибо и вам всем за то, что вы так мужественно защищали нас.

Полюбовавшись на действительно великолепную шкуру, разостланную Питом у ее ног, молодая девушка с грустной улыбкою добавила:

— Бедные львы! Встретившись с нами на собственную погибель, они заставили нас забыть о нашей жажде и облегчили этим отчасти наши страдания.

— Да, это верно! Это справедливо! Катринка всегда права! — послышалось из других повозок.

Да, таково уж свойство человека. Он забывает о своем страдании, если противовесом является другое, более сильное чувство. Катринка, очевидно, поняла это.

Глава 3

ЯДОВИТЫЕ ТЮЛЬПАНЫ

Продолжать ли немедленно путь или продлить задержанную львами стоянку до полуночи? Вопрос этот долго обсуждался баазом и двумя его приятелями. Наконец, они решили, что лучше сейчас же двинуться далее на поиски другого озера, которое, по словам Карла де Моора и Смуга, должно находиться поблизости. День уже склонялся к вечеру, зной уменьшался, и потому идти в это время было гораздо легче, чем утром.

Однако, Карл де Моор неожиданно высказался против намерения боеров.

Я нахожу,— заявил он,— что нужно подождать еще часа два. После всего перенесенного нами сегодня более разумнее было бы отдохнуть и собраться со всеми силами, прежде чем пускаться снова в путь. Слухи наши дрожат как в лихорадке и почти не в состоянии держаться на ногах... Да вот и мадмуазель Катринка вся белая от волнения и испуга.

От испуга?! — воскликнула девушка. — Ну, нет! Мне вовсе не из робких и не так легко пугаюсь. Будь у меня ружье, я бы доказала вам, что и девушка может быть мужественной и хладнокровной. К сожалению, отец не желает доверить мне ружья... Ведь это обидно, не правда ли? — прибавила она, мило надув губки и обращаясь к Питу ван Дорну, все еще стоявшему возле нее.

— Не могу не одобрить осторожности господина Ринвальда, хотя вы, быть может, и рассердитесь на меня за это,— ответил молодой человек. — Ваши руки созданы вовсе не для того, чтобы управляться с ружьем. Вы можете поранить себя, а это очень огорчило бы ваших родных и... друзей, не говоря уже о том, что лишило бы нас удовольствия защищать вас.

Господи, как самолюбивы эти молодые люди! — со смехом заметила Анни ван Дори, прибежавшая из своей повозки. — Они придираются к слову, чтобы напомнить о своих услугах... напрашиваются на благодарность. Сознайся все-таки, Пит, что девушкам в нашем положении вовсе не мешает уметь стрелять.

Конечно, нет,— подхватила Катринка, обрадованная этой дружеской поддержкой. — Я желаю иметь ружье совсем не для того, чтобы рисоваться или перенимать мужские манеры, как делают некоторые женщины в Роттердаме или Гаарлеме, а особенно в Америке. Я нахожу это глупым и неприличным, если это является только последствием желания выделиться из своей среды, обратить на себя внимание. Но в пустыне, где на каждом шагу угрожают опасности, необходимо, чтобы все женщины и девушки могли способствовать общей защите. Повторяю, что по крайней мере у меня хватит на это мужества.

Ну, а у меня не хватит,— сказала Мейстья, сконфуженно улыбаясь. — Признаюсь откровенно, я ужасная трусиха... Когда раздался рев львов, я забилась в угол повозки и заткнула себе уши, чтобы ничего не слышать... Потом, когда вы начали стрелять, я чуть не умерла от

страха и все кричала, чтобы вы перестали, не соображая в ту минуту, что вы делаете это для нашего же спасения... Как видите, я уступаю Катринке привилегию на храбрость.

Пока молодежь оживленно болтала, совет старших окончился. Несмотря на убеждения Карла де Моора отдохнуть еще немного, бааз приказал двинуться далее.

Он хорошо сделал, отдав это приказание. Кустарники скрывал в своей чаще врага, который мог повредить переселенцам несравненно более диких зверей. С последними боеры еще могли справляться, но против первого у них не было средств для защиты. Между тем враг этот был с виду очень незначителен. Это было растение, похожее на порей и образовавшее из своих нежно-зеленых листьев густой ковер под деревьями.

Растение это, свойственное тропическим странам, имеет вид тюльпана и очень походит своими листьями и цветами на обыкновенный тюльпан; оно принадлежит к семейству ирисов и к роду морея (*Morea*).

На первый взгляд это описание может показаться клеветой на бедное растение. Однако, в нем скрыт страшный яд, быстро убивающий травоядных животных.

Почти вслед за бегством последнего раненого льва, проголодавшиеся бараны кинулись под деревья искать себе пищи. Пастухи, столпившиеся в кучу и с увлечением обсуждавшие происшествие со львами, не обратили внимания, на что так жадно набросились жирнохвостки. Им даже и в голову не приходило посмотреть, нет ли в кустарнике ядовитого тюльпана, существование которого хорошо было известно всем трансваальским боерам, так как редкое стадо у них не терпит по временам урона от этого растения.

Проницательные глаза Карла де Моора отлично видели пучки тюльпана вперемежку с другою травой. Он даже весело улыбался, глядя, с какою алчностью бараны пожирали привлекательное и сочное на вид растение.

«Вот и отлично! — злорадно подумал он, — часть моей задачи совершается сама собою, без моего содействия».

Лицо его моментально приняло обычное угрюмое и бесстрастное выражение, когда бааз заметил, наконец, присутствие вредного растения, и Карл де Моор сейчас же выказал более всех сожаления, усердно помогая отгонять от ядовитого тюльпана несчастных животных.

— Собирайте скорее баранов! — кричал Ян ван Дорн. — Гоните их, иначе они все перетравятся.

Началась страшная суматоха. Все принялись сгонять глупых жирнохвосток криками и ударами бича. Более всех суетились, конечно, пастухи, виновные в плохом присмотре за животными. Не мало помогали им и собаки, лаявшие изо всех сил и хватавшие баранов за ноги.

Наконец, все жирнохвостки были собраны к повозкам.

— Поздно! — грустно проговорил Клаас Ринвальд. — Достаточно съесть несколько листков, чтобы отравиться. Остается только надежда, что не все ели тюльпаны, там ведь есть и другие растения.

— Ну, на это плохая надежда, — со вздохом сказал Ганс Блом. — Стоит ли уж вести за собою это стадо? Все равно оно дорогою передохнет.

— Погодите! — воскликнул Ян ван Дорн, — может быть, часть и останется жива, а это все-таки лучше, чем ничего. Напрасно вы так скоро приходите в отчаяние. Это не годится в нашем положении.

По его распоряжению бараны снова заняли свое место посреди остального стада, и караван поспешил удалиться от места, где все так ему не благоприятствовало.

Всем было не по себе. Все шли или ехали, опустив головы и предаваясь невеселым размышлениям. Над всеми точно нависла грозная туча мрачных предчувствий...

Бараны, действительно, были обречены и падали один за другим. Конечно, это было обидно, но Ян ван Дорн совершенно резонно говорил, что отчаиваться из-за этого не следовало.

— Продли мы еще немного стоянку, — сказал он, — мы могли бы лишиться и лошадей и коров, а это уж была бы непоправимая беда.

— Еще бы! — проговорил Ринвальд. — Остаться в пустыне без лошадей... Одна мысль о возможности такого несчастья приводит меня в ужас.

— Само Провидение спасло нас, — продолжал Ян ван Дорн. — Мы жаловались на отсутствие воды, но будь там вода, мы расположились бы на ночь и утром лишились бы всех своих животных. Тогда и нам оставалось бы только умереть!..

Между тем, солнце уходило за горизонт, и вечерняя свежесть начала оживлять измученных и истощенных путешественников.

Наконец, показалась луна и сразу разогнала наступивший было мрак.

Караван пошел быстрее. Около полуночи добрались до второго озера. При первом взгляде и оно казалось совершенно высохшим. Неужели новое разочарование? Нет! Ближайший осмотр показал, что на дне его, в ложбинках, еще сохранилась чистая и прозрачная, как кристалл, вода, отражавшая, точно в зеркале, сияние звезд и луны.

Эти ложбинки были вырыты ногами животных, устроивших себе таким образом колодцы.

Писатели часто говорят об инстинкте животных — и не напрасно. В данном, например, случае этот инстинкт прямо напоминает человеческую предусмотрительность. Сколько бы можно привести примеров подобной дальновидности этих низших существ, инстинкт которых заменяет им разум, и привычки которых большинством из нас обыкновенно презираются, по нежеланию внимательно взглянуть на них!

С поспешностью людей, томившихся жаждою в течение целых суток, боеры углубили и расширили один из подосмов, так чтобы в него собралась драгоценная влага из остальных ложбин.

Громадного труда стоило воспрепятствовать животным броситься сразу к воде. Почувяв ее близость, они точно взбесились. Удержать их почти не представлялось возможности, а между тем это было необходимо до тех пор, пока не наберется достаточно воды для людей. Стало измучило бы ее сразу, и тогда пришлось бы долго ждать, пока она снова отстоится.

Поднялось невообразимое мычание, ржание, бляение. Наконец, все эти разнообразные выражения нетерпения перешли в один сплошной оглушительный рев.

Некоторые из животных прорывали составленную вокруг них живую цепь людей и бросались к воде. Но там тоже стояла стража, которая не допускала их прямо к имам.

Когда, наконец, переселенцы сами напились и запаслись водою, пастухи стали поить и животных из тростниковых ведер, имевшихся с собою.

Эти ведра, известные у кафров под названием «мочочных корзин», отличаются особенною легкостью, ради которой они охотно применяются в дороге вместо железных или деревянных. Делают их из стеблей биперуса,

родственного бумажному тростнику. Стебли этого растения сплетаются и потом сшиваются так крепко, что по высушке вода не может пройти сквозь них. Кафры употребляют такие ведра вместо подойников. Когда молоко из них выливается, пастухи предоставляют своим собакам вылизывать их дочиста. Эта чистка довершается общезвестным насекомым — тараканом, высасывающим остатки молока, застрявшие в плетенке. Кафры находят услуги тараканов настолько полезными, что, устраиваясь по-хозяйственному или переходя из старых хижин в новые, обязательно берут с собою колонию этих насекомых.

Утолив жажду, переселенцы тотчас же повалились на отдых. По распоряжению бааза, были назначены часовые, которые должны были сменять друг друга каждый час.

На этот раз даже не сделали загородки для скота, находя это излишним, так как и животные, измученные не менее людей длинным переходом, едва ли будут иметь поползновение убежать. Да и вообще в дороге все стадо смотрело на повозки как на дома своих хозяев и всегда группировалось около них, инстинктивно понимая, что ему тут всего безопаснее от нападения хищных зверей.

Кроме того животные еще находились под влиянием испуга, навеянного встречей со львами. Они всю эту ночь дрожали при малейшем шуме. Особенный ужас наводил на них резкий голос гнен, завывавших издали, но не осмеливавшихся приблизиться по своей крайней, вошедшей даже в пословицу, трусости.

По временам доносился и львиный рев. Встревоженный этими зловещими звуками, которых столько слышался еще днем, проводник Смуц, стоявший на часах, все порывался разбудить бааза и спросить его, находит ли он два костра, разложенные на противоположных концах бивуака, достаточную охрану против вторичного нападения зверей. Долго он крепился, наконец не утерпел и разбудил начальника каравана.

— По-моему довольно, — сказал Ян ван Дорн, прислушиваясь к отдаленному реву. — Звери далеко отсюда. Положим, тут достаточно еще воды, чтобы привлечь сюда коуаггов, зебр и других животных, составляющих обыкновенно добычу львов и потому привлекающих их, но костры настолько ярки, что, глядя на них, ни один лев не решится подойти к нашей стоянке. О других же,

более трусливых зверях и говорить не стоит. Не беспокойся, Смуц, в эту ночь нечего бояться.

Пит, спавший рядом с отцом, слышал этот разговор и добавил со своей стороны:

— Это львы оплакивают своих собратьев, убитых нашими роерами; они справляют тризну по павшим на поле битвы. Эхо вторит им, отчего выходит еще жалобнее. Впрочем, может быть, они и предупреждают нас, чтобы мы не слишком гордились своей победой, и своим речом дают нам знать, что они не все еще перебиты нами. Во всяком случае пока они держатся от нас в отдалении, опасаться нечего, а когда им вздумается подойти поближе, предупредите нас. Мой роер тщательно зарижен. Я уже успел отдохнуть и снова готов...

— Ну, довольно, перестань, Пит! — перебил его баит, с невольной улыбкой слушавший фантазирование сына. — Спи, пока можно. А ты, Смуц, гляди в оба!

Ночь прошла спокойно, без всяких нападений. Поздно утром, после скудного завтрака, путешественники двинулись далее.

Глава 4

ПОД МОВАНОЙ

Два дня спустя каравану пришлось устроить стоянку под одним из тех гигантских баобабов, которые в Южной Африке называются мованами. Боеры, наконец, окончили свой скучный, утомительный и опасный переход через пустынный карру и теперь рассчитывали простоять лагерем несколько дней, чтобы как следует отдохнуть, прежде чем продолжать путь далее на север.

Трудно было найти более прекрасное и удобное место для стоянки. Великолепные пастбища, обилие тени и воды, масса топлива и материала для костров — все было под рукою. Широкая река прозрачною лентою и красивыми изгибами вилась на далекое расстояние, а по обе ее стороны, до самого горизонта, расстилались зеленые цветущие луга, на которых скот мог всласть отъестся после продолжительной голодовки в пустыне.

На ночь вся скотина собиралась в обширный загон, и лошади привязывались к нарочно врытым в землю столбам.

В стаде не было более ни одного барана — все пали горюю жертвами страшного тюльпана. Пали они не сразу, а понемногу, смотря по степени отравления. Труны их могли бы указать путь, по которому прошел караван, если бы не были уничтожены шакалами, гиенами и коршунами, не упускающими никакой падали.

После того как голые пески пустыни слепили переселенцам глаза своим резким блеском под лучами солнца, боеры теперь более всего радовались тени. Конечно, одной тени было бы для них недостаточно, если бы не имелось и других удобств — воды и лугов. При наличности же этого тень казалась уже такою роскошью, о которой переселенцы ранее и мечтать не смели.

Мована, или баобаб — один из самых крупных видов растительного царства, но зато его высота не соответствует толщине и раскиданности ветвей, так что он издали представляет как бы зеленый шатер.

Высушенные и истолченные в порошок листья этого дерева служат лечебным средством против некоторых болезней — лихорадок, дизентерии и т. п. Плод его, несколько кисловатый на вкус, очень ценится туземцами. Вообще мована — незаменимое в тропиках дерево.

Тот экземпляр мованы, под которым расположился караван, давал тень и прохладу метров на сорок пять с лишком в окружности.

Под таким шатром боерам нечего было бояться зноя.

Было позднее утро. В лагере, окруженном высокою игородью из колючек, кипела жизнь.

На натянутых по ветвям дерева веревках сушилось только что выстиранное белье. Все, что имелось в повозках, было вынесено и подвергалось тщательной чистке, как и сами повозки.

Молодые девушки бегали взад и вперед, деятельно помогая своим матерям и прислуге, и перекидывались шутками, оглашая воздух веселыми песнями и звонким хохотом.

Во всем караване не было ни одного праздного человека — все были заняты по горло, пользуясь возможностью привести в порядок все то, что было запущено в дороге.

Одни чинили конскую сбрую, седла и попоны, другие исправляли колеса, оси и прочие пострадавшие части подвижного состава. Для починки колес применялся способ, очень употребительный в Южной Африке. Испор-

ченное колесо просто-напросто обтягивается размоченною в воде шкурою какого-нибудь животного. Никаких предварительных подготовлений для этого не требуется: шкура высыхает и стягивается, сжимая дерево крепче всяких железных обручей.

Некоторые из готтентотов готовили вел-шенены, т. е. башмаки из недубленной кожи, сшиваемые тонкими ремешками вместо дратвы. Обувь эта предназначалась для боеров.

Готтентоты — специалисты по изготовлению этой обуви. Многие из них достигают такой ловкости, что делают пару вел-шененов в два часа.

Когда внутри повозок все было приведено в порядок, женщины принялись за другие дела.

Госпожа ван Дорн, заведывавшая молочным хозяйством, отправилась на луг, где паслись коровы. За нею следовали обе ее дочери, Рихия и Анни, и несколько кафров с тростниковыми ведрами.

Госпожа Ринвальд с дочерьми, Катринкою и Мейстейей, занялись шитьем. Шили все очень усердно, причем обе молодые девушки пели, услаждая слух матери.

Госпожа Блом управляла кухней. Ей помогали две добродушные негритянки. В настоящую минуту готовился второй, более плотный завтрак, потому что первый состоял только из кофе и хлеба.

Очаг, на котором стряпала госпожа Блом, был весьма своеобразный, не имевший ничего общего со всеми теми приспособлениями, которыми так гордится Европа. Такими очагами, устроенными без всякого содействия со стороны людей, пользуются только в Южной Африке, а более нигде. Это, попросту, — покинутое жилище белых муравьев, состоящее из смеси затверделой грязи и какой-то студенистой массы. Вокруг места стоянки каравана находилось множество таких покинутых конусообразных муравейников.

— Не одни мы переселяемся! — воскликнул Пит, когда увидел эту опустевшую колонию. — Среди насекомых тоже, вероятно, есть свои англичане, выгнавшие отсюда бедных термитов.

Никто не ответил на это шутовское замечание. Но какова бы ни была причина бегства муравьев, боеры с удовольствием воспользовались плодами трудов этих смысленных и трудолюбивых насекомых.

На этих пылающих очагах кипели и шипели котлы,

соевороды, кастрюли, испуская раздражающий аппетит, запах. Хотя гастрономы, не привыкшие к трансваальской кухне, пожалуй и не удовлетворились бы ею. Обыкновенно жарился в сала бараньего хвоста кусок антилопы. Были, правда, и супы, и разные приправы, но все очень простое.

Понятное дело, бараньи хвосты, употреблявшиеся для кушаний, не принадлежали отравленным, павшим животным, а были взяты боерами еще из дому.

Голландские колонии в Африке много потребляют этого сала, заменяющего им масло. Хотя оно и обладает горьковатым вкусом, неприятным для непривычных, но боеры находят его превосходным.

Распространяемый им из кухни госпожи Блом запах действовал так соблазнительно, что проголодавшиеся переселенцы сами сбежались, не дожидаясь особых приглашений.

Каждый сел там, где ему вздумалось,— кто уселся прямо на траву, кто взгромоздился на кучу седел, брошенных на месте их починки. Дети уселись было в кружок возле большой миски, но сейчас же вскочили и забегали, чтобы услужить старшим: кому принести вторичную порцию супа, хлеба или жаркого, кому подать чашку кофе, кому воды.

Молодые девушки сначала накормили слуг, о которых заботились более, чем о себе, а потом пошли благодарить Гендрика, Пита и Андрэ, устроивших им тем временем удобное сиденье на сухом пне, устлав его полдюжиною пледов.

— А я разве менее других заслужил благодарность? — с улыбкой спросил Людвиг Ринвальд.

— Не только менее других, но и вовсе не заслужил ее, — сказала его сестра Катринка. — Ты ведь здесь ровно не причем. Я не знала раньше, для кого готовится это роскошное седалище, но видела, как Гендрик, Пит и Андрэ тащили сюда этот пень, а потом бегали за пледами и устилали его. Один ты не помогал им, а сидел возле бааза и важничал, воображая и себя «особою».

— Вот тут и старайся заслужить благодарность! — с комическим ужасом воскликнул Людвиг. — Впрочем, удивляться нечему. Я был бы первым братом, которому сестра отдала бы дань справедливости... На этот раз я протестую. Знайте, благородные девицы, что именно мне вы и обязаны тем, за что благодарите других. Мысль об

устройстве для вас удобного сиденья принадлежит всецело мне. Пит, Гендрик и Андрэ только исполнили то, что я им посоветовал. Кто осмелится отрицать это?

— Никто, никто, будь покоен! — ответили хором приятели Людвиг.

Молодые девушки весело смеялись.

— Следовательно, — продолжал Людвиг Ринвальд, — меня нужно благодарить больше, нежели моих товарищей, потому что голова, дающая известную мысль, важнее рук, приводящих эту мысль в исполнение. Вообще, мне думается, выдумать что-нибудь важнее, нежели...

— Ну, хорошо, хорошо, — перебила Рихия ван Дорн, — мы извиняемся и изъявляем вам, господин Людвиг, нашу глубочайшую признательность за вашу удачную мысль об устройстве нам такого прекрасного сиденья.

Мейстья Ринвальд, сидевшая рядом с Рихией, толкнула ее локтем и, сделав притворно сердитое лицо, сказала:

— Напрасно ты так балуешь моего брата. Он теперь возмечтает о себе... По твоей милости пропал прекрасный случай победить его. Ведь ты хорошо знаешь, что ему нужно только твое одобрение, наше же для него безразлично. Если бы ты промолчала, он подумал бы, что ты сердиться на него вместе с нами за то, что он не участвовал в заботах наших друзей, о нас, и мы могли бы добиться от него кое-чего другого. Мне вот, например, очень хотелось бы попробовать, в виде десерта, плодов этого почтенного баобаба, защищающего нас своею тенью. Они висят слишком высоко, и нам самим не достать их. Если б ты не испортила дела своею непрошеной благодарностью, мы бы потребовали от Людвига достать нам этих плодов. А теперь он наверное так возгордился, что едва ли исполнит нашу просьбу.

Смущенная Рихия на всю эту речь Мействии только и нашлась сказать:

— Какая ты сегодня злая, Мейстья!

Рихии очень хотелось знать, не слышал ли кто нотации, прочитанной ей подругою, но она боялась поднять глаза, чтобы не встретить насмешливых улыбок.

Но от Мействии не так легко было отделаться. Она подозвала Людвиг, разговаривавшего с Питом, и сказала ему:

Людвиг, знаешь что? Рихии очень хотелось бы попробовать плодов баобаба, но они так высоко висят...

Она не успела еще договорить, как Людвиг, поспешно сняв свою куртку, быстро полез на дерево.

Но я и не думала говорить ничего подобного, Людвиг! — поспешила заявить бедная Рихия, вся красная от смущения. — Это все ваша сестра... Как тебе не стыдно, Мейстья... Это вовсе тебе не идет.

— Рихия, скажите откровенно: желаете вы плодов баобаба или нет? — спросил Людвиг, сидя на ветвях гигантского дерева.

— Очень... желала бы, — ответила все еще сконфуженная Рихия. — Но мысль беспокоить вас и заставлять избираться за ними на дерево пришла в голову не мне, а вашей сестре.

— Ага! — проговорил Людвиг. — Ну, хорошо же. Знают мы вот что сделаем. Я достану плодов только вам, Рихия, потому что только вы и умеете быть благодарной.

— А мы, следовательно, останемся без десерта, как провинившиеся дети! — воскликнула Катринка. — Хорошо же, господин Людвиг, мы это вам припомним!..

— Нет, нет, не беспокойтесь! — с живостью сказал Пит. — Посмотрим, кто из нас скорее доберется до вершины баобаба — я или Людвиг.

И Пит последовал примеру Людвиг. Гендрик и Андра тоже не захотели отстать от товарищей — и вскоре плоды посыпались сверху целым дождем в расставленные передники молодых девушек.

Между тем старшие боеры окончили завтрак, запили его стаканом брандвейна — настойкою из персиков, очень любимой боерами, и закурили трубки. Затем все снова принялись за работу.

Дети почти все участвовали в собирании плодов баобаба, карабкаясь за ними, кто сам, а кто при помощи взрослых.

Некоторые отправились к реке ловить к ужину рыбу.

В полдень всякое движение в лагере боеров прекратилось. В это время, когда вертикальные лучи солнца прожигают насквозь и зной делается прямо невыносимым, немислима никакая работа. Все улеглись отдохнуть в тени баобаба. Даже животные, и те все попрятались под деревьями, окаймлявшие их пастбище.

Нужно испытать опасности, волнения и страшное

утомленные, сопряженные с путешествием по пустыне чтобы понять, какое наслаждение представляла для боев возможность отдыха при тех благоприятных условиях, в которые они, наконец, попали. Пока они все за были, не думалось, даже о том, что впереди могут пред стоять еще большие опасности, еще большие испытания нежели те, из которых они только что выпутались.

Таково свойство человеческой природы в момент отдыха, после перенесенных страданий: полное наслаждение настоящим и полная беззаботность относительно будущего!

Глава 5

ТРЕВОГА

Часа через два лагерь снова зашевелился. Кафры первые вышли из своего убежища, чтобы приглядеть за коровами. Кафры незаменимы в уходе за молочным скотом. В земле зулусов кафрское племя живет почти исключительно пастушечьим промыслом и молочным хозяйством, благодаря чему многие из них даже богатеют.

Молодые люди просили бааза дать им какое-нибудь занятие, и он предложил им устроить стрельбу в цель чтобы испытать свое умение и ловкость. Большого удовольствия он им доставить не мог. Ринвальды и Блом старшие тоже были очень довольны этим развлечением для молодежи, тем более, что умение хорошо стрелять конечно, высоко ценится людьми, ведущими полный опасности кочевой образ жизни и привыкшими к охоте.

Пит и Гендрик ван Дорны, Людвиг Ринвальд и Андрэ Блом знали друг друга с детства и постоянно соперничали в играх.

По указанию бааза они, во избежание всяких случайностей, устроили тир несколько в стороне от лагеря. Мишенью им служила скорлупа от страусиных яиц.

Бааз, желая поощрить ловкость молодых стрелков попросил свою жену пригласить на состязание госпожу Ринвальд и госпожу Блом, вместе со взрослыми дочерьми и детьми.

Многочисленность зрителей, конечно, волновала молодых людей и заставляла их сгорать от желания отличиться.

Все четверо — Пит, Гендрик, Людвиг и Андрэ — считали порядочными стрелками, согласно с их летами. На сто шагов они четыре раза из шести попадали в цель. В двухстах шагах они тоже редко давали промах. Их длинные роеры могли бы достать и дальше. Опытный охотник из этих роеров свободно мог убить средней величины антилопу на расстоянии трехсот шагов.

Предводители каравана и Дарл де Моор стали держать пари, между тем как матери стрелков внутренне молились об успехах своих сыновей, чего, конечно, не решались высказывать вслух, чтобы не обидеть друг друга. Молодые девушки тоже тайно желали тому или другому из стрелков одержать победу над остальными.

Совершенно напрасно обвиняют женщин в том, что они будто бы не способны держать при себе свои секреты. Лучшим опровержением этой клеветы могли служить эти четыре девушки, так строго хранившие сердечные тайны даже от своих лучших подруг.

Пальма первенства должна была принадлежать тому из стрелков, кто, по прошествии известного времени, большее число раз попадет в цель. Пит и Андрэ усердно опаривали друг у друга первенство. За ними следовал Людвиг Ринвальд. Что же касается Гендрика ван Дорна, то он безусловно был последним, оправдываясь тем, что у него была легкая ранка на большом пальце правой руки, нанесенная им себе утром на работе.

Каждый раз, когда пуля его летела мимо цели, он подносил раненый палец ко рту, дул на него и с досадою кричал.

— Проклятый палец! Ты причиняешь мне больше стыда, нежели боли.

Этим он давал понять зрителям, что виною его промахов не недостаток в ловкости, а небольшая царапинка на пальце.

— Ничего, в другой раз ты будешь счастливее, Гендрик, — утешал его бааз. — Мне кажется, сегодня первым будет Пит. Ты уж так часто побеждал его на этом поприще, что, право, разок можно и уступить.

— Конечно! — сказал Гендрик. — Пусть уж лучше Пит будет первым, чем Людвиг... Все-таки не так обидно. Но, радуясь успеху брата, я никак не могу помириться с собственной неудачей.

Однако, Питу не пришлось вполне насладиться сво-

ним торжеством: интересное состязание было прервано совершенно неожиданно.

Откуда-то вдруг донеслись звуки, похожие на отдаленные раскаты грома. Небо, между тем, было чистое и в воздухе царствовало полное спокойствие. Нигде не видно было никакого движения.

— Стой! — прислушиваясь к звукам, крикнул Ян ван Дорн Питу, за которым была очередь стрелять.

— Что это за шум? — спросил Карл де Моор с какою-то необычною для него тревогою.

— Приближается! — заметил бааз, напряженно прислушиваясь к странному шуму.

— И усиливается! — добавил Клаас Ринвальд.

Через несколько минут боеры пришли к заключению что привлекший их внимание шум не что иное, как приближение громадного стада диких буйволов

Действительно, догадка их скоро подтвердилась.

Животные, двигавшиеся «беглым шагом», разом появились на зеленом ковче луга, образуя коричневое пятно окружностью в несколько сот метров.

Молодые стрелки обрадовались случаю отличиться. Эта цель была поинтереснее страусиной яичной скорлупы.

Счастье молодых охотников было бы безгранично если бы не одно обстоятельство, заставившее невольные предположить, что дело может окончиться очень плохо.

Громадное стадо буйволов, очевидно, искало воды. Для того, чтобы достигнуть ближайшим путем реки, им необходимо было пройти прямо через место стоянки боевой. Конечно, при этом они могли разрушить весь лагерь. Колючая изгородь не в состоянии была остановить страшного натиска сильных животных. Этот живой вихрь сокрушал все, что попадалось ему на дороге.

Действительно, даже приближение циклона не могло быть ужаснее.

Все сразу поняли серьезность угрожающей опасности. В одну минуту все переполошились. Испуганные женщины бросились собирать детей, разбредшихся по лугу. Одна госпожа Ван Дорн не растерялась и показала себя вполне достойной подругой бааза. Она спокойно, хотя и поспешно, отдавала приказания, и быстро соображала, что следовало сделать.

Поднялся невообразимый хаос.

Дети кричали, слуги бегали взад и вперед, сбивая друг друга с ног.

Животные, и те почуяли опасность. Лошади ржали, наминались на дыбы и рвались со своих привязей. Быки и коровы испускали зловещий рев. Собаки выли.

И лагерь, только что олицетворявший собою вид покойного, мирного уголка, где все были веселы и довольны, вдруг превратился в настоящий пандемоний.

— На лошадей! На лошадей! Скорее! — громовым голосом командовал бааз. — Берите оружие — и за мной!

Воеры бросились к лошадям, захватив свои длинные винтовки, носящие название «роеры». Они поняли без дальнейших объяснений, что необходимо как можно скорее предупредить вторжение в лагерь диких животных, встретив их дружным залпом из ружей. Это было единственным средством к спасению, но оно могло и не удалиться. Все зависело от поспешности.

Буйволы были еще довольно далеко. Двенадцать охотников направились к ним навстречу.

По сигналу бааза, они остановились метрах в трехстах от надвигавшейся колонны животных, в ожидании благоприятного момента для нападения.

Буйволы продолжали приближаться. Без всякого сомнения, они бы опрокинули и раздавили горсть всадников, если бы у боеров не было винтовок. Но первый же дружный залп уложил на месте шесть или семь буйволов, причем несколько из них было ранено. Животные шли сплошной массой, и потому ни один выстрел не пропал даром.

Трупы убитых животных, загораживая путь, заставили все стадо остановиться. Испуганные кроме того громом выстрелов, передние ряды дрогнули и готовились было отступить, но задние, более храбрые или нетерпеливые, напирала на них, заставляя двигаться вперед. Двигаясь они снова — все бы погибло.

Боеры громкими криками и гиканьем старались предупредить новое наступательное движение буйволов. Вместе с тем, пользуясь их минутным замешательством, они сделали второй залп. Снова пало с полдюжины животных, и многих из них ранило.

Переселенцы вовсе, однако, не имели намерения устраивать бойню, им просто хотелось заставить буйволов изменить свое направление.

Желание боеров исполнилось скорее, чем они ожидали. Убедившись, что перед ними нешуточная сила, пе-

растии буйволы свернули налево и рысью бросились обратно туда, откуда пришли. Все стадо последовало за ними.

Ура! — крикнули боеры.

Баас обнажил голову и сказал:

Возблагодарим Бога за наше спасение.

Благочестивому примеру Яна Ван Дорна последовали все, за исключением Дарла де Моора. Один он остался неподвижен на лошади, не снимая шляпы и не присоединяясь к общей молитве. Следя глазами за удалявшимся стадом буйволов, он как бы не замечал того, что происходило вокруг него.

Это обстоятельство сильно поразило Клааса Ринвальда. Пока остальные всадники отъехали немного вперед, чтобы поближе рассмотреть бегущих гигантов, он приблизился к баазу и сказал ему:

— Наш спутник держит себя что-то очень... странно. Почему он не участвовал в нашей общей молитве? Мне это очень не нравится.

— Я думаю, что перенесенные им несчастья так ожесточили его, и он, по-моему, достоин только сожаления, — заметил Ян Ван Дорн. — Не забудьте, дорогой Ринвальд, его хороших качеств. Он храбр и решителен, когда это нужно, не теряется в виду опасности, какого бы рода она ни была, очень умен, прозорлив и всегда дает дельные советы. Припомнив все это, вы едва ли решитесь осуждать его. Недостатки его вредят лишь ему, а хорошие свойства приносят пользу всем нам. Этого, право, вполне достаточно, чтобы прощать его странности.

Клаас Ринвальд молча пожал плечами и отъехал в сторону.

Глава 6

ПОГОНЯ ЗА БУЙВОЛАМИ

Пит, Андрэ и Людвиг собрались вокруг Карла де Моора и принялись что-то оживленно обсуждать с ним.

Остальные всадники спешили, чтобы добить раненых буйволов и снять с них шкуры.

— Молодые люди, а вы отчего не идете помогать? — крикнул бааз.

Людвиг Ринвальд выступил вперед и, приподнимая свою шляпу, почтительно сказал:

— Бааз, мы просим у вас позволения устроить погоню за беглецами. Может быть, нам посчастливится догнать хотя одного буйвола. Мы так возбуждены, что нам было бы очень полезно немного проехаться и успокоить нервы. Но если наша помощь нужна здесь, то, конечно...

— Слуги помогут вместо вас, — перебил Ян ван Дорн, сочувствуя увлечению молодежи. — Если наши отцы позволят вам совершить маленькую прогулку, то с Богом. Я ничего не имею против этого.

— Отправляйтесь, отправляйтесь! — крикнули в один голос Клаас Ринвальд и Ганс Блом

Воеры хорошо помнили свои первые охотничьи порывы и потому вовсе не желали лишать своих сыновей удовольствия, которого те так жаждали.

Молодые люди поблагодарили за это позволение восторженным «ура» и немедленно ускакали, в сопровождении Карла де Моора, в погоню за буйволами.

— Вот странность-то! — воскликнул Ганс Блом, кивнув вслед быстро удалявшемуся Карлу де Моору, — этот молчаливый, бесстрастный, по-видимому, господин тоже, кажется, увлекся возможностью пострелять, точно мальчик.

— Нет, он, вероятно, отправился с целью охраны наших юношей от опасности, — заметил бааз.

Другого объяснения странному поступку Карла де Моора честный Ян ван Дорн не мог приискать.

Действительно, казалось чрезвычайно странным, что этот человек, не имевший необходимости доказывать свою изумительную верность глаза и не менее изумительную твердость руки, пожилой и степенный, вдруг поддался чисто юношескому порыву, охватившему Пита, Андра и Людвига.

Сначала он скакал позади молодых людей, а потом нагнал их. Они тогда только и заметили его.

Охотники остановились на расстоянии ружейного выстрела от бегущего стада. Три молодых друга прицелились и разом выстрелили. Два буйвола упали, а третий, хотя и задетый пулею Пита, отделился от стада и бросился в противоположную сторону. Пит погнался за ним. Он ни за что не хотел упустить своей добычи и готов был загнать до смерти свою лошадь Гильди, которую очень любил и никому не доверял ее.

Дарл де Моор, никогда не дававший промаха из своего роера, мог бы одним выстрелом покончить с ране-

ним буйволом и тем прекратить погоню Пита. Однако он этого не сделал. Кто взглянул бы на него в эту минуту, тот заметил бы на его суровом и мрачном лице какую-то скверную злорадную улыбку.

А интересно будет узнать, куда затащит за собою буйвол этого дурака-мальчишку,— процедил он сквозь зубы, придерживая свою лошадь и смотря вслед быстро склущающего Пита.

Между тем Пит даже и не предлагал себе подобного вопроса. Он и не рассуждал в это время, думая только о своем промахе, между тем как его оба друга сразу уложили на месте намеченные ими жертвы. Такого порока он не мог перенести.

«Все наши будут издеваться надо мною,— думал он, иторично заряжая свой роер.— Прохода мне не дадут... А если и Катринка тоже засмеется, то...»

И, не dokonчив своей мысли, он снова пришпорил свою лошадь.

Людвиг охотно последовал бы за Питом, чтобы помочь ему. Но Андрэ Блом вовсе не желал помогать Питу, которому он всегда завидовал. Напротив, он очень рад был бы, если бы молодой ван Дорн вернулся с охоты «с носом». В виду этого он крикнул Людвигу:

— Давай убьем еще пару! Второго такого случая не скоро дождемся.

— Да, это верно! — подтвердил Карл де Моор, следуя за Андрэ.

Увлеченный их примером, Людвиг забыл Пита и поспекал за ними.

Между тем буйволов уже не было возможности догнать,— они ушли слишком далеко. Да это и не особенно нужно было Андрэ Блomu. Предлагая догонять буйволов, он просто поддавался голосу ревности, внушавшему ему отвлечь Людвигу от Пита, который был любимцем всего каравана за его веселый характер и постоянную готовность к услугам.

Госпожи Блом и Ринвальд преимущественно обращались к старшему сыну бааза, когда им нужна была мужская помощь в их хозяйственных делах. Он всегда старался быть полезным, где только мог, чего вовсе нельзя было сказать об его приятелях. Молодые девушки тоже постоянно прибегали к Питу, когда нужно было сделать что-нибудь, чего устроить сами они не могли. Это общес

расположение и доверие к сыну бааза очень досадовало Андрэ Блома.

Что же касается Карла де Моора, то угадать, что побуждало и его бросить молодого ван Дорна на произвол судьбы, не было никакой возможности.

Но Пит несколько не беспокоился, видя себя покинутым своими спутниками. Страсть к охоте была у него врожденная, перешедшая к нему от отца, и он предавался ей душой и телом.

Он скакал сломя голову вслед за раненым буйволом. Догнав его после нескольких минут бешеного галопа, он не без удивления заметил, что животное отличается необыкновенной величиною. Вероятно, это был один из самых старых буйволов во всем стаде. Это обстоятельство еще более подзадорило молодого охотника.

Неизвестно, где именно засела пуля, но во всяком случае буйвол, по-видимому, не особенно страдал от нее. Он мчался во всю прыть, высоко подняв хвост и пыхтя как паровоз. Лошадь Пита догнала его, но с трудом.

— Ну, на этот раз ты не уйдешь от меня! — воскликнул Пит.

Тщательно прицелившись, он выстрелил.

И эта пуля попала в буйвола, но животное даже не пошатнулось. Оно только рывкнуло от боли, яростно потрясло громадными рогами и прибавило шагу.

Пит едва верил своим глазам, видя, как буйвол улетывает во все лопатки, вместо того, чтобы корчиться на земле в предсмертных судорогах.

Опомнившись от удивления, молодой человек снова зарядил ружье — и погоня возобновилась с еще большим ожесточением.

Таким образом преследуемый и преследующий незаметно проскакали расстояние в шесть—семь километров.

Пит выстрелил на скаку еще раз. Третья пуля, очевидно, поразила буйвола сильнее двух первых. Разъяренное до последней степени животное внезапно переменяло тактику. Обернувшись с удивительной быстротою, оно приготовилось к нападению.

Спеша увернуться в сторону от страшных рогов расвирепевшего буйвола, Пит заставил лошадь сделать пол-оборота, но она оступилась и упала на передние ноги. Пит перелетел через голову лошади и грохнулся на землю.

По дикому, резкому крику, раздававшемуся в эту ми-

нуту, Пит догадался, что Гильди попала ногами в берлогу «смеющейся гиены».

Эта гиена (*H. crocuta*) часто устраивает себе подземные берлоги, если нет готового уже жилища, например, ямы «львиных муравьев».

«Смеющаяся гиена» меньше обыкновенной ростом, но храбрее и гораздо опаснее, поэтому жители Южной Африки и прозвали этот вид гиены «тигро-волком».

Встревоженная лошадей, гиена выскочила из своей полуразрушенной норы и пустилась бежать по прерии, испуская свой неприятный крик, действительно напоминающий хриплый, насмешливый хохот. Она своим криком точно издевалась над несчастьем молодого охотника.

«Я уверен, что Гильди сломала себе ноги,— подумал Пит.— Бедная моя Гильди!.. А сам-то я в каком положении!.. И эта дурацкая гиена еще смеется надо мною!..»

Но, сверх ожидания, лошадь нисколько не пострадала. Однако, испуганная падением и криком гиены, она умчалась куда глаза глядят, оставив молодого человека в самом незавидном положении.

Действительно, положение Пита ван Дорна было пре-скверное. Он остался без лошади, с разряженным ружьем в руках, один на один с рассвирепевшим буйволом, которому стоило сделать только прыжок, чтобы поднять его на рога.

Роли внезапно переменялись — преследователь попал в положение преследуемого. Теперь все шансы были на стороне животного, и отважному молодому охотнику грозила неминуемая гибель.

Пит оглянулся кругом — нигде не было видно никакого убежища. Насколько хватал глаз — во все стороны расстиралась одна бесконечная плоская зеленая равнина. Лишь изредка стояло по одинокому дереву или по маленькой группе кустарника. Впрочем, одно из ближайших деревьев, поразвесистее и погуще других, еще могло служить кое-какою защитой. Укрывшись под ним, можно было, по крайней мере, вновь зарядить ружье.

Молодой человек со всех ног бросился к этому дереву, пользуясь тем, что буйвол, очевидно, собирался с силами и обдумывал способ нападения.

Пит с облегчением вздохнул, когда очутился под деревом. Оно разделялось на два толстых ствола, поднимавшихся параллельно на высоту десяти или двенадцати футов над землю. Каждый из этих стволов был на-

столько крепок, что на нем спокойно можно было сидеть.

Однако радость Пита уменьшилась наполовину, когда вторичный, более внимательный взгляд на дерево убедил его, что это — «колючая акация». Взбираться на это дерево не решилась бы и самая смелая обезьяна.

Но Питу не из чего было выбирать, горькая необходимость часто заставляет решаться и на такие подвиги.

Молодому человеку осталось только одно из двух: или попасть на рога буйволу, или исцарапаться, залезая на дерево, острыми иглами. Первое угрожало неизбежную мучительную смертью, второе же представляло лишь крупное неудобство.

Пит, не колеблясь, выбрал последнее и храбро стал избираться на колючий ствол.

Но было уже поздно. В дерево, с противоположной стороны, был нанесен, точно громадным молотом, такой страшный удар, что молодого человека с силою отбросило в сторону, и на несколько мгновений он даже лишился чувств.

Придя в себя, Пит заметил, что он лежит весь в крови. К счастью, серьезных повреждений не оказалось. Все ограничилось царапинами и легкими ушибами. Он поднялся на локте и оглянулся. К немалому его изумлению, не было видно ни лошади, ни гиены, ни даже буйвола. Лошадь, положим, могла убежать, гиена куда-нибудь спряталась, но буйвол?.. Куда же исчез буйвол? Пит отлично помнил, что животное собиралось броситься на него. Почему же оно не воспользовалось случаем пропороть насквозь своего преследователя, упавшего без чувств? Куда же, в самом деле, девался этот гигант? Не мог же он в несколько минут исчезнуть с плоской равнины, тянувшейся во все стороны до самого горизонта. Если бы он бежал, Пит непременно увидел бы его где-нибудь, но его, как говорится, и след пропал. Не мог же он провалиться сквозь землю!

Глава 7

В ЗАПАДНЕ

Трудно описать изумление Пита ван Дорна и волновавшие его чувства по поводу загадочного исчезновения страшного врага.

Его удивление мало-помалу перешло в суеверный ужас. Он невольно стал спрашивать себя, не во сне ли ему пригрезилось это приключение с буйволом, не преследовал ли он по прерии только призрак буйвола, продукт своей разгоряченной фантазии.

Но нет! В голове Пита все было совершенно ясно. Малейшие подробности происшествия восставали в его уме в стройном, последовательном порядке, без малейших промежутков и скачков. Да и вообще, в данную минуту, как и всегда, мозг его работал вполне нормально. Пит начал отыскивать глазами какой-нибудь возвышенный пункт, откуда он мог бы лучше обозреть окрестность.

Недалеко от места, где он упал, был довольно высокий холмик, образованный муравейником. Пит поднялся на ноги, направился к этому холмику, взобрался на него и принялся тщательно оглядывать всю прерию.

Насколько хватал глаз, не видно было ничего, ровно ничего!

Не мог же буйвол, да еще таких громадных размеров, как был противник Пита, скрыться в мелком кустарнике! Не мог он и исчезнуть так внезапно из вида. Не мог он также, будучи мстительным и жестоким по самой своей природе, отказать себе в удовольствии отплатить лежавшему у его ног врагу.

Пит опять начал сомневаться, действительно ли он гнался за буйволом и ранил его тремя пулями.

Протирая глаза и хлопая себя по лбу, он машинально проговорил вслух:

— Да, право, уж не сплю ли я?

Но, точно в ответ на этот вопрос, где-то вблизи него, как будто из-под земли, вдруг донеслось громкое хрипение и мычание.

Звуки эти были настолько характерны, что близость буйвола не могла подлежать сомнению. Вместе с мычанием и хрипением слышался треск дерева, точно его кто тряс и старался сломать.

Обернувшись в ту сторону, откуда доносились загадочные звуки, Пит заметил, что колючее дерево раскачивается во все стороны.

«А! — подумал молодой боец.— Это, вероятно, мой милейший буйвол ухищряется вырвать с корнем дерево. Он, должно быть, воображает, что я сижу на его колючих ветвях, и вот ему вздумалось стряхнуть меня оттуда как

грушу. Толстокожий силач соображает, однако, недурно, надо отдать ему справедливость. К счастью, он немного ошибся в расчете, но все-таки нельзя не признать его сообразительности».

Нужно было воспользоваться этим обстоятельством и спастись бегством. Буйвол мог каждую минуту выйти из-за дерева и увидеть своего противника на вершине муравейника. В этом случае молодой охотник несомненно был бы обречен на гибель.

Сообразив это, Пит сбежал с муравейника, но внизу вдруг остановился, вспомнив, что при падении с дерева он выронил из рук свой роер. Не лучше ли отыскать ружье? Удобнее встретить буйвола с оружием в руках, если ему вздумается снова напасть на него, да и жалко ружья. Но с другой стороны, его останавливало соображение: как начать поиски ружья, не навлекая на себя внимания буйвола? Ружье должно находиться около дерева, и идти за ним — значит прямо отдавать себя во власть врага.

«Э! да пусть будет, что будет! — решил Пит после некоторого раздумья. — Лучше погибнуть, нежели возвратиться к своим без роера... Не доставлю я удовольствия Андрэ смеяться надо мною!.. Да и вообще трудно будет найти мне оправдание, если я возвращусь без ружья... Охотник, бросающий ружье, — все равно, что дезертировавший и бросивший оружие солдат... Хороший солдат скорее даст себя убить, чем решится выпустить из рук оружие. Если и найдут меня мертвым около моего оружия, меня пожалеют, оплачут, но не будут иметь права обвинять в трусости... Достаточно унизительно для меня уж и то, что я лишился лошади... К тому же я сказал, что или убью этого буйвола или погибну. Я должен сдерживать слово, иначе не буду достоин называться сыном Яна ван Дорна!»

Проговорив этот монолог, Пит осторожно пополз по направлению к колючему дереву. Действительно, в нескольких шагах лежал от него его роер. Буйвол с диким упорством продолжал раскачивать дерево.

Не сводя глаз с ружья, Пит на четвереньках тихо подвигался вперед и благополучно добрался до своего ружья.

К счастью, у него в кармане нашлось еще несколько зарядов, которыми он запасся, отправляясь на стрельбу в цель.

Зарядив ружье, он смело подошел к самому дереву с твердым намерением во что бы то ни стало покончить с буйволом, из-за которого он лишился любимой лошади и перенес столько волнений.

— Посмотрим теперь, кто из нас возьмет верх! — громко сказал он.

Пит осторожно раздвинул ветви и заглянул между них. Тут только он и понял, в чем было дело.

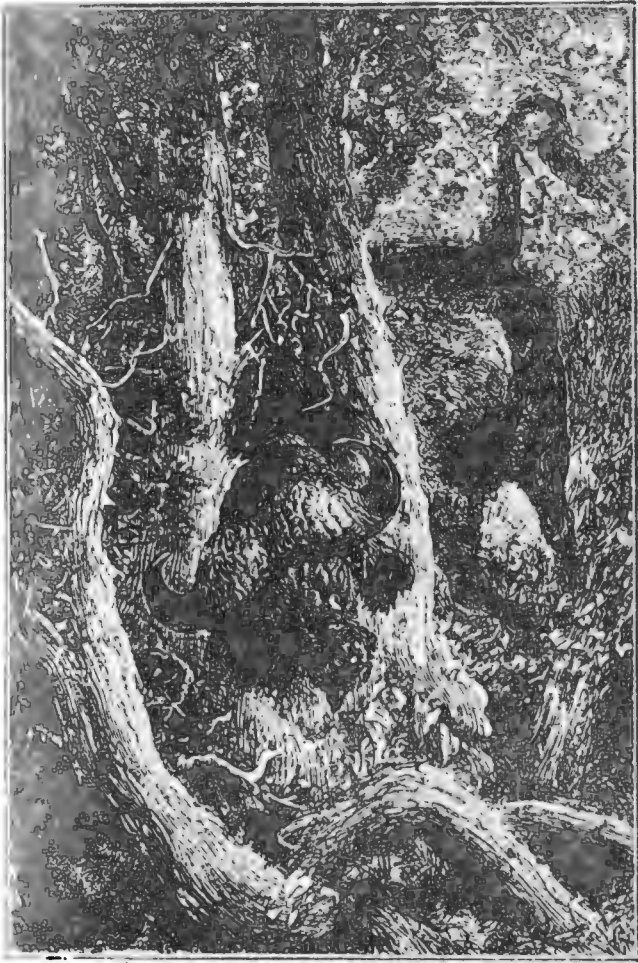
Оказалось, что буйвол попал в плен, застряв головою между стволами дерева. Это был настоящий капкан, из которого не было никакой возможности освободиться. Стараясь вытащить назад голову, несчастное животное и сотрясало все дерево. Если бы даже ему удалось вырвать с корнем гигантскую акацию, положение его от этого все-таки не улучшилось бы: стволы дерева, плотно обхватив его шею, все равно не выпустили бы ее. Вот если бы буйвол мог сломать один из стволов, сплошь покрытых длинными колючками, тогда, конечно, освобожден бы, но и это было невозможно.

При виде этого неожиданного зрелища, Пит не мог не разразиться громким хохотом.

Однако чувство великодушня скоро взяло в нем верх над злорадством, и ему стало от души жаль своего беспомощного врага.

«Как это его угораздило так застрять? — соображал молодой человек. — Ах, да, понимаю. Когда он со всего размаха набросился на дерево, стволы на мгновение раздались под его напором, и он просунул между ними голову с целью рассмотреть, где я, а потом стволы снова приняли прежнее положение — и шея животного очутилась как в тисках... Напрасно стараешься, мой друг: освободиться тебе невозможно. Ты осужден на медленную, мучительную смерть от удушения и голода... Странно! До этой минуты я сам готов был предать это чудовище каким угодно мукам, а теперь, при виде его страданий, мне жаль его... Добивают же, из жалости, на полях сражений тяжело раненных. Сделаю и я то же с несчастным животным, чтобы покончить его страдания. Это будет благовиднее, нежели тешиться ими».

На этот раз выстрел Пита попал в переднюю часть головы буйвола и тем положил конец его агонии. Громадное тело животного судорожно передернулось и свалилось на бок, а голова так и осталась сжатою между стволов.

— Бедный буйвол! — прошептал молодой человек, грустью смотря на своего неподвижного теперь врага

Глава 8

НОЧЬ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Хотя Питу и удалось, наконец, избавиться от своего врага, но он не был доволен исходом своей охоты, от которой ожидал столько удовольствия. Положим, он возвратится не с пустыми руками — принесет трофеи победы над буйволом. Но лошадь?..

Относительно лошади можно было предположить одно из двух. или она сделалась добычею хищных зверей которыми кишат все окрестности, и тогда, конечно, Пит никогда более не увидит ее, а это было бы громадным лишением для него, потому что достать другую негде или же Гильди чутьем нашла дорогу в лагерь, и теперь все уже знают о несчастье молодого охотника. Значит когда он возвратится, ему прохода не будет от насмешек

Вот если бы Гильди могла рассказать, как все случилось, тогда дело было бы другое. Каждый хорошо понимает, что раз лошадь на всем скаку падает на передние ноги, то ни один всадник не может удержаться на ней. Но так как объяснить случившееся она не в состоянии то все припишут ее возвращение без своего господина неловкости последнего.

Даже Катринка, хотя она и добрее других, но будучи сама прекрасной наездницей, отнесется, пожалуй, к нему если не с презрением, то с насмешкою. Потерять же уважение Катринки было для Пита хуже всего в мире.

Но вскоре от этих мыслей, в которых главную роль играло самолюбие, молодой человек перешел к другим делавшим более чести его сердцу

«Увидев Гильди, возвратившуюся без меня, — продолжал он размышлять, — мать и сестры могут поднять тревогу. Отец, скрывающий под холодною внешностью такое мягкое сердце, постарается, конечно, утешить женщин, но и сам не менее их будет встревожен. Гендрик пожалеет, зачем не отправился вместе со мною на охоту. Он оказался благоразумнее меня и остался в лагере снимать шкуры с убитых животных. Я должен был бы тоже остаться там. Как старший сын бааза, я обязан давать

пример и делах более полезных, чем простая удаля и забавы. Да, я поступил глупо... Какой я наделал всем тревоги своей необдуманностью! Хорошо будет мое возвращение в лагерь пешком, усталым, разбитым, исцарапанным и в изорванном платье!»

Пока эти мысли пробегали в голове Пита, солнце стало уже склоняться к горизонту. Скоро должна наступить ночь.

Добраться до лагеря засветло он едва ли успеет, а перспектива ночевать в прерии, под открытым небом, не особенно его радовала. Вот если бы нашлось какое-нибудь убежище, в котором можно было бы укрыться, тогда еще кое-как можно продержаться до утра, но рассчитывать найти такое убежище очень трудно в той местности, где он находился.

В виду этого соображения он решил скорее отправиться в путь по направлению к лагерю, который, по его расчетам, должен находиться в шести—семи километрах.

Разорвав на несколько частей свой носовой платок, он перевязал ранки на ногах и руках, предварительно вытаскив из них длинные колючки, зарядил роер и отрезал хвост у буйвола, как доказательство своей победы над животным, так далеко завлекшим его от стоянки каравана.

Ему очень хотелось воспользоваться громадными, удивительно красиво изогнутыми рогами буйвола. Такой трофеей интересно было бы и сохранить. Но, во-первых, некогда было снимать их с головы животного, а во-вторых — и тащить такую тяжесть ему было не по силам. Пит устал до такой степени, что с трудом мог нести даже ружье.

Привязав хвост буйвола к дулу роера, молодой человек хотел расprostиться с местом, где он пережил столько сильных ощущений, но тут вдруг встретилось новое затруднение: куда идти? В какой стороне находится лагерь?

Раньше ему и в голову не приходило это, и только теперь он понял, что заблудился.

Открытие этой грустной истины сильно огорчило молодого человека. Куда же, в самом деле, направиться? Необозримые линии зеленого луга повсюду сливаются с синевою неба.

Пит снова забрался на муравьиный холмик и начал обозревать окрестность. Он рассчитывал увидеть верши-

ны деревьев, окаймлявших реку возле лагеря, но как они тарасил глаза, даже громадного баобаба не было видно, не говоря уже о более мелких деревьях.

Правда, и баобаб отличался более шириною, чем вышиною, но все-таки на открытом месте его можно было видеть на далекое пространство. Значит Пит находил довольно далеко от лагеря, если не замечал нигде даже такого гигантского дерева. Это было очень неутешительно и доказывало, что ему долго придется отыскивать место стоянки каравана. Прежде всего необходимо было сообразить, в каком направлении идти, чтобы не забраться куда-нибудь еще далее.

Следовательно, нужно сначала сориентироваться. Пит призвал на помощь все имевшиеся у него в наличии познания и принялся соображать.

— А солнце-то! — вдруг воскликнул он. — Я хорошо помню, что оно было впереди нас, когда мы оставили лагерь. Вот оно-то и будет моим руководителем.

Но тут ему пришло в голову, что солнце не имеет обыкновения оставаться на одном месте. Оно должно было значительно изменить свое положение в небе с тех пор, как началась погоня за буйволами. Значит и солнце не могло дать верных указаний.

И Пит снова задумался.

«Ну, это все-таки лучше, чем ничего!» — решил, наконец, он и, обернувшись спиною к заходящему светилу, храбро пустился в путь.

Не сделал он, однако, и сотни шагов, как снова остановился и громко расхохотался.

— Отец вполне прав, — проговорил вслух молодой человек. — Он часто говорил мне: «Ах, Пит, как ты еще молод!» — это значит — как ты еще глуп! Я всегда обижался на эти замечания и даже обвинял отца в несправедливости ко мне. Теперь я убеждаюсь, что он говорил правду, называя меня дураком. Ведь не будь я на самом деле дураком, разве мне пришло бы в голову искать путеводителя на небе, когда он находится прямо перед носом на земле. Разве следы, оставленные буйволом моей лошады, не могут указать мне пути, по которому я должен следовать? Нет, я дурак, положительно дурак!

Действительно, как раз там, где шел молодой человек, ясно виднелись на траве два следа — лошадины подков и копыт буйвола.

Стоило только идти по этим следам в противополож

ном направлении, чтобы без особенных затруднений до стичь лагеря.

Смех Пита вызвал другой смех — резкий и пронзительный. Это был голос гиены, благодаря которой Пит лишился своей лошади.

— А, проклятая бестия! — воскликнул он, прикладывая ружье к плечу, — ты теперь дорого заплатишь за зло которое мне причинила.

Гиена осторожно прокрадывалась между кустарником, но Пит заметил ее и прицелился. Одним метким выстрелом он навсегда прекратил противный хохот этого отвратительного животного.

Молодой боев с удовольствием видел, как гиена упала мертвою, но он даже и не подошел к ее трупу и, прощая путь, думал:

«Из-за этой гадины я лишился своей прекрасной Гильди! Ну, теперь я отомстил за нее!.. Однако нужно спешить в лагерь, иначе не попадешь туда к ночи».

Но сказать это было легче, нежели сделать. Солнце начинало скрываться, следы стало трудно различать, и до лагеря, очевидно, еще не близко, едва ли удастся добраться до него до наступления полной темноты. Во всех окрестностях должно быть много хищных зверей: львов, гиен и пр. Ночевать среди такого общества, под открытым небом, не могло быть приятно и вовсе не входило в расчеты Пята.

Молодой человек перевел дух и пустился бежать что было сил.

Между тем солнце закатилось, прежде чем он успел разглядеть на горизонте хотя какой-нибудь признак, по которому можно было бы судить, что лагерь недалеко.

Небо стало покрываться мраком, а Пит все бежал, не давая себе ни минуты отдыха, лишь по временам он останавливался, чтоб перевести дух и взглянуть на следы, но по мере наступления темноты различать их было все труднее и труднее.

На пути попался высокий муравейник. Молодой человек взобрался на него и начал смотреть по направлению к лагерю — не видать ли бивуачных костров, раскладываемых, по обыкновению, каждую ночь для защиты от хищных зверей. Но ни огня, ни дыма он не замечал.

Пораздумав немного, Пит решил, что благоразумнее будет остаться на месте, нежели продолжать путь в пол-

нов темноте и неизвестно куда, потому что его путево-
дители — следы совершенно исчезли. Но где найти ма-
ло-мальски сносное и безопасное убежище на ночь?

Решение этого вопроса заставило сильно задуматься
молодого человека

Но посмотрим, однако, что делается в лагере.

Глава 9

НАПАДЕНИЕ ДИКИХ СОБАК

Ночь эта была очень тревожна для некоторых лиц в лагере боев. Многие не спали, у многих сердца сжимались тоскою. Госпожа ван Дорн мужественно старалась подавить слезы, не желая усиливать горя дочерей, которые были в полном отчаянии, убежденные, что с любимым братом случилось несчастье. Обе девушки умоляли Гендрика отправиться на поиски Пита, но тот на все их просьбы твердил только одно

— Отец приказал мне не предпринимать ничего, пока он сам не распорядится, что делать.

При этом молодой человек глубоко вздыхал и закрывал руками искаженное горем и стыдом лицо. Ему теперь было страшно стыдно, что он не отправился тогда на помощь брату.

В повозке Блома отец выговаривал Андрэ за то, что тот покинул своего друга. Андрэ оправдывался увлечением охотою. На самом же деле он отлично помнил, что был даже доволен, когда Пит отделился от товарищей. Не то, чтобы он желал зла сыну бааза,— нет. Но он по-настоящему был бы в восторге, если бы Пит возвратился с охоты пристыженным и поставленным в необходимость сознаться в какой-нибудь оплошности. Дальше этого, разумеется, его ревность не шла. Отсутствие Пита, доказывавшее, что с ним могло случиться несчастье, встревожило и самого Андрэ.

Упреки отца задели его за живое и возбудили в нем раскаяние. Он теперь охотно поспешил бы на помощь Питу и нетерпеливо ожидал решения бааза.

Чувства, тщательно скрываемые, бывают обыкновенно сильнее тех, которые вырываются наружу.

В повозке Ринвальда в этот вечер тоже только и говорили о бедном Пите. Людвиг Ринвальд искренно бра-

нил себя за то, что не последовал за Питом ван Дорном своим другом детства, а остался с Андрэ. В случае опасности последнего мог бы защищать Карл де Моор.

Господину и госпоже Ринвальд оставалось только утешать сына и внушать ему надежду на скорое возвращение Пита. Мейстъя выражала ту же уверенность, как и ее родители, и уверяла, что Пит, отъехав довольно далеко от лагеря, просто замешкался в пути и возвратится здоровым и невредимым. Одна Катринка молча сидела в стороне от всех.

Это происходило вовсе не от равнодушия к Питу ван Дорну. Напротив, она молча уткнулась в темный угол, чтобы не показать слез, которых не в силах была удерживать при мысли об опасностях, на каждом шагу окружавших бедного заблудившегося охотника.

Беспокойство о молодом человеке только теперь обяснило ей самой ее чувство к нему. До сих пор она воображала, что относится к Питу так же, как к своему брату, Людвигу, или другу детства, Андрэ Блону. Но теперь с этого момента, она поняла, что ее собственная жизнь была неразрывно связана с жизнью Пита.

Если бы молодой ван Дорн подозревал, что творится в сердце Катринки в эту ночь, то часы, проводимые вдали от девушки, показались бы ему, хотя не менее длинными, зато не так томительными.

Он тоже не спал. Боль от царапин, причиненных ему колючками акации, и грустные мысли не позволяли ему ни на минуту забыться.

Решившись остаться ночевать вне лагеря, он стал принимать все предосторожности, доступные при тех условиях, в которых он находился. Ночи в тропических странах очень холодные. Чтобы предохранить себя от холодной росы и хотя бы несколько гарантировать от нападения диких зверей, молодой человек хотел сначала развести костер. Это было необходимо еще и потому, что он во время усиленного бега сильно вспотел и легко мог схватить лихорадку.

Но, к несчастью, все точно сговорилось против него. Поблизости не было ни дерева, ни куста, годных на топливо. Вокруг были разбросаны целые колонии муравейников и много конусообразных пустых жилищ термитов. Следовательно, в очагах не было недостатка, но топлива не имелось.

Наконец, после долгих поисков, Питу удалось найти

несколько густых пучков высокой засохшей травы. Для костра ее было мало, но для устройства постели достаточно.

Достав из кармана свой складной охотничий нож, Пит стал действовать им как серпом и быстро срезал всю траву. Убедившись, что в одном из муравейников нет ничего подозрительного, он сложил в него всю траву и зарылся в нее, оставив снаружи только голову. Защищенный таким образом против холода, он мог, по крайней мере, не опасаться простуды.

Когда он улегся, ему очень захотелось есть. Охота и прогулка пешком возбудили сильный аппетит, но об удовлетворении его, конечно, и думать было нечего.

Пословицей «кто спит, тот ест» он воспользоваться не мог, потому заснуть был не в состоянии, но ему припомнилась другая: «кто курит, тот ест». Он вытащил из-за пазухи трубку, — эту утешительницу одиноких охотников, набил ее табаком и принялся курить.

Выкурив одну трубку, он закурил другую. Это на него подействовало так, как прием наркотического. Мозг его отуманился, и он, наконец, заснул с трубкою в зубах.

К счастью, трубка была плотно закрыта крышккою, иначе от одной выроненной искры могла бы загореться трава, и Питу предстояло бы во время сна изжариться живьем или задохнуться от дыма.

Во сне ему казалось, что его снова преследует буйвол и он слышит за собою его грузные шаги. От ужаса он проснулся и напряженно стал прислушиваться. Действительно, это был не сон — вдали слышался усиленный бег какого-то животного, но не буйвола, а скорее лошади.

Вскоре жалобное ржание не оставило ни малейшего сомнения, что это бежит лошадь. Питу даже показалось, что он узнал голос своей Гильди.

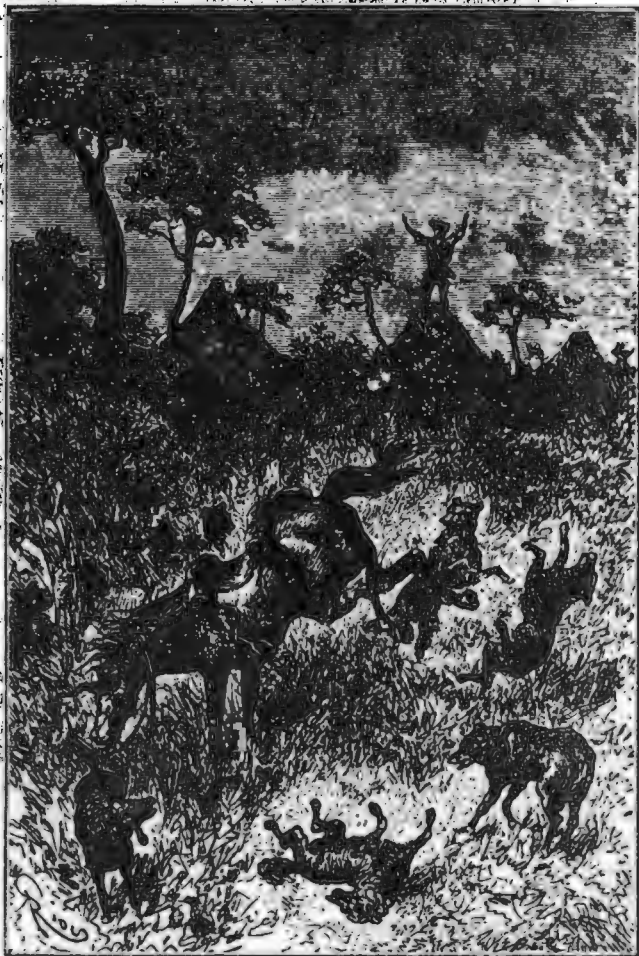
Он быстро вскочил и оглянулся.

Поднялась луна и осветила всю прерию. При свете луны Пит увидел, что, действительно, его Гильди мчится во весь опор, преследуемая стаей диких собак.

Эти собаки (*canis picta*) имеют много сходства с гиеною, и потому их иногда даже называют гиенами-охотницами.

Крупнее гоучих, пестрые, с большими черными стоячими ушами, они напоминают своим видом и наших охотничьих собак. Привычка преследовать свою добычу це-

THE CHIEF'S WIFE ...
THE ...
THE ...
THE ...

ETC
SONG

1904

1904

1904

лыми стаями делает их опаснее обыкновенной гиены. Они часто нападают и на людей.

Бедная Гильди, испуганная мчавшейся за нею стаей голодных собак, отчаянно ржала и бросалась то в одну, то в другую сторону, стараясь увернуться от своих преследователей. Казалось, точно она, чувствуя себя погибающей, звала на помощь своего господина, — по крайней мере так казалось Питу.

— Будь покойна, моя бедняжка! — крикнул и он в свою очередь, будто лошадь могла понять его. — Я постараюсь спасти тебя!

За Гильди гналась целая сотня собак, остервеневших от голода, со страшно горящими глазами и оскаленными зубами. Куда ни бросалась лошадь, везде она встречала группу преследующих ее врагов.

Преследуемое, быть может, в течение уже нескольких часов, несчастное животное совершенно выбилось из сил и едва держалось на ногах.

Первым движением молодого человека было — бежать на помощь Гильди, но потом он сообразил, что это значило бы только погибнуть самому, не принеся ни малейшей пользы лошади. Ему пришел в голову лучший способ. Держа наготове роер, он как-то особенно свистнул. На этот хорошо знакомый ей свист Гильди ответила радостным ржанием и примчалась к нему, дрожа с головы до ног и вся покрытая пеною. Очутившись около своего господина, она сразу как будто ободрилась.

Дикая стая бросилась за нею.

Пит сошел с муравейника, на который было забрался. Он понял, что оставаться на нем было не безопасно. Собаки могли стащить его оттуда.

Ему приходило в голову и то соображение, не сестры ли на лошадь и не ускакать ли на ней. Но Гильди, очевидно, была так измучена, что не могла более бежать.

Следовательно, нужно было предпринять что-нибудь другое. Молодой боев не растерялся. Он выстрелил в стаю. Блеснувший огонь и непривычный звук произвели сильное смятение между собаками. Пока они раздумывали — продолжать ли нападение или бежать, Пит успел снова зарядить ружье и выстрелить еще раз.

Но, казалось, собаки решились сделать новую попытку овладеть и лошадью и человеком, который вдруг явился откуда-то перед их алчными глазами.

Заметив, что собак пугал более всего огонь, а не гром

выстрелов и не страх быть убитыми,— на убитых они не обращали внимания,— Пит поджег траву, служившую ему постелью.

Огромное пламя почти мгновенно поднялось кверху. Желая увеличить площадь огня, молодой боев раскидывал горящую траву стволом ружья, отчего посыпался во все стороны целый дождь искр.

Собаки, вероятно, вообразили, что начался луговой пожар, который они не раз видали, и с воем бросились бежать.

Битва была выиграна.

Пит радостно крикнул «ура» и от души поцеловал прямо в морду свою любимицу Гильди, вернувшуюся к нему таким чудесным образом.

Глава 10

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Радость, которую испытывал молодой охотник по случаю неожиданного возвращения лошади, имела много оснований. Во-первых, Пит любил Гильди, как каждый хороший хозяин любит свою лошадь, особенно, если она оказала ему много услуг, делила с ним труды и опасности и вообще отличалась верностью и преданностью. Во-вторых, Гильди была лошадь породистая, красивая, быстрая и легкая на ходу, всегда делавшая честь своему всаднику. Поэтому вполне понятно, в каком был восторге Пит, когда убедился в спасении своей Гильди, которую он уже оплакивал, считая ее погибшей. Кроме того, возвращение лошади успокаивало и его самолюбие.

Кто бы поверил в лагере его рассказу, если бы он пришел туда пешком, без лошади? Неловкому всаднику, лишившемуся лошади, вообще редко верят. Во всяком случае он должен был сильно понизиться во мнении всех знающих его. Несчастливые охотники всегда подозреваются во лжи и подвергаются насмешкам, хотя бы и доказали свои неудачи стечением неблагоприятных обстоятельств.

Молодой ван Дорн особенно боялся уронить себя в глазах Клааса Ринвальда, отца Катринки.

Пит считал тайну своей склонности к этой прекрасной девушке вполне сохраненной. Он открыл ее только

своей матери, а сдержанная и серьезная госпожа ван Дорн всегда находила, что тайна другого — неприкосновенная святыня. Она вполне одобряла выбор сына и только убеждала его не спешить с выражением своего чувства Катринке, пока сам Пит не уверится в его прочности. К тому же и господин Ринвальд мог не доверять молодости Пита. Поэтому госпожа ван Дорн взяла с сына слово, что он, по крайней мере во все время путешествия, ничем не выдаст своей тайны.

— Да, я понимаю это, — отвечал Пит на советы матери. — Я всеми силами постараюсь убедить Клааса Ринвальда в том, что я уже не ребенок и на меня можно положиться. Он увидит, что я буду достоин его дочери.

И действительно, до этой злополучной охоты, Пит ничем особенным не обнаруживал привязанности к дочери Ринвальда, исключая разве мелочных услуг. Но что было бы теперь, если бы он, сделавшись сначала причиной тревоги всего каравана, потом вдруг превратился в жалкое подобие рыцаря печального образа? Наверное, он тогда вынужден был бы уступить первенство Андрэ Блому, которого до сих пор во всем превосходил в глазах Катринки.

По свойственной ему скромности, Пит воображал, что с этого злополучного дня Катринка обязательно будет сравнивать его с Андрэ в пользу последнего. В таком случае Пит, как это ни было ему больно, даже решился молча уступить дорогу своему сопернику.

Но с той минуты, когда нашлась лошадь, все приняло другой вид. Теперь он мог возвратиться в лагерь в качестве победителя. Все необходимое для спасения его репутации было налицо — и лошадь, и ружье, и даже хвост буйвола, служивший неопровержимым доказательством победы над страшным животным. Конечно, он не скроет ничего из своих приключений, даже падения с лошади. Падение это несколько не повредит его репутации хорошего наездника. Какой же всадник может удержаться на лошади, когда она неожиданно упадет на передние ноги?

Да, вместо насмешек ему будут теперь удивляться. Его станут поздравлять с совершением настоящего подвига. Все захотят услышать его рассказ. Он даже начал уже придумывать, как бы поинтереснее и поярче этот рассказ составить, так чтобы у слушателей захватывало дух.

Понятно, что, находясь в таком возбужденном состоянии, Пит не мог спать. К тому же и лошадь требовала его немедленных забот. Необходимо было осмотреть, не ранена ли она, обтереть и накормить ее. Для той и другой цели он нарезал еще травы.

Обчищенная и накормленная Гильди, в порыве благодарности к хозяину за его заботы, терлась мордою об его плечо и тихо ржала.

— Ну, хорошо, хорошо, я понимаю, чего ты хочешь,— говорил Пит, ласково поглаживая ее рукою.— Теперь ты сыта, но хотела бы пить... Вот если б ты могла рассуждать и понимать мои слова, то я посоветовал бы тебе брать пример с меня. Я уже давно, с самого полудня, ничего не ел и не пил... Я с удовольствием отправился бы теперь с тобою «домой», тем более, что здесь и воды нет, но боюсь, как бы снова не заблудиться... Видишь, какие густые облака заволакивают луну. В двух шагах ничего не различишь. Долго терпели, потерпим и еще немного, моя добрая лошадка!

Действительно, луна совершенно скрылась, и наступил полнейший мрак. Вскоре засверкали во всех местах молнии, и вдруг разразилась буря, настоящая тропическая буря, отличающаяся особенною силою и стремительностью. Страшные удары грома следовали почти беспрерывно один за другим. Немного спустя полился сильный дождь.

Но молодой охотник отнесся совершенно спокойно к этой новой неожиданности и даже обрадовался дождю, лившемуся целыми потоками.

«Вот я только что жалел о неимении воды для Гильди,— подумал он, отряхиваясь как мокрый пудель,— действительно, не было ни капли, а теперь ее вдруг появилось столько, что можно бы напоить целые тысячи лошадей».

Когда, наконец, буря и дождь прекратились, на Пите буквально не было ни одной сухой нитки. Но это не особенно тревожило его. У него была другая, более важная забота: он боялся, что дождем размыло следы, по которым он надеялся добраться до лагеря. В таком случае положение его снова должно было ухудшиться. С нетерпением ожидая восхода солнца, молодой человек предавался самым мрачным мыслям.

С восходом солнца Пит убедился, что опасения его

были вполне основательны — следы совершенно исчезли, точно их никогда и не было.

Хотя у него снова была лошадь, и это немного утешило его, но он все-таки не знал, как пробраться в лагерь. За неимением другого указателя, он снова решил обратиться к солнцу. Вообразив, что лагерь находится на востоке, он смело направился навстречу восходящему светилу.

Но — увы! — прошло несколько часов усиленной езды, и всадник и лошадь почувствовали утомление, а лагеря не было и следа, даже мованы не было видно. Где же теперь искать его? Как ориентироваться в местности, всюду одинаково однообразной и плоской?

Блуждая по безграничной прерии, Пит нечаянно нашёл на многочисленные следы, сохранившиеся, несмотря на проливной дождь, благодаря тому, что почва в этом месте, не так изрытая муравьями, была потверже, нежели там, где он ночевал.

При ближайшем осмотре молодой боец убедился, что следы эти оставлены проходившим стадом буйволов.

В первую минуту после этого открытия Пит очень обрадовался и считал себя уже спасённым, но дальнейшее размышление показало ему, что радость его преждевременна: по следам трудно было узнать — шло ли стадо к реке, то есть по направлению к лагерю боев, или от реки, в противоположную сторону. Нужно было, следовательно, выбирать наудачу: или ехать вперед или назад.

По одному пути можно было совершенно отдалиться от места стоянки каравана, другой же прямо привел бы к нему.

Как же быть? Решать наугад было опасно: мало ли куда можно забрести, отдавшись на волю случаю.

Молодой человек начал искать другого, более верного указания.

Счастье помогло ему. Немного в стороне он заметил лужу красноватого цвета. Окраска воды в красный цвет доказывала присутствие крови, и Пит совершенно основательно предположил, что это кровь буйволов, раненных накануне во время охоты за ними.

— Эге, вот оно что! — воскликнул он, снова обрадовавшись. — Теперь я уж наверное знаю, какого направления мне следует держаться. До сих пор, как оказывается, я все только удалялся от цели.

Он круто повернул лошадь и поскакал назад, придерживаясь следов. Ошибиться теперь было невозможно. В некоторых местах вся почва была буквально изрыта копытами буйволов. Вообще везде виднелись признаки недавнего прохода большого стада.

Если бы Гильди не была так измучена, Пит пустил бы ее галопом, но ему было жаль бедное животное, он старался обузывать свое нетерпение и довольствовался легкой рысцой.

После нескольких часов езды попались два подубглоданных трупа буйволов. По этим трупам Пит догадался, что это как раз то место, где накануне отделился от стада убитый им буйвол, из-за которого ему пришлось столько вынести. Шакалы, наслаждавшиеся прекрасным завтраком, как будто нарочно для них приготовленным вчера охотниками, сейчас же убежали при виде приближающегося всадника. Кружившиеся вокруг трупов коршуны тоже отлетели в сторону, тяжело хлопая крыльями.

Как только всадник удалился, хищные четвероногие и птицы поспешили возвратиться к прерванному лакомому завтраку, которого вовсе не имели намерения упустить.

Теперь Пит мог уже высчитать расстояние, отделявшее его от «дома».

Он заметил уже и мовану, и реку, и даже самый лагерь, хотя понижение почвы препятствовало ему увидеть знакомое дерево еще с того места, где он нашел следы буйволов.

Вдруг внимание молодого человека было привлечено видом двух всадников, во весь опор скакавших к нему навстречу. Всмотревшись в них, Пит узнал своего брата Гендрика и Людвиг Ринвальда, брата Катринки и любимейшего из своих друзей. Трудно описать радость, которую наполнилось все его существо, когда он увидал и узнал дорогих ему людей.

Со своей стороны Людвиг и Гендрик тоже были вне себя от восторга, узнав Пита.

Пока молодые люди пробегали разделявшее их расстояние, они все время обменивались радостными приветствиями.

Наконец, они подъехали друг к другу. В первые минуты свидания ничего нельзя было разобрать у них. Говорили все зараз, задавали бессвязные вопросы, перебывали друг друга восклицаниями, обнимались и цело-

вались и вообще производили впечатление сумасшедших, вырвавшихся на свободу.

Наконец, когда все несколько поуспокоились, Пит спросил:

— Неужели вы всю ночь искали меня? Это было бы ужасно!

— Нет, нет, не беспокойся! — с живостью ответил Гендрик. — Правда, господин Ринвальд и господин Блом предлагали вечером отправиться искать тебя. Они говорили, что если послать по всем направлениям по три — по четыре человека, то кто-нибудь из них должен же наткнуться на тебя. Но отец объявил, что он очень благодарен за участие, но не желает унижать тебя, позволяя тебя отыскивать как пропавшего ребенка. Он сказал, что бояться за тебя нечего. «У него, — добавил он, — превосходная лошадь, лучшая во всем караване, отличное ружье и большой запас зарядов. Кроме того, он не из трусов и сам сумеет вывернуться из всех случайностей». После этих слов отец еще раз поблагодарил наших друзей, но таким тоном, что Клаас Ринвальд и Ганс Блом уже не решились более настаивать на своем предложении. Только сегодня утром отец разрешил мне и Людвигу поехать к тебе навстречу, следуя по вчерашнему пути... Если ты, Пит, провел дурно ночь, то и нам спалось не лучше твоего. Рихия и Анни все время плакали, слушая вой бури и шум дождя. Крики гиен, бродивших вокруг, доводили их чуть не до обморока. Только мать казалась спокойнее всех. Мне сдавалось, что она даже спала. Но когда я встал, она была уже на ногах и дала мне с собою лепешек и тыквенную бутылку с вином для тебя. Ты наверное сильно проголодался. Хочешь воспользоваться?

— Как не хотеть! — воскликнул Пит, жадно схватив лакомые лепешки и бутылку с вином. — Большое спасибо матери, что догадалась прислать! Я голоден как волк, да и жажда измучила... Вот, кому придет на ум позаботиться об этом, кроме матери? — продолжал он, хватив добрый глоток превосходного брандвейна и закусывая лепешкой.

— Ну, если ты так уверен, что о тебе некому позаботиться, кроме матери, — заметил Людвиг Ринвальд, — то я уж не решаюсь предложить тебе провизию, которою снабдили меня моя мать и сестра Катринка. Ты, пожалуй, теперь не обратишь внимания на эти вещи, а между

тем мать и сестра тоже очень были огорчены мыслью, что ты страдаешь от голода и жажды. Когда я сказал им, что, вероятно, госпожа ван Дорн пошлет тебе что-нибудь с Гендриком, они возразили, что лучше будет, если мы оба запасемся чем-нибудь съестным на тот случай, что мы с Гендриком можем разехаться в разные стороны во время поисков... Если ты не желаешь оказать честь сестричке моей сестры, то я сделаю это вместо тебя, чтобы не огорчить ее твоим пренебрежением. Пусть она подумает, что все приготовленное ею пошло на тебя... Бедная Катринка! Не мало, должно быть, она мучилась в эту ночь, думая, что ты заблудился или что тебя нет уже и в живых... Я не понимаю, из-за чего собственно она-то так сокрушалась... Хотя она вслух и не выражала своего горя, но глаза у нее опухли от слез — этого она скрыть не могла.

— Правда? — спросил Пит с сияющими от радости глазами.

Смотря на радость Пита, можно было подумать, что горе Катринки приводит его в восторг. Оно так в действительности и было. Горе молодой девушки было лучшим ответом на взаимность питаемого им чувства к ней, и это приводило его в полный восторг. Невзирая на то, что он был уже почти сыт, он все-таки принялся и за пирожки с мясом, которые нарочно для него приготовила Катринка, и, конечно, нашел их вкуснее даже лепешек матери.

Глава 11

НОВОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

Когда Пит окончил свой завтрак, запив его настойкою, тоже прислаивною Катринкою, молодые люди поспешили к лагерю.

К сожалению, они не могли ехать так скоро, как бы им хотелось. Гильди положительно шаталась от изнурения. Пит принужден был сойти с нее и повел ее на поводу.

— Садись на мою лошадь, а я поведу твою, — предложил Гендрик брату.

— Нет, спасибо, милый Гендрик, — ответил Пит, — я генерь отлично подкрепился и могу пройти сколько угодно.

Он сам едва держался на ногах от усталости, но отказался от предложения брата просто из самолюбия. Отец в первый раз, публично, признал его способным лично вывернуться из затруднительных обстоятельств, и вот ему захотелось заслужить это лестное мнение до конца, а это и заставило его отказаться от помощи, которая была бы для него далеко не лишнею. По той же причине он умолчал и о ранках, нанесенных ему колючками акации. Между тем ранки сильно давали себя чувствовать.

Гендрик более не стал настаивать на своем предложении.

Нельзя сказать, чтобы Пит подвигался очень скоро — усталость все-таки брала свое. Людвигу и Гендрику приходилось ежеминутно сдерживать своих лошадей, чтобы не опередить его, и таким образом расстояние между ними и лагерем уменьшалось очень медленно.

Эта медленность выводила их всех из терпения, особенно Пита.

— Да когда же, наконец, покажется лагерь?! — воскликнул Пит.

— Не поехать ли мне вперед, чтобы обрадовать наших известием о твоём благополучном возвращении? — предложил Гендрик.

— Отлично! Поезжай, пожалуйста, вперед, — согласился Пит.

Ради того, чтобы успокоить домашних часом раньше, он жертвовал радостью видеть, как просияют милые лица при его неожиданном возвращении.

В то мгновение, когда Гендрик хотел уже прищпорить лошадь, Людвиг схватил ее за узду и сказал:

— Погоди, Гендрик! Мне кажется, будет благоразумнее, если ты не покинешь нас. Нам угрожает опасность, с которой, может быть и втроем мы не справимся.

— Опасность? Какая? — в один голос спросили Пит и Гендрик, с удивлением глядя на Людвига.

— А вот посмотрите! — ответил молодой Ринвальд, указывая назад на целое скопище хищных зверей, собравшихся вокруг трупов убитых накануне буйволов.

— Ну, на эту дрянь нечего обращать внимания! — презрительно заметил Пит. — Ты что-то очень боязлив сегодня, Людвиг. Гиены и шакалы нам не опасны. Эти звери слишком трусливы, чтобы напасть на нас.

— А это тоже шакал или гиена? — возразил Людвиг, указывая на громадного зверя, отделившегося от группы

пировавших и приближавшегося к молодым людям, тихо рычал.

Это был лев необыкновенной величины. Переселенцы еще никогда не видали такого крупного экземпляра.

Явившись слишком поздно к месту пиршества, царь зверей не нашел ничего, кроме жалких остатков, в виде уже обглоданных костей. Конечно, этого было мало для него.

Окинув гордым, презрительным взглядом обглоданные кости и группу почтительно отошедших в сторону птиц и шакалов, лев заметил людей и лошадей и решил, что они должны вознаградить его за обидное разочарование, которое он только что испытал.

Не доходя нескольких сот шагов до всадников, лев остановился в полусогнутом положении, поднял кверху хвост и, оскалив зубы и бешено потрясая великолепной гривой, грозно зарычал.

Эти приемы, хорошо знакомые охотникам на львов, доказывали боерам, что зверь смотрит на них как на свою законную добычу и выбирает первую жертву, на которую ему было бы удобнее напасть.

Львы опасны всадникам только в лесной чаще или в джунглях, где движения лошади стеснены.

Будь у молодых людей все лошади в порядке, им стоило бы описать галопом несколько кругов, чтобы сбить с пути льва. Но так как у них только две лошади годились в дело, а третья, и так уже совершенно истощенная, могла упасть и тем погубить всадника, то это средство нельзя было применить в данном случае.

Оставалось только померяться силами со страшным врагом и стараться сохранить присутствие духа.

Пит снова сел на лошадь. Сделал это он, вероятно, совершенно машинально: за минуту перед тем он отлично сознавал, что бедная Гильди едва ли может быть ему теперь полезна. Увидя льва и сознавая свою слабость, она вся дрожала.

Трое друзей выстроились в одну линию, приложили к плечам ружья и не сводили глаз со льва.

Будь трава высока, они и не заметили бы опасного соседа.

Через несколько минут, соскучившись, очевидно, ждать, лев подошел так близко, что в два-три прыжка мог достигнуть до молодых охотников.

Как стрелять — всем сразу или одному за другом? — шепотом спросил Людвиг.

По-моему, всем вместе, — ответил Пит.

Нет, нет, лучше одному за другим! — поспешил ответить Гендрик.

Но лев, сделав гигантский прыжок, прекратил это разногласие. Три охотника почти одновременно спустили курки своих рогов. Гендрик и Людвиг оба дали промах. Это было очень естественно: их испуганные лошади не стояли на месте. Обоим молодым людям едва удалось прицелиться, и пули их полетели в пространство.

Что бы они стали делать, если бы и лошадь Пита начала так волноваться? Но, против ожидания, именно эта бедная полуживая лошадь и спасла всем троим жизнь. Гильди была утомлена до такой степени, что у нее не хватало даже сил сделать попытку спастись бегством. Ужас совершенно парализовал ее. Она не сделала ни малейшего движения, а это дало возможность Питу спокойно прицелиться и выстрелить в льва.

Пит одержал победу, достойную и наиболее прославленного охотника на львов, нежели он. Лев упал как подкошенный, насмерть сраженный его пулею, моментально пробившею ему череп, так что куски мозга вылетели из головы вместе с хлынувшими потоками крови. Таким образом, смерть зверя была мгновенная. Теперь он был уже не опасен. Можно было безбоязненно подойти к нему и рассмотреть его поближе.

У всех жителей Южной Африки — туземцев, колонистов, боев и других — победа над львом считается самым славным охотничьим подвигом. Подобный подвиг составлял эпоху в жизни того, кому удалось совершить это.

Трудно описать гордость и счастье Пита. Положив на месте льва, да еще таких размеров, он делался героем и смело мог надеяться получить руку Катринки.

Товарищ и брат осыпали его комплиментами. Они так любили его, что совершенно искренно поздравляли молодого охотника с таким блестящим подвигом и от души разделяли его радость. У них в сердцах не было к нему ни ревности, ни зависти.

Скромность очень идет победителю. Пит вполне довольствовался тем, что и он обладает этим прекрасным качеством, отнеся брату и другу:

— Отказываюсь от половины ваших похвал в пользу

Гильди. Не стой она неподвижно, подобно статуе, я тоже не мог бы прицелиться, как следует... От души желаю и вам испытать такую же удачу при первой встрече со львом.

— Благодарю за пожелание,— сказал Людвиг.— Но я полагаю, ты не желаешь оставлять добычу здесь? Давайте-ка снимем скорее шкуру с этого грозного царя пустыни и лесов. Мы и так уже сильно запоздали, а это новый повод для наших к беспокойству.

— Отправляйся-ка вперед, Людвиг,— предложил Гендрик.— Теперь путь совершенно свободен. Пора утешить наших. Мы с Питом и одни снимем шкуру.

— Ну, так до свидания! — проговорил Людвиг.— Лечу герольдом славных вестей... Ну, и прием же будет тебе, друг Пит!

Он приподнял шляпу, пришпорил лошадь и быстро поскакал по направлению к лагерю.

Братья так привыкли к работе, за которую взялись, что через какие-нибудь четверть часа шкура была уже снята и переброшена на спину лошади Гендрика.

Однако Пит работал далеко не так быстро, как обыкновенно. Гендрик только по этому обстоятельству понял, как сильно был утомлен брат. На этот раз он заставил таки его сесть на свою лошадь, а сам повел Гильди.

Менее чем через час путешественники были уже так близко к лагерю, что могли видеть там движение людей.

— Что там такое? Что случилось во время нашего отсутствия? — воскликнул Гендрик, тревожно всматриваясь в сторону стоянки каравана.

Под мованой, действительно, происходило что-то необыкновенное. Люди бегали взад и вперед, очевидно чем-то сильно встревоженные, даже животные беспорядочно метались во все стороны, точно бешеные.

Поняв, что в лагере происходит что-то недоброе, молдые люди, охваченные тревогою, поспешили прибавить шагу.

Они слышали крики, видели, как слуги сгоняли животных в одно место, но никак не могли понять причину этой суматохи. Повозки были выдвинуты за ограду, и в них впрягались быки. Лошади седлались. Женщины и дети поспешно тащили разный скарб. Очевидно, боер готовились покинуть место своей стоянки, на котором думали пробыть еще недели две.

— Да в чем же, наконец, дело? — недоумевал и Пит,

ищегно стараясь понять причину этого внезапного решения переселенцев.— Неужели тебелы напали на караван с целью грабежа, несмотря на данное их предводителем нашему отцу обещание беспрепятственно пропускать караван через свои земли?

— Ну, едва ли,— возразил Гендрик.— Ведь из укрепленного лагеря легче отбить нападение дикарей, чем в пути. Тут что-то другое, но что именно — никак не могу понять.

— Да, это верно, ты прав,— задумчиво произнес Пит.— Господи, но что же, в таком случае, делается там?

Людвиг, быстро мчавшийся к ним навстречу, объяснил, наконец, загадку.

— О, бедные друзья мои! — еще издали закричал он.— Наши начали было готовить настоящее празднество в честь возвращения Пита, но все пришлось бросить, и в лагере теперь ужас и смятение!

— Но, ради Бога, что же там случилось? — поспешно спросили Пит и Гендрик в один голос.

— Цеце напали на наш лагерь!

Этим сказано было все. Оба молодые ван Дорна были страшно поражены. Все трое поспешно направились к лагерю.

Глава 12

НАПАДЕНИЕ ЦЕЦЕ

Левингстон и Стэнли, в своих описаниях Южной Африки, первые познакомили Европу, что подразумевается под словом цеце.

Так называется насекомое, немного более обыкновенной мухи. Укус этого страшного бича природы одинаково смертелен как для хищных зверей, так и для домашних животных. Впрочем, из последних, по необъяснимой странности, только осел и лошак нечувствительны к яду цеце. Кроме того звери, постоянно живущие в местностях, посещаемых этим насекомым, пользуются той же привилегией: укус цеце, хотя и очень для них мучителен, но не смертелен. Собаки же, лошади, бараны, коровы, быки и прочие домашние животные всегда умирают от яда цеце.

Ученые, которым это насекомое известно под названием *glossinia morsitans*, до сих пор не могут объяс-

нить, почему укусы его для одних животных безусловно смертельны, а для других нет.

Когда Людвиг назвал цеце, Пит и Гендрик поняли, чем было вызвано внезапное бегство боев из-под мованы.

От нападения ядовитой мухи только и можно было спастись поспешным бегством. Это они оба отлично знали, и потому Людвигу не было надобности пускаться в подробные объяснения.

Но откуда же появился этот новый страшный враг?

Перед тем как остановиться на продолжительный отдых под мованой, боев тщательно осмотрели это дерево и другие и не нашли ничего подозрительного. Заметив переселенцев хотя одну цеце, они, конечно, тотчас отправились бы далее.

Между тем вот как было дело.

Нападение крылатого неприятеля совершилось не более часа тому назад, совершенно неожиданно и внезапно.

До сих пор весь караван блаженствовал, отдыхая от утомительного путешествия. За исключением семьи ван Дорна и Катринки Ринвальд, встревоженных долгим отсутствием Пита, все радовались прибыли мяса, доставленного убитыми буйволами. Тревога, вызванная накануне появлением стада буйволов, была уже забыта большинством переселенцев, в виду благополучного исхода угрожавшей от них опасности.

По случаю гибели всех баранов, боев призадумались уже было о провизии, так как запасы, взятые в дорогу, подходили к концу, но вот совершенно неожиданно пожаловали буйволы — и запасы были возобновлены. Как же было не радоваться этому? Прокормить массу людей во время путешествия по необитаемым странам очень трудно. Положим, можно было рассчитывать на ловкость охотников, но во время перехода через местности вроде, например, пройденного с таким трудом карру, редко когда попадалась подходящая добыча.

Под руководством трех главных боев весь караван весело занялся приготовлением в запас новой провизии. Буйволы были выпотрошены и разрезаны на части. Лучшие куски пошли на бютлонг, то есть были высушены на солнце. Этот способ консервирования мяса, известного в Мексике под названием тасайо, а в Южной Африке — шаркви, приносит громадную пользу в тех странах, где

только составляет предмет роскоши, иногда прямо недостижимой.

Бютлонг, нарезанный в виде узких полосок, унижал пирамидами все места, где особенно палило солнце, постепенно принимая темно-коричневый цвет.

Благодаря обилию мяса, ужин накануне был роскошный. На превращенном в очаг муравейнике жарилось множество бифштексов и варились языки буйволов, составляющие самое лакомое блюдо.

Завтрак в это утро был не хуже вчерашнего ужина, но почти никто не прикоснулся к нему. Пит ван Дорн был любимцем всего каравана, и потому его продолжительное отсутствие внушало всем опасение, как бы с ним не случилось несчастья. Не одна Катринка ходила в это утро с распухшими от слез глазами, так что ее расстроенный вид не обращал особенного на себя внимания. Все более или менее были невеселы.

Часы шли за часами, а Пит все не возвращался. Беспокойство о нем возрастало с каждою минутою и достигло уже своего апогея к тому времени, когда прискакал Людвиг с радостною вестью, что молодой ван Дорн цел и невредим и скоро будет в лагере.

Впрочем, сначала, увидав быстро скакавшего Людвиг одного, все подумали, что дело очень плохо. Даже Ян ван Дорн, несмотря на всю силу его характера, побледнел немного, а жена его, мать Пита, не могла от волнения выговорить ни слова, хотя желала спросить у Людвига, где он оставил Гендрика. Катринка подумала, что всему конец, и, не выдержав, со слезами бросилась на шею плачущей Рихии. Слезы молодых девушек смешались.

Но мало-помалу все объяснилось. Переселенцы тесною толпою окружили Людвиг, жадно слушая его рассказ. Поспешно рассказывая, молодой человек опускал подробности, а все желали знать их, поэтому его ежеминутно перебивали вопросами. Описание подвигов Пита побудило всеобщий восторг. На бааза и его жену посыпались дружные поздравления. Госпожа ван Дорн, имевшая силы сдерживать слезы горя, не могла теперь удержаться от слез радости. Между тем Людвиг, войдя в роль оратора, продолжал красноречиво прославлять подвиги друга. Катринка слушала его с затаенным дыханием и с шмыгающим от различных волновавших ее чувств сердцем.

Среди всеобщего ликования по поводу этого рассказа

вдруг раздался какой-то резкий свист, точно от удара бичом по воздуху, и послышалось жужжание. Вокруг лошади Людвига летало насекомое, хорошо известное по его коричневому цвету и желтым полоскам на брюшке. Трепыхая длинными крылышками, оно, очевидно, искало места, куда бы вонзить свое жало.

Полагая, что Людвиг привез с собою это насекомое и что оно только одно, все бросились ловить его. Старались изловить его шляпами и платками, но напрасно: полуденная жара возбуждала насекомое, и потому не было никакой возможности изловить муху.

Цеце летала то направо, то налево, то вверх, то вниз и постоянно увертывалась от преследования. Жужжание его слышалось то тут, то там, точно насекомое издевалось над тщетными усилиями поймать его. Много рук угрожало маленькому чудовищу, но ни одна не могла схватить его.

Наконец, насекомое полетело к загону, где пасся скот. Все бросились за ним и с ужасом убедились, что там целая туча цеце уже напала на стадо.

— Ну, мы погибли! — закричали боеры в один голос. — Нападение цеце — нужно скорее бежать отсюда!

Лагерь засуетился. Эта-то суета и была замечена издали молодыми людьми, повергая их в недоумение и ужас.

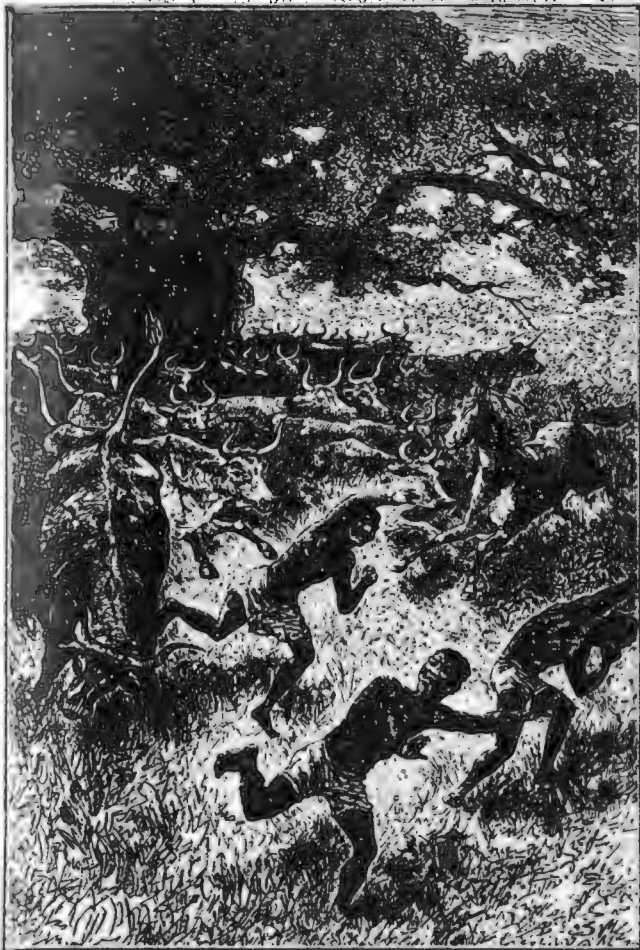
Оказалось, что цеце нападали не только на коров и телят, но и на быков, служивших для упряжи, и на собак.

Последние тщетно усиливались ловить зубами жаливших их насекомых. Кусая самих себя, они в бессильной ярости катались по земле и бешено выли, не имея возможности избавиться от своих крылатых мучителей. Острые зубы их щелкали по воздуху, но ни одна муха не попадала под них.

— Скорее, скорее! — кричал ван Дорн, распорядившись приготовлениями к отъезду. — Здесь нельзя более оставаться ни одной лишней минуты!

В надежде спасти стадо, его поспешно собирали в одну кучу, отгоняя платками, шляпами и чем попало преследовавших его насекомых.

Возвращение Пита посреди этой суматохи было встречено далеко не так торжественно, как думали его встретить. Только мать и сестры крепко обнимали и целовали его. Катринка приветствовала его долгим красноречивым взглядом и крепким пожатием руки. Отец, Ганс Блом и

111

THE HUNTERS
AND THE
ANTHEPES

Класс Ринвальд кратко, но сердечно выразили ему свою радость по поводу его возвращения целым и невредимым.

Этим пока все и ограничилось. Обстоятельства требовали усиленной и спешной деятельности всего каравана, и потому некогда было предаваться излишним радостным чувствам. Пит и Гендрик тоже приняли участие в общей возне.

Вскоре все пожитки боеров были уложены в повозки, и караван готов был двинуться в путь.

Старшие боеры наскоро составили совет, в какую сторону следует направиться. Мнения разделились, но недостаток времени не позволял входить в подробное их обсуждение. Останавливались только на более существенном.

Одни предлагали продолжать путь в прежнем направлении, но это значило следовать по берегу реки, окаймленному деревьями, в которых могли гнездиться тучи тех самых страшных насекомых, от которых они вынуждены бежать. Зачем же покидать мовану, если все равно не удастся отделаться от неприятеля, и он будет встречаться на всем пути каравана по берегу реки?

Ян ван Дорн думал, что ядовитые мухи были привлечены проходившим стадом буйволов, которые, по всей вероятности, от них и спасались бегством. Другую причину стремительного бега этих крупных животных трудно было и предположить: их никто не преследовал, пожара степного поблизости тоже не было видно,— значит цеце и были причиною, заставившею стадо внезапно покинуть место его пастбища.

Это мнение было вполне основательно, но Ганс Блом и Клаас Ринвальд не хотели согласиться с ним, утверждая, что удаляться наудачу в необозримые прерии, где нечем руководствоваться и трудно ориентироваться, край не рискованно. Цеце наверное собрались все в одно место под мовану, где увидели стадо коров, а далее по всему протяжению реки не встретится, вероятно, ни одного насекомого.

Проводник Смуц сразу разрешил спор. Взобравшись с быстротою векши на вершину дерева, он заметил вдали горную цепь, тянувшуюся почти параллельно с рекою. Крикнув сверху о своем открытии, он живо спустился на землю и добавил:

— Это-то нам и нужно. Там нет деревьев, а потому не может быть и цеце. Заблудиться мы не можем, потому

что горы идут по одному направлению с рекою. Придерживаясь этих гор, мы продлим наш путь дня на два, не больше.

— А на каком приблизительно расстоянии от нас находится горы? — спросил бааз.

— Около пяти-шести километров, — ответил Смуц.

— Итак в дорогу! — крикнул ван Дорн повелительным голосом предводителя, хотя и спрашивая взглядом согласия своих двух товарищей.

— Ну, помоги, Господи, избавиться от этой новой беды! — проговорил Ганс Блом

Все набожно повторили его слова. Смуц занял свое обычное место впереди каравана. Повозки двинулись и тяжело загромыхали по лугу. Тенистый и гостеприимный уголок под мованой, за несколько минут перед тем кипевший жизнью, снова опустел.

Горная цепь, о которой заявил проводник и к которой должен направиться караван, находилась по ту сторону реки, и потому нужно было переправляться через реку. Но путешественники этим не особенно смущались. Они знали место неподалеку от мованы, где можно было перейти реку почти в брод, но они упустили из виду проливной дождь, ливший ночью. В тропических странах в час выпадает дождя более, чем в средней полосе в течение дня. По случаю этого дождя река сильно вздулась, местами даже выступила из берегов и образовала настоящие озера. Люди и животные еще могли бы переправиться вплавь, но как переправить на ту сторону тяжелые поковки?

Оставалось одно — ждать понижения воды. Боеры сильно взволновались было этой неожиданной задержкой, но находчивый Смуц и тут успокоил их.

— Ждать долго не придется, будьте покойны, — заметил он.

Действительно, вода быстро убывала. В Африке вообще разлив рек продолжается очень недолго

Уровень реки понижался на глазах у переселенцев с удивительною быстротою. Казалось, будто вода безостановочно уходит в подземные резервуары. Боеры со спокойным сердцем наблюдали за удивительным процессом быстрого убывания воды.

В надежде, что стоять долго не придется, не нашли нужным даже выпрягать повозки. Всадники спешили для приготовления всего необходимого к переправе.

Вскоре река вошла в обычное русло, и вновь образовался брод.

Началась переправа. Упрямые упряжные быки заартачились, не желая идти в воду. Поднялся невообразимый шум: начались крики, взмахивали бичами, жамбоками и просто руками,— кто чем мог. Наконец, кое-как быки сдались и вошли в воду, но хлопанье бичей, свист жамбоков и оглушительные крики продолжались во все время переправы, так как упорные животные останавливались почти на каждом шагу.

После многих усилий весь караван наконец очутился на противоположном берегу. Все вздохнули с облегчением.

Во время переправы случился комический инцидент, несколько развеселивший уставших и раздраженных боев.

Андрэ Блом, завидуя успехам своего приятеля Пита ван Дорна, захотел унизить его в глазах Катринки. Питу не было необходимости прикрашивать и преувеличивать свои подвиги: факты говорили сами за себя. Катринка очень гордилась роскошною львиною шкурою, подаренною ей счастливым охотником.

Однако Андрэ настаивал на том, что история с берлогу гиены вымышлена, и что Пит, вероятно, просто-напросто перекувырнулся через голову лошади, благодаря собственной неловкости. При этом молодой Блом выражал свое сожаление по поводу того, что не был свидетелем такой интересной сцены.

— Вот господин де Моор сопровождал нас в погоне за буйволами. Вероятно, и он одного мнения со мною,— добавил молодой человек.— Не правда ли, господин де Моор?

— О, конечно! — ответил тот с едва заметною насмешливою улыбкою.

— Удивляюсь, почему вы не хотите верить словам Пита,— заметила Катринка тоном, не допускавшим сомнения, что лично она питает непоколебимое доверие к старшему сыну бааза.

— Я вовсе не хотел оскорбить вас, мадмуазель Катринка, говоря, что верю более предположению Андрэ Блома, чем рассказам Пита ван Дорна,— сказал Карл де Моор, резко подчеркивая последнюю часть своей фразы.

— Конечно, всем известно, что Пит еще слабоват в верховой езде! — присовокупил Андрэ.

Катринка ничего не сказала в ответ молодому человеку, но его замечание задело ее сильнее, чем она хотела показать. Она желала, чтобы все признавали достоинства и блестящие качества Пита одинаково с нею.

Если Андрэ Блом рассчитывал выиграть в ее мнении, стараясь унижить своего соперника, то он горько заблуждался. Напротив, этим он только отталкивал ее от себя.

Что касается до Карла де Моора, то он уже давно был ей противен, хотя она не могла хорошенько объяснить почему. Ей казалось, что он утаивает в себе какую-то неприязнь к баазу и его семейству, а его последнее замечание, которым он ясно выразил свое недоверие к Питу, окончательно оттолкнуло ее от него.

Оставшись наедине со своею матерью, Катринка не могла удержаться, чтобы не сказать ей:

— Как ты думаешь, мама, надежный ли человек Карл де Моор? Мне кажется, что он ненавидит баазу и его семейство.

— Я, право, не заметила ничего подобного, дитя мое, — мягко сказала госпожа Ринвальд. — За что же ему ненавидеть баазу, который относится к нему всегда так хорошо?

Людвиг говорит, — продолжала Катринка, — что Пит подвергался всем тем опасностям, от которых спасся только благодаря своей неустрашимости, — прямо по милости Карла де Моора. Он мог бы одним выстрелом убить буйвола, но почему-то не сделал этого. Ты знаешь, мама, Людвиг никогда не будет говорить о том, в чем не уверен.

— Да, — сказала мать, — но я знаю также и то, что молодые люди большею частью склонны все преувеличивать. Они часто высказывают такие суждения, в которых более предвзятого, чем справедливого. Я не сомневаюсь в честности Людвига, но просто думаю, что он часто относится к некоторым вещам очень легко. В этом случае похожа и ты на брата, дитя мое. Берегись необдуманно оскорблять человека, который сумел заслужить уважение твоего отца, господина Блома и даже самого баазу.

Катринка замолчала, не решаясь спорить с матерью. Но с этой минуты она стала чувствовать отвращение к Андрэ, относившемуся так насмешливо к Питу, и еще большее отвращение, смешанное с каким-то тайным страхом, к Карлу де Моору, который, как ей казалось, питает какое-то неприязненное чувство к баазу и его сыну.

Между тем Андрэ и не подозревал, какое неблагоприятное впечатление на Катринку производили его маневры. Во время переправы он все время суетился возле повозки Ринвальдов, навязывал свои услуги Катринке, кричал, жестикулировал больше всех, — словом сказать, исполнял роль человека, желающего во что бы ни стало отличиться.

Катринка отвечала на все его выходки одним плохо скрытым презрением, оплачивая этим за его насмешки над Питом. Это задело Андрэ за живое. Не зная, на ком сорвать зло, он принялся хлестать нагайкою свою лошадь. Животное возмутилось незаслуженными побоями, поднялось на дыбы и, поскользнувшись на скользких камнях брода, сбросило своего всадника в реку.

Это неожиданное происшествие вызвало взрыв всеобщего хохота. Пока лошадь и всадник барахтались в воде, стараясь встать на ноги, все время раздавался звонкий серебристый смех Катринки, заглушавший, как казалось Андрэ, хохот других. Ему даже ясно послышалось, как она говорила сквозь смех:

— Андрэ Блом был вполне прав, утверждая недавно, что такие полеты с лошади очень забавны, особенно для зрителей. Могу теперь подтвердить это.

Андрэ был вне себя от злости и стыда. В пылу досады он даже не имел утешения слышать, как за него заступилась добренькая Мейстья.

— Ты уж слишком жестока к этому бедному молодому человеку, — сказала она Катринке. — Несчастье может случиться со всяким. Его нужно скорее пожалеть, чем насмехаться над ним.

— Я и не улыбнулась бы даже, если бы он не издевался над Питом, — отвечала Катринка.

— Я вполне согласна с тем, что очень нехорошо поддаваться ревности, — продолжала со вздохом Мейстья. — Но, согласишься сама, что если бы Андрэ не старался так нравиться некоторой, очень близкой мне особе...

— Которая, кстати сказать, вовсе не желает нравиться ему, — с живостью перебила Катринка.

— Может быть, — заметила Мейстья. — Но я хотела только сказать, что если бы не это чувство, он не был бы несправедлив к Питу. Ревность всегда дает дурные советы... Во всяком случае, за исключением этого недостатка, Андрэ превосходный молодой человек.

— Да?.. Ты находишь? — тоном сомнения сказала

Катринка. — Ну, и советую тебе исправить его от этого недостатка.

Мейстья покраснела и не нашлась, что еще возразить.

Веселое настроение переселенцев, вызванное падением Андрэ с лошади, продолжалось однако недолго. Все были озабочены вредом, нанесенным уже, по всей вероятности, стаду каравана ядовитыми насекомыми.

— Неужели не существует никакого средства против укуса этого насекомого? — спросил Ганс Блом своего друга Класа Ринвальда.

— Никакого! — со вздохом отвечал последний.

— А как вы думаете, много уже успело пострадать коров?

— Наверное сейчас нельзя определить. Это мы узнаем потом. Яд цеце действует не сразу.

— Вот еще несчастье-то! — печально сказал Блом.

— Да, вы правы, дорогой Блом, — согласился Ринвальд.

И оба друга поникли головами, погруженные каждый в невеселые думы.

Когда последняя корова перешла вслед за караваном на северный берег реки, путешественники были поражены новым сюрпризом.

— Слоны! Слоны! — закричал один из кафров.

Пугаться этого известия было нечего. Напротив, встреча со слонами обещала только хорошую добычу.

Однако, когда получились более подробные сведения от разведчика-кафра, радостное ожидание боеров сменилось ужасом.

С противоположной стороны реки подходило к броду более сотни слонов.

Это были, вероятно, те самые слоны, которых переселенцы уже встречали раз ночью.

Толстокожие гиганты шли гуськом, один за другим. Очевидно, они тоже намеревались перейти через реку.

При этом случае бааз выказал свой ум и быструю сообразительность.

Дайте им свободный путь, и чтобы никто не смел нападать на них! — приказал он своим людям.

Повозки были моментально отведены в сторону, стадо тоже, и таким образом дорога сделалась свободною.

Без этой предосторожности слоны, державшиеся прямой линии, смяли бы все на своем пути.

Разочарованный этими мирными мероприятиями, Пит приблизился к отцу и сказал ему:

— Как жаль, отец, упускать такую прекрасную добычу!

— А кто тебе сказал, что мы намерены упустить ее? — проговорил Ян ван Дорн с тонкой улыбкой. — Поиди, встань там, впереди, вместе с Гендриком. Клаас Ринвальд с сыном поместятся за деревом, Андрэ со своим отцом — за другим. Карл де Моор встанет где ему угодно. Остальных я сам размещу. Но я требую от всех не делать ни одного выстрела без моего сигнала.

Заняв указанные баазом позиции, все стали спокойно ожидать слонов. Последние шли шагом, равнявшимся, однако, легкой рыси лошади.

Ян ван Дорн не ошибся. Слоны пришли к реке не на водопой, а, действительно, с целью перебраться на другую сторону. Напиться они могли бы в любом месте реки, но брод был, вероятно, только в одном месте на большом протяжении, и слоны это знали.

Когда слон-вожак ступил своею громадною ногою в реку, вода так и забурлила во все стороны. Это было старое животное гигантских размеров, с длиннейшими клыками и ушами.

Его громадный гибкий хобот извивался змеею, но — увя! — в последний раз.

— Пли! — скомандовал бааз.

Вожак, пронзенный множеством пуль, рухнул на месте, точно глыба, сорвавшаяся с какой-нибудь горы и упавшая в воду. Вместе с ним пало пятеро его товарищей, смертельно раненных.

Остальное стадо испуганно повернуло назад и в беспорядке бросилось бежать. Слышно было, как под напором гигантских животных гнулись и ломались мелкие деревья и кустарники, окаймлявшие тот берег реки.

— Ура! Славная победа! — воскликнул Ян ван Дорн, когда раненые слоны были добиты. — Если мы и лишимся части нашего скота, то с избытком будем вознаграждены за эту потерю. Проданная нами слоновая кость даст возможности приобрести стадо втрое больше нашего.

Действительно, груз каравана увеличился слоновой костью лучшего качества. Такая богатая добыча радовала всех.

Один, впрочем, человек не принимал ни малейшего участия в общей радости. Этот человек был Карл де

Моор. Но так как все привыкли к его угрюмости, то никто не обращал на это внимания.

Склонив голову и нахмутив брови, он думал:

«Гм! Они добыли слоновой кости — пусть так. Но как они ее потащат, когда падут все быки?.. погоди, мой милый, дорогой Лауренс, еще немного — и ты будешь отомщен! За это тебе ручается твой отец».

Глава 13

ДЕЛО НАСЕКОМЫХ

Прошло сорок восемь часов с тех пор, как караван вышел из-под мованы. Он выбрал новое место стоянки, совершенно противоположное первому: и местность и ландшафт были уже далеко не так удобны. Лица переселенцев выглядели тоже по-другому: из довольных и веселых они превратились в мрачные и озабоченные.

Лишь положение повозок, расставленных четырехугольником, напоминало вид прежнего лагеря. Но стада коров и телят и табуна лошадей, пасшихся, бывало, возле каравана, под охраною собак, теперь не видно. Вместо обычных оживления и шума, царствовавших обыкновенно среди переселенцев, в настоящую минуту там уныние и зловещая тишина. Не слышно ни веселого говора, ни смеха. Люди только изредка перекидываются несколькими отрывистыми словами. Они тихо, как тени, бродят, понесив головы и окидывая скорбным взглядом местность вокруг повозок, сплошь усеянную трупами домашних животных.

Разрушительное дело цеце окончено. Смерть владычествует над этим местом, пожиная обильную жатву. Все стадо каравана, все эти смиренные четвероногие слуги воинов лежат холодными трупами или быются в последних предсмертных судорогах угасающей жизни...

Злополучные переселенцы до последней минуты не теряли надежды, потому что пали не сразу все животные: симптомы отравления следовали один за другим постепенно. Некоторые животные, несмотря на зной тропического солнца, сильно дрожали, точно в сильный холод, отказывались от пищи, шерсть у них щетиною поднималась вверх, глаза блуждали, челюсти покрывались язвами.

При этом они страшно худели и кончали припадком во добоязни, так что их приходилось убивать...

Другие погибали иначе. Это были, по-видимому, самые сильные организмы. Никто и не думал, что они заражены ядом цеце. Их оставляли на ночь спокойно уснувшими, а утром находили мертвыми.

Таким образом погиб весь скот, а между тем не было недостатка в заботах о несчастных животных. Употребляли все известные и возможные средства, чтобы спасти их. Сначала полагали, что не все поражены ядом насекомого, но потом, со дня на день, пришлось убедиться в противном и признать горькую действительность.

Одна Гильди, лошадь Пита, осталась цела. Сначала думали, что этому счастливому исключению она была обязана тому обстоятельству, что находилась вне лагеря переселенцев во время нашествия ядовитых насекомых, но потом убедились, что это предположение неверно. Лошадь Гендрика, возвратившаяся в лагерь одновременно с лошадью Пита, пала. В виду этого одни говорили, что цеце просто случайно не заметили ее, а другие утверждали, что своим спасением Гильди всецело обязана Питу. Молодой человек был так привязан к своему товарищу по приключениям, что не отходил от Гильди ни днем ни ночью, и употреблял все усилия не дать ей погибнуть. Хотя изнуренная лошадь и походила теперь более на заморенную клячу, чем на кровного скакуна, но все-таки можно было надеяться, что при хорошем уходе и корме она оправится.

Местность, на которой остановились боеры, как сказано выше, вполне гармонировала с их настроением. Это была широкая мрачная котловина, окруженная с двух сторон дикими угрюмыми скалами, почти сходящимися вместе у начала оврага. Над серединою образовавшегося таким образом, ущелья нависла громадная глыба, ежеминутно угрожавшая обрушиться вниз. Подножья скал обросли эвфорбами и алоэ, дававшими немного тени. За исключением этой суровой растительности не было другой. Ни деревца, ни травки. Лишь в одном месте котловины виднелось два-три жалких куста, немного тощей травы и несколько экземпляров верблюжьего терновника на ветвях которого протачивались, точно длинные кошельки, гнезда птиц-ткачей.

Недалеке журчал ручей, окаймленный дерном, которого хватило бы на несколько дней на прокорм скота.

Позле этого ручья Пит и поместился со своею лошадью. Молодой человек с самого начала бегства каравана из под мованы решил отделить Гильди от остальных животных. Ему говорили, что зараза ядом цеце не переходит от одного животного к другому, но он стоял на своем, что лучше изолировать свою лошадь. Упорство свое он оправдывал тем, что Гильди осталась цела, тогда как все другие животные пали.

Молодой человек так добросовестно исполнял роль сиделки около своего четвероногого друга, что спал только днем, пока Гильди кое-как бродила по траве. Не буди ночи так темны, он увидал бы во время своего бдения, как посреди скота неслышно скользила, точно тень, какая-то человеческая фигура.

Появление по ночам этой тени могло бы объяснить боерам некоторые совершенно непонятные случаи внезапной смерти скота, очевидно вовсе незараженного ядом цеце. Но переселенцам и в голову не могло прийти подозревать кого-нибудь из своей среды в дурных намерениях. Укусы ядовитых насекомых служили в их глазах совершенно достаточным объяснением падежа животных. Боеры сочли бы сумасшедшим того, кто высказал бы хотя бы малейшее сомнение в этом. Они были уверены, что никому не может быть пользы от такого несчастья, так как весь караван одинаково должен страдать от него не только в настоящем, но и в будущем.

Что теперь предпринять злополучным боерам в этой пустыне, вдали от всякого жилья? Как выбраться из нее? Кто повезет теперь их подвижные дома-повозки?

Убедившись в безвыходности своего положения, переселенцы впали в полное отчаяние. Им оставалось теперь ждать только смерти, которая избавила бы их от всех мучений, предстоящих им в недалеком будущем.

Сидя на громадных каменных глыбах, сорвавшихся с утесов и покрывавших часть оврага, Ян ван Дорн, Клаас Ринвальд и Ганс Блом обсуждали свое положение.

— Что за ужасное несчастье! — говорил Клаас Ринвальд. — Без овец и коров мы еще могли бы обойтись — наши молодцы настреляли бы нам дичи на пищу, а от недостатка молока еще никто не умирал. Но остаться без лошадей и быков — это уж полная гибель! Ведь без них нам отсюда не выбраться... Что теперь будет с нами?..

— С нами?! — вскричал Ганс Блом. — Эх, милый Ринвальд, о нас и говорить много не стоит! Если бы мы были

одни, то взяли бы да и пошли пешком. Пройти несколько сот километров — не Бог весть какой труд... Устали бы немного — вот и все. Но как быть с женщинами и детьми? — вот в чем вопрос!

— Быть так близко от цели и не иметь возможности достичь ее — это поистине ужасно! — продолжал Клаас Ринвальд. — Мне кажется, что хуже этого ничего не могло случиться с нами.

— Погодите отчаиваться, друзья мои, еще не все погибло! — сказал Ян ван Дорн тем авторитетным тоном, которым он всегда говорил в важных случаях со своими приятелями, стоявшими ниже его по уму и энергии. — Вполне согласен, что положение наше отвратительно, но все-таки унывать и отчаиваться не следует, этим не поправим беды. Докажем, что мы истинные боеры, решительные и способные вывернуться из всякого затруднения. Постараемся же лучше придумать что-нибудь.

Клаас Ринвальд и Ганс Блом покраснели, стыдясь своей минутной слабости. Слова Яна ван Дорна ободрили их, но вместе с тем задели и за живое, затронув их самолюбие.

— Давайте же обдумывать, как нам быть и что предпринять, — продолжал Ян ван Дорн.

— Будь мы, мужчины, одни, нечего было бы и думать, — сказал Ганс Блом.

— Что же вы сделали бы в этом случае? — спросил его бааз.

— А вот что. Я преспокойно повернул бы назад туда, откуда мы вышли, и снова принялся бы за работу. Там наверное нашлись бы люди, знающие меня за честного человека, и не отказались бы помочь мне деньгами или скотом. Я выплатил бы им понемногу долг и по-прежнему зажил бы без нужды и забот. Конечно, я говорю не об одном себе, а о всех нас, — добавил Блом, скромно оглядывая своих товарищей.

— Да? Но ведь таким образом мы снова попали бы и то подчинение, от которого именно и бежали! — воскликнул ван Дорн, сверкнув глазами. — Мы сделались бы английскими подданными, — мы — потомки тех голландцев, которые колонизировали Трансвааль и неусыпными трудами, борясь с природой, зверями и дикарями, сделали из него мирный и плодородный уголок и основали общины свободных взбоеров! О, нет! Лучше умереть, чем попасть снова в рабство!

Кроме того,— подхватил Клаас Ринвальд, бывший одного мнения с Яном ван Дорном,— вы, друг Блом, забываете о трудностях перехода через карру. Если мы с трудом перебрались через него, имея лошадей и быков, то каково нам было бы теперь идти без них!.. Ну, мы с вами с помощью наших ружей, положим, как-нибудь и пробрались бы назад, а женщины и дети? Могут ли они следовать за нами пешком по местности, где на каждом шагу угрожают всевозможные опасности и препятствия?.. Нет, милейший Блом, ваше мнение никуда не годится... И не упрекаю вас за него,— Боже меня сохрани,— а только так говорю. В данном положении я и сам не могу придумать ничего лучшего.

— Очень жаль! — произнес ван Дорн, с чисто голландской флегматичностью выпуская из трубки облака дыма.

— Если вы придумали что-нибудь, то не мучьте нас, сообщите скорее! — сказал Ринвальд.

— Да, уж действительно только вы один и можете не унывать даже в таком положении! — воскликнул Блом.

Ян ван Дорн невольно улыбнулся и сказал:

— Я вам объясню мою мысль, и, надеюсь, вы согласитесь со мною. От места, где мы жили, мы отошли уже слишком далеко, а до места, куда стремимся, теперь близко. Удивляюсь, как вы оба не принимаете этого в расчет. Несколько сот километров могут пройти и женщины и дети, конечно, небольшими переходами. Вы мне возрадите на это: что же мы будем делать там, не имея ничего, кроме своих рук? Не жить же нам подобно бушманам и, подобно им, питаться одними кореньями да мясом отвратительных пресмыкающихся? Мы христиане, а не дикари-язычники!.. Вы согласны с этим?

— О, да, конечно! — воскликнули оба бойца.

— Я в этом уверен,— продолжал ван Дорн,— поэтому и не сделал вам такого дикого предложения. У меня есть другой план, придуманный, впрочем, не мною, а Карлом де Моором, и я вполне с ним соглашаюсь...

— Карлом де Моором?! — вскричали Блом и Ринвальд.

— Да, Карлом де Моором,— повторил бааз.— Чему же вы удивились? Разве вы забыли, что именно он всегда и дает хорошие советы? Мы все стали было в последнее время относиться с недоверием к этому достойному человеку после того, как он оставил без помощи Пита на охо-

те за буйволами. Я говорил с ним по этому поводу, и он объяснил мне, что не решился убить буйвола ради того лишь, чтобы пощадить самолюбие моего сына и не показать недоверия к его охотничьим способностям... Вы ведь знаете, как Пит самолюбив... Относительно же Моора я всегда говорил раньше и скажу теперь, что это превосходный человек: умный, смелый и крайне преданный нам и нашему делу. Он только на вид суров и мрачен, вследствие испытанных им несчастий, но на самом деле у него крайне отзывчивая душа, мягкое и великодушное сердце, готовое всегда помочь, своему ближнему... Его мнение в настоящем случае таково: так как повозки нам более не нужны, мы должны оставить их здесь, а сами вернуться на место первой нашей стоянки, под мовану. Там мы будем ожидать помощи, за которую отправится Моор один. Провизии у нас хватит еще на неделю, а за это время он подготовит все нужное для нашего спасения. Я вполне согласен с этим планом.

— Отсюда даже до Зутпансберга, где можно найти какую-нибудь помощь, не менее ста километров,— грустно заметил Блом.

— Моор и не пойдет туда,— продолжал ван Дорн.— Он постарается отыскать начальника племени тебелов, Мозелекатсэ, которому когда-то оказал услугу. Он, конечно, не забыл ее — эти дикари никогда не забывают оказанных им услуг — и, в свою очередь, не откажется помочь мне. У нас есть кое-какие вещи, которые Мозелекатсэ возьмет в обмен за несколько лошадей, быков и коров. Что вы скажете на это?

— По моему мнению, лучшего придумать ничего нельзя,— проговорил Ринвальд.

— Я того же мнения,— согласился и Блом.— Чем скорее мы уберемся из этого проклятого места, тем будет лучше. Крайне неприятно иметь перед глазами эти разлагающиеся, смердящие трупы животных, да и для здоровья это очень небезопасно.

— Вы вполне правы, дорогой Блом,— подтвердил бааз.— Я сейчас распоряжусь, чтобы готовились в путь, а там что Бог даст.

Ганс Блом был прав, говоря, что близость разлагавшихся трупов животных угрожала опасностью для здоровья переселенцев. В первое время трупы павших животных зарывались, но потом, когда скот начал падать целыми массами, у несчастных собственников его прямо,

или говорится, опустили руки. Запах от гниющих трупов делался положительно невыносимым. Поэтому, действительно, следовало спешить убраться из этого места, ставшего гнездом миазмов и заразы.

Множество хищных животных, привлеченных видом и смрадом падали, уже дожидались на утесах вождельной минуты, когда уберутся люди и можно будет вдоволь полакомиться богатой добычей. Жалобный вой шакалов смешивался с криками гиен и режущими ухо голосами павианов. Концерт голодных зверей был поистине ужасающий.

На самой вершине скалы сидели, тоже выжидая добычи, громадные коршуны, сверкая огненными глазами, и время от времени испускали пронзительные крики, в которых так и слышалось все нетерпение их хищной природы.

Высоко-высоко, в самом поднебесье, едва видимые простым глазом, кружились орлы, также, очевидно, желавшие принять участие в богатом пире...

Окончив совет со своими товарищами, Ян ван Дорн собрал всех членов каравана и, не объясняя им подробностей своего плана, объявил о необходимости немедленного возвращения под мовану и приказал готовиться к выступлению.

К счастью, он имел дело с мужественными и рассудительными людьми, готовыми на всевозможные трудности и лишения и незадумывающимися ни перед какою опасностью. Ни одного упрека, ни одной жалобы он не услышал, даже ни одной слезы не увидел на лицах женщин. Все одинаково хорошо понимали свое положение и безропотно покорялись необходимости.

Только в минуты подобных испытаний и можно вполне узнать и оценить завидный характер голландцев. Выходя из своей обычной флегмы, они в эти минуты являются стойками, которых ничто не в состоянии смутить. Победить или молча, с достоинством, умереть — вот их девиз.

Распоряжение бааза было выслушано без малейшего протеста и тотчас же стало приводиться в исполнение.

Переселенцы были даже рады снова возвратиться на прежнее место, где были такие роскошные деревья, усыпанные вкусными плодами, где была веселая зелень, радовавшая глаз, и протекала прекрасная река.

Если там еще и оставались цеце, то опасаться их было

более нечего: насекомые эти никогда не нападают на человека. Они могли быть вредны только для лошади Пита, но наверное давно уже улетели в другое место производить свои опустошения среди животных.

Сборы в обратный путь пошли очень быстро. Переселенцы не хотели оставить ничего, кроме пустых повозок, поэтому приходилось нести очень много. К счастью, они не успели отойти слишком далеко от мованы, и можно было все перенести в несколько приемов. Чтобы не терять времени, бааз посоветовал одним заняться исключительно упаковкою вещей, а другим — переноскою их под мовану.

Женщинам и детям, сообразно с их силами, тоже дали по небольшой ноше и отправили их вперед в сопровождении нескольких человек для охраны.

Сопровождал их, между прочим, и Андрэ Блом. Он и его товарищи-спутники не имели никакой ноши, кроме оружия, на случай защиты от нападения диких зверей. Но видя, что никакой опасности по-видимому не угрожает, они предложили женщинам нести их ношу.

Мать Андрэ, понадеявшись на свои силы, взяла больше, чем была в состоянии снести, и совершенно согнулась под тяжестью своей ноши, но тем не менее она отклонила предложение сына облегчить ее труд.

— Ничего, донесу как-нибудь и сама, — сказала она веселым тоном. — А ты вот лучше помог бы девочкам — у них силы меньше, чем у меня. Смотри, как им трудно.

Андрэ в душе очень желал бы услужить Катринке, но не решался предлагать ей своих услуг после эпизода во время переправы через реку, да, кстати, и Пит уже предупредил его, взвалив себе на плечи ношу Катринки и посадив на нее любимицу молодой девушки, маленькую обезьянку Грэ, которая все время строила уморительные гримасы и по временам потихоньку пишала.

Нужно сказать, что эта обезьянка очень недолюбливала Андрэ и постоянно старалась досадить ему чем-нибудь. Так и на этот раз. Не успел молодой человек приблизиться нечаянно к Питу, маленькое животное моментально стащило у него с головы шляпу и потешно махало ею по воздуху перед самым носом Андрэ, не давая ему, однако, поймать ее.

Эта выходка уморительного животного всех очень рассмешила и страшно обозлила Андрэ, — но, опасаясь новых насмешек со стороны Катринки, он сдержался

ноки от всяких проявлений своей злобы и притворно-равнодушно продолжал путь с открытой головой при веселом смехе спутников.

Над ним, по обыкновению, сжалилась Мейстья.

Фу, какая ты противная! — крикнула она обезьянке. Только и думаешь, как бы делать неприятности!.. Отдай мне шляпу!.. Слышишь, Грэ?

Вместо того, чтобы послушно отдать шляпу, обезьянка насмешливо оскалила зубы и надела ее на себя. Шляпу закрыла ее почти всю. Найдя, что так неудобно, она приподняла край шляпы, выставила из-под него свою мордочку и показала Мейстье язык.

Молодая девушка знала, чем взять расшалившееся животное. Она достала из кармана кусочек вкусного сладкого печенья, показала его обезьянке и сказала:

— Хочешь этого, Грэ? А?

Маленькие черные лапки тотчас же швырнули шляпу и протянулись за печеньем. Мейстья подхватила налету шляпу и подала ее Андрэ, говоря:

— Вы слишком добры к этой хитрой плутовке. На вашем месте я проучила бы ее немножко за такие шалости... Надевайте же скорее шляпу, не то рискуете получить солнечный удар.

— Вот вы так, действительно, очень добры, Мейстья! — заметил Андрэ, тронутый заботливостью молодой девушки. — Благодарю вас. Если бы моя голова и не пострадала от солнечного удара, то шляпа наверное сильно бы потерпела от этого маленького уродца. Позвольте и мне в свою очередь услужить вам. Давайте я понесу ваш узел. Вам тяжело нести его.

— О, нет, вовсе не тяжело! — сказала было Мейстья, но заметив, что отказ ее сильно огорчает молодого человека, она предложила ему нести узел вдвоем. Он охотно согласился. Так они и продолжали идти вместе, оживленно болтая и перекидываясь шутками.

С этого времени молодая парочка подружилась на всю жизнь.

Когда этот, так сказать, передовой отряд переселенцев прибыл на место назначения, то там, действительно, не оказалось ни одной цеце. Таким образом можно было смело привести туда Гильди, не рискуя лишиться единственного оставшегося у боев в живых животного. В этом, впрочем, пока еще не предвиделось надобности. Пит намеревался сопровождать Карла де Моора к на-

чальнику тебелов и хотел нагрузить на оправившуюся уже лошадь подарки для Мозелекатсэ. Явиться с пустыми руками было неудобно — дикари не менее цивилизованных людей любят подарки.

Перетаскивались из оврага в мовану целых три дня. Все очень измучились от этой возни, но никто не думал жаловаться. Слух о намерении Карла де Моора и Пита просить помощи у Мозелекатсэ ободрял переселенцев и внушал им надежду на скорое избавление от всех испытываемых ими невзгод.

Когда в овраге не осталось ничего, кроме пустых повозок, молодые люди принялись за последние. Они считывали при помощи кафров и готтентов перетащить и сами повозки под мовану.

Но пока они советовались, как переправить туда тяжелые колымаги, солнце уже стало спускаться за горизонт.

Опасаясь, что не успеют засветло добраться до лагеря, молодые люди решились переночевать в последний раз в негостеприимном месте и расстаться с ним навсегда ранним утром.

— Не зажечь ли нам костер? — спросил у Пита Людвиг. — Ведь тут, около падали, бродят дикие звери. Вон они как завывают!

— Ну, вот еще, к чему это! — сказал Пит. — У них такая богатая добыча, что они и не подумают обращать на нас внимание, если бы мы даже лежали прямо у них на виду... На этот раз нам решительно нечего их опасаться, будь уверен, Давай скорее спать, и не заметим, как пройдет ночь.

Молодые боеры улеглись в повозках, а слуги поместились снаружи, завернувшись в свои кароссы.

Каросса состоит из нескольких сшитых вместе различных звериных шкур и служит, смотря по надобности, то плащом, то одеялом. Этот вид одежды употребляется всеми дикими племенами, обитающими в Южной Африке. Начальники племен делают ее из шкур леопарда, что и является у них отличительным признаком их достоинства.

Улегшись, молодые люди и их слуги вскоре убедились, что в пустыне нельзя спать, не приняв известных предосторожностей. Едва они успели уснуть, как были разбужены страшными ревом, криком и рычанием.казалось, в это место сошлись хищные звери со всей Афри-

ни. В предшествовавшие ночи переселенцы раскладывали костры, державшие неприятных посетителей в почтительном отдалении. Голоса их хотя и слышались, но далеко не так ясно, как на этот раз, когда четвероногие хищники подошли гораздо ближе.

Грозное рычание львов и леопардов покрывалось пронзительным визгом, воем и хохотом гиен и резким лаем шакалов. Этот наводящий ужас звериный концерт, повторяемый тысячею отголосков со стен скал, далеко разносился по окрестностям.

Сначала, спросонья, молодые боеры ничего не поняли, предполагая, что они находятся под влиянием кошмара.

— Ай-ай, мингеры! — кричали испуганные, дрожащие слуги, забираясь к ним в повозки. — Выгляните, пожалуйста, посмотрите, что делается вокруг нас!

Боеры поспешно выглянули из повозок и замерли от ужаса. Взорам их, при свете елуны, представилось нечто в роде адского шабаша.

Целые сотни разъяренных кровожадных зверей оспаривали остатки падали, с дикою яростью вырывая их друг у друга при помощи своих страшных зубов и когтей. Шерсть летела клочьями, кровь лилась целыми потоками, глаза у всех горели диким огнем. Все это вместе с разноголосым воем, лаем и ревом могло устроить самого храброго человека.

— Да, глупо мы сделали, что не зажгли костров! — воскликнул потрясенный этим зрелищем Пит. — Это я виноват... Я отговорил принять эту необходимую предосторожность... Не понимаю, зачем послушали меня!.. Боже мой, Боже мой, что нам теперь делать?.. Ведь когда они покончат с падалью, бросятся и на нас... А я, дурак, думал, что им всем хватит наших погибших животных!.. Оказывается, их здесь такое количество, что они в состоянии сожрать всю Африку!.. Ах, я дурак, дурак!..

К счастью, верхи у повозок не были сняты. Укрываясь под ними, переселенцы надеялись остаться незамеченными. Плотно прижавшись друг к другу и дрожа от страха, боеры и их слуги сидели неподвижно. Страшась выдать свое присутствие каким-нибудь шумом, они едва слышным шепотом обменивались отрывистыми фразами.

Однако молодость скоро взяла свое. Питу, Гендрику и Людвигу показалось постыдным трусливо прятаться от опасности и полагаться на произвол случая.

— Не лучше ли нам дать этим бестиям генеральное сражение? — предложил Гендрик, молча обдумав вопрос со всех сторон.— Нас ведь довольно много, и мы все вооружены.

Товарищи единодушно одобрили предложение Гендрика, а Пит так даже ухватился за него со свойственным ему увлечением, тем более, что и он уже подумывал об этом.

— Да! — пылко воскликнул он.— Мы не бабы, чтобы ныть и дрожать от страха... Мы уже мужчины и боеры и должны храбро смотреть в глаза опасности, а не прятаться малодушно от нее!.. Пойдемте, друзья, сделаем попытку пугнуть этих кровожадных хищников, и докажем им, что человек все-таки выше их, несмотря на всю их силу!

Через несколько минут молодые боеры и их слуги открыли сильный огонь из всех имевшихся у них ружей.

Неожиданность этого нападения и страх моментально заставили онеметь шумное сборище четвероногих хищников. Гиены и шакалы первые бросились бежать. Львы и леопарды, более храбрые и сильные, пытались было броситься на своих врагов, но, не видя их из-за опущенных верхов повозок, они только понапрасну подставляли себя под новые выстрелы. Роеры делали свое дело — из зверей, не хотевших или не успевших бежать, ни одного не осталось в живых. Вскоре весь овраг был усеян трупами убитых, заменившими только что поеденную ими самими падаль.

Битва окончилась. Оставшиеся в живых или легко раненные звери бежали. Охотники с гордостью подобрали четырех львов, трех львиц, пять леопардов и с десяток пантер. Со всех этих убитых врагов они рассчитывали снять шкуры и привезли их с собою под мовану, как трофеи своей победы над громадным скопищем кровожадных врагов.

Много зверей было убито, но еще больше бежало. Бежавшие легко могли опомниться, возвратиться назад и сделать с еще большими силами правильное нападение на охотников. В виду этого было разложено два громадных костра и поставлено, на всякий случай, несколько часовых.

От возбуждения никому не хотелось спать, и потому решили тотчас же, пользуясь лунною ночью, снять шкуры с добычи. На эту работу ушло более двух часов, и ко-

гли ее окончили, на востоке стало уже алеть — пора было собираться в лагерь.

Уложив драгоценные шкуры в повозки, молодые герои, несмотря на так беспокойно проведенную ночь, не чувствовали особого утомления. Они бодро и весело отправились в путь, с трудом двигая, при помощи слуг, тяжелые колымаги.

Глава 14

НЕОЖИДАННЫЕ СОБЫТИЯ

Дня через два переселенцы устроились по-прежнему под мованю. Не было только стада, оживлявшего когда-то картину, остальное же все казалось по-старому.

Из верхов повозок устроили три шатра для женщин и детей, а для мужчин был сложен гартееест.

Гартееестом называется род хижины. Слово это голландское и означает «антилопа». Вследствие своего сходства, по наружному виду, с антилопою, хижины эти и получили такое название. Подобного рода жилища везде вводятся боерами для временного пребывания. Стены этих хижин делаются из смеси песка с землею, а кровли — из камыша и травы. В таких же хижинах живут и цукне туземцы Южной Африки.

Слуги же боеров — кафры и готтентоты, не избалованные и неприхотливые по природе, спали где и как пошло — кто на ветвях мованы или в пустых муравейниках, кто забирался в дупло баобаба, а кто так и прямо на земле, под деревьями, где было удобнее всего.

На следующее утро должны были отправиться послы к начальнику племени тебелов. Выбрали троих: Пита ван Дорна, Людвига Ринвальда и Карла де Моора.

Без лошадей и волов невозможно было двигаться далее. Несколько пар этих животных и решено было просить у Мозелекатсэ.

Послы брали с собою шесть кафров, как для своей охраны, так и для того, чтобы вести волов и лишних лошадей, кроме тех, на которых поедут назад Карл де Моор и Людвиг Ринвальд.

Смуц тоже просил позволения присоединиться к посольству, мотивируя свою просьбу тем, что он знает пустыню как свои пять пальцев, и потому с ним нечего бу-

дет опасаться сбиться с дороги. Кроме того ему известны язык и нравы дикарей, с которыми придется объясняться.

Бааз охотно готов был исполнить просьбу проводника, но Карл де Моор решительно воспротивился этому.

— Не к чему нам брать с собою лишнего человека,— заметил он.— Я сам отлично знаю эту часть Африки и язык ее обитателей,— будьте покойны. Я никогда не берусь за то, чего не знаю. Это вам должно быть известно лучше, чем кому-либо, господин ван Дорн.

Слова эти были сказаны Моором таким тоном, как будто он был очень оскорблен предложением Смуца. Заметив это, Ян ван Дорн поспешно сказал:

— Нет, нет, Смуц останется здесь! Я вполне полагаюсь на вас, господин де Моор.

Смуц молча поклонился и отошел в сторону.

Катринка, очевидно, сильно грустила. Ей нужно было призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не разрыдаться и помириться с мыслью о необходимости этой экспедиции, сопряженной, конечно, с разными опасностями для ее брата и Пита.

— Надолго вы уходите? — едва сдерживая слезы, спросила она у молодых людей.

— О, нет! Мы постараемся возвратиться как можно скорее,— сказал Пит.

— Не обещайте ничего заранее, мингер Пнт,— заметил Карл де Моор.— Мы не на прогулку едем. Мало ли что может нас задержать в пути! Мадмуазель Катринка напрасно будет беспокоиться, если мы возвратимся не так скоро, как вы говорите,— прибавил он каким-то загадочным тоном.

— Господин де Моор вполне прав,— подтвердил Людвиг.— Срока для нашего возвращения определить положительно невозможно. Ведь мы даже не знаем сколько ходьбы до места, куда мы направляемся, и как долго пробудем там.

— Ну,— заметил Пит,— приблизительно-то можно рассчитать, сколько времени мы будем в пути. До карру, например, хода дня два...

— Да вдвое больше на переход его,— перебил Карл де Моор.

— Ну, мы постараемся перейти его скорее! — самоуверенно проговорил Пит, желая успокоить Катринку и своих сестер, глядевших на него с тайною тревогою.

— Дня два необходимо прибавить еще на путешест-

вне от карру до резиденции Мозелекатсэ,— продолжал Карл де Моор,— вот вам уж и восемь дней на один только конец. А если к этому прибавить разные непредвиденные случайности...

— Но назад вы ведь поедете на лошадях,— значит на обратный путь вам понадобится меньше времени,— перебила Катринка.

— Это так, мадмуазель,— согласился Моор.— Но представьте себе, что Мозелекатсэ может находиться в отсутствии, что переговоры наши могут затянуться. Кроме того, на значительно ускоренный обратный путь нельзя рассчитывать уже по одному тому, что быки, если нам удастся получить их несколько пар от Мозелекатсэ, не могут всю дорогу бежать рысью, и нам волей-неволей придется ехать шагом. Все это необходимо иметь в виду. Вообще, по моему мнению, нельзя рассчитывать на наше возвращение ранее семнадцати или восемнадцати дней, и то при самых благоприятных условиях.

— О, как долго! — воскликнула Катринка, тоскливо глядя на Людвига и Пита, особенно на последнего.— А вдруг на вас нападут дорогою...

— Мы будем защищаться,— горячо перебил Пит.— Мы уже, кажется, не раз доказали, что умеем защищаться.— Не бойтесь ничего, дорогая Катринка,— добавил молодой человек, понижая голос.— Что значит для меня какая бы то ни была опасность, когда я знаю, что подвергнусь ей ради того, чтобы оказать услугу вам!

Катринка невольно вспыхнула от этих слов и поблагодарила юношу долгим красноречивым взглядом.

— Мы и так многим обязаны вам,— прошептала девушка.— Я, право, не знаю, чем мы можем отплатить вам за все, что вы для нас делали...

— Чем? По возвращении из экспедиции я вам отвечу на этот вопрос,— так же тихо произнес молодой человек.

Девушка еще больше вспыхнула и опустила глаза в землю.

— А пока,— продолжал Пит,— позвольте мне надеяться, что вы будете молиться за нас... за меня, и что вам не наскучит вспоминать с моими сестрами хотя изредка обо мне.

— О, Пит! — невольно воскликнула девушка.— Неужели вы можете сомневаться в этом? Я сама буду постоянно искать общества ваших милых сестер... Мы бу-

дем все время говорить только о... вас и молиться за ваше благополучное возвращение.

— Благодарю, Катринка. Эти слова ободряют меня. Я очень счастлив, что слышу их. Судя по ним, я смею надеяться, что вы... что я не совсем противен вам?

— О, Пит, будьте уверены, что вы имеете во мне самого лучшего друга! Что бы ни случилось, я никогда, никогда не... забуду вас!

Высказав все это, молодая девушка окончательно смутилась, убежала к своей матери и бросилась ей на шею. Мать хотя и не слыхала, о чем говорили молодые люди, но поняла, что между ними произошло почти объяснение, и крепко прижала к груди Катринку.

Бегство молодой девушки помешало Питу довести до желанного конца объяснение, но он отлично понял ее последние слова, и сердце его затрепетало от счастья.

Между тем госпожа ван Дорн говорила Карлу де Моору:

— Поручаю вам, Моор, своего сына. Вы знаете, как он еще молод и горяч. Я так боюсь за него. Излишняя смелость может снова вовлечь его в беду. Удержать его от этой экспедиции я, конечно, не имею права: он идет в качестве представителя своего отца. Ради Бога, обещайте мне следить за ним и по возможности оберегать его. Я только тогда буду спокойна, насколько можно быть спокойной в моем положении, когда получу от вас это обещание.

При первых словах госпожи ван Дорн по лицу Карла де Моора пробежала нервная судорога, а при последних он сделал было даже движение рукою, точно хотел отстранить от себя кого-то, но сейчас же овладел собою и проговорил своим обычным сухим, почти грубым тоном:

— Я сам был отцом и не могу... забыть этого.

Госпожа ван Дорн не обратила внимания на загадочный смысл фразы Моора и в порыве искреннего доверия и материнских чувств протянула ему руку.

— О, благодарю вас! — сказала она. — Эти слова успокаивают меня лучше всяких многословных обещаний... Я знаю, что вы наш лучший друг, и мы вполне полагаемся на вас. Да сохранит вас Господь!

Госпожа ван Дорн не подозревала того, что в эту минуту таилось в груди Карла де Моора. Она и представить себе не могла, чтобы этот человек был исполнен тайной

ненавистью и жаждою мести, ожидавших лишь удобного случая вырваться наружу.

А между тем это было верно. Карл де Моор, действительно, давно и с редким терпением выжидал случая погубить бааза и его семейство. С этой целью он присоединился и к каравану переселенцев.

Смерть самого Яна ван Дорна не казалась ему достаточным возмездием за то, что он сам выстрадал по его милости. Моор знал, что бааз более всех из своего семейства любит старшего сына, Пита, и потеря его была бы для него особенно тяжела. Поэтому Моор и хотел выгнать Пита первую жертвою своей мести, а потом погубить и все семейство ван Дорна.

Но чем мог внушить Карлу де Моору такую жажду мести Ян ван Дорн, этот благороднейший, великодушнейший из людей? Дело заключалось в следующем.

Лет за пять перед описываемыми событиями Карл де Моор был счастливым отцом семейства и богатым собственником, уважаемым всеми соседями. В течение одного года он лишился всего: состояния, любимой жены и сына. С последним ударом судьбы он сделался таким, каким мы его теперь видим: мрачным, угрюмым и необщительным.

Первым его несчастьем была смерть сына Лауренса, красивого и храброго молодого человека, составлявшего радость и гордость отца. Он погиб на охоте, вдали от дома родителей. Друг Моора, с которым уехал Лауренс на охоту, возвратился один и рассказал злополучному отцу, что он с Лауренсом примкнул по дороге к большому обществу соседних охотников. Дорогою на охотников попали бушмены, взяли Лауренса в плен и тут же убили, причем ни начальник охотничьей экспедиции, ни члены ее не сделали ни малейшей попытки к спасению несчастного пленника, хотя и имели возможность сделать это.

Из дальнейших слов рассказчика Карл де Моор узнал, что начальником охотничьей экспедиции, к которой примкнули его друг и сын, был Ян ван Дорн. Моор находил, что раз его сын отдался под покровительство ван Дорна, последний обязан был сделать все от него зависящее для спасения молодого человека, и если он этого не сделал, значит он — подлец, достойный возмездия и наказания.

Мать Лауренса умерла через несколько дней после известия о гибели единственного, горячо любимого сына.

Доведенный этим новым ударом до полного отчаяния, чуть не до сумасшествия, Карл де Моор на скорую руку, за десятую часть стоимости, распродал все свое имущество и погнался за Яном ван Дорном, считая его настоящим убийцей Лауренса и поклявшись жестоко отомстить ему за сына.

«Око за око, зуб за зуб! — постоянно твердил он. — Отныне это цель моей жизни!.. У ван Дорна есть дети, есть любимый сын. Я погублю сначала его, потом и других... Пусть умрет тогда с отчаяния его жена, как умерла моя... Пусть и он узнает горе отца!»

Месть вовсе не была свойственна Карлу де Моору. Не в его характере было действовать из-за угла и устраивать западни. Но смерть сына и жены ожесточила его до неузнаваемости и внушила ему уверенность, что он обязан отомстить за них, обязан воздать должным за должное. Эта уверенность не покидала его ни на минуту.

Он нашел Яна ван Дорна в самый момент приготовлений к переселению и присоединился к его каравану.

Мы видели, что ему удалось вкрасься в доверие к боерам, в особенности же к ван Дорну, но видели также и то, что, не будь его, они не лишились бы всего своего стада. Цеце успели заразить своим ядом лишь часть животных, нетронутые же этим насекомым животные были отравлены уже прямо Моором. По его же милости погибли и бараны. Он отлично видел, что они едят ядовитое растение, и не только не помешал им вдоволь наесться, но еще радовался, глядя, как жадно они набросились на него. Это было началом его мести.

Гильди, лошадь Пита, осталась цела только благодаря тому, что Моор назначил ей роль в плане, придуманном им для гибели старшего сына бааза.

Он намеревался в одну из ночей, посреди пустыни, угнать лошадь, на которую должны были нагрузить необходимую им в дороге провизию и подарки для начальника тебелов, Мозелекатсэ, предварительно отобрав незаметно у Пита и его спутников оружие. Оставшись посреди карру без провизии, без проводника и без оружия, Пит и его спутники неминуемо должны были погибнуть. Только чудо могло спасти их.

Что касается каравана, то Карл де Моор позаботился и о нем. Он посеял уже между слугами боеров семена возмущения и надеялся, что оно вспыхнет, когда убедятся, что сын бааза не возвратится с ожидаемою помощью.

План этот был так хорошо задуман, что в скором времени все семейство Яна ван Дорна смело можно будет вычеркнуть из списка живых. Что с ним вместе погибало еще много ни в чем неповинных людей, — это было уже делом случая. Карл де Моор, не будучи от природы злодеем, хотя и задумался было над этим, но потом махнул рукой и решил, что войны без жертв не бывает.

Он уже заранее торжествовал победу, вполне уверенный, что уже начинает достигать заветной цели. Однако, по мере приближения к этой цели, в душе у него невольно возникал вопрос: справедливо ли он обвиняет ван Дорна в смерти своего сына? Неужели в самом деле этот справедливый, добросовестный и заботливый человек мог равнодушно смотреть, как убивали его беззащитного сына, и не подать ему помощи? Это просто невероятно! Так мог бы поступить только дикарь или злейший враг. Но тем, ни другим ван Дорн не был. Сколько Моор ни наблюдал за ним, он не находил в нем ни одной несимпатичной черты. Можно предположить только одно, что он с тех пор совершенно изменился: смягчился и стал человечнее. Это немудрено: мало ли как люди меняются под влиянием известных обстоятельств!.. Ведь вот он, Моор, тоже изменился до неузнаваемости, хотя совершенно в другую сторону...

Успокоенный этими соображениями, Карл де Моор решил не поддаваться слабости и не отступать ни на шаг от своей цели. Но когда госпожа ван Дорн протянула ему руку и высказала свое доверие, он вновь чуть не изменил себе: ему стало прямо совестно той отвратительной, предательской роли, которую он разыгрывал перед нею. Он едва решился коснуться ее руки и, не будучи в состоянии скрыть своего волнения, поспешил уйти от матери человека, которого собирался погубить.

Ему захотелось наедине с самим собою еще раз проверить свои чувства к ван Дорну и законность мести к нему. Он пошел к реке и не заметил там Пита. Молодой человек неподвижно сидел на берегу реки, погруженный в какие-то, очевидно, невеселые думы.

Было уже поздно, вся окрестность озарялась полною луною, величаво плывшею по темно-синему небу.

— Это вы, господин де Моор?! — воскликнул Пит, увидав приближавшуюся высокую мрачную фигуру своего тайного врага. — А я думал, что вы уже давно спите... Признаюсь, я никак не ожидал встретить вас здесь в та-

кую пору. Прогуливаться ночью одному и глядеть на луну — простительно только таким молокососам, как я, а вы ведь, право, кажется, не способны на такую сентиментальность.

Напускной веселый тон молодого человека, так резко противоречивший с мрачными мыслями Моора, невольно заставил его вздрогнуть и прийти в себя.

Не замечая этого, Пит фамильярно взял под руку своего будущего спутника и продолжал:

— Говоря откровенно, я очень рад, что встретил вас. Мне хотелось бы немножко поговорить с вами относительно нашего путешествия. По правде сказать, мы отправляемся в экспедицию довольно опасную, так что можем, пожалуй, и не вернуться из нее. Я даже предчувствую кое-что.

Карл де Моор снова вздрогнул и пристально посмотрел на молодого человека. «Что это он: догадывается и выпытывает у меня или говорит так, без всякой задней мысли?» — мелькнуло у него в голове.

— Почему явилось у вас такое дурное предчувствие? — спросил он суровым, почти угрожающим тоном. — Я не знал, что вы верите разным...

— О, вы напрасно думаете, что я способен верить предчувствиям и другому подобному им вздору! — поспешно перебил Пит. — У меня раньше никогда и не бывало никаких предчувствий. Вы ведь видели, как я старался уверить мать и сестер в том, что бояться особенно нечего, но в душе я отлично сознаю всю рискованность нашего предприятия. Я ведь уже не ребенок и кое-что смыслю. Обсудив все, я нашел нужным просить Гендрика и Андрэ, чтобы они, в свою очередь, отправились в сопровождении Смуща к Мозелекатсэ, если мы не вернемся через пятнадцать дней. В последнем случае нас следует считать погибшими и неуспевшими ничего сделать. Пусть тогда хотя они постараются добиться успеха. Но эта предосторожность вовсе, конечно, не мешает мне надеяться на счастливый исход нашего дела... Теперь вот что, дорогой господин де Моор. Мы долго будем вместе. Вы, вероятно, найдете, что я немного... жизнерадостен и болтлив для вас. Ради Бога, не сердитесь на меня. Постараюсь не слишком надоедать вам, но если иногда... ведь не молчать же всю дорогу?.. Итак, если иногда мне захочется обратиться к вам с каким-нибудь вопросом или попросить вашего совета... вы так опытни... то вы позволите

мне... Повторяю, не буду очень досаждать вам и употреблю все старания, чтобы заслужить ваше расположение. Но, Господи, отчего вы так дрожите?.. Что с вами?.. Вам, может быть, холодно?

Моор, действительно, дрожал как в лихорадке. Слова, а главное искренний и доверчивый тон молодого человека сильно взволновали его и чуть было не заставили отказаться от всех его планов. Но вспомнив свою клятву на гробе умершей жены, он страшным усилием воли превозмог свое волнение и, вырвав свою руку из-под руки Пита, глухо пробормотал:

— Да, действительно, здесь немного... свежо. Но ничего... не беспокойтесь... Оставьте меня...

— Вот вы уже и рассердились,— сказал Пит, глядя на много странного человека,— а я, право, не хотел сердить вас... Я сейчас уйду, позвольте мне только сказать вам еще несколько слов. Я давно хотел поговорить об этом с вами, дорогой господин де Моор. Во время нашего первого движения сюда я часто наблюдал за вами, и мне кажется, что вы, несмотря на вашу... суровую наружность, обладаете очень хорошим и добрым сердцем. То же самое говорит и отец, а он знает людей. Но, по всей вероятности, вас гнетет какое-нибудь тайное горе и кладет на наше лицо такую мрачную тень. Как бы мне хотелось рассеять вашу печаль, чтобы и вы могли радостнее смотреть на мир Божий... Неужели вам уже недоступны радость и веселье? Неужели вам легче таить в себе ваше горе? Расскажите его нам, и мы употребим все усилия, чтобы утешить вас, и, если можно, облегчить вам ваше несчастье. Вы знаете, как мы все уважаем вас, и как нам тяжело смотреть на вас...

Но Карл де Моор уже пришел в себя. Слова Пита напомнили ему о его несчастье и данной им страшной клятве. Жажда мести снова овладела всем его существом. Повелительным движением руки он остановил словоизлияния молодого человека и сказал резким и более обычного суровым тоном:

— Я вам очень благодарен за ваши добрые намерения, но прошу не вмешиваться в мои дела. Я терпеть не могу этого. Предоставьте мне заботиться о себе лично. Что же касается моей наружности, то мне решительно все равно,— нравится она кому или нет. Каким я кажусь, таким навсегда останусь. Изменить меня никто и ничто не в силах. Запомните это раз навсегда и более никогда не

приставайте ко мне с неуместными вопросами. Я вам рарешаю обращаться ко мне только по делу. По-няли?

Пит хотел что-то возразить, но вдруг послышался шум со стороны реки,— как будто гребли веслами.

— Лодка? — с изумлением прошептал Пит.— Не может быть! Откуда могла взяться лодка?

— Вероятно, плывут дикари,— заметил Моор.— Кроме дикарей, некому быть, а со здешними дикарями не всегда удобно иметь дело. Я их хорошо, слишком хорошо знаю. Вот мы сейчас увидим.

Он спрятался за дерево и осмотрел захваченный с собою роер. Пит последовал за ним.

Вскоре они увидели пирогу, в которой сидел какой-то человек, вся одежда которого состояла из одной рубашки.

Карл де Моор приложил к плечу ружье и прицелился.

— Ради Бога, что вы хотите делать?! — быстро прошептал Пит.— Ведь он один и не только не может нанести нам вреда, а, напротив, мы еще можем извлечь из него пользу. Окликнем его и спросим, не знает ли он, где теперь находится Мозелекатсэ.

Карл де Моор пожал плечами и злобно проговорил:

— Чтобы я стал щадить дикарей — никогда! Разве они пощадили...

Он не договорил и нажал курок; но в это мгновение Пит подтолкнул его под локоть, и пуля пролетела далеко в сторону.

— Как вы смели это сделать?! — сверкнув глазами, прошипел Моор.— Почему вы знаете, что он один? Может быть, он послан разведчиком и за ним целое полчище этих исчадий ада!

Возмущенный Пит хотел было ответить так же резко, но человек, плывший в пироге, вдруг закричал на самом чистом голландском языке:

— Не стреляйте, ради Бога, не стреляйте!. Я христианин... Если вы тоже христиане, то, во имя всего, что для вас свято, спасите меня... Я бежал от днкарей.

Услышав этот голос, Карл де Моор задрожал как осиновый лист. Он был потрясен до такой степени, что вынужден был опереться о дерево, чтобы не упасть.

— Господи, что это с вами? — удивленно спросил Пит, подхватывая его под руку.

— О, Боже мой!.. Боже мой!.. — шептал Моор.— Пит...

Fig. 10

Fig. 11

Fig. 12

Fig. 13

если этот голос... не обманывает меня, то я... буду вашим должником... на всю жизнь... буду вечно молиться за вас... Но, нет... это... невозможно!

Между тем, беглец подвел свою пирогу к берегу и одним прыжком выскочил из нее. Очутившись на земле, он в недоумении остановился, не решаясь, очевидно, подойти к деревьям, где он видел людей, которые только что стреляли в него и ничего не ответили на его слова. Он стоял прямо под лучами луны, так что совершенно ясно можно было разглядеть его благородные черты лица и стройную гибкую фигуру, едва прикрытую рубищем. Это был молодой белый человек, одних лет с Питом или немного постарше.

Вглядевшись пристальнее в лицо незнакомца, Моор испустил раздирающий душу крик. Отбросив далеко в сторону ружье, он ухватился за Пита, все время стоявшего в полнейшем недоумении, и прерывающим голосом произнес:

— Это он... он... Лауренс!..

— Отец!.. Дорогой отец! — в свою очередь воскликнул незнакомец, услышав слова Моора.

Но Карл де Моор все еще не решался верить действительности. Сын, которого он считал мертвым и оплакивал уже пять лет, сын, за которого он собирался мстить ни в чем неповинным людям, — этот самый сын жив и простирает к нему объятия!

Несчастный отец широко открытыми глазами глядел на дорогое ему явление, но не в состоянии был сдвинуться с места.

Пит опомнился первый. Подойдя к незнакомцу, он спросил его:

— Да скажите, ради Бога, кто вы?

— Я — Лауренс де Моор, — ответил незнакомец. — Неужели пятилетний плен у бушменов так изменил меня, что отец не может сразу узнать своего сына?.. Отец, дорогой, милый отец! Это я, твой Лауренс!

С этими словами он подбежал к отцу и бросился ему на грудь.

Карл де Моор уже пришел в себя. Прижав к груди сына, он потом нежно отстранил его и, обратившись к Питу, притянул его к себе, крепко обнял и глубоко взволнованным голосом произнес:

— Без вашего вмешательства, благородный и велико-

душный юноша, я сделался бы убийцей своего собственного сына!

— От души благодарю вас и я,— проговорил Лауренс, протягивая Питу руку.— Но позвольте мне узнать имя моего спасителя...

— Ван Дорн,— отвечал Пит, горячо пожимая руку молодого человека.

— Ван Дорн?.. Вы родственник Яна ван Дорна?

— Я его сын.

— А! — воскликнул Лауренс.— И я не мог догадаться! Ваш отец вполне достоин иметь такого сына. Я не знаю более лучшего человека, преданнейшего друга и справедливейшего начальника. Все мои несчастья и начались с того дня, когда я имел глупость покинуть тот отряд охотников, которым он командовал.

Если бы молодые люди взглянули в эту минуту на Карла де Моора, они ужаснулись бы страшной бледности, покрывшей его лицо при последних словах сына. Но им было не до того: они были слишком увлечены началом своего знакомства, вскоре перешедшего в самую искреннюю дружбу.

— Но по какому странному случаю мы встретились здесь в этой пустыне? — продолжал Лауренс.— Если я очутился здесь, то это очень просто. Но как попали сюда вы, да еще с моим отцом,— этого я никак не могу понять.

В коротких словах Пит объяснил причину переселения боев и добавил:

— Судьба жестоко преследует нас. В настоящее время мы дошли до того, что не имеем возможности двинуться далее. Не знаю, что случилось бы с нами, если бы вашему отцу не пришла в голову счастливая мысль просить помощи у Мозелекатсэ, начальника племени тебелов. Завтра утром мы с вашим отцом отправляемся в путь. Вы, конечно, не откажетесь сопровождать нас?

— Конечно. Но я бы не советовал предпринимать этого путешествия именно теперь,— заметил Лауренс.— В настоящую минуту тебелы ведут войну с бушменами, у которых я был в плену. Благодаря только этому я и спасся. Пользуясь тем, что надзор за мною был ослаблен, я бежал. Несколько дней я укрывался в лесу, питаюсь кореньями, потом напал на эту реку, случайно нашел у берега пирогу и вот в ней добрался сюда.

— А куда же ты направлялся? — спросил окончатель-
но пришедший в себя Карл де Моор и внимательно вслу-
шивавшийся в слова сына.

— У меня был хорошо обдуманый план, — отвечал
Лауренс. — Я уверен, что эта река впадает в реку Лимпо-
по. Устье этой реки образует небольшую бухту и да-
же порт, где есть люди. Они наверное не оставили бы
меня без помощи. Вот туда-то я и рассчитывал про-
браться.

— Ваш план превосходен! — вскричал Пит. — Отчего
бы и нам всем не воспользоваться им? Если, как вы гово-
рите, от тебелов нам теперь трудно ожидать помощи, то
нам лучше всего воспользоваться вашим планом. Нам и
в голову не приходила эта мысль. Нужно будет сообщить
ее отцу.

— Да, это, действительно, будет гораздо лучше, —
подтвердил и Карл де Моор.

Все трое направились к лагерю, продолжая обсуж-
дать подробности передвижения всей колонии по реке до
порта Лимпопо.

Когда отец и сын вошли в хижину первого, они снова
бросились друг другу в объятия и принялись рассказы-
вать все пережитое ими во время разлуки.

Через несколько времени явился Пит с большим
свертком в руках и сказал с обычной ему задушевно-
стью:

— Простите за мое непрошенное вмешательство в
вашу беседу, но я не мог удержаться, чтобы не поспешить
передать вам искренние поздравления всех наших, обра-
дованных вашей чудесной встречей. Все с нетерпением
ждут утра, чтобы познакомиться с Лауренсом. Кстати,
я вот принес кое-что для него от моей матери. Узнав, что
он одет уж слишком... по-дикарски, она посылает вам
часть моего гардероба и просит вас, Лауренс, носить это,
пока мы, собственно говоря, мать и сестры мои не со-
шьют вам нового платья... Пожалуйста, извините, если
что не так. До свидания, до завтра!

Желая избежать благодарности, молодой боер сунул
в руки Лауренса сверток и поспешно убежал, но Лауренс
бросился за ним и, поймав его за хижину, молча креп-
ко обнял.

Когда Лауренс возвратился назад в хижину, то был
очень удивлен, увидев своего отца на коленях, горько
плачущего перед свертком, принесенным Питом.

Глава 15

ОТЕЦ ЛАУРЕНСА

На другой день, рано утром, Карл де Моор вышел из своей хижины, приказав сыну не показываться в лагере до его возвращения. Лауренс обещал не выходить из хижины до тех пор, пока отец не разрешит этого. Оставшись один, он задумался над вопросом, почему отец всю ночь не спал и все время стонал и плакал. Не от радости же это? Хотя Лауренс несколько не сомневался в том, что отец сильно обрадован его неожиданным появлением и, так сказать, воскресением из мертвых, но поведение его сильно удивляло молодого человека. Что за причина, заставлявшая его так мучиться? Это была тайна, в которую Лауренс никак не мог проникнуть.

Между тем Ян ван Дорн и Карл де Моор встретились в лагере. Ван Дорн раскрыл было объятия, желая дружески выразить свое сочувствие радости человека, к которому он был так искренне расположен, но Карл де Моор отступил на два шага назад и, поникнув головою, проговорил:

— Нет, бааз... Этого я не могу допустить... Благодарю нас... Я тронут до глубины души, но... я не в состоянии принять от вас изъявления вашей дружбы, в которой вы сейчас раскаетесь.

Ян ван Дорн с искренним удивлением взглянул на него.

«Неужели бедняга помешался от радости?» — мелькнуло у него в голове.

— Что вы это говорите, Моор! — со смехом воскликнул он. — Видно, радость совсем вскружила вам голову...

— Да, она действительно, произвела во мне перемену, о которой я и хочу поговорить с вами, — продолжал Моор, все еще не поднимая головы.

— Говорите, говорите, дорогой товарищ! Только знаете ли что, отчего бы вам сначала не представить мне своего сына? Мне очень хотелось бы скорее увидеть его. Мой сын Пит уже в восторге от него, и вся наша молодежь тоже сгорает нетерпением познакомиться с ним... Пойдемте-ка лучше к вам, там мы и поговорим...

— Нет, бааз, пожалуйста, — тихо, но твердо сказал Карл де Моор, — останемся пока здесь. То, что я обязан сказать вам, другие не должны знать. Я бы даже просил

вас пройти со мною к реке. Там мы никого не встретим.

— Извольте, идем! — согласился ван Дорн, пожимая плечами.

Когда они подошли к деревьям, тянувшимся вдоль реки, ван Дорн остановился и с улыбкою спросил

— Ну, теперь, надеюсь, вы мне откроете свою страшную тайну?

— Да, я вам открою... все. Тайна эта, действительно, страшная, и вы сейчас перестанете шутить... Вам придется выслушать от меня признание.. унижительное признание заблуждающегося человека!

Ян ван Дорн с понятною тревогою вглядывался в искаженное страшным душевным страданием лицо своего собеседника. Он был вполне уверен, что видит перед собою немного помешавшегося от радости человека, и искренне жалел его. Но по мере того, как слова признания срывались с языка Карла де Моора, честный боец, во всю жизнь не сделавший ничего дурного, приходил все в большее и большее негодование. Наконец, когда Моор окончил свою исповедь, ван Дорн, с налившимся кровью лицом и сверкающими глазами, вне себя закричал

— В довершение всего вы хотели даже убить моего Пита?!. О, это бесчеловечно!.. Это чудовищно!..

Карл де Моор был положительно жалок в эту минуту. С опущенной вниз головою он стоял в позе человека, до такой степени сознающего свою преступность, что никакие слова осуждения не кажутся ему достаточно сильными. Он даже и не пытался оправдываться, хорошо зная всю громадность задуманного преступления, только благодарая случаю не приведенного до конца в исполнение.

Овладев немного собою, ван Дорн более спокойно и мягко сказал, хотя горечь так и сквозила в тоне его голоса:

— Зачем вы рассказали мне все это?.. Вы бы лучше скрыли свой ужасный замысел, тем более, что вы теперь ведь уже отказались от него.

— Тогда я был бы еще бесчестнее, и мне было бы крайне тяжело пользоваться вашим уважением и расположением! — энергично возразил Карл де Моор.

— Да?.. А если я, не открывая никому ничего, попрошу вас удалиться из нашего лагеря, как изменника и предателя, — тогда что вы на это скажете?

— Скажу, что это будет справедливым, но слишком

незначительным возмездием мне... Я хорошо сознаю, что недостойн принадлежать к обществу таких честных людей, как вы,— обществу, которому причинил столько потерь... Да, я не имею права оставаться с вами... Но я надеюсь, что вы, такой справедливый и честный человек, не оставите моего сына... несчастного, ни в чем неповинного Лауренса, отвечать за... за преступления его отца... Ведь вы не прогоните его? Да?

— О, конечно, нет!.. Но...

— Благодарю!.. Что же касается меня, то случай,— вполне естественный в глазах всех,— случай вскоре же забудет не только вас, но и самый мир от меня... Такие люди, как я, не должны обременять собою землю... Но, ради всего святого, умоляю вас не открывать Лауренсу моей ужасной тайны... Пусть он оплакивает меня, как любящий сын отца, а не как отверженного человека, который должен был смертью искупить свое тяжкое преступление... Дайте мне слово, что исполните мою просьбу, и я... умру спокойно... Со своей стороны клянусь вам,— я никогда не давал напрасных клятв,— что скоро, очень скоро исчезну с лица земли...

— И вы способны сделать это теперь, Карл? — спросил глубоко взволнованным голосом Ян ван Дорн, пристально вглядываясь в хотя и искаженное страшною мукою лицо Моора, но выражавшее непоколебимую энергию и спокойствие, всегда наступающие после бесповоротно принятого решения.

— Сделаю, бааз, будьте уверены! — твердо отвечал Моор.— Быть может, даже сегодня... если вы... настаиваете.

Ян ван Дорн схватил его за обе руки и еще более взволнованным голосом проговорил:

— Нет, вы не сделаете этого, Карл! Я не могу требовать совершенно бесцельного и бесполезного самоубийства. Но раз вы отдаете себя на мой суд, я изберу для вас способ наказания... или, вернее, искупления вашей вины... Пока вы каялись, я в певую минуту был вне себя и невольно подумал: «какого, однако, страшного... извините... негодяя я принял в свое общество!» Но потом, когда выяснились мотивы, заставившие вас задумать это преступление, я понял, что не негодяй, а только глубоко честный и сильный душою человек способен на такое открытое признание, особенно если ничто не вынуждало его на это. Самоосуждение — одна из ужаснейших нрав-

ственных мук, а вы сами осуждаете себя — и в этом начало искупления вашей вины. Вот что я решил относительно вас... Прежде всего примите мой дружеский поцелуй и ответьте мне тем же.

К величайшему смущению преступника, Ян ван Дорн крепко обнял и поцеловал его.

— ...А затем,— продолжал он,— я, в качестве бааза, приказываю вам хранить от всех членов нашей колонии вашу тайну, так чтобы никто никогда и не догадывался о ней, и даже, если можно, забыть об этом навсегда. Зачем берeditь раны? Вы очистили свою совесть вашим чистосердечным признанием, и мы постараемся теперь забыть все... Я хорошо понял вас и от души прощаю вам ваше заблуждение... Я уверен, что вы теперь добровольно посвятите весь свой ум, всю свою энергию и все ваши богатые познания на нашу общую пользу,— этим вы лучше всего искупите свою вину. Согласны,— давайте руку и обнимите меня как друга.

Карл де Моор зарыдал как ребенок и бросился в открытые объятия Яна ван Дорна.

Вскоре новые друзья, весело разговаривая, возвратились в лагерь, где все наперерыв спешили высказать Моору искреннее сочувствие его радости.

От Лауренса все были в полном восторге, восхищаясь его красотой, скромностью и любезностью. Узнав грустную историю молодого человека, никто не удивлялся более бывшей угрюмости его отца,— угрюмости, от которой теперь не осталось почти и следа. Если по временам лицо Моора и отуманивалось, зато обращение его со всеми совершенно изменилось. Он стал теперь также любезен и общителен, как раньше был угрюм и молчалив. Особенно теплы и сердечны сделались его отношения к ван Дорну и его семейству.

Лауренс рассказывал свои приключения так живо и интересно, что нельзя было не заслушаться его. Но самую внимательною его слушательницей была бесспорно Анни ван Дорн, все время усердно трудившаяся над шитьем костюма молодому Моору, скроенному ее матерью. Никогда еще ни одна работа не казалась молодой девушке такую приятною, как эта. Она не решалась бросать ее даже и тогда, когда ее сестра Рихия отправлялась гулять вместе с Катринкою, Питом и Людвигом, приглашавшими и ее с собой. Впрочем, может быть, не принимала этого приглашения она еще и потому, что

Лауренс тоже предпочитал сидеть около молодой девушки, любуясь ее ловкостью в работе и рассказывая свои приключения.

Вся колония была тем более рада своему новому соотечественнику Лауренсу, что он указал другой путь к спасению. Его проект дальнейшего передвижения по воде был найден превосходным и единодушно одобрен всеми боевыми товарищами.

На другой же день приступили к сооружению плотов. К счастью, возле реки росло множество деревьев, известных у голландцев под названием «кокер-боомов», которые, по уверению Лауренса, вполне пригодны для сооружения плотов или паромов.

Кокер-боом — род алоэ. Его короткий и толстый ствол дает материал, обладающий в высушенном виде всеми свойствами пробкового дерева.

На берегу реки устроилась настоящая верфь. Все имевшиеся налицо кокер-боомы были срублены и распилены на бревна одинаковой величины, длиною в одиннадцать футов и три фута в диаметре. Знойное тропическое солнце быстро сушило их, так что можно было рассчитывать на скорое изготовление необходимого количества плотов.

Хорошо было, что в услугах Гильди не было более надобности — бедная лошадь, несмотря на заботы о ней Пита, заметно приближалась к смерти и вскоре издохла. Это было истинное горе для неутешного Пита, до последней минуты надевшегося спасти свою любимицу. Но все его заботы и самый тщательный уход оказались тщетными и не могли ее спасти... Не одному Питу, — всем от души было жаль лишиться последнего домашнего животного.

Между слугами каравана нашлись два макобаса, живших около озера Нгами и довольно сведущих в управлении плотами, барками и т. п. немудреными судами.

Макобасы все исключительно занимаются судоходством и рыбной ловлей. Они похожи на бекуанасов, хотя и принадлежат к другому племени и кожа их темнее.

Оба эти дикаря, о которых мы говорим, бежали от крайне жестокого обращения вождя своего племени, свирепого и кровожадного Летшулатебэ, и поступили на службу к переселенцам. Бааз относился к ним так хорошо, что они глубоко уважали его и готовы были на всевозможные подвиги, чтобы угодить ему. Они очень обрадовались случаю быть полезными. Объявив ван Дорну,

что им хорошо знакома работа по устройству плотов, они просили у него позволения участвовать в этой работе. Он, разумеется, был очень рад и с удовольствием разрешил им это.

Дело продвигалось быстро. Не прошло и недели, как плоты уже были готовы.

Но в этой работе участвовали, конечно, не все боеры. Неизвестно, сколько времени продлится путешествие по воде, поэтому необходимо было озаботиться не только о способах передвижения, но и о продовольствии всей колонии.

Местность, по которой протекала река, была совершенно незнакома даже проводникам и Лауренсу. Он только предполагал, что река приведет к Лимпопо, а это озеро, как известно, впадает в Индийский океан, но далеко ли до Лимпопо и какие препятствия придется преодолевать на пути — этого никто не знал. Потому и следовало запастись возможно большим количеством провизии, чтобы не подвергнуться дорогой опасности умереть с голоду.

Ввиду этого часть переселенцев целые дни бродила по окрестностям, стреляя антилоп и даже жирафов. Мясо убитых животных шло на бютлонг. С целью скорее высушить мясо, зажигались костры, вокруг которых оно и развешивалось, нарезанное тонкими ломтями.

Читатели, вероятно, не забыли, что боеры наготовили было большой запас бютлонга из мяса убитых буйволов, но когда нашествие цеце выгнало их из-под мованы, они не успели собрать с деревьев всего запаса сушившегося мяса, и оно было съедено шакалами и гиенами. Возвратившись назад, переселенцы нашли только бечевки, на которых висело мясо.

Карл де Моор стоял во главе всех охотничьих экспедиций, и благодаря ему под пулями охотников погибло не только масса дичи, но и много хищных зверей, бродивших вокруг то небольшими стаями, то в одиночку.

В течение одной недели было наготовлено бютлонга на несколько месяцев.

Кроме наготовленного мяса, у боеров имелось еще несколько мешков маиса и кафрской пшеницы, так что они могли разнообразить свою пищу.

Кафрская пшеница, *sorghum caferum*, употребляется преимущественно трансваальскими боерами. Кафры возделывают еще и другой род сорга, а именно «*sorghum saccharum*». Сладкие стебли этого растения они сосут так,

как американские негры сахарный тростник. Но боеры немного потребляют этой второй пшеницы по причине ее пригорного вкуса, предпочитая первую, более похожую на европейскую пшеницу.

Вокруг мованы росло множество деревьев с сочными и вкусными плодами, вроде наших персиков. Их собирали дети. Таким образом, во всей маленькой колонии не было ни одного праздного существа: каждый делал, что мог. (С) женщинах и говорить нечего — они вечно были заняты разнообразными хлопотами по хозяйству.

Но вот, в одно прекрасное утро, бааз объявил, что все готово к отплытию. На якоре стояли три плота, крепких, легких и, пожалуй, даже красивых. Переселенцы во второй раз покидали гостеприимную мовану в твердой уверенности уже более не возвращаться к ней.

Было сооружено по плоту для каждого из трех главных семейств. Сначала хотели устроить один общий, но потом нашли это неудобным: река местами могла оказаться слишком узкой для прохода такого громадного плота. Соединить их в один рассчитывали, когда достигнут озера Лимпопо.

Плоты эти были шириною в одиннадцать, а длиною более сорока футов. Бревна были плотно соединены между собою и крепко связаны гибкими лианами, известными среди боеров под названием «баавнан-тув» и в изобилии росшим в окрестностях мованы.

Голландское название баавнан-тув значит «веревка павианов». Это ползучее растение, с длинными стеблями и сердцевидными листьями, чрезвычайно крепко. Боеры часто употребляют его в виде каната. Наши переселенцы и ранее были знакомы с этим растением и часто пользовались им.

На заднем конце каждого из плотов был устроен полукруглый шатер, разделенный на две части: для мужчин и для женщин. Для слуг возвышались в переднем конце шалаши из тростника и листьев. Посредине стояли громадные ящики, наполненные имуществом переселенцев. Все ящики были покрыты шкурами убитых зверей. Для стряпни имелись прекрасные очаги, устроенные из оршечной глины.

Таким образом, плоты были снабжены всем необходимым для продолжительного путешествия, и не было надобности приставать к берегу, кроме, разве, прогулки.

Когда все было готово к отплытию, Карл де Моор

стал недоумевать: какое из трех семейств просить о приюте для него и сына?

— Карл, что же вы не идете?!— крикнул ему Ян ван Дорн.— Идите скорее к нам.

— И вы... примете нас? — смущенно пробормотал Моор.

— А вы можете об этом спрашивать? Конечно! Вы обязательно должны находиться с нами. Пит не может более жить без Лауренса, а мне трудно обойтись без вас. Идите же, нечего церемониться! Лауренс давно уже здесь и ждет вас.

Проговорив это со свойственным ему добродушием, Ян ван Дорн подал Моору руку, чтобы помочь ему взойти на плот, и сделал последние распоряжения относительно отплытия.

Когда снялись с якоря и вывели плоты на середину реки, бааз снял шляпу, махнул ею и громко крикнул:

— Ну, теперь с Богом!

Флотилия плавно поплыла вдоль реки.

— Прощай, мована! — проговорила Катринка, сделав рукою прощальный жест гигантскому дереву, два раза уже служившему приютом для колонии переселенцев.

— Счастливого пути, Катринка! — сказал Пит, перебравшийся на плот семейства Ринвальд, чтобы «проститься» с молодой девушкой, потому что приходилось ехать врозь.— Знаете ли, я очень признателен моване: под нею мне пришлось пережить лучшие минуты моей жизни.

Катринка молча потупилась и покраснела, но ведь известно, что иногда молчание бывает красноречивее всяких слов.

— А что касается испытаний, доставшихся на нашу долю в этой местности,— продолжал Пит,— то мне кажется, что они только ярче оттенят наше будущее благополучие, на что я твердо надеюсь.

— Пока мы все живы и здоровы, нам нечего бояться,— дружески заметил Клаас Ринвальд, вслушивавшийся в разговор молодых людей.— Посреди всех наших несчастий никто из нас самих не пострадал, а это главное. Потеря скота, конечно, очень печальна, но вознаградима, а вот если бы, избави Бог, кто-нибудь из нас погиб, тогда, действительно, было бы непоправимое несчастье... Будем же надеяться на Бога и просить Его, чтоб Он и впредь сохранил нас, как хранил до сих пор,

— А знаешь, папа,— сказала Катринка,— ведь ехать на плоту несравненно приятнее и удобнее, нежели тащиться по пескам карру.

— Еще бы!— воскликнула Мейстья.— Путешествовать по воде просто удовольствие. В особенности хорош способ передвижения наших слуг. Право, я завидую теперь им — в такую жару они наполовину в воде.

— Ага!— произнес Пит.— Вы поняли теперь преимущества их водяных коней. А помните, как вы и Катринка вчера смеялись над ними?

— Зато теперь сознаем нашу ошибку и каемся в этом,— просто сказала Катринка.— Не мудрено, что мы не поняли употребления предметов, виденных нами первый раз в жизни, очень странных и смешных на первый взгляд.

— Да, эта выдумка очень недурна и делает честь темнокожим,— заметил Пит.— Посмотрите, как они веселятся, чисто дети!

Действительно, с боков плотов слышался оживленный веселый смех и виднелись фигуры людей, барахтавшихся в воде. Это была настоящая водяная кавалерия, державшаяся на так называемых «водяных конях».

Представьте себе ствол кокер-боома, снабженный на одном конце крепко приделанным деревянным шкворнем длиной дюймов в пятнадцать,— вот вам и все немудрое устройство «водяного коня».

Кафры часто пользуются этим своеобразным способом передвижения по воде, в особенности, когда им приходится сопровождать: переправляющихся через реки волов или баранов. Плывя возле стада, они ободряют боязливых животных и помогают маленьким телятам и ягнятам, которым без посторонней помощи трудно переплыть значительные реки.

Таких стволов тут плыло множество, и на каждом из них полулежал и полусидел верхом кафр или готтентот. Одной рукою пловец цеплялся за шкворень, другою балансировал для сохранения равновесия, а ногами действовал вместо весел и руля.

Водяные кони могли плыть скорее плотов, и их седоки забавлялись тем, что старались перегонять друг друга.

Благодаря этим интересным «коням», плоты не были чересчур нагружены, а темнокожие спутники переселен-

цев не страдали от зноя, что прекрасно действовало на их расположение духа...

Начало путешествия было очень весело, да и впереди не предвиделось ничего дурного.

Грэ, обезьянка Катринки, конечно, не была оставлена под мованую. Молодая девушка была слишком привязана к этому маленькому животному, чтобы покинуть его на произвол судьбы. Когда ее спрашивали, за что она так любит этого черного уродца, молодая девушка говорила:

— Я люблю ее за то, что она так забавна.

Но главным образом, она любила обезьянку потому, что ее принес Пит, нарочно сходявший за нею далеко в лес, когда услышал, что Катринка желала бы иметь обезьянку для развлечения. Желания Катринки были для Пита законом, и он не пропускал ни одного случая, чтобы угодить ей.

Зная, что Грэ, любимица Катринки, все старались всячески баловать маленькое животное, которое оплачивало им по-своему, т. е. строило невозможные гримасы и проделывало забавные шалости. Искренне же оно было привязано только к своей госпоже, проводнику Смуцу и Питу и так же искренне ненавидела Андрэ.

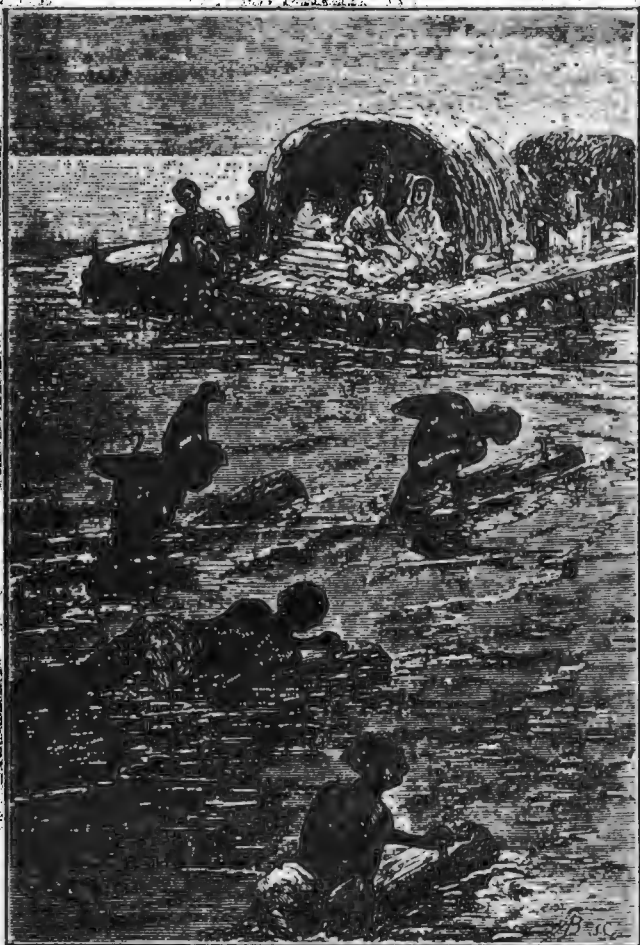
Однажды, в то время, когда кавалькада темнокожих на своих оригинальных конях проносилась мимо плота Ринвальдов, Грэ, давно уже с завистью поглядывавшая на пловцов, вдруг вырвалась из рук Катринки, вспрыгнула на спину Смуца, обхватила его передними лапками за шею и радостно завизжала.

Громкий взрыв хохота переселенцев приветствовал эту неожиданную выходку маленького животного. Смуц представлял очень комичный вид, находясь как в тисках у лохматой плутовки, крепко обхватившей его шею лапами и выказывавшей твердое намерение не скоро расстаться с занятым ею местом.

Глава 16

НЕПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

Мы уже говорили, что никто из переселенцев не знал rischi, по которой они плыли. Предполагали только, что они должна впасть в Лимпопо или в один из его притоков, но где и как — этого никто не мог сказать.

Не знали также, судоходна ли она на всем протяжении и нет ли на ней порогов или водоворотов.

О Лимпопо тоже знали не больше. Правда, Яну ван Дорну и Смуцу приходилось ходить вдоль Лимпопо, но лишь в северной его части, а не в том месте, где предполагалось слияние его с рекою, по которой теперь плыли переселенцы. Кстати сказать, они дали название этой реке «Катринка», в честь старшей дочери Ринвальда.

Таким образом, наши друзья пробирались по местности, совершенно им незнакомой. Но это, впрочем, не особенно тревожило их. Если представляется опасности, то с ними тогда нужно будет бороться — вот и все. Заранее же нечего беспокоиться. «Все в воле Божией, и с Его помощью можно преодолеть какую угодно опасность!» — говорили переселенцы.

Голландцы, к которым по происхождению принадлежат боеры, — люди очень набожные. Каждое семейство обязательно всюду носит с собою библию и тщательно оберегает ее от всех случайностей, подобно ветхозаветным евреям, переносившим с места на место ковчег завета.

Таковы были и наши боеры. Каждое семейство имело у себя Библию, которую глава семьи благоговейно читал вслух по воскресеньям. Быть может, только искренняя вера и поддерживала их посреди всех бед и испытаний, которые им пришлось перенести. Люди неверующие погибли бы на их месте с отчаяния.

Первый день путешествия по воде прошел отлично. Плоты двигались превосходно. Все радовались и благодарили бааза, Лауренса де Моора и макобасов, благодаря которым были устроены такие удобные плоты.

Кокер-боомы, удивительно легкие, несмотря на свою толщину, не пропускали ни капли воды и плавно шли по течению без помощи людей. Необходимо было только направлять их постоянно на середину реки, чтобы не натолкнуться на мель, часто встречающуюся у берегов.

Лауренс де Моор, по инициативе которого было принято это путешествие по воде, сделался общим любимцем. Особенно привязались к нему ван Дорны, смотревшие на него как на родного и не делавшие никакой разницы между ним и своими близкими родственниками.

Не одна Катринка радовалась этому путешествию, представлявшему, сравнительно с ездой по пескам, просто увеселительную прогулку. Не чувствовалось ни такой

томящей жары, ни усталости, не нужно было делать никаких усилий; один вид по берегам реки то и дело сменялся другим, не утомляя глаз своим однообразием. За каждым поворотом реки развертывалась новая и новая, одна другой интереснее, картина...

Прежние опасности были забыты, а о могущих быть впереди как-то не думалось.

Водяная кавалерия увеличивала общее веселое настроение. Она устраивала настоящие гонки и, поощряемая боерами, старалась перещеголять друг друга скоростью и ловкостью движений и всевозможных гимнастических упражнений в воде.

Как истинные любители всякого спорта, молодые бое-ры держали пари за своих любимцев.

Кафры обыкновенно всегда оставались победителями, лишь один готтентот Смуц оспаривал у них первенство. Он усердно поддерживал честь своего племени, и тот, кто делал на него ставку, редко проигрывал.

Грэ, все время сидевшая у него на плечах, визжала и гримасничала от восторга. Смуц по временам пытался освободиться от этой неудобной компании, но обезьянка так энергично вцеплялась в его густые, завитые кольцами, жесткие волосы, что бедному готтентоту пришлось в конце концов покориться своей участи. Сколько Катринка ни звала свою Грэ, сколько ни уговаривала и ни бранила ее — ничего не действовало. Своевольная плутовка только тогда возвратилась к своей госпоже, когда самой надоело сидеть на спине Смуца.

С наступлением вечера решено было остановиться. Бааз опасался плыть в темноте по реке, фарватер которой никому не был известен. Когда найдено было удобное место для стоянки плотов, бросили якорь, устроили для досок мостки, и все переправились на берег с целью немного пройтись и поужинать среди зелени. Так как по случаю увелечения новизною положения никто не ел с самого утра, то аппетит у всех был волчий. Все наготовленное заботливыми хозяйками было истреблено с удивительною быстротою.

После плотного ужина все улеглись спать — кто на плотках, в палатках и шалашах, а кто и прямо на берегу под деревьями.

Но заснуть не удалось никому: было слишком жарко и мешали москиты. Эти крошечные кровожадные насекомые носились мириадами над головами путешествен-

ников и с остервенением нападали на них. Несмотря на то, что тут было столько белокожих, предпочитаемых почему то этими несносными маленькими палачами, они не оставляли в покое и темнокожих.

Вследствие утомления и нестерпимого зуда от укушений москитов боеры то и дело погружались в воду.

Так прошла целая ночь. Только первые лучи солнца прогнали наконец рой маленьких мучителей, и переселенцы с неподдельным восторгом приветствовали восходящее светило.

Отвратительные насекомые оставили такие следы на физиономиях, что никто не мог удержаться от громкого хохота, глядя друг на друга. У Рихии вздулась щека, у Мойсты весь лоб был покрыт багровыми пятнами, даже престестной Катринки они не оставили без внимания — и она была обезображена сильно вздувшимся кончиком носа. Все смеялись и над ней. Один только Пит находил, что это несколько не безобразит ее и даже... идет ей. Взглянув же в зеркало на самого себя, он едва не лишился чувств от ужаса — все лицо его было покрыто красными буграми и ранами. Казалось, что он так обезображен на всю жизнь. Только один Лауренс пострадал менее других белокожих: пятилетнее пребывание в плену у дикарей сделало его кожу почти невосприимчивою к яду от укусов насекомых, да и сама кожа приняла довольно сильный темный оттенок.

— Вот вы все жаловались, что стали походить на дикаря, а между тем, видите, это принесло вам пользу: даже укусы этих отвратительных москитов почти ничего вам не сделали, — сказала ему Анни. — А посмотрите на нас, хороши мы? — засмеялась она, кивая на себя и на других.

— Очень жалею об этом. Мне было бы гораздо приятнее разделить участь моих спутников, чем выделяться своею неуязвимостью, — любезно ответил молодой человек.

Беседа все утро шла, конечно, на тему ночной битвы с москитами и ее последствий. Безобидным веселым шуткам и хохоту, казалось, не будет и конца.

После оживленного завтрака снова пустились в путь. Первые часы плавания прошли так же хорошо и весело, как накануне. Спокойно несясь вниз по течению, пассажиры радовались приближению к своей цели и предавались самым радужным надеждам насчет будущего. Од-

нако веселое настроение переселенцев продолжалось не долго.

Течение стало мало-помалу ослабевать, наконец и совсем прекратилось, так что пришлось взяться за весла. С помощью весел и багров кое-как прошли еще несколько километров.

Глубина реки постепенно уменьшалась, и в одном месте плоты сразу стали, точно пригвожденные ко дну.

Бааз нахмурил брови и тревожно начал вглядываться вдаль. Рядом с ним стоял Карл де Моор. Новые друзья были теперь неразлучны.

— Вот этого-то я и опасался! — воскликнул Ян ван Дори, невольно покачнувшись от внезапного толчка вдруг остановившегося плота. — Воды нет, и мы не можем двигаться далее.

Глава 17

СКОПИЩЕ КРОКОДИЛОВ

Воды действительно не было в том месте, до которого они дошли, — она терялась под толстым слоем песка, покрывавшим дно реки. На расстоянии нескольких метров вода снова вырывалась вверх, а затем снова пропадала. Очевидно, здесь было то, что туземцы называют омарамбою, т. е. ложем реки, наполняющимся только во время наводнений.

Насколько хватал глаз, путешественники видели перед собою один канал, наполненный серебристым песком и окаймленный жалкою, сожженной солнцем растительностью. Так было на протяжении по крайней мере двух километров.

А что было далее, там, за горизонтом? Может быть, там река, окончательно вынырнув из-под земли, текла по-прежнему? Или эта омарамба тянулась до бесконечности? Никто не знал этого и не мог ответить на эти вопросы.

Боерам знакома была омарамба. Периодические течения воды — далеко не редкость в реках Южной Африки. Явление это встречается и в других частях света: в Азии, в обеих Америках, а особенно в Австралии. Даже в Европе, между Черным и Каспийским морями, существует периодическая река.

Поэтому наши путешественники, хотя и не были удивлены этим явлением, но все-таки пришли от него в отчаяние. Все их планы и надежды рушились в один миг. Неужели столько трудов пропало даром? Столько было потрачено сил и энергии неужели для того только, чтобы застрять на прекрасно устроенных плотках посреди совершенно незнакомой местности, где никто не мог даже ориентироваться? Это было бы поистине ужасно!

Но, может быть, беда поправима. Наверное течение реки возобновляется где-нибудь далее. Невероятно, чтобы оно прекращалось здесь совершенно.

Для разрешения этих вопросов необходимо было послать дельных разведчиков.

- Молодежь, сюда! — крикнул ван Дорн.

Через несколько минут молодые люди под предводительством Пита были отправлены на разведку.

— Возьмите с собой и Смуца, — предложила Катринка.

Готтентот тоже приготовился в путь и ждал лишь разрешения бааза.

- А вы разве не идете с ними? — спросила Лауренса Анни ван Дорн. — Впрочем, кажется, отец говорил, что довольно будет Пита, Гендрика, Андрэ и Людвига со Смуцом и шестью кафрами.

— О, я тоже с удовольствием пошел бы, — отвечал сын Карла де Моора, — но я знаю, почему бааз не назначил и меня в эту экскурсию: он все боится, как бы со мною опять не случилось какой беды. Добрый отец ваш так расположен к моему отцу и ко мне, что не решается подвергать меня никакому риску. А между тем отпускает обоих своих сыновей. Мне, право, это немножко обидно. Я так хотел бы все делить с ними — и радость, и горе, и опасности, если они будут подвергаться им. В этой же экскурсии я даже и не вижу ни малейшей опасности. Все дело ограничится только прогулкой в несколько километров, — вот и все. Мой отец меня отпускает, но бааз...

— Ну, если вам так хочется, идите и вы, — перебил его подошедший Ян ван Дорн. — Надеюсь, вы возвратитесь с хорошими вестями.

— О, в этом нечего и сомневаться! — воскликнул пылкий Пит, прощаясь с Катринкою крепким пожатием руки и беря под руку Лауренса.

Разведчики вошли в песчаный канал и вскоре исчезли за густым тростником в одном из поворотов реки.

По уходе разведчиков все приуныли и долгое время хранили молчание. Ян ван Дорн сидел в мрачной задумчивости и лишь изредка перекидывался короткими односложными фразами с Карлом де Моором. Оба они, очевидно, сильно были озабочены настоящим положением и боялись за будущее.

Возвращения разведчиков ждали с лихорадочным нетерпением. Глаза всех были устремлены на то место, где они скрылись за тростником. Прошло больше двух часов после их ухода, а о них ни слуху ни духу. Это всем показалось не предвещавшим ничего хорошего. Вероятно продолжения течения реки разведчики не находили, и канал на всем протяжении был безводным. Как же теперь поступить? Что предпринять?

Ян ван Дорн пригласил на совет Клааса Ринвальда и Ганса Блома. Сначала начали обсуждать вопрос: как поступить, если окажется, по предположению бааза и Моора, что река пересохла только в этом месте и далее течение ее продолжается? Во время самого разгара споров вдруг послышался издали веселый голос Пита, кричавшего во все горло: «Ура!»

Сердце Катринки сильно забилося при звуках этого молодого, веселого голоса, и она вся вспыхнула.

Через несколько минут запыхавшийся молодой человек прибежал и сообщил, что километров за десять вода снова вырывается наружу и образует опять реку, вполне удобную для передвижения на плотях. Подошедшие затем Смук и остальные разведчики подтвердили слова Пита.

Получив это приятное известие, боеры единогласно решили, что необходимо перенести все имущество и плоты к тому месту, где вновь начинается река. Бааз поспешил сделать нужные распоряжения о разгрузке плотов.

Как только все было снесено на берег, самые плоты были немедленно разобраны. Боеры рассудили очень здраво, что так как река не подойдет к ним, то они сами должны идти к ней. С этой целью необходимо было перенести все вещи переселенцев и самые плоты до места начала течения реки. Там снова можно было собрать и нагрузить плоты и затем с Божьей помощью двинуться далее.

Но этого, понятно, нельзя было сделать скоро. Как ни старались, а все-таки пришлось употребить на это более двух дней.

Интересно было смотреть, как обнаженные до пояса темнокожие тащили на себе громадные бревна. Сильные и мускулистые, они напоминали собою живых карнатид. Положим, тяжесть этих бревен, сделанных из стволов копер боомов, далеко не соответствовала их объему, иначе не было бы возможности нести их за десять километров, и бойцам пришлось бы придумывать другой план.

На утро третьего дня все было переправлено на ту сторону омарамбы. Не забыли ни одного гвоздя, ни одной веревочки. В перетаскивании вещей участвовали все без исключения, — даже женщины и дети.

Перенесенные в разобранном виде плоты были быстро собраны вновь. Все составные части были уже готовы, так что приходилось только связывать их. Работа шла отлично.

На четвертый день переселенцы снова могли поместиться на плотам и опять двинуться в путь.

Вначале воды было еще мало, и течение было очень слабое, так что приходилось сильно налегать на весла и багры. Впереди ожидалось лучше, и потому люди не щадили сил, усердно работая веслами и баграми. Вскоре ожидания оправдались. Река понемногу стала расширяться и углубляться, течение сделалось быстрее, и плоты опять пошли сами, как в начале путешествия.

Однако через несколько километров дело стало ухудшаться: вода едва текла, и плотам пришлось снова двигаться очень медленно. Разведчики не заходили так далеко. Увидав в одном месте широкую и быструю реку, они предположили, что она и дальше такая же, и возвратились назад.

Но вот, наконец, дошли до громадного стоячего озера, темная вода которого была совершенно неподвижна. Насколько хватал глаз, кроме песчаных берегов; усеянных массою каких-то страшных черных бревен, ничего не было видно.

Вскоре, взглядевшись, бойцы поняли, что это за бревна.

— Это крокодилы! — воскликнул бааз, стоявший на носу первого плота.

— Да, и какое громадное скопище их! — заметил Карл де Моор. — Мне никогда еще не приходилось видеть такого громадного скопища.

— Что могло заставить их собраться здесь в таком количестве? — недоумевал даже опытный и видавший виды Смуц, исходивший чуть не всю Южную Африку.

И действительно, скопище крокодилов было так громадно, что невольно вызывало удивление.

И по пути переселенцы нередко видали их греющимися на солнце, но или в одиночку, или небольшими группами, по три, по четыре, а здесь их было по крайней мере целые сотни!

Эти отвратительные амфибии лежали во всевозможных видах и позах. Некоторые экземпляры поражали своими громадными размерами: при двадцатичетырехфутовой длине, они были обхватом в добрую бочку.

Одни валялись на песке, вытянувшись во всю длину и подняв головы с разинутою пастью, усаженною двойным рядом страшных зубов. Другие лежали, свернувшись клубком, или перекатывались с боку на бок, поднимая вверх все четыре лапы, а некоторые просто ползали вокруг, высоко задрав хвосты.

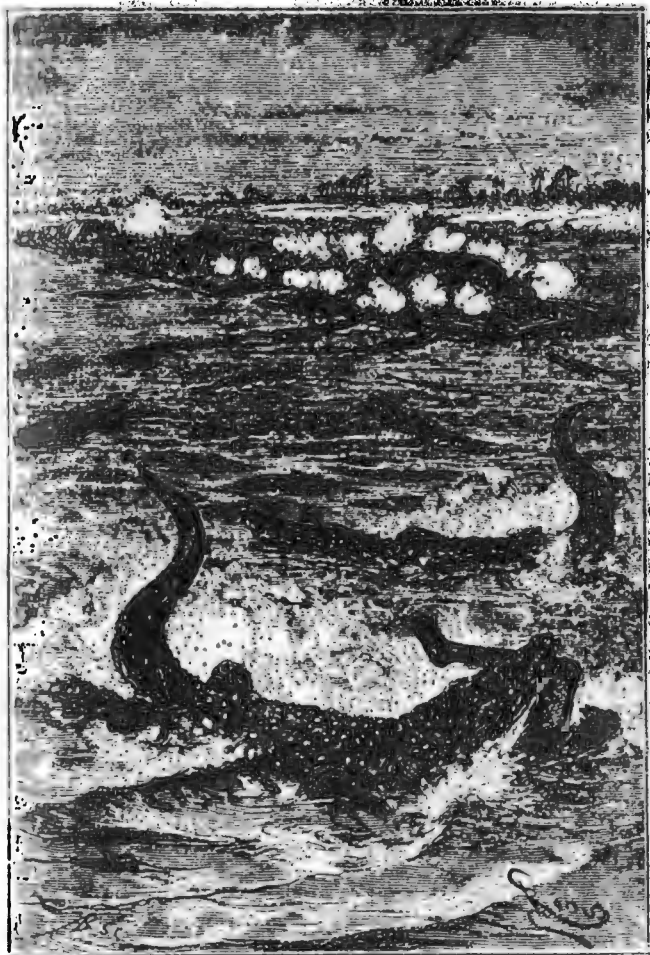
На спинах этих пресмыкающихся прыгало множество насекомоядных птиц, охотясь за мухами, привлеченными сильным, удушливым запахом мускуса, испускаемым крокодилами.

В прошедшие ночи боеры слышали нечто похожее на рев сотни быков и удивлялись силе и продолжительности звуков. Теперь, увидев громадное скопище крокодилов, они поняли, что это были крики пресмыкающихся. Но все-таки не могли уяснить себе, что означает это экстраординарное собрание чудовищ.

При приближении плотов птицы вспорхнули и с резкими криками отлетели прочь, а крокодилы моментально один за другим попрятались в воду. Интересно было видеть, с каким проворством эти неуклюжие и неповоротливые с виду животные двигались на своих коротких лапах.

Боеры подумали, что их внезапное появление заставило пресмыкающихся инстинктивно искать спасения в родной стихии, но каково же было удивление путешественников, когда они заметили, что крокодилы всем обществом подвигаются к ним навстречу с очевидным намерением атаковать плоты!

Нырнув сначала в воду, страшилища через несколько времени снова появились на поверхности и с угрожающим видом поплыли по направлению к дерзким пришельцам, дерзнувшим вторгнуться в их царство. Чудовища страшно щелкали зубами, размыкая и смыкая свои громадные челюсти, яростно колотили хвостами по воде, так что вокруг них образовалась густая пена.

Путешественники в один голос испустили крик ужаса, испугавшись, главным образом, за свою «водяную кавалерию», но темнокожие молодцы в один миг очутились на плотках, побросав своих деревянных коней. Конечно, находившиеся на плотках деятельно помогали им скорее взобраться на них, протягивая кто веревку, кто просто руку.

Женщины и дети попрятались в шалаши и палатки, между тем как мужчины, взявшись за роеры, приготовились к отражению атаки.

Обыкновенно крокодилы бегут от людей, а эти сами шли на них и в таком громадном количестве, которое заставило смутиться даже храбрых боев.

Как ни спешили седоки водяных коней взобраться на плоты, к несчастью, двое из них все-таки не успели и тут же были проглочены парюю громадных крокодилов. Помочь этим несчастным не было никакой возможности.

Гибель этих двух верных слуг боев была отомщена сильным и дружным залпом из ружей. За этим залпом последовало еще несколько. Стреляли безостановочно, так как женщины, вышедшие из своих убежищ, заряжали разряженные роеры.

Стрельба продолжалась до тех пор, пока от порохового дыма ничего не стало видно. Когда дым рассеялся, путешественники заметили, что вся вода покраснела от крови и что крокодилы, поняв невыгоду своего положения, попрятались на дно озера. Только сильно раненные остались издыхать на поверхности воды.

Пока одна часть пассажиров работала веслами и баграми, подгоняя плоты, другая время от времени стреляла в голову слишком любопытного чудовища, высывавшуюся из воды.

Когда плоты наконец перешли озеро и очутились на противоположном конце, путешественники поняли причину такого невозможного скопища крокодилов в одном месте: река вторично терялась в песках!

Глава 18

КАРЛ-КОП

Да, речка снова исчезла, и на этот раз положение злополучных путешественников было несравненно хуже, чем в первый: люди, посланные опять на разведку, сооб-

нили, что сухое место тянется по крайней мере километром на восемнадцать, т. е. на расстояние, вдвое длиннее первого.

Очевидно, засуха согнала в одно место крокодилов, обитавших обыкновенно на всем пространстве реки. Уничтожив все живущее в воде, всю рыбу и пр., крокодилы были обречены на голодную смерть и собрались издавать в одно место. Голодом же объяснялось и их нападение на людей. Если бы часть их не была убита путешественниками, она все равно была бы съедена другими. Им только и осталось пожирать друг друга.

Избавившись от этих страшных врагов, боеры перестали и думать о них — все их мысли теперь сосредоточились на вторичном неожиданном препятствии к дальнейшему передвижению.

Все были убиты. Бааз мучился более всех, так как на нем лежала нравственная ответственность за всю колонию переселенцев.

— Напрасно, — говорил он, — доверил я расследование пути молодым людям. Они, как только увидели воду, сейчас же и предположили, что более расследовать нечего... Конечно, я не виню их... Виноват я. Мне следовало помнить, что на такие разведки следует посылать опытных людей, а не таких юнцов, как наша молодежь, с ее пылким воображением и страстью к чересчур быстрым заключениям. Да, вся вина падает на одного меня. Благодаря моей оплошности, погибло два преданных человека, и напрасно было потрачено столько труда и времени на разборку, переноску и сборку плотов. Теперь, если за этой новой омарамбой окажется опять настоящая река, придется снова все это проделать и тащить все вдвое дальше... Чтобы предупредить новую такую же ошибку, я сам отправлюсь с желающими на разведку. Постараюсь лично исследовать все и как можно обстоятельнее. Это будет лучше.

С этими словами он взял ружье, запасся необходимым количеством зарядов и провизии и отправился в путь в сопровождении Лауренса, Андрэ и Людвига, поручив Карлу де Моору наблюдение за колонией.

Ян ван Дорн вышел с твердым намерением проследить как можно дальше, чтобы убедиться, нет ли впереди еще таких же омарамб.

Перемена характера почвы скоро доказала ему, что

нечего опасаться нового препятствия в виде перерыва течения реки. В том месте, где кончалась вторая омарамба, песчаное ложе реки сменялось глинистым. А так как омарамбы возможны лишь в песках, то смело можно было рассчитывать, что впереди не предвидится никаких преград к проходу плотов.

Однако, наученный горьким опытом, осторожный ван Дорн этим не удовлетворился. Он решил пройти еще несколько километров вниз по реке и окончательно убедиться в невозможности нового разочарования.

Вследствие этого он и его спутники возвратились к своим товарищам только утром на другой день, порядочно уставши, но с благоприятными вестями.

Во все время их отсутствия остальные путешественники, мучимые неизвестностью, были в сильной тревоге. Если вся река окажется в омарамбах, то плоты придется бросить. Как же тогда быть с багажом? Неужели тащить всю эту массу всевозможных предметов на себе до самого того места, где можно будет, наконец, поселиться навсегда? На это ни людей, ни сил не хватит. Да и где еще такое место, сколько времени нужно идти, и вообще возможно ли будет добраться до него с женщинами и детьми? Все эти вопросы сильно мучили переселенцев.

В ожидании возвращения бааза и его спутников и не желая оставаться в озере, кишевшем голодными крокодилами, переселенцы разбили шатры на берегу, подальше от опасного соседства.

Все это делалось тихо, молча и вяло. На всех лицах лежала мрачная тень уныния и отчаяния. Неуверенность в завтрашнем дне, незнание того, что предстоит далее, ложились тяжелым гнетом на души путешественников. Даже вечно веселая молодежь приуныла и с тоскою глядела вдоль ненавистой омарамбы.

После молчаливого ужина Ганс Блом читал Библию, единственную утешительницу боеров в несчастиях. Все благоговейно слушали и горячо просили Бога сжалиться над ни в чем неповинными людьми и спасти их и детей от ужасной гибели в безвестной пустыне.

Почувствовав себя немного успокоенными и как бы духовно окрепшими, переселенцы уже собирались ложиться спать, расставив караульных и приняв все необходимые меры предосторожности, как вдруг одно явление развлекло их и заставило даже на время забыть и о сне и о своем безвыходном положении.

В стороне от них, среди деревьев и кустов, что-то зашумело, послышался треск ломаемых ветвей и чьи-то тяжелые шаги. Можно было предположить, что это пробирается к воде буйвол, носорог или даже слон.

Действительно, на поляне, где расположились путешественники, вскоре показался «карл-коп», т. е. слон-самец, лишенный клыков. Он был совершенно один. Судя по тому, как он яростно размахивал хоботом, сокрушал все, что ему попадалось на пути, как свирепо вращал налившимися кровью глазами, можно было предположить, что он очень рассержен. Его, вероятно, выгнали из стада за буйство и строптивость. Таких буйных слонов в стаде не любят и всегда изгоняют из него. Их следует опасаться. Одинокие слоны очень свирепы и жестоки, особенно если они не успели еще ни на ком выместить свою злость. Они часто бывают даже прямо бешеные.

Увидав его, молодые боеры схватились за ружья, но Клаас Ринвальд остановил их.

— Вам не убить его с первого раза,— сказал он.— Вы этим только приведете его в страшную ярость. Он бросится на нас и наделает нам много неприятностей. Мы все в куче. Не обойдется, пожалуй, и без непоправимого несчастья. Да и не к чему его убивать. Он без клыков и не представляет для нас никакой ценности.

— Да, это верно,— согласился Пит.— Мы просто увлеклись было охотничьим инстинктом, не справившись с рассудком.

Пит всегда старался угодить Ринвальду, отцу Катринки, и слушаться его, чем и подавал нередко хороший пример послушания и скромности своим товарищам.

— Интересно наблюдать за этим животным,— продолжал старый боер.— Оно пока еще, кажется, нас не замечает. Да если и заметит — не беда. Самый свирепый слон никогда не бросится на людей, если они находятся в стороне и не задевают его. Право, они этим лучше многих из нас. Рассерженный слон будет ломать и сокрушать все, что ему встретится на пути, но человека зря не тронет, лишь бы этот последний сам не трогал его. В этом, к нашему счастью, и состоит особенность природы такого крупного и сильного животного.

После этих слов, сказанных тихим голосом, все приоткрыли и затаили дыхание.

Слон, не видя или просто не обращая внимания на людей, прошел мимо них, подошел к воде и принялся уто-

лять свою жажду. На это ему потребовалось немало времени. Покончив с этим, он вошел в озеро и начал поливать себя из хобота водою. Казалось, на ней льется целый водопад,— до такой степени он забирал много воды в хобот.

Очевидно, свежий душ доставлял животному громадное наслаждение, судя по его тихому хрюканью и визгу. Но опустив в десятый раз свой могучий насос в озеро, он вдруг резко вскрикнул, быстро вытащил из воды хобот и поспешно возвратился на берег.

Сильное движение всколыхнутой и вспененной им воды не позволяло видеть причины этих внезапных эволюций животного. Да и сам карл-коп, очевидно, не понял, как следует, в чем дело. Стоя на берегу, он внимательно всматривался в озеро, похлопывая своими громадными ушами, пошевеливая крошечным хвостиком и размахивая направо и налево хоботом. Вдруг его маленькие глазки заискрились, уши опустились, хобот принял горизонтальное положение, и сам он двинулся опять к озеру. Должно быть, он понял, наконец, в чем дело. Войдя до половины в воду, он смело, с размаху, погрузил в воду хобот.

Зрители думали, что он намерен возобновить прерванный душ, но ошиблись — умное животное имело совершенно другую цель.

Около карл-копа заборозила вода. Немного погоды появилась голова громадного крокодила, с разинутую страшную пастью, и вскоре он сам показался на поверхности воды. Это был достойный противник слону, футов в двадцать длиною. Очевидно, он-то и укусил карл-копа за хобот и заставил его выйти на берег.

Об уме и находчивости слонов много рассказывается, но то, что увидели боеры, превосходило все известное до тех пор об этих замечательных животных.

Глядя на действия слона, переселенцы единодушно решили, что он руководствуется далеко не одним инстинктом, но и разумом.

Он только конец хобота держал в воде и слегка шевелил им взад и вперед, как делают рыболовы удочкою, на которую насажена приманка.

«Рыбка» не замедлила пойти на приманку. Но не успел крокодил разинуть еще более пасть, как уже сам моментально очутился во власти четвероногого гиганта рыболова.

AMERICAN
MAMMOTH
MUSEUM
NEW YORK

1870

Карл-коп с торжеством вытащил из воды крокодила, корчившегося и бившегося в обвившем его и крепко стиснувшем хоботе, и вышел с ним на берег. Затем, высоко подняв свою добычу в воздух, он взмахнул хоботом и швырнул крокодила на переплетшуюся ветвями вершину стоявшего около слона дерева, где и застрял, как в сети крокодил.

Путешественники едва удерживались от смеха, глядя на отчаянно барахтавшегося в ветвях дерева крокодила. Они были вполне уверены, что слон сознательно выбрал такое неудобное место для своего врага, и готовы были расцеловать этого серого колосса за его ум.

Когда карл-коп удалился, Клаас Ринвальд метким выстрелом освободил гигантскую ящерицу от лишних мук.

Молодые люди поблагодарили старого бойца за то, что он помешал им выстрелить в слона, доставившего всем такое интересное развлечение.

А карл-коп, гордый своею силою, сметливостью и только что совершенным подвигом, шел по прямому пути, направо и налево валя и ломая преграждавшие ему дорогу кусты и деревья. Долго еще переселенцам слышался треск деревьев и других преград, сокрушаемых этим исполином, и только мало-помалу, по мере его удаления, звуки эти стали затихать и, наконец, замерли вдали.

Глава 19

НА ЛИМПОПО

Почти под самым тропиком Козерога, по направлению на восток, к Индийскому океану, течет довольно многоводная река. Это — Лимпопо.

Терпеливо совершив вторичную, более трудную, разборку и переноску плотов и всего находящегося на них имущества, бойцы снова поплыли по реке. Через два дня они без всяких уже препятствий достигли до устья другой реки. Предположение Лауренса блестяще оправдилось: Катринка действительно впадала в Лимпопо.

Убедившись, что попали наконец в настоящую судоходную реку, не прерываемую уже никакими омарамбами, переселенцы нашли более удобным соединить все три плота в один. С этой целью они разыскали еще несколько

кокер-боомов, наделали из них бревен, посредством которых и связали все плоты вместе.

Для этой цели и для отдыха они остановились на берегу Лимпопо недели на две и не спеша принялись за работу.

Связав плоты, они поставили все палатки и шалаши для слуг рядом и вместо трех очагов устроили один большой.

Пользуясь продолжительною остановкою, Лауренс предложил еще сделать лодку, в которой могла встретиться надобность при дальнейшем следовании по Лимпопо. Бааз одобрил это предложение и поручил макобасим сделать, под наблюдением молодого де Моора, лодку по типу лодок туземцев.

Лодка была выдолблена из громадного ствола кокер-боома, снабжена всем необходимым и прикреплена к плоту канатом.

Она, главным образом, предназначалась для сообщений с берегами, к которым не всегда было возможно поднести тяжелый плот.

Со времени встречи с крокодилами, «водяные кони» были в забросе, но теперь снова вошли в употребление и весело ныряли вокруг плота.

Во время стоянки не произошло ничего особенного. Все было бы отлично, если бы не москиты. Целые мириады этих «кровопийц», гнездившихся в прибрежном тростнике, положительно не давали никому покоя по ночам.

Молодые люди радовались возможности находиться вместе, на одном плоту, и потому поместились на него в самом радужном настроении. Пожилые боеры тоже были довольны, хотя и по другим, более основательным причинам. Им теперь казалось, что они почти уже достигли своей вожделенной цели и нечего было уже сомневаться более в том, что скоро доберутся до озера Лимпопо, а там они найдут и цивилизованных людей, и все, что необходимо для мирной, оседлой жизни.

Довольны были все также и тем, что они теперь могут беспрепятственно плыть по великолепной реке и любоваться постоянною сменю роскошных картин природы.

Между тем как река Катринка была сжата холмами и горами, Лимпопо свободно разливалась по громадной равнине, покрытой травю и камышом. Тут и там возвыша-

лись группы раскидистых акаций. Других древесных пород было мало.

В одно время года вся эта долина бывает под водою. Даже теперь, когда жара доходила до пятидесяти градусов и река находилась на самом низком уровне, кое-где еще виднелись болота.

Царство животное имело здесь гораздо больше представителей, чем царство растительное. Особенно много было пернатых всевозможных пород, разных величин и окрасок. Одних журавлей имелось множество видов. Между ними особенно выделялись голубые журавли, известные под названием журавлей Станлэя (*Anthropoides Stanleyanus*), и журавли перепончатые.

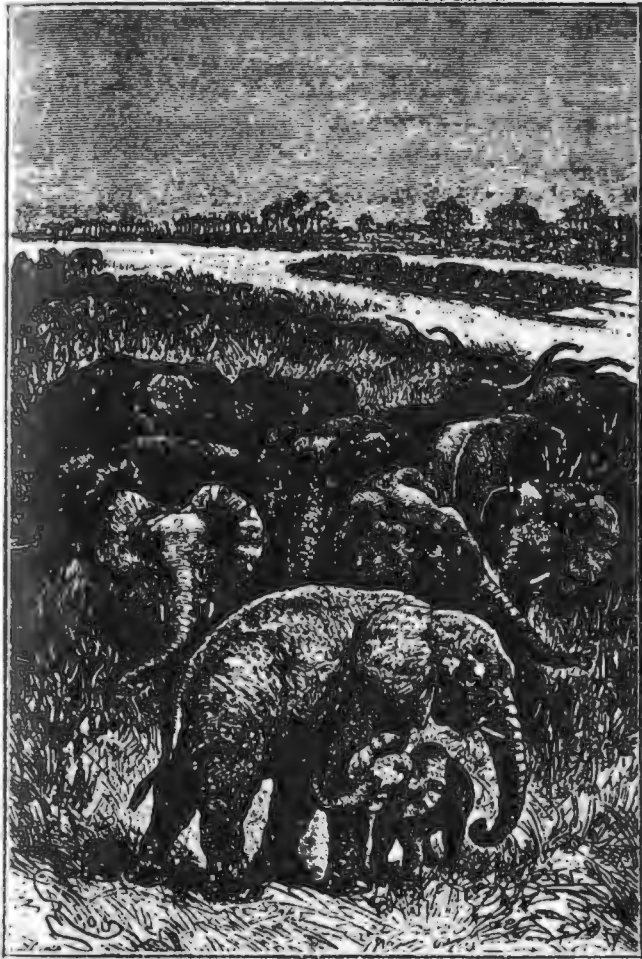
На берегах виднелись и «журавли кафров», иначе называемые «балеариками» (*Balearica Regularium*): Головы этого вида увенчаны красивою эгреткою. Они двигаются по земле, как будто танцуют. Грациозно прыгая на своих длинных ногах, они держат крылья горизонтально и во время бега слегка размахивают ими.

Немного поодаль от них разгуливали громадные цапли Голиафа, перемешиваясь с фламинго, аистами и другими птицами родственного вида. Между аистами выделялись гигантские «адъютанты» (*Citonia argali*) у которых клюв, похожий на заступ, так длинен, что свободно может достать до головы человека среднего роста.

Приближение плавучей колонии боевов вспугивало громадные стаи диких гусей и уток, между тем как страусы и большие драхвы на своих тонких и длинных ногах-ходулях бежали к реке смотреть на незнакомое им водяное чудовище. Очевидно, у этих птиц любопытство брало верх над страхом.

В воздухе носились огромные ястребы, коршуны, орлы и другие хищные птицы. Они описывали огромные круги, зорко высматривая своими острыми глазами добычу.

В четвероногих тоже не было недостатка. Тут и там тяжело плавали гиппопотамы, выставляя на поверхность воды свою неуклюжую, почти четвероугольную голову с противною изуродованною мордою. Набрав воздуха, они снова скрывались под водою, чтобы немного далее опять вынырнуть. Носороги приходили к Лимпопо на водопой, а в отдалении на равнине, виднелись стада зебр, антилоп и куаггов.

Боеры с интересом наблюдали за всеми этими животными, но особенное их внимание привлекали слоны.

Во время своей последней стоянки переселенцы часто видали большое стадо слонов на противоположном берегу. Они думали, что это все одно и то же стадо, приходящее на водопой и опять уходящее куда-нибудь в лес, но предположение их оказалось ошибочным.

Пока путешественники отдыхали, много стад слонов, одно за другим, проследовало вдоль Лимпопо, так что на четвертый день своего плавания боеры увидели в одном болотистом месте такое скопище этих толстокожих четвероногих, что им невольно пришла в голову мысль — не собрались ли они сюда со всей Африки. Пит уверял, что их тут не менее тысячи, и отец согласился с ним.

Громадное болото, на которое собралась такая масса слонов, было сплошь усажено тростником, который истреблялся слонами в невероятном количестве. Изобилие этого тростника, должно быть, и привлекало сюда серых гигантов.

Даже пожилой и опытный Ян ван Дорн, выдавший виды на своем веку, никогда не встречал подобного скопища слонов в одном месте и не менее молодежи удивлялся этому.

Молодым людям страстно захотелось воспользоваться удобным случаем выказать свою охотничью удачу. По обыкновению Пит явился перед баазом просителем за всех, желавших получить разрешение поохотиться на слонов. Конечно, он и сам едва ли не более всех испытывал это желание.

— Нет, друзья мои, — сказал благоразумный Ян ван Дорн, собрав вокруг себя всю молодежь, едва сдерживавшую нетерпение, — нет, я не могу позволить вам этого. Напасть на такое огромное стадо слонов на открытом месте — значит подвергать всех нас страшной опасности. Если же вы сойдете на берег, то едва ли возвратитесь назад. Вы, может быть, и одолеете несколько слонов, но остальные сотрут вас в порошок. Мы не в состоянии будем подать вам помощь: разъяренные животные в один миг разнесут наш плот и уничтожат всех нас. Не трогайте их, и они не тронут вас, но горе тому, кто вызовет их страшную месть!.. Будьте же благоразумны и не думайте более о подобной глупости.

Никто, конечно, не решился послушаться бааза, но все были в душе недовольны его строгим запрещением. Генд-

рик, младший сын его, даже высказал это, шепнув Людвигу и Питу:

— Отец просто делается трусом под старость. Его запрещение лишает нас богатой добычи, не говоря уже о наслаждении испытать свои силы и ловкость над таким противником. Честное слово, обидно! Целое состояние находится у нас почти в руках, и мы не можем воспользоваться им!

Пит хотя и обладал очень горячим темпераментом, но послушание и скромность всегда были преобладающими чертами в его характере. Благодаря этим качествам, он всегда старался обуздывать свои даже самые пылкие стремления. Поэтому он и возразил брату:

— Ты напрасно хочешь уверить нас, что только жажда добычи заставляет тебя находить осторожность отца излишнею и даже называть его трусом. Тебе просто досадно лишиться случая выказать свою ловкость и умение стрелять. Мне тоже очень хотелось бы поохотиться на этих великанов, но я нахожу запрещение отца вполне благоразумным и основательным. Мне стыдно за твои слова о нем.

Гендрик смутился и протянул руку брату.

— Да, ты прав,— сказал он.— Я искренно жалею о своих неосторожных словах.

Нравоучение Пита не осталось без влияния и на остальных молодых людей, и они успокоились.

Между тем плот продолжал подвигаться вперед. Скоро слоны совершенно исчезли из вида. Пейзажи по-прежнему сменялись один другим.

— Я бы желала плыть так всю жизнь,— сказала Катринка, сидя на переднем конце плота и любуясь разнообразием видов на берегам реки.

— О, я тоже,— ответила сидевшая рядом с нею Мейстья, задумчиво глядя вперед.— Нельзя представить себе ничего лучше этого плавного движения по спокойной поверхности воды. Прелесть, как хорошо! Скользишь себе тихо и спокойно, любишь природою и не чувствуешь ни малейшей усталости.

— Да, это все так. Но мне кажется, что мы стали «скользить» что-то уж слишком медленно,— заметила Рихня.

И правда, ход плота делался все тише и тише, пока, наконец, совершенно не прекратился. Действовать баграми было невозможно: река была слишком глубока, и

они не доставали до дна. На этот раз препятствовал уже не недостаток воды, а излишек ее.

— За весла! — крикнул Ян ван Дорн.

Гребцы взялись за весла, но все их усилия двигали плот со скоростью не более двух километров в час. Это значило идти черепашьям шагом.

— Вот опять задержка! — воскликнул бааз. — Неудачи точно сговорились преследовать нас!.. Право, от этого можно с ума сойти!

— А ты думаешь, отец, так будет продолжаться долго? — спросила Катринка.

— Да, я почти уверен в этом. Здесь опять стоячая вода, и нам придется так плыть целые сутки, если не больше.

— Ну, это ничего не значит, — проговорила молодая девушка. — Здесь так хорошо, что нечего спешить.

— Если бы ты не была так молода, Катринка, то не сказала бы этого, — заметил ван Дорн. — Пойми, дурочка, что не сегодня — завтра наступит время дождей, которые всегда сопровождаются лихорадками, особенно опасными в этой болотистой местности.

— Не может быть, далее Лимпопо будет опять быстрее, — продолжала Катринка.

— Дай Бог! Но у меня что-то мало надежды на это, — вздохнул ван Дорн.

— Какие тут низкие и ровные берега, точно они сделаны человеческими руками, — сказала Анни ван Дорн.

— Да, река здесь очень похожа на искусственный канал, — задумчиво произнес ее отец.

— А знаете, что, ван Дорн? — сказал подошедший Карл де Моор. — Мне пришла в голову одна мысль. Отчего бы нам не пройти это место тем же способом, посредством которого проводят по каналам барки и плоты?

— То есть как это? — с недоумением спросил его бааз.

— Да посредством канатов...

— Ага! Понимаю! — с живостью воскликнул повеселевший начальник колонии. — Это, действительно, превосходная мысль, дорогой друг! Мы сейчас же попробуем привести ее в исполнение. Берега эти очень удобны для такого способа передвижения. Нужно этим воспользоваться.

Не теряя времени, бааз сделал необходимые распоряжения. К передней части плота прикрепили толстый канат, конец которого перевезли на берег в лодке. По ше-

Эти человек кафров и готтентотов поочередно должны были тянуть бечеву.

С помощью этих сильных и дюжих людей плот пошел почти с прежнею скоростью.

Глава 20

ВОЗМЕЗДИЕ

Пока готтентоты и кафры тянули на своих могучих плечах тяжелый плот, испуская характерные крики: «Огээ!.. Галлоо!» — перед глазами переселенцев разыгрывалась сцена, превосходно иллюстрировавшая знаменитую басню Лафонтена «Лев и комар». Сцене этой предшествовал такой странный факт из жизни птиц, которому могут поверить только очевидцы.

На берегу, как раз на пути людей, тянувших канат, стояли две огромные птицы, с большим крючковатым клювом, на длинных ходулевидных ногах. Все тотчас же признали в них сланг-фретеров. Это голландское название, означающее «пожирателей змей», было им дано богами. Нам эта птица известна под именем секретаря.

Туземцы почитают секретарей за истребление змей и даже установили закон, в силу которого виновный в убийстве одной из этих птиц подлежит смертной казни.

Название секретаря этой птице европейцы дали потому, что у нее на затылке торчит пучок перьев, напоминающий гусиное перо, которое писцы в старину имели обыкновение носить за ухом.

Слангфретеры, о которых здесь идет речь, охотились на змеями. Самец схватил клювом одну змею, поднял в воздух и готовился сильно бросить ее на землю с целью переломить ей спинной хребет и затем съесть ее. Вытянув шею и нетерпеливо хлопая крыльями, самка собиралась разделить со своим супругом пиршество.

В этот самый момент подошли бечевщики. Они предполагали, что при виде их птицы испугаются, бросят лакомую добычу и поспешат отлететь в сторону. Но они ошиблись. У слангфретеров была семья, которую им необходимо было защищать. Змею они, действительно, освободили, но сами бросились к находящемуся неподалеку кусту мимозы, испуская крики ужаса. Из куста сейчас

же донесся в ответ тонкий писк, доказывающий, что там находятся птенцы.

Пройдя еще несколько шагов, бечевщики заметили гнездо — громадное, неуклюжее сооружение из ветвей и листьев. Через край гнезда свешивались длинные тонкие как спички лапки двух маленьких слангфретеров.

Родители с угрожающим видом стали по обе стороны гнезда и отошли немного в сторону лишь тогда, когда люди подошли к ним вплотную, да и то отошли на такое расстояние, чтобы свободно можно было видеть, что будут делать с их детенышами.

Взобравшись там на дерево, взрослые птицы отчаянно стали звать к себе маленьких. Последние еще не могли делать, но уже отлично пользовались ногамн. Услыхав крики родителей, они выкарабкались из гнезда и бросились бежать.

Проникнутая жалостью к этим беспомощным существам, Катринка закричала бечевщикам:

— Ради Бога, не трогайте бедных птиц! Пожалуйста, оставьте их!

Но дикари не слышали криков молодой девушки или не желали слышать их и бросились вдогонку за птенцами. Они делали это не из жестокости, а просто по глупости. Им захотелось поймать молодых слангфретеров и доставить их на плот для забавы детям. Может быть, они задумали и приручить их в надежде на то, что эти птицы со временем будут охранять колонию от гадов.

Как бы то ни было, но темнокожие, не слушая криков Катринки, продолжали преследовать птенцов, которые бежали так скоро, как только позволяли им не вполне еще окрепшие ноги. Не будь в одном месте ямы, слангфретеры благополучно спаслись бы от преследователей. Но, спеша убраться как можно дальше от них, они не глядели себе под ноги и с размаху бухнулись в яму. Выбраться оттуда, несмотря на все старания, они уже не могли, потому что один сломал себе при падении ногу, а другой повредил крыло. Ноги у этих птиц так хрупки, что легко переламываются при малейшей неосторожности.

Подойдя к птицам и осмотрев их, дикари убедились, что молодые слангфретеры искалечены навсегда, и сейчас же свернули шею бедным птицам. Покончив с этим, дикари стали продолжать путь как ни в чем не бывало, не обращая ни малейшего внимания на раздиравшие душу крики злополучных родителей, со всех ног кинувших-

си, после удаления людей, к трупам своих малюток, за несколько минут перед тем еще так весело щебетавших...

Готтентоты и кафры не отличаются особенною чувствительностью. Отчаяние птиц несколько не трогало их черствых сердец.

Немного далее их ожидала другая встреча, долженствовавшая послужить им как бы справедливым возмездием за их поступок.

По мере того, как они подвигались вперед, зной становился все сильнее и сильнее. Наконец он сделался прямо невыносимым. Темнокожим было уже не до беготни за какую-либо добычею. Они примолкли, насупились и еле передвигали ноги... В этом раскаленном воздухе самое незначительное напряжение становится не под силу, и люди вместо того, чтобы тащить бечеву, вяло волочили ее за собою по песку.

Плот поэтому тоже еле-еле тащился. Заметив, в чем дело, бааз прикрикнул на бечевщиков. Темнокожие нехотя потянули канат и прибавили было шагу, но тут вдруг случилось нечто странное. Дикари внезапно выпустили из рук канат и с громкими криками принялись прыгать, точно сумасшедшие, потрясая изо всех сил ногами и руками. Казалось, все они внезапно подверглись пляске св. Витта.

Очевидно, эти конвульсивные движения и крики вызывались болью — другого объяснения быть не могло. Одни из бечевщиков попадали на землю и стали кататься по песку, другие ударились бежать вдоль берега, а некоторые прямо бросились в воду и поспешно поплыли к плоту, точно спасаясь от невидимого врага.

— Что с ними?.. В чем дело? — спрашивали путешественники, изумленно поглядывая друг на друга.

Но когда пловцы приблизились к плоту и вскарабкались на него, загадка объяснилась. Оказалось, что на них напали целые мириады пчел.

Это случилось вот каким образом. Канат, тянувший плот, задел за громадный улей, устроенный в песке, и разрушил его. Рассвирепевшие насекомые, увидя свои труды погибшими в один миг по милости людей, с остервенением накинулись на них всюю массою и моментально изжалили им все тело. Особенно досталось готтентотам, у которых голова не защищена такою густою растительностью, как у кафров, напоминающих своею волнистою, шерстевидною шевелюрою шерсть баранов. Вот почему все готтентоты и побросались в воду. Хотя часть пчели-

ного роя и полетела за ними, но, боясь воды, ничего не могла сделать им.

Жужжание разъяренных пчел было так сильно, что напоминало собою скорее шум мельничных колес.

Глядя на комичные прыжки, кувыркание и гримасы оставшихся на берегу дикарей, молодежь хохотала до слез. Даже чувствительная и добрая Катринка не могла удержаться от смеха, говоря, что Бог вполне справедливо наказал этих дураков за бесполезное убийство бедных слангфретерчиков.

Но скоро и всем стало не до смеха.

Последовавшие за пловцами пчелы набросились на плот и энергично атаквали всех, находившихся на нем. Защищаться от этой крылатой и так хорошо вооруженной армии не было никакой возможности. Все заметались взад и вперед, как угорелые. Испускали крики, отмахивались чем попало, закрывали лица руками, платками, шляпами, но спастись от назойливых насекомых было трудно. Даже старшие боеры поневоле вышли из своей всегдашней флегмы и, забыв свои лета и достоинство, прыгали и скакали не хуже молодых и дикарей.

Смятение и шум на плоту достигли таких размеров, что издали можно было подумать, не едет ли это целая колония сумасшедших или бесноватых, так как причину, вызвавшую эту отчаянную суетню, можно было видеть и понять только вблизи.

Битва с пчелами продолжалась минут двадцать. На конец, удовлетворенные неприятели удалились, праздную веселым жужжанием свою победу, а побежденные принялись оглядывать друг друга и с трудом узнавали знакомые черты. Результаты нападения пчел были несравненно хуже последствий, оказавшихся после атаки москитов. У всех вспухли щеки, носы и подбородки. Глаза из-за этих опухолей были едва заметны, и с трудом открывались. Лбы украсились громадными волдырями. Шеи, руки и другие открытые части тела представляли собою нечто вроде багровых подушек. Зуд был исключительно нестерпимым.

Даже Грэ, обезьянка Катринки, не была пощажена: на обеих щеках у нее красовалось по громадной шишке. Желая хотя кому-нибудь отомстить за свое поранение маленькими неприятелями, с которыми она во все время их нападения вела яростную битву, обезьяна вцепилась в волосы Андрэ и изо всей силы дергала за них.

В прежнее время молодой человек обязательно отколтил бы ее за эту проделку, но теперь он удовлетворился только тем, что высвободил свои волосы из ее цепких лапок и прогнал от себя. Обезьянка укусила ему руку и, показав язык, удалась прочь, но даже и это он оставил без внимания.

Вообще молодой человек в последнее время сильно изменился к лучшему и это замечалось всеми его спутниками.

Никто лишь не заметил, с какого именно времени начал совершаться в нем эта благодетельная перемена. Но мы по секрету можем сообщить читателю, что переобразование его началось именно с того самого дня, когда он конвоировал женщин по пути от оврага к моване и долго беседовал с Мейстейей.

С этого дня он старался быть как можно чаще в обществе белокурой красавицы и сделался даже лучшим другом Пита. Ревновать его к Катринке он уже перестал.

Через сутки все слишком заметные следы укусов пчел пропали, и никто не вспоминал бы о нападении насекомых, если бы Катринка по временам не находила нужным напоминать темнокожим дикарям, как строго наказывает Бог за всякую бесполезную жестокость, выбирая в первую очередь для своей справедливой кары даже таких незначительных с виду насекомых, как пчелы. Хотя это насекомое и очень мало, но бороться с ним, как оказалось, гораздо труднее, чем с буйволами и слонами, даже львами.

Вероятно, кафры и готтентоты поняли толкование молодой девушки. Более они во всю дорогу уже не трогали беззащитных и беспомощных существ.

Глава 21

ОХОТА НА ГИППОПАТАМОВ

После опасного происшествия с крылатыми воинами бичевщики стали осторожнее и зорко всматриваться, не попадется ли опять колония пчел или других таких же опасных насекомых.

Им, впрочем, недолго пришлось тянуть ляжку. На следующий же день плот снова попал в глубокий фарватер, бичевщики были призваны обратно на плот, и быстро

течение по-прежнему понесло его по направлению к устью Лимпопо.

Свертывая канат, готтентоты и кафры мысленно молили своих богов избавить их от горькой необходимости тянуть на нем плот. Тяжелая работа эта им страшно надоела, особенно после истории с пчелами.

Желание их, казалось, должно было исполниться. Плот несся с удивительной быстротою. Берега так и летели мимо взоров путешественников. Сначала это им очень радовало, но, по мере того, как плот начал нести все скорее и скорее, возрастающая быстрота течения реки заставила их наконец задуматься. Явление это могло быть очень опасным.

— Правду говорят, что человек никогда не бывает доволен,— сказал Клаас Ринвальд Яну ван Дорну.— Давно ли мы жаловались на слишком медленное течение, а теперь вот наоборот... Просто наказание с нами никак на нас Бог не угодит!

— Да, мы попали из одной крайности в другую,— заметил бааз,— а крайности, как известно, редко бывают хороши. Слишком много хорошего и слишком много дурного одинаково скверно. Этому нас чуть не ежедневно учит житейский опыт... Мы, действительно, летим чуть не со скоростью птицы, а это становится очень... подозрительным. Как бы нам не налететь на что! Мне очень хотелось бы несколько затормозить наш бег.

— Нет ничего легче,— сказал Карл де Моор.— Прикажете упираться баграми. Это не очень трудно.

— Так-то так,— задумчиво произнес ван Дорн,— но это едва ли поможет. Все-таки попробуем.

Он отдал приказание тормозить ход плота с обеих сторон.

Однако это плохо помогало. Плот продолжал мчаться со страшной быстротой.

Таким образом пролетели более двадцати миль.

— Это чисто курьерский поезд железной дороги,— заметила госпожа ван Дорн.— Но я не думаю, чтобы это могло повредить нам. Что же тут дурного? Чем скорее мы будем двигаться, тем раньше достигнем цели нашего путешествия.

Оно и правда, пока все шло хорошо. Раз только плот налетел на подводный камень, но все ограничилось одним сильным толчком: кокер-боомы и канаты из баавиан-тува могли выдержать еще и не то.

Вскоре выяснилось, что быстрота течения происходила от того, что ложе реки стало довольно отлого спускаться вниз к озеру, которое было уже недалеко. Близость его чувствовалась.

Картина местности, между тем, резко изменилась. Тростник начал исчезать, появились густые леса с разнообразными древесными породами — настоящие тропические леса!

Течение было теперь превосходное: не слишком сильное, но и не тихое. Только река ежеминутно делала самые прихотливые извилины. Контуры ее то и дело напоминали или латинскую букву S или цифру 8. Карлу де Моору, управлявшему правильным ходом плота, нужно было много внимания и умения, чтобы не натолкнуться на берег. Ни в баграх, ни в веслах надобности уже не встречалось. Приходилось только направлять плот на середину реки. Моор делал это с редким искусством.

Плот шел со скоростью одной мили в час. Этого было совершенно достаточно. Все опять чувствовали себя превосходно и снова принялись за свои радужные мечты относительно будущей оседлой жизни.

Боеры, как настоящие голландцы, потомки выходцев из местности, прилегающей к Зюдерзее, забывали все прошедшие невзгоды, радовались хорошему настоящему и с надеждою смотрели и верили в еще лучшее будущее.

В описываемое нами время они были так же спокойны духом, как была спокойна река, по которой плавно скользил их плот.

Прибудут ли они днем раньше или днем позже к месту назначения — это для них было совершенно безразлично.

Судя по всему, они теперь могли рассчитывать достигнуть Порт-Наталя еще задолго до начала периода дождей. Более пока ничего не требовалось, и все были спокойны и довольны.

Пока старшие делали что-нибудь по хозяйству, молодежь забавлялась стрельбою в птиц, массами кружившихся в воздухе. Много пеликанов, коршунов и даже орлов пало жертвами их охотничьих подвигов, но им все было мало. Пороху, дроби и пуль имелось вдоволь, роеры действовали отлично, а руки и глаза не уставали.

Много бы и еще они, вероятно, уничтожили представителей пернатого царства, если бы, наконец, эта беспре-

длинная и почти бесцельная стрельба не надоела старым охотникам.

— Довольно, господа, понапрасну губить этих несчастных птиц! — сказал Ян ван Дорн. — Они нас не трогают, ну и пусть себе живут. Мы все уже убедились, что они прекрасные стрелки. Следует поберечь и заряды для более нужной цели. Имейте в виду, что там, где мы намерены поселиться, не так легко достать боевых запасов, поэтому будьте поэкономнее... Впрочем, если вам уж очень не терпится и хочется похвалиться твердостью руки и верностью глаза, то вот вам более достойная цель.

— Какая? Где? — в один голос спросили молодые стрелки.

— А взгляните-ка на правый берег, и увидите, — проговорил бааз.

Молодые люди посмотрели на указанное ван Дорном место и заметили там несколько гиппопотамов. Этих неуклюжих животных путешественники встречали и ранее на этой реке. Они видели старых самцов, лениво греющихся на жгучих лучах солнца, и молодых самок, плывших по реке с детенышем на спине. Множество птиц летало вокруг них. Некоторые даже садились им на голову и на спину и с громкими криками поднимались кверху, когда животное вдруг окуналось в воду.

Гиппопотамы наверное никогда не видывали такой гигантской машины, как плот переселенцев, и не выказывали ни удивления, ни страха при приближении к ним плота.

Только когда блеснули огни и загрели выстрелы рогаток, эти толстокожие жители реки испустили громкое мычание и бросились в лес.

— Стреляйте, господа, стреляйте! — поощрял бааз. — Клыки гиппопотамов хотя и не так ценны, как слоновьи, но все-таки пригодятся. Нам после стольких потерь не мешает позапасться хоть чем-нибудь, имеющим ценность.

Даже молодые боеры хорошо знали, что гиппопотам, или, как они называли его, «зеехока» (морская корова), можно уложить одним выстрелом, если угодить пулей между глазом и ухом. Таким образом почти ни один заряд не пропадал даром. Бедные гиппопотамы гибли десятками от рук проворных охотников.

Пит, Гендрик, Андрэ, Людвиг и Лауренс стреляли одинаково хорошо и потому они не могли завидовать

друг другу. Если они и завидовали кому-нибудь, то разве Карлу де Моору. Он тоже присоединился к молодежи, и его роер не сделал ни одного промаха, с удивительной точностью попадая каждый раз новому гиппопотаму в одно и то же место.

Ганс Блом и Клаас Ринвальд не стреляли и добродушно подсмеивались над его «юношескою пылкостью». Один Ян ван Дорн говорил:

— Не мешайте! Пусть продолжает! Кроме пользы, от этого мы ничего не получим. Смотрите, как он стреляет: ни один его выстрел не пропадает даром!

Бааз понял, что Карл де Моор хотя бы этим старался вознаградить переселенцев за то зло, которое им причинил.

Во время этой охоты один старый гиппопотам привлек на себя особенное внимание. Раненый но не смертельно, он вдруг начал кружиться в воде, как это делают бараны, охваченные дурманом. Он вертелся так быстро и поднимал вокруг себя такие брызги воды, что только один Моор и мог докончить его.

Старшие боеры подъехали в лодке к убитым животным и принялись выпиливать у них клыки. Клыков набралось очень много, и, по уверению бааза, весело потиравшего руки, этими клыками не только был возмещен весь убыток боеров, но и закладывалось основание их будущего благосостоянию.

Судьбе, должно быть, надоело, наконец, преследовать переселенцев. Она приготовила им такое доказательство своего благоволения, какого они и не ожидали.

На пятый или шестой день плавания Карл де Моор обратил внимание бааза на небольшой остров, находившийся как раз посредине реки, имевшей в этом месте не менее двух километров ширины.

— Вот вы не решались пристать к берегу по случаю его отдаленности! Не желаете ли пристать к этому острову? По-моему, это вполне удобно,— сказал он.

— Да, вы правы,— ответил бааз,— сюда нам можно будет причалить.

Приближалась безлунная, темная ночь. Ян ван Дорн поспешно приказал править к острову и бросить возле него якорь, намереваясь продолжать путь лишь с восходом солнца.

Остров был окружен тем видом тростника, который называется пальмитом. Только в одном месте, где вода

была слишком глубока и растения не могли пустить корни, путь был совершенно свободен. К этому месту Карл де Моор и направил плот. Едва успели выйти на остров, как наступила полная темнота. Переселенцы расположились в некотором расстоянии от воды, разложили костры и разогрели заранее приготовленное кушанье. Поужинав с обычным аппетитом, все легли спать.

Утром, проснувшись, путешественники были очень удивлены, когда заметили, что весь остров покрыт сухой травой, между тем этого не должно бы быть. Остров, находясь всего на два фута выше уровня воды и поэтому постоянно орошаемый периодическими наводнениями, должен бы отличаться обильной и свежей растительностью. Не было ни дерева, ни куста, — ничего, кроме желтой сухой травы, да и то не особенно густой. Чтобы это могло значить? Почему тростник, окружавший остров, был удивительно зелен, а трава, начинавшаяся почти вслед за тростником, точно сожжена? Это несколько напоминало раму без картины, вместо которой осталась лишь голая шероховатая доска.

Обсуждая возможную причину этого странного явления, боеры увидели на задней стороне острова и в воде такое громадное количество гиппопотамов, что сначала они не верили глазам.

Насколько хватал глаз, вся река и часть острова были покрыты этими животными, тихонько мычавшими и фыркавшими с видом полного самодовольства.

Очевидно, здесь было их постоянное местопребывание. Этим и объяснялась скудность и желтизна травы: гиппопотамы большую часть ее съедали, а остальную мяли под собою. Придавленная их страшною тяжестью, трава, понятно, не могла вновь оправиться.

Глава 22

ОСТРОВ МЕЙСТЬЯ

Совет боеров решил остановиться на острове для охоты на гиппопотамов и не уходить до тех пор, пока не останется ни одного из этих животных, составлявших настоящий клад для таких практичных людей, как переселенцы.

Охота продолжалась целый месяц. Остров, получив-

ший название «острова Мейстья», в честь второй дочери Клааса Ринвальда, понемногу лишился всех своих прежних обитателей.

Большой навес, сплетенный из ветвей тростника, был снизу доверху набит клыками гиппопотамов. Масси шкур обращалась темнокожими в разные изделия. Между прочим, из них изготовлялись и пресловутые жамбоки, о которых мы уже имели случай говорить ранее.

Сало солилось и клалось в бочки. Боеры очень любят сало гиппопотамов, приготовленное каким-то особенным способом, и приправляют им большинство своих блюд. Студень, выделяемый из ног «морской коровы», тоже составляет у них не последнее блюдо.

Провизии опять набралось на долгое время, почти на целый год, а за клыки можно было выручить целое состояние, которого хватило бы на полное устройство всей колонии.

Понятно, что переселенцы не знали, как благодарить Бога за такое благодеяние.

Наконец, когда последний гиппопотам был убит (некоторые, очень немногие, спаслись бегством), бааз напомнил, что того и гляди наступит дождливое время, которое может испортить все дело.

— Пора, пора отправляться в путь! — говорил он в начале пятой недели пребывания на острове Мейстья. — Мы и то слишком долго засиделись здесь.

— Мы еще с солением мяса не совсем кончили, — сказала его жена. — Необходимо обождать два дня. Авось успеем добраться заблаговременно до Порт-Наталя. Туда недалеко отсюда. Некоторые из наших слуг бывали в этих местах и говорят, что теперь до конца этой реки близехонько.

— Ну, хорошо, хорошо, — соглашался ван Дорн, — пождем. Долго ждали, а два дня уж куда не шли.

Через два дня принялись нагружать все на плот. Но так как груза прибавилось очень много, то нагрузка продолжалась целый день, и покончили с ней только к ночи. Пришлось ждать утра, чтобы вывести плот на середину реки и продолжать путешествие.

— Эх, плохо мы сделали, что так замешкались! — проговорил Карл де Моор, глядя на мрачное ночное небо. — Мне почему-то думается, что хорошей погоде конец.

И действительно, утром все небо было обложено тем-

ними свинцовыми тучами, и вдали слышались раскаты грома.

А когда хотели сняться с якоря, началась страшная буря, сопровождавшаяся сильной грозой. Молнии сверкали, и оглушительные раскаты грома безостановочно следовали один за другим. Казалось, все небо было в огне, и тысячи несущихся по нему огненных колесниц производят этот страшный непрерывный грохот... Буря свистела, стонала, выла, угрожая снести и плот, и людей, и самый остров, на котором ютились переселенцы.

К счастью, она продолжалась недолго, но за нею последовал страшный ливень, низвергавший на землю целые потоки воды.

Европейцы, никогда не видавшие тропических дождей, не могут иметь о них никакого понятия. Достаточно сказать, что тропический ливень дает воды в час более, нежели европейский дождь за целую неделю.

Этот ливень шел в течение пяти с половиною дней. Он прекращался только по ночам, но эти ночи были так темны, что не было возможности ничего видеть даже на расстоянии двух шагов.

Конечно, во все это время путешественники не выходили из своих шалашей на острове.

Ян ван Дорн внутренне сильно досадовал на себя за то, что, поддавшись страсти к добыче, упустил хорошую погоду. Положим, дождь не мог продолжаться вечно, но переселенцы могли заболеть от лихорадки а это было бы худшее из всего ими испытанного.

Дождевые периоды в тропических странах большею частью вызывают опасные лихорадки, от которых гибнет множество людей. Среди переселенцев пока еще ничего не было заметно. Все они хотя и страдали от сырости, но чувствовали себя вполне здоровыми и бодрыми.

Утро седьмого дня было пояснее предыдущих. Свинцовые тучи заменились однообразною тонкою сероватою пеленою, сквозь которую по временам порывались даже пробиться лучи солнца.

Бааз, Карл де Моор и Смуц на общем совете решили, что необходимо немедленно сняться с якоря. Может быть, погода разгуляется на несколько дней, а этим следует воспользоваться.

Пол-острова было залито водою. Пришлось пробираться к плоту чуть не вплавь. Женщин и детей снесли на руках.

Хорошо, что догадались крепко привязать плот канатами, иначе бы его, несмотря на два якоря, сорвало и снесло. Тогда переселенцам пришлось бы проститься не только со всеми их радужными мечтами и надеждами, но, пожалуй, и с самою жизнью!

— Лимпопо сильно вздулась,— сказал бааз.— Еще день такого ливня — и нас затопило бы.

На плоту все, что не было прикрыто просмоленной парусиною, размокло, но это не особенно пугало путешественников. Они хорошо знали, что стоит показаться солнцу — и в несколько часов все снова будет сухо.

Как только готтентоты и кафры перенесли на плот последнюю вещь из шалашей, бааз приказал поднять якоря.

— Прощай, Мейстья! — крикнул Пит и Людвиг, махая шляпами.

— Ну, этот островишко не заслуживает такого прекрасного имени,— заметил Андрэ.— Мы ему доверились от всей души и чуть было не погибли на нем... Я убежден, что мадмуазель Мейстья никогда не будет такой предательницей.

— Да разве остров виноват, что Лимпопо вышла из берегов? — возразил Пит.— Этот остров дал нам целое богатство — вот о чем следует помнить и не поминать его лихом. Я нахожу, что он вполне заслуживает данного ему имени. Вместо того, чтобы подвергать этот остров напрасным порицаниям, я нахожу, что следует проститься с ним как можно задушевнее, и предлагаю крикнуть ему на прощанье ура... Да здравствует остров Мейстья! Ура!

Все единодушно подхватили этот крик, далеко разнесшийся потом по реке...

С этой минуты плавание продолжалось без всяких препятствий и приключений. Плыли теперь уже безостановочно, чтобы достичь Порт-Наталя до возобновления дождей. Во избежание всяких случайностей ночью раскладывался на очаге громадный костер, и на обеих сторонах плота ставились надежные часовые.

Через пять дней, в течение которых небо хотя и хмурилось, но не раздражалось ни дождем, ни грозою, путешественники достигли устья Лимпопо. Здесь уже труднее было пробираться между множеством подводных камней, но благодаря такому искусному лоцману, каким оказался Карл де Моор, плот прошел везде благополучно.

Переселенцы теперь глядели весело. Опасностей более не предвиделось, особенных затруднений и лишений тоже не предстояло. Все это осталось позади и предано было полному забвению.

Надежда на Бога не изменила честным, мужественным боерам, поддержав их в трудные минуты многообразных испытаний.

Вот, наконец, переселенцы прибыли в Гоаский залив.

Лауренс не ошибся: здесь действительно был небольшой порт, и в нем, к изумлению путешественников, стоял на якоре какой-то трехмачтовый корабль.

— Вот удача-то нам! — воскликнула Катринка, весело хлопая в ладоши, когда заметила белые паруса.

— Погоди еще радоваться, — сказал Ян ван Дорн. — Может быть, что судно идет на север. Тогда мы им не можем воспользоваться.

Но корабль, как оказалось, шел именно в Порт-Наталь. Капитан корабля охотно принял к себе на борт переселенцев, сразу поняв, что это не какие-нибудь искатели приключений, а состоятельные люди, имеющие возможность хорошо заплатить.

Когда же он увидел громадную массу ценных клыков гиппопотамов, то стал относиться к боерам прямо уже с уважением.

Путешественники предполагали пробыть в Порт-Натале лишь столько времени, сколько им было нужно на продажу своей добычи. Затем они рассчитывали отправиться искать удобного места для поселения.

Но едва корабль вступил в гавань Порт-Натали, они сейчас же узнали там такую важную и приятную новость, что сразу изменили свой план. Оказалось, что во время их странствования по пустыне трансваальцы восстали против своих поработителей-англичан, совершилось то, что в английской истории известно под названием восстания в Трансваале, а в летописях голландской колонии носит название борьбы за освобождение.

Эти честные и храбрые патриоты приобрели себе свободу слишком дорогою ценою — ценою собственной крови и жизни многих из своих близких. Тяжелы были для них дни при Лайнг Неке и Шпиц Копе но зато они возвратили себе драгоценнейший из даров человека — свободу, и это вознаградило их за все понесенные ими потери.

В виду этой благоприятной вести наши эмигранты единодушно решили возвратиться назад на родину, покинутую ими лишь из нежелания подчиниться ненавистному игу англичан.

Добровольное изгнание их из родной земли не имело теперь смысла. По радости, наполнившей сердца переселенцев, не исключая и темнокожих, когда они узнали об освобождении дорогого Трансвааля и было решено возвратиться в него, можно судить, как велика была жертва с их стороны, если они решились покинуть свою дорогую родину.

Одно только смущало честных боев — это то, что они усомнились в стойкости своих соотечественников и покинули их как раз в ту минуту, когда те подняли священное знамя борьбы за свободу. Следовало бы присоединиться к ним, а не бежать так малодушно, подобно трусам...

Но ошибка была уже сделана, и исправить ее не представлялось возможности. Боев, как мы уже говорили, не любили предаваться бесплодным терзаниям. Что сделано, того не воротишь. К тому же невольная вина их была отчасти искуплена перенесенными ими во время странствования лишениями и невзгодами, так что совесть их могла успокоиться.

Окончив продажу добычи, давшую довольно значительную сумму, бааз собрал вокруг себя всю свою колонию и сказал:

— Дорогие друзья мои! Мы вместе с нашими слугами подвергались опасностям, вместе с ними переносили всевозможные лишения и боролись с различного рода препятствиями. Теперь настала пора расстаться с ними. Я хочу на прощанье поблагодарить их за их добрую службу и за доверие, которое они оказывали нам во всех случаях. Я не слыхал от них ни ропота, ни упреков, а видел только их усердие и добросовестное исполнение их обязанностей. Вполне ценю это и решил вознаградить их по заслугам.

С этими словами он подозвал к себе темнокожих, почти ничего не понявших из его речи, и раздал им каждому по горсти блестящих золотых монет. Нужно было видеть, какую радостью засияли лица темнокожих, отроду не имевших у себя в руках такой суммы. С глубокою благодарностью они приняли эту действительно щедрую плату из рук любимого начальника.

Прощание белых со своими темнокожими спутниками было самое трогательное.

— Теперь позвольте мне сказать несколько слов о наших молодых охотниках,— продолжал Ян ван Дорн.— Они доказали, несмотря на свою молодость, что на них можно положиться. Оконченное нами странствование и борьба со всевозможными препятствиями и страшными опасностями вполне, мне кажется, убедили нас, что они достойны славного имени боеров. Из общей нашей добычи на их долю причитается такая сумма, которая навсегда обеспечивает им полную независимость, если они будут работать так, как работали мы, старики... Я уверен, что они и в этом отношении пойдут по нашим стопам и научат тому же и своих детей. Я убежден в этом, потому что не заметил в них ни малейшей черты, которая дала бы повод бояться за будущее... Вам известно, что для того, чтобы быть полноправным гражданином, по нашим понятиям, необходимо обзавестись семьей. Во время пути сюда я заметил, что наши дети уже выбрали себе спутников жизни. Пусть будет так. Только при свободном выборе и может быть истинное счастье. Я разрешаю Пету жениться на Катринке, Андрэ взять себе в жены Мелестью, а Людвигу назначаю руку моей старшей дочери Рихии, если, конечно, родители молодых людей не будут иметь ничего против этого.

В порыве благодарности и искренней, неподдельной радости, молодые люди бросились на шею доброму и приятельному бааза, одним разом сумевшего осчастливить всех.

Молодые девушки, хотя и были не менее рады, но не решились так открыто высказать этого. Только вспыхнувшие щечки и засверкавшие глазки красавиц красноречиво всяких слов доказали то, чего не позволяла им сделать врожденная скромность.

Один Лауренс де Моор стоял грустно опустив голову. Но вот бааз заговорил снова:

— Если моя младшая дочь Анни не слишком неприятна Лауренсу и его отец, мой уважаемый друг Карл де Моор, не будет иметь ничего против, то я желал бы видеть и их супругами... У нас, значит, будет сразу четыре свадьбы. Вот попируем-то! — с улыбкою добавил он, пожимая руки.

Лауренс поднял голову и со слезами бросился в объятия отца.

Карл де Моор влажными глазами несколько секунд глядел на Яна ван Дорна.

— Бааз,— проговорил наконец он дрожащим от глубокого волнения голосом,— вы — самый лучший и благороднейший человек в мире! Я, конечно... но...

— Э, полноте!..— перебил ван Дорн.— Я, право, ни сколько не лучше других честных людей... Успокойтесь. Не нужно так волноваться. Значит, вы согласны?.. Леренс, обними меня!

И благородный человек крепко прижал к сердцу сына на своего бывшего врага.

— О, ван Дорн, ван Дорн! — воскликнул Карл де Моор.— Позвольте мне хотя бы теперь рассказать...

— Нет, не позволю, дорогой друг! — шутливо-строгим тоном перебил ван Дорн.— Вы знаете, я люблю, чтобы мне беспрекословно повиновались люди, избравшие меня баазом. Вот поэтому-то я и не позволю вам никогда ни одним словом заикаться и вспоминать о ваших бывших несчастьях. Лишь с этим условием наша дружба никогда не прекратится. Давайте вашу руку и обнимите меня как друга и будущего родственника.

И эти сильные духом люди крепко обнялись.

Хотя никто не понял истинного смысла короткого обмена слов между Карлом де Моором и Яном ван Дорном, но тем не менее все дружно воскликнули:

— Да здравствует наш славный и благородный бааз!

Далеко разнесся по окрестностям Порт-Наталя этот единодушный и искренний крик переселенцев.

Водяная пустыня

Роман

ИЗ СОБРАНИЯ И. СЫТИНА

Иллюстрации художника Беннета

Глава 1

СКВАЙР ТРЕВАНИО

Лет двадцать пять тому назад в Корнвалисе умер сквайр * Треванио. Он принадлежал к старинному днорянскому роду и считался, судя по той широкой жизни, которую он вел, одним из богатых помещиков. Но, когда сквайр умер, оказалось, что имение его обременено долгами, на уплату которых продано было с торгов все имущество покойного. Сыновья его Ричард и Ральф, привыкшие с детства к роскоши, очутились без всяких средств, если не считать той тысячи фунтов стерлингов, которые достались на долю каждого из них, — да и то еще им намекнули при выдаче этих денег, что спасением их они обязаны ловкости и неподкупной честности солиситора **, который раньше вел дела их отца, а теперь проводил ликвидацию имущества.

Несмотря на все уверения солиситора в своей честности, находились люди, в числе их и оба наследника, которые говорили, что почтенный джентльмен попросту ограбил сыновей сквайра Треванио. В таком предположении не было ничего невероятного, потому что по какой-то странной случайности имение перешло в руки этого почтенного джентльмена, предложившего будто бы на торгах наивысшую цену.

Но улик прямых не было, а одних подозрений недостаточно для того, чтобы обвинить хотя бы и заведомого мошенника. Выдавая деньги, солиситор поставил молодым людям непременным условием в известный срок покинуть Корнвалис и жить где угодно, но только не на родине.

* Squire — дворянин, помещик.

** Sollicitor — ходатай по делам.

Неопытные и в то же время гордые молодые люди, запутанные в сетях судейского крюкотворства, сами не хотели оставаться не то что дома — его у них не было, — а в той стране, где чужой владел их родовым поместьем, принадлежавшим их предкам может быть еще в те времена, когда финикийцы впервые начали посещать их страну.

Не имея возможности оставаться дома, братья решили искать счастья на чужбине, и чем дальше от родины, тем лучше.

Старшему, Ральфу, в это время шел двадцать первый год. Ричард был моложе его года на два. Они получили прекрасное, вполне английское воспитание, при котором развитие ума идет одновременно с развитием физических сил. Юноши почти не имели соперников среди своих сверстников во всех видах спорта и с детства привыкли не бояться физического труда. Это давало им возможность смело идти навстречу всякого рода трудам и лишениям.

Вопрос был только в том, за что взяться и куда идти. Как и всех молодых людей, их влекла военная служба. В армии или во флоте, благодаря протекции старинных друзей отца, они могли рассчитывать довольно быстро сделать карьеру и через несколько лет считать себя вполне обеспеченными. Но по зрелому обсуждению эти проекты были отброшены. Хороша военная служба, но целью их жизни должно быть другое: они должны выкупить родовое поместье. А для этого им необходимо работать, какая бы ни была эта работа, — всякий труд честен, — копить деньги, а затем, когда сделаются богатыми, выкупить у солиситора родовой замок. Они были молоды и сильны, и, конечно, им в голову не приходила возможность неудачи. Надо ехать и как можно скорее. Каждый день, каждая минута — лишняя отсрочка, попусту потерянное время.

— Но куда же мы поедем? — спросил Ричард, младший из братьев.

- В Америку, — ответил Ральф.

— Америка велика.

— Поедем на юг, в Перу, — продолжал Ральф. — А там мы пройдем всю страну, вдоль Анд, от Чили до Панамского перешейка. Мы с тобой уроженцы Корнваллиса, и потому самое лучшее нам сделаться рудокопами. Будем заниматься тем же, что дает хлеб тысячам наших земляков. Анды богаты минералами, и мы вместо олова

будем искать золото, которое нам с тобой так нужно. Ну, что же? Согласен ты со мной? Едешь в Южную Америку?

— Против поездки в Америку, а особенно в Южную, ничего не имею. Но сказать тебе правду, брат, я вовсе не сочувствую второй части твоего проекта. По-моему, вместо того, чтобы искать золото, лучше заняться торговлей,— это ведь тоже не дурно.

— И отлично, будь купцом, если хочешь. Но это ведь все-таки не мешает тебе ехать со мной в Перу. Ты сам, я думаю, не раз слышал, какая масса англичан работает там, занимаясь торговлей. Для нас самое важное быть по возможности ближе один к другому. Две тысячи фунтов деньги небольшие, но как мне, так и тебе они дадут возможность начать дело, а там — что Бог даст! Ну, что же? Решай, Дик! Послушайся меня, согласишься ехать в Перу.

— Хорошо. Я согласен.

— Значит решено. Едем.

Через месяц братья уже плыли на океанском корабле, направлявшемся к юго-западу от мыса Ландс-Энда. Прошло еще шесть месяцев, и наши искатели счастья пристали, наконец, к американскому берегу в заливе Кальяо. Сначала они отправились в Лиму, а оттуда в горы, к бесплодным снежным вершинам под сокровищами Церро Паско.

Мы вовсе не собираемся рассказывать историю жизни двух братьев со времени высадки их на американский берег. Для этого пришлось бы прежде всего день за день описать, как провели они первые пятнадцать лет после своего переселения в Америку.

Достаточно будет сказать, что младшему из братьев, Ричарду, скоро надоело вести жизнь рудокопа, искателя золота. Он расстался с братом и, перейдя Кордильеры, проник в великие Амазонские леса, или «Montana», как называют эти бесконечные леса испанцы, обитатели Анд. Потом в компании с несколькими португальскими купцами Ричард спустился вниз по Амазонке, занимаясь торговлей как по берегам этой реки, так и по берегам ее более или менее значительных притоков. Дела его пошли хорошо, и уже через несколько лет он имел возможность открыть собственную торговую контору в цветущем городе Гран-Пара близ устьев Амазонки.

Вскоре после этого Ричард женился на красивой бе-

докурой дочери одного соотечественника, который, как и он, занимался торговлей в Пара.

Ище через несколько лет жена Ричарда умерла, оставив мужу всего двух детей,— все остальные умерли раньше матери.

Таким образом через пятнадцать лет после отъезда из Ландс-Энда Ричард Треванио, человек еще молодой, всего тридцати лет, был уже вдовцом с двумя детьми. Он пользовался общим уважением всех знавших его, прекрасно вел свои дела и был настолько богат, что мог вернуться на родину и провести там остаток дней своих в полном довольстве.

Помнил ли он еще данный им некогда вместе с братом обет вернуться в Корнвалис, как только они составят себе состояние, и выкупить владение их предков?

Да, он не забыл этого и даже писал уже Ральфу, от которого теперь ждал ответа. Он был уверен, что брат не меньше его жаждет как можно скорее вернуться на родину и не замедлит присоединиться к нему, чтобы вместе ехать в Корнвалис.

Жизнь старшего брата за этот пятнадцатилетний период была менее богата приключениями, и ему не удалось достигнуть таких блестящих результатов. Но если он и не был богачом, то все-таки обладал хорошими средствами, позволявшими ему жить совершенно независимо. Как и Ричард, он женился рано, но на туземке — на перуанке замечательной красоты. Она также уже отошла в лучший мир, оставив двоих детей — мальчика четырнадцати лет и девочку двенадцати.

Ральф был готов выполнить заветную мечту всей жизни, тем более, что предложение Ричарда не было новостью, так как в письмах, которыми довольно часто обменивались братья, не раз заходила речь о возвращении на родину при первой возможности.

В последнем письме Ричард предлагал Ральфу, чтобы тот ликвидировал свои дела в Перу и ехал к нему в Пара, откуда они отправятся на корабль в Европу.

Ричард советовал брату вместо того, чтобы ехать по морю, вокруг мыса Горна, или перебираться через Патагонский перешеек, спуститься по Амазонке и пересечь континент почти по линии экватора.

У Ричарда были две причины предлагать этот путь. Во первых, он желал, чтобы брат его увидел великую ре-

ку, а во-вторых, познакомить с нею и своего собственно го сына.

Сын Ричарда Треванио гостил в это время у дяди в рудниках Церро Паско. Молодой человек отправился в Перу год тому назад на одном из отцовских кораблей, частью для того, чтобы увидеть Великий океан, затем великие Анды, страну инков и, наконец, для того, чтобы познакомиться с дядей и двоюродным братом, который был одних с ним лет, и сестрой. В Тихий океан он поплыл морем, Отец его желал, чтобы он вернулся в Атлантический океан сухим путем или, говоря правильнее, рекою.

Желание Ричарда исполнилось. Ральф не только ничего не имел против, но и сам желал этого. Рудокоп не меньше своего брата любил приключения, страсти к которым не убило и не охладило даже четырнадцатилетнее пребывание в рудниках холодных гор Церро Паско. Мысль вернуться на родину сделала его будто моложе, и он с юношеским жаром принялся за приготовления к путешествию, которое сулило впереди столько приятных и неожиданных приключений.

Через месяц все дела были уже ликвидированы, и Ральф мог отправиться в путь. Целый караван мулов был нанят для перевозки путешественников и их багажа через Кордильеры. Затем путешественники пересели на бальзу, один из тех плотов, на которых обыкновенно совершаются переезды по Гуаллаге; но, когда достигли они Солимоеса, бальза была заменена галатеей.

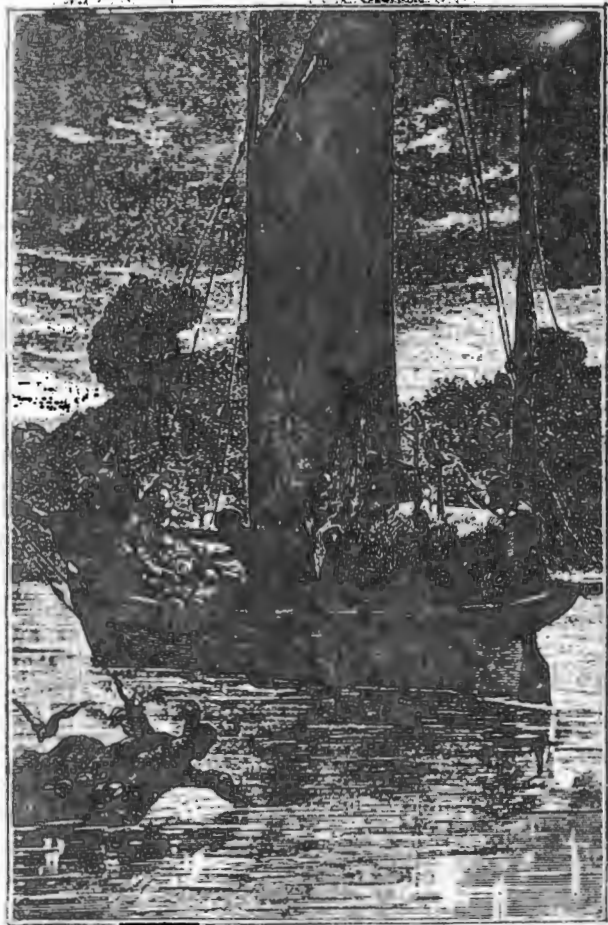
Несмотря на весь интерес путешествия по горам, мы не будем подробно описывать его, равно как спуск по Гуаллаге и даже путешествие по самой Амазонке в верхней ее части, называемой Мараньон. Мы присоединимся к Ральфу Треванио только в том месте реки, где она становится величественным Солимоесом, и останемся с ним, пока он будет странствовать по этой «водяной пустыне».

Глава 2

ГАЛАТЕЯ

Вечером, в начале декабря 18..., большой шлюп странной конструкции спускался вниз по Солимоесу, направляясь по-видимому, к небольшому португальскому порту

THE
SAILORS
AND
THE
SAILORS

1921

1921

1921

1921

Коари, расположенному на южном берегу реки. Необычный на первый взгляд шлюп назывался галатеей. Это была просто-напросто широкая лодка особой конструкции с мачтой и парусами; она принадлежала к типу судов, на которых обыкновенно путешествуют по Амазонке. На галатее имелась даже каюта, тольдо, покрытая сверху пальмовыми ветвями. От носа до середины лодки шел невысокий барьер, вдоль которого частью стояли, а частью сидели темнокожие люди. Вместо весел они употребляли особого устройства гребки, привязанные к длинным шестам. Экипаж состоял исключительно из темнокожих туземцев, почти нагих, так как на них надеты были только одни белые бумажные панталоны.

Тут же на палубе были видны и пассажиры этого странного судна. Их было шестеро: трое взрослых мужчин и трое детей.

Двое из мужчин были белые, а третий, с черной как сажа кожей, несомненно принадлежал к африканской расе.

Детей, как сказано было уже выше, было на галатее трое. Двое из них — мальчики почти одного роста и, по-видимому, ровесники, а третья — хорошенькая девочка-подросток со смуглой кожей и черными как вороново крыло волосами.

Один из белых был владелец галатеи, Ральф Тревано. Молодая девушка была его дочь; ее звали так же, как и ее умершую мать-перуанку, Розой, но отец и брат обыкновенно называли ее Розита. Один из мальчиков, тоже смуглый как и Розита, был его сын Ральф. Второй, с саксонским типом лица, белокурыми волосами и голубыми глазами, был его племянник и носил имя своего отца — Ричард.

В другом белом с первого же взгляда можно было узнать ирландца. Нос как у породистого бульдога, целая копна кудрявых светло-рыжих волос и подмигивающие, улыбающиеся глаза с головой выдавали его с первого же момента. Звали его Том.

Негр ничем особенным не отличался; про него можно было только сказать, что он являлся типичным представителем своей расы. Родиной его был Мозамбик, в честь которого и сам негр получил прозвище Мозэ.

Мозэ и Том служили у Ральфа очень давно, еще со времени поселения его в утесах Церро Паско.

Но, кроме людей, на галатее не было недостатка и в

других живых существах. Тут были четверорукие, четвероногие и пернатые: полевой скот, лесные обезьяны и игицы. Одни из них поместились на крыше каюты, другие сбились кучей в трюме, третьи примостились на шкафуте.

На мачте и на реях помещался целый маленький зверинец, какой можно видеть почти на всех судах, плавающих по величественной Амазонке.

Экипаж галатен не представлял собой особенного интереса. Достаточно будет сказать, что он состоял всего из девяти индейцев, восемь из которых, собственно гребцы, занимали место у борта, по четыре человека с каждой стороны, а девятый, исполнявший обязанности капитана и рулевого в одно и то же время, стоял около тольдо. Экипаж этот был нанят не на все время плавания, а менялся, пройдя известное расстояние. Последний экипаж был набран на галатею в порту Эга с обязательством довести ее в Коари, где хозяину галатен нужно было нанять другой экипаж из цивилизованных индейцев или тапьюосов.

К несчастью в Коари не оказалось ни одного из тапьюосов. Все мужчины ушли на охоту и на рыбную ловлю.

Ральф Треванио сделал было попытку нанять прежний экипаж еще на одну станцию, но индейцы отказались, объясняя, что это противоречило бы их обычаям.

Пробовали было привлечь их обещанием подарков — индейцы отказались. Пустили в ход угрозы — ничто не помогло. Волей-неволей пришлось их отпустить. Только один старый индеец из племени мендруку, для которого законы и обычаи племени эга не были обязательны, согласился остаться еще на одну станцию, не будучи в силах устоять против крупного вознаграждения, предложенного владельцем галатен.

Путешественникам предстояло одно из двух: или оставаться в Коари и ждать возвращения охотников и рыболовов, или плыть дальше без гребцов.

Но охотники вернутся не скоро, а Ральфу не хотелось попусту терять время и сидеть в Коари, и он решил плыть без матросов, с условием что грести будут все без исключения пассажиры и старый индеец, который в то же время будет служить и проводником.

Галатея отчалила от пристани и снова поплыла по Солимоёсу, но однако уже не так быстро, потому что вместо восьми гребцов было только четверо, да и то не

все из них с одинаковой ловкостью умели действовать невиданными ими до тех пор странными веслами.

Владелец галатеи исполнял обязанность рулевого. На веслах сидели ирландец Том, Мозэ, старый индеец, которого звали Мэндеем, потому что он принадлежал к племени мэндруку, и Ричард Треванио.

Последний, хотя и моложе всех остальных, был, пожалуй, самым лучшим гребцом после старого индейца. Он родился и вырос в Гран-Пара, где привык половину своей жизни проводить на воде, и для него было безразлично, каким веслом грести.

Молодой Ральф, напротив, как истый горец, положительно не мог помогать своим друзьям. Ему вместе с Розитой поручено было заведывание всеми находившимися на галатее животными, а также ведение хозяйства.

Первый день путешествия прошел благополучно, т. е. не случилось ничего неприятного.

Галатеей делала около трех миль в час. До Гран-Пара предстояло пройти около тысячи миль. Следовательно, в первый же день они уже имели возможность высчитать, как долго продолжится их путешествие.

В сущности, если бы они были уверены, что галатеей и дальше будет продвигаться со скоростью три мили в час и делать таким образом по семьдесят две мили в сутки, положение их вовсе нельзя было бы назвать печальным. Они могли бы добраться до места назначения дней через двенадцать, — сущая безделица!

Но они знали, что Солимоес течет очень медленно, знали, что все время приходится плыть против ветра, поэтому нечего слишком рассчитывать на паруса, а нужно большей частью идти на веслах. Слышали они не раз, что на Амазонке путешественникам грозят такие непредвиденные опасности, о которых даже и понятия не имеют люди, путешествующие по другим рекам, и поэтому далеко не были уверены в таком скором и благополучном окончании переезда.

Отчаливая от пристани в Коари, Треванио вовсе не предполагал идти с наличным экипажем или, вернее, без всякого экипажа до Пара. Дорогой им придется проезжать мимо довольно больших поселений, как, например, Бара при устье Рио-Негро, Обидор, Сантарем и некоторых других, где, по всей вероятности, можно будет нанять тапуйосов и заменить ими только что отпущенный экипаж.

Но, чтобы добраться даже до ближайшего из этих поселений, необходимо безостановочно плыть несколько дней, делая к тому же возможно более длинные переезды в течение суток.

Бывший золотопромышленник не виделся с братом годы и теперь, естественно, желал как можно скорее обнять его. Путешествие и так тянулось уже несколько месяцев, а когда, наконец, он видел себя уже у цели, рассчитывая, что самая трудная и опасная часть пути уже сделана, явилось новое и совершенно неожиданное препятствие. Если неудачи будут преследовать и дальше, кто знает, когда и как доберется он с детьми до Пара.

В первую ночь после своего отъезда из Коари Треванио дал свое согласие на то, чтобы подъехать к берегу и привязать там галатею к одному из береговых кустов.

Во вторую ночь он не пожелал последовать этому благоразумному совету и решил, несмотря на все доводы, продолжать путешествие.

Ночь выдалась светлая. Луна ярко сияла с безоблачных небес, отражаясь в тихих водах Солимоеса. Ветер, казалось, стих совершенно. Треванио решил воспользоваться благоприятной погодой и дать полный отдых гребцам, которые сильно устали после дневной работы, и не ставить парусов. Как ни медленно течение, а оно все-таки будет подвигать галатею мили на две в час, а это за ночь составит миль двадцать или тридцать. Было бы крайне неблагоразумно не воспользоваться таким благоприятным случаем.

Мэндруку пытался отговорить своего хозяина от исполнения принятого решения. Но, к сожалению, его не послушались, может быть частью потому, что его не поняли, и галатея тихо стала продвигаться вперед.

Да и чего собственно было бояться? Луна так ярко сияла с безоблачных небес, что даже и при ее бледном свете было видно, что галатея идет по широкому руслу Солимоеса, а не по боковому каналу, образовавшемуся вследствие разлива. Держаться именно середины реки сумеет даже и Том, когда придет его очередь стоять у руля, а первую половину ночи будет править сам владелец. Как сказано, так и сделано. Отстояв свою вахту, Треванио передал руль Тому, а сам вместе с детьми отправился на отдых под защиту тольдо. Мозэ и мэндруку, — последний не совсем охотно, — последовали приме-

ру господ и направились в трюм. Птицы и обезьяны примостились как можно удобнее и тоже уgomонились вместе с людьми. На галатее была полная тишина, нарушавшаяся только легким шумом воды, которую рассекала медленно продвигавшаяся вперед лодка.

Том не мог считаться опытным и надежным рулевым, но, прежде чем доверить ему управление галатеей, Треванио прочел вновь пожалованному в рулевые целую лекцию и объяснил не только способ управления рулем, но и направление, которого следовало держаться. И Том старался как можно лучше исполнить возложенное на него поручение. Внимательно смотрел он вперед и то и дело поворачивал руль, чтобы держаться середины реки, как приказал ему хозяин Треванио.

Но вот галатая подошла к месту, где река разветвлялась, образуя два рукава.

Куда повернуть: направо или налево? Где настоящее русло? Вот вопросы, которые задавал себе рулевой галатен.

Сначала у него промелькнула мысль разбудить хозяина и посоветоваться с ним; но, посмотрев внимательно на оба рукава, он решил, что идти надо по тому, который шире, тем более, что и течением лодку влекло туда же.

Том выпустил руль, и галатая, повернув направо, быстро направилась к более широкому рукаву и через десять минут настолько углубилась в него, что другого рукава не стало уже видно с палубы.

Но рулевой был так уверен, что идет настоящей дорогой, что не придавал этому обстоятельству особенного значения. Когда галатая вошла в широкий рукав, он она взялся за руль и направил судно на середину канала, чтобы не потерпеть крушения где-нибудь около берега.

А этого следовало очень и очень бояться. Вид берегов изменился до неузнаваемости. Вместо однообразно ровной низменной полосы по обе стороны виднелись какие-то заливы, бухты; кое-где за узкой полосой земли виднелось дальше опять широкое водное пространство, сообщавшееся с каналом, по которому плыла галатая, только узким проливом. Но вот берега отошли еще дальше, наконец их стало совсем не видно. Река расширилась и вправо и влево; там, где должны были бы находиться берега, виднелись какие-то темные массы, бо-

лес похожие на купы затопленных в воде деревьев, чем на клочки твердой земли,— целые леса, залитые водой, которая покрывала собой весь видимый горизонт.

По мере того как галатей продолжала свой путь, первоначальное опасение Тома все больше и больше переходило в уверенность. Он уже и сам прекрасно понимал, что судно идет не по Солимоесу, как плыло оно последние два дня, между двумя берегами твердой земли, а по большому водному пространству, границей которого, если только ему не изменяют глаза, служит один бесконечный затопленный лес.

Том, впрочем, старался себя успокоить насколько возможно, придумывая подходящее объяснение странному феномену.

Наконец он остановился на мысли, что может быть галатей находится все-таки еще в Солимоесе, но только здесь берега реки, как он это видел уже не раз раньше на других реках, затоплены водою вследствие периодического разлива.

И только когда водяное пространство, по которому все так же быстро скользила галатей, начало сужаться, превращаясь как бы в канал, кативший свои воды между двумя рядами деревьев, Том начал бояться, что сделал серьезную ошибку, направив судно по широкому рукаву. Подозрение его наконец перешло в убеждение, когда галатей дошла до такого пункта, где достаточно было протянуть весло, чтобы достать до ближайших ветвей, поднимавшихся над водой. Нет сомнения, он ошибся. Галатей шла не по Солимоесу, который теперь, наверное, где-нибудь далеко в стороне.

Чем больше раздумывал об этом Том, тем все больше росло его беспокойство. И это беспокойство помешало ему прибегнуть к единственному остававшемуся в его руках средству спасения — разбудить остальных мужчин и рассказать им, какую он совершил ошибку. Ложный стыд не позволил ему сознаться в небрежном или в неумелом исполнении своей обязанности. Разбуди он их и откровенно расскажи, в чем дело, — может и удалось бы тут же поправить его ошибку, происшедшую от неопытности.

Кроме того, Том не прибегнул к помощи других еще и по следующей причине.

Он раньше никогда не путешествовал по Солимоесу и был уверен, что эта река такая же, как и все осталь-

ные. Ему казалось, что дальше проток должен будет непременно расширяться, и лодка, хотя может быть и не так скоро, но выберется опять в реку. Зачем же тогда будить остальных и слушать их насмешки над его неумелостью?

И вот на основании этих соображений, подкрепляемых надеждой на возможность удачи, Том предоставил галатее идти вперед по течению.

Надежда по-видимому не обманула его,— канал действительно расширился, и галатее снова пошла по широкому водному пространству. Рулевой успокоился.

Но, к несчастью, успокоиться ему удалось ненадолго. Проток опять начал сужаться. Кругом из воды торчали вершины затопленных деревьев. За ними на горизонте виднелись такие же узкие рукава разветвлявшейся реки — если только это была река,— окаймленные купами каких-то необыкновенных деревьев. Прямо перед ним почти на половину своей высоты из воды поднимались гигантские деревья, стоявшие как раз на дороге галатее.

Том решил лучше остановиться, чем следовать по ложному пути. С силою налег он на руль, рассчитывая повернуть галатею и идти назад по старой дороге. Но, частью из-за силы течения, а частью из-за неверного, обманчивого света луны, ему не удалось направить галатею в канал, из которого они только что вышли. В отчаянии он бросил руль и оставил галатею на произвол судьбы плыть, куда понесет ее течение.

Наконец он решил разбудить хозяина и остальных мужчин и позвать их на помощь; но прежде чем он набрался храбрости это сделать, предоставленная сама себе галатее вдруг наткнулась на верхушки деревьев затопленного леса и в ту же минуту остановилась.

Треск ломавшихся ветвей разбудил экипаж. Треванио вместе с детьми в тот же момент выскочил из тольдо.

Треванио был не только встревожен, но просто поражен при виде всего случившегося. С таким же почти выражением лица стоял около него и Мозэ. И только один старый индеец мэндруку, казалось, ясно понимал, в чем тут дело; взволнованным голосом, в котором слышалось больше испуга, чем удивления, повторял он:

— Гапо! гапо!

— Гапо! — вскричал Треванио. — Что это такое, Мэндей?

— Гапо? — повторил за ним Том, видя по беспокой-

ству индейца, что он был причиной страшного бедствия.— Что это такое, Мэндей?

— Гапо? — недоумевающе тараща глаза, повторило же восклицание и Мозэ.

Мэндруку молча вытянул руку, показывая на воду, как бы желая сказать, что эта вода и есть гапо.

Но на галатее не один индеец знал, что такое гапо. Знал о существовании гапо и молодой Ричард Треванино, племянник золотопромышленника.

— Это ничего, дядя,— сказал он, желая успокоить всех остальных, успевших уже заразиться страхом индейца,— это значит только, что ночью мы сблизись с истощающего пути, попали из Солимоеса в боковой канал и теперь плывем по лесу, затопленному водою. Вот и все. Особенно страшного тут ничего нет.

— Затопленный лес!

— Да! Все эти кусты, которые вы видите кругом, совсем не кусты, а вершины громадных деревьев, затопленных разливом воды. Галатея запуталась теперь в ветвях сапукайи (*sapucaia*) или иначе, бразильского орешника (*ibirapitanga*). А вот вам и доказательство — орехи!

С этими словами Ричард протянул руку, чтобы сорвать громадной величины орех, похожий на кокосовый. Но в ту минуту, когда он отламывал его от ветки, скорлупа, игравшая только роль сумки, лопнула, и оттуда на крышу только градом посыпались крупные орехи.

— Индейцы называют их обезьяньими горшками,— продолжал рассказывать юноша, показывая опустошенную сумку,— потому что обезьяны очень любят эти орехи.

— Но гапо! — перебил его Треванино, видя, что лицо старого мэндруку продолжает оставаться все таким же мрачным.

— Так называют индейцы ежегодные разливы Амазонки,— тем же спокойным тоном отвечал Ричард. Вернее, мне следовало бы вам сказать — *Pingoa Geral*.

— Но чего же тут нам бояться, скажи мне, пожалуйста? Мэндей напугал всех нас, да и сам он до сих пор не успокоился. Не можешь ли ты мне объяснить, чего, собственно, он боится?

— Верно, я не могу вам этого объяснить, дядя. Но раз мне приходилось слышать страшные истории про гапо. Говорят, что тут живут какие-то страшные чудовища.

но, громадные водяные змеи, великаны-обезьяны... Пришлось, я не очень-то верю всем этим рассказам, но тапюйосы верят всему с первого же слова... а если судить по лицу старого мэндруку, то и он тоже верит и в чудовищ, и в змей, и в обезьян...

— Молодой хозяин ошибается,— перебил Ричард старый индеец.— Мэндруку не верит в чудовищ, но он верит в змей и обезьян потому, что сам видел их.

— Но ведь вы не боитесь же их, Мэндей? — спросил индеец.

Индеец вместо ответа смерил Тома презрительным взглядом, одним из тех, которые умеют бросать только индейцы.

— Так в чем же дело, объясните мне? — снова спросил Треванио.— Галатея, насколько я могу судить, ни капельки не пострадала. Что же мешает нам обрубить ветви, сойти с этого места и затем выбраться из гапо и пойти опять по Солимоесу?

— Хозяин,— возразил мэндруку, сохраняя все тот же презный тон,— это совсем не так легко, как вы думаете. Для того, чтобы обрубить ветви, нужно не больше пяти минут,— в этом случае вы правы. Но выбраться из гапо— другое дело. Это протянется много дней, а может быть и недель, да и то еще, если нам суждено когда-нибудь выбраться отсюда. Вот причина, почему старый мэндруку так встревожен.

— О! Так вы думаете, что нам трудно будет разыскать дорогу к реке?

— Не только думаю, а уверен. Если бы не это, не о чем было бы и задумываться. Все дело в том и заключается, чтобы найти дорогу в реку.

— Во всяком случае, ночью нечего и пытаться сделать это,— продолжал Треванио.— Луна скоро скроется, и мы только еще больше запутаемся. Как вы думаете, Мэндей?

— То же самое, хозяин: ночью идти некуда. Надо дождаться рассвета. Тогда и решим, что делать.

— Ну, так идемте все спать,— объявил Треванио; — старайтесь набраться сил за ночь: завтра будет много работы. Галатею караулить нечего,— она, по-видимому, крепко запуталась в ветвях.

Ричард рассказывал о гапо только понаслышке. Но мэндруку, как и многие из тапюйосов, к которым он принадлежал, хорошо знал гапо и, если бы ему не мешала

свойственная всем индейцам необщительность, он мог бы многое порассказать об этом удивительном феномене.

Затоплинный во время наводнения лес видел как дыр, — в этом явлении нет ничего необычайного. Через некоторое время вода спадает, и залитая еще так недавно земля быстро высыхает.

Но затопленные леса в Южной Америке — совсем другое дело. Здесь оказываются под водой сравнительно незначительные пространства твердой в обычное время земли, поросшей или не поросшей лесом; гапо представляет из себя громадный водный бассейн, со дна которого поднимаются вековые деревья. Наводнение продолжается не днями или неделями, а в течении целых месяцев, годов, а в некоторых местах вода и совсем никогда не спадает.

Затоплинный лес тянется на целые тысячи миль вдоль берегов Солимоеса. Он совсем не исследован и почти так же мало известен, как и ледовитые океаны у полюсов.

Одни только индейцы на своих утлых пирогах бороздят его вдоль и поперек. От них только и можно узнать что-нибудь про гапо. Но в их рассказах к истине нередко примешивается и вымысел. Индейцы, между прочим, передают как действительную истину, что леса гапо дают приют не одним только животным, но и человеку. Жилища устроены на ветвях наподобие птичьих гнезд. Горизонт, кто попадает в руки постоянным обитателям гапо, — за редкими исключениями они все людоеды.

Проводниками при переездах через гапо служат прибрежные тапуйосы, которые хорошо знают разветвленные каналы.

Местами каналы эти расширяются, и образуют большие водные пространства, похожие на громадные озера, берега которых теряются за горизонтом. Переезжая через эти озера, направление пути определяют по солнцу.

Но не всегда удается благополучно переправиться через такие озера. Здесь нередки туманы, бури и грозы. Волны заливают лодку, бросают ее как щепку и накопившись, разбивают ее о стволы гигантских деревьев. Немало людей гибнет в гапо в такую погоду среди этой пустыни, в которой вместо столбов песку носятся вырванные с корнями гиганты подводного лесного царства и одним могучим ударом погребают доверившегося обманчивой стихии неосторожного путника.

Глава 3

ТРОПИЧЕСКИЙ УРАГАН

Рано, очень рано поднялись на другой день пассажиры галатеи и, несмотря на это, все-таки не видели восхода солнца просто потому, что дневное светило вовсе не показывалось в этот день над горизонтом. Оно скрывалось за туманом, который такой густой, непроницаемой пеленой застилал гапо, что его хоть ножом режь, как объявил юный Ральф. Не только сам владелец галатеи, но и все остальные его спутники конечно не могли спокойно спать, зная, в каких печальных условиях они находятся, и поэтому поднялись с зарей.

Прежде всего освободили галатею. Это удалось сделать очень легко, частью распутав, а частью обрубив удерживавшие ее ветки, и на веслах выбрались на простор.

Но тут и остановились, потому что никто не знал, где Солимоес и как до него добраться.

Каждый имел свое мнение, но серьезного внимания заслуживали только советы мэндруку. Однако индеец, по обыкновению, не торопился высказывать свои мысли. Можно бы идти по солнцу, но его и признака не было на этом мутном небе. Да и вообще вопрос, удалось ли бы им скоро выбраться из гапо даже и в ясный солнечный день.

Рулевой не мог даже приблизительно сказать, куда повернула галатея, входя в канал: к западу, к востоку, к югу или к северу. Но в этом не было ничего удивительного, — даже и более развитой человек, чем Том, едва ли был в состоянии дать удовлетворительные ответы на подобные вопросы.

Берега Солимоеса очень извилисты, и Том при своих скудных астрономических познаниях положительно не мог бы даже сказать, — да он за этим и не наблюдал, — с какой стороны была у него луна во время почного плаванья по гапо.

Совещание еще не было окончено, как заметили, что в локу показались какие-то кусты, по всей вероятности корнины затонувших деревьев, которые через минуту исчезли, потому что туман все больше и больше сгущался. Но как бы там ни было, а появление кустов показывало, что галатея плывет по течению.

Больше всех заинтересовался этим мэндруку. Он точно переродился,— куда девалась его апатия! Скиннившись за борт, несколько минут внимательно смотрел он вниз, опуская по временам руку в воду. Все с удивлением смотрели на индейца, не понимая, что такое он делает. Но вот старый мэндруку в последний раз вынул руку из воды, затем выпрямился. На лице его ясно читалось неудовольствие, которое он не старался даже скрыть.

В это время он ясно увидел верхушки деревьев и заметил, что галатея хотя и медленно, но удаляется от них.

— Гоола! — крикнул он, стараясь подражать восклицанию, которое так часто срывалось с уст Тома: — Гоола! Река там!

При этом рукою он указал на верхушки деревьев.

— Вы думаете, что Солимоее там? — спросил Тренино, обращаясь к мэндруку.

— Солимоее — там. Мэндруку уверен в этом, хозяин, так же, как и в том, что видит над собою небо.

— Помни, старик, что нам нельзя больше ошибаться. Мы и так далеко уже уклонились от Солимоееа. Если нам не удастся вернуться в него — мы пропали. Это может нам стоить жизни.

— Мэндруку это знает,— послышался лаконичный ответ.

— Но во всяком случае, прежде чем идти дальше, нам нужно убедиться, что ваше предположение верно. Чем можете вы мне доказать, что река именно там, куда вы указываете?

— Хозяин, вы знаете, какой теперь идет месяц? Март?

— Да, март, конечно.

— Echente.

— Эченге? Что хотите вы этим сказать?

— Вода прибывает, река делается шире, гапо увеличивается... это значит echente.

— Но каким же образом могли вы определить, где именно река?

— А так,— отвечал индеец.— Не ранее как через три месяца, в июне, начнется васанте.

— А это что значит?

— Что значит васанте, хозяин? Это — убыль. Тогда гапо будет уменьшаться и течение направится к реке, и

теперь оно от реки. Вот вам и все — это очень просто. — Я верю вам, мэндруку. Вы Солимоес знаете гораздо лучше нас и, конечно, успели изучить все его особенности. А в таком случае, — продолжал Треванио, обращаясь ко всем, — нечего задумываться больше над вопросом, в какую сторону ехать. Надо держать на те вершины деревьев, и чем скорее мы тронемся в путь, тем лучше. На весла! Постараемся наверстать время, которое мы потеряли по милости Тома. Сильнее налегайте на весла! Ну, вперед!

Гребцы мигом заняли свои места, и через минуту галатея под сильными ударами весел довольно быстро начала подвигаться против течения по вздутому гапо.

Через несколько секунд галатея была уже в полкабельтов от торчавших наподобие кустов вершин затонувших деревьев.

Здесь увидели, что подвигаться вперед по прямой линии положительно невозможно.

Ветви до такой степени сплелись, что нечего было и думать пробраться сквозь эту всяческую преграду; кроме того по ним висели еще густой сетью самые разнообразные тропические ползучие растения, образовавшие такую плотную и крепкую сеть, что даже пароход в сто лошадиных сил и тот едва ли бы был в силах разорвать ее.

Мэндруку посоветовал сделать попытку обойти эту преграду.

Снова взялись за весла и тронулись вдоль опушки. Прошел час, за ним — другой, а прохода все не было.

Если река даже и в самом деле там, куда указывал мэндруку, то как же добраться до нее сквозь эту преграду? Нигде ни малейшего протока, по которому можно было бы провести лодку сквозь зеленую изгородь.

Гребцы начали уставать и все чаще и чаще останавливались на отдых. Пасмурный день нахмурился еще больше. Ночь спускалась на гапо.

Усталые гребцы окончательно обессилили после стольких часов бесплодной работы и, точно сговорившись, все сразу сложили весла. Треванио ни одним словом не выразил им своего неудовольствия. Он и сам начинал приходить в отчаяние.

Галатею осторожно провели в кусты и поставили здесь под их защитой, крепко привязав канатами.

Но несмотря на то, что лодке, по-видимому, не гро-

зило никакой опасности, мэндруку казался далеко и спокойным. Тревожно посматривал он по сторонам и наконец, взобравшись на мачту, стал исследовать горизонт, бросая в то же время мрачные взгляды на полнившие сверху серые тучи.

Солнца не было видно в течение всего дня, но опытный глаз индейца верно определил приближение ночи.

Вдруг издали донеслись какие-то странные крики, точно там бесновался целый рой демонов.

— Что это такое? — слышались тревожные восклицания.

— Ревуны, — отвечал Ричард. — Опасности для нас ни малейшей, хотя такие адские концерты служат обыкновенно предвестниками бури. Нам грозит другая опасность, — надо ждать урагана.

Ричард не ошибся. Ураган, казалось, только дождался этого сигнала, чтобы разразиться с новой силой. Резкий ветер через несколько минут сменился страшной тропической бурей. К вою ветра примешивались громкие крики птиц и животных. Гром то и дело грохотал в небесах.

Пассажиры галатеи были в страхе. Больше всего боялись они, чтобы ураганом не сорвало их судно и не снесло его туда, где со страшною силою kloкотали волны. Не напрасны были их опасения. Галатея была привязана к дереву из породы которая по самой своей природе вообще не способна оказывать сильное сопротивление. Хрупкие ветви его не в силах были сдерживать тяжесть галатеи и начали ломаться одна за другой. Все произошло так быстро, что раньше, чем они попытались прикрепить галатею к самому стволу, лопнула последняя веревка.

В ту же минуту невидимая сила отбросила галатею назад, и лодка, как щепка, беспомощно стала носиться по волнам. Бросить якорь нечего было и думать, да при таком волнении он едва ли бы и выдержал.

Оставалось одно — стараться идти в разрез волнам, чтобы лодку не опрокинуло, и притом, если удастся, все время по ветру. Но и это было очень трудно при таком урагане.

Ветер дул порывами то с одной стороны, то с другой. Лодка вследствие этого продвигалась вперед то носом, то кормой. Волны вздымались так высоко, что перекатывались через галатею, заливая трюм водой.

Наконец, стало светать. На востоке загорелась заря, предвестница солнца. Это должно было бы до некоторой степени ободрить путешественников. Но грозные тучи все еще продолжали носиться по небу, и буря не прекращалась.

Галатей была среди широкого водного пространства. Все невольно задавали себе вопросы: куда занесло их бурей? Может быть это озеро сообщается с Солимоесом посредством канала, по которому они пронеслись ночью, или же лодка носится по тому же месту, где они ночевали накануне? Но нет, это не похоже на вчерашнее, значит они все дальше и дальше углубляются в гапо.

Вдруг индеец оживился и пытливо устремил свои торкые глаза вперед. Затем он взобрался на мачту. За ним полезла обезьяна, передразнивая каждый его жест.

— Что случилось? Что вы там увидели, Мэндей? — слышались крики снизу.

— Земля! — лаконически отвечал индеец.

— Земля! — как эхо повторил целый дюженок радостных голосов.

— Может быть это и не твердая земля; может быть это только верхушки густого леса, вроде того, в который мы пытались проникнуть вчера. Чтобы это ни было, хотя бы оно сливается с линией неба, и мы идем прямо на него. Ветер несет нас туда.

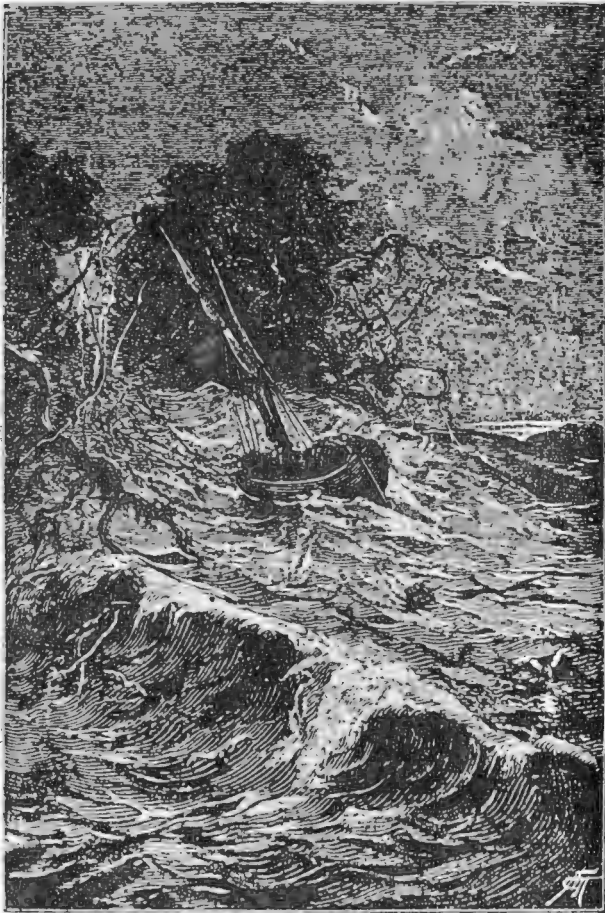
— Слава Богу! — вскричал Треванио. — Все лучше, чем носиться по этому бесконечному озеру. Если попадем в леса, то по крайней мере не потонем. Дети, благодарите Бога!

Руль был потерян еще ночью, во время урагана, и теперь галатей неслась по воле ветра к тому месту, где Мэндруку видел лес. Скоро он стал виден всем, и мэндруку мог спуститься с мачты, так как в его указаниях не было уже надобности.

Все радовались, что галатей скоро будет иметь надежное убежище, где, конечно, удастся исправить все повреждения, причиненные ураганом.

Вдруг впереди показалось громадное дерево. Оно одиноко стояло в воде, приблизительно на четверть мили впереди от затопленного леса, и как раз на дороге, по которой под напором ветра стремительно неслась галатей.

Это была сапукайя, точно такая же, на которой им пришлось ночевать в первую ночь. Несмотря на высокий

THE
WINDY
WATER

THE
WINDY
WATER

THE
WINDY
WATER

Гребень воды, вершина сапукайи по крайней мере на целые десять футов возвышалась над ее поверхностью; колоссальный ствол разделялся надвое, и из воды поднялись две громадные ветви,— целое дерево каждая. Дерево стояло на дороге точно ворота, через которые должна была пройти галатея, чтобы достигнуть безопасного убежища в лесу, где не были бы уже опасны ни буря, ни вздымавшиеся волны и где, кроме того, можно было бы найти нужный материал для ремонта.

Галатея прямо, как стрела, неслась к сапукайе, точно она была указана ей перстом самой судьбы. При приближении к дереву волна приподняла лодку на свой кипучий гребень и с такой силой бросила ее вперед, что киль лодки застрял в развилинке между двумя ветвями гигантской сапукайи.

— Слава Богу! — вскричал Треванио. — Теперь мы спасены! Слава Богу, наконец-то мы можем не бояться бури. Скорее привязывайте покрепче галатею к ветвям! Сапукайя выдержит какой угодно ураган.

По-видимому Треванио был прав, думая таким образом. Гигантские ветви сапукайи плотно обхватывали галатею, и она точно стояла на подпорках в доке.

Все бросились исполнять приказание хозяина. Дрожавшими еще от страха руками стали они привязывать с обеих сторон к стволам галатею, работая с лихорадочной поспешностью.

Но канаты не были еще закреплены надлежащим образом, как раздался страшный треск. Все, не исключая и мэндруку, испуганно вскрикнули. В ту же минуту лодка пошатнулась и разделилась на две части.

В момент удара о сапукайю киль галатеи переломился,— это и послужило основной причиной крушения; остальное сделали волны, попеременно поднимавшие сверху то килевую, то носовую часть лодки.

Несколько секунд обе отломившиеся части точно висели в воздухе, держась на веревках, которыми успели прикрепить лодку к дереву; потом все это с треском рухнуло в пенящуюся воду.

Но еще раньше, чем обрушилась галатея, все уже бросилось в воду. Умевшие плавать помогли неумевшим, и скоро пассажиры сидели на ветвях сапукайи, из-за которой они потерпели крушение.

Только одному ирландцу не особенно посчастливилось: подброшенный волной, он хотя и успел схватиться

рукой за нижнюю ветвь дерева, но та согнулась под тяжестью его тела, и бедняга снова очутился в воде. Плохо пришлось бы ему — он не умел плавать — если бы не помощь мэндруку, который в ту же минуту бросился за ним и спас его от верной смерти.

Но и здесь, на ветвях, потерпевшие крушение не могли считать себя в полной безопасности. Буря, хотя и не с прежней силой, все еще продолжалась. Ветви со стоном гнулись книзу, угрожая сбросить того или другого в клочущую бездну. Громадные ореховые сумки отрывались, и град крупных орехов сыпался на головы сидевших внизу.

Негру досталось при этом больше всех, но это к счастью, потому что едва ли чей-нибудь другой череп был бы в состоянии выдержать подобный удар. Околоплодник отскочил от его головы, покрытой целой шапкой курчавых волос, не причинив ни малейшего вреда. Мозг хотя и вскрикнул, но вовсе не от боли, а от испуга.

Случай с негром еще больше заставил их дрожать за свое существование. Каждый думал только о том, как бы ему удержаться на занятой позиции и успеть вовремя избежать грозящих со всех сторон опасностей.

Но скоро положение потерпевших крушение резко изменилось к лучшему. Тропические бури как неожиданно ураганом налетают, так же быстро и уходят. И только по тому, что успела натворить она в этот короткий промежуток времени, можно угадать, что под этими безоблачными небесами только что бушевала стихия.

Спустя немного времени после приключения с негром, буря стала заметно стихать. В полдень солнце уже ярко сияло в безмятежно-голубом небе. Дул легкий ветерок, слегка рябивший поверхность успокоившегося гапо, по которому уже не носились бешеные валы.

Такая перемена погоды не замедлила оказать самое благоприятное влияние на состояние духа измученных путешественников, которые ликовали как дети. Им не грозила теперь непосредственно никакая опасность, и после первых излиятий радости они стали совещаться о том, как бы найти на случай повторения грозы другое, более надежное убежище, где бы они могли расположиться поудобнее, чем на ветвях сапукайи.

Кругом, насколько хватал глаз, не было видно ничего кроме воды, и только с одной стороны этот однообразный вид нарушался группой деревьев, которые казались опуш-

кой тянувшегося за ними леса. По всей вероятности, это был затопленный лес и может быть тот самый, где они было приютились перед грозой. По крайней мере виделся этот лес в том именно направлении.

Сейчас же было решено перебраться с сапукайи в лес. Но добраться туда было не легко. Хотя опушка этого зеленеющего полуострова — а он очень был похож на полуостров — была не больше, как в четверти мили, но из всех, находившихся на сапукайе, проплыть эту четверть мили были в состоянии только двое: мэндруку и Ричард Треванио.

Ральф прекрасно умел лазить по горам, но плавал очень плохо; сестра его тоже не смогла бы проплыть четверть мили, даже и при помощи Ричарда.

Если бы еще было можно соорудить плот и перебраться на нем, — но для плота нужен прежде всего подходящий материал. Ветви же сапукайи так сыры и вследствие этого тяжелы, что устроенный из них плот, если на него поместятся люди, наверно потонет. Нужно было придумать какой-нибудь другой способ.

Можно было бы попытаться найти подходящий материал, сухие ветви, а может быть, даже и целые бревна в том лесу. Но для этого нужно, чтобы кто-нибудь отправился туда и поискал, а это опять-таки могут сделать только Ричард и мэндруку. Оба они искусные пловцы, и им не трудно будет доплыть до леса, а назад они вернуться на плоту и заберут с собою всех остальных.

Оба, не раздумывая долго, бросились в воду

Оставшиеся на дереве следили за отправившимися на разведку товарищами до тех пор, пока те не исчезли в тени затопленного леса.

Невеселы были их мысли. Даже если Ричард и старый мэндруку построят плот и отвезут их на нем в лес, конечно, они найдут более надежное пристанище, чем на сапукайе, то все-таки это будет только временное пристанище и, может быть, даже вовсе ненадолго. Кто знает, какие еще опасности могут грозить им там? А потом ведь это затопленный лес, и под ними будет не твердая земля, и вода на целые сорок футов.

Так прошел целый час. Каждый молча думал свою думу. Только крики птиц или обезьян нарушали царившее безмолвие. На галатее было несколько обезьян различных пород, но из них спаслись только две: маленькая хоршенькая уистити и другая побольше из породы

atele — черная соайта. Все остальные потонули вместе с галатеей.

На галатее была также довольно большая коллекция редких птиц, собранных во время продолжительного плавания по верхнему течению Амазонки. За некоторые экземпляры было заплачено очень дорого индейцам, обычным поставщикам такого рода товара. Одни из них, те, которые сидели в клетках, затонули вместе с лодкой, других унесло ураганом. И только две уцелели и сидели теперь вместе со своими хозяевами на ветвях сапукайи. Один из этих представителей царства пернатых был великолепный попугай, которых индейцы называют *araguhii* (*macrocercus hyacinthius*), а другой — маленький попугайчик.

Этот попугайчик и уистити были любимцами Розиты, которая очень радовалась спасению своих друзей, как она их называла.

Почти час прошел уже со времени отправления плотов, а их все еще не было видно. Оставшиеся на сапукайи с беспокойством поглядывали в ту сторону, где они исчезли. Два или три раза им даже показалось, что они слышат их голоса.

Прошло еще около двух часов, и беспокойство сменилось отчаянием. Неужели мало было времени Ричарду и мэндруку для того, чтобы осмотреть лес? Где же в таком случае они, почему не возвращаются? Когда последний раз было слышно, как они перекликались между собой, в голосах их точно звучал страх, — они открыли какую-то опасность. С тех пор не слышно уже и этих криков. Уж не случилось ли с ними какое-нибудь несчастье? Не погибли ли они? Но на эти вопросы никто не мог дать определенные ответы.

Глава 4

БРАЗИЛЬСКАЯ ЕХИДНА

Голод и жажда принадлежат к таким физическим страданиям, которые человек не в силах бывает иногда побороть даже и в минуты самых сильных душевных волнений.

Потерпевшие крушение скоро начали чувствовать и то и другое. Но у них здесь же под рукою было средство

удовлетворить не только голод, но и жажду,— стоило только сорвать плоды с дерева сапукайи. Ральф, по приказанию отца, полез наверх, чтобы нарвать орехов, плодовые сумки с которыми, как это и бывает большею частью в лесах Южной Америки, росли на концах ветвей.

Мальчик был смел и ловок и, как горец, отлично умел лазить... В одну минуту он был уже почти на самой верхушке сапукайи. Большой попугай сопровождал мальчика, сидя у него на голове.

Вдруг птица беспокойно зашевелилась и затем начала кричать, точно чего-то испугавшись. Потом она взмахнула крыльями и стала кружиться над деревом, испуская те же жалобные крики. Ральф внимательно осмотрелся кругом, но не увидел ничего такого, что могло бы объяснить, чего так испугался попугай.

Крик араса стал вторить маленький попугайчик, который казался так же, если еще не больше испуганным. Коанта и уистити, по-видимому, тоже понимали и разделяли страх своих пернатых товарищей: они робко искали защиты у людей от невидимого страшного врага.

Ральф обратил внимание, что птицы кружились над одним и тем же местом и, наконец, открыл, что так их беспокоило. Кровь застыла у него в жилах, когда он увидел, какой враг угрожал им. Это была змея, обвившаяся вокруг лианы, которая тянулась чуть не до самой верхушки дерева между двумя большими ветвями. Она была желто-коричневого цвета, почти такого же, как и сама лиана, и если бы не ее гладкая и блестящая кожа, ее можно было бы принять также за паразитное растение, прорастающее той лианой, которую она обвивала.

Вытянув шею, змея шевелила головой с разинутым ртом, как бы приготовляясь схватить одну из птиц.

Когда Ральф осмотрел змею, страх его прошел. Змей он видел не раз и привык не бояться их; к тому же змея, обвивавшая лиану не казалась ему страшной еще и по своим сравнительно незначительным размерам. Прежде всего нужно было заставить птиц отлететь от змеи. В том, что они боялись её, не было никакого сомнения, но в то же время их влекла к страшному пресмыкающемуся как-то невидимая сила,— вместо того чтобы бежать, они сами лезли на смерть. Змея еще больше вытягивала шею и еще шире раскрывала пасть для приема несчастной жертвы.

Маленький попугайчик совсем обезумел. Он кружился

около самой змеиной пасти, садился недалеко от нее на лиану, потом опять вспархивал для того, чтобы через минуту сесть еще ближе.

Ральф стал взбираться вверх по дереву, чтобы схватить попугайчика рукою и спасти его от верной гибели, как вдруг снизу раздался громкий тревожный крик. Это кричал негр Мозэ.

— Ради Господа, Ральф, не делайте этого! Мастер Ральф! Не лезьте дальше! — кричал негр: — Не приближайтесь к ним! Вы разве не знаете, какая это змея? Это ярака!

— Ярака? — машинально повторил за ним молодой человек.

— Да! Да! Самая ядовитая из всех змей Амазонки. Спускайтесь, мастер, спускайтесь скорей!

Остальные пока молча слушали то, что говорил негр; но когда последний объявил, что на сапукайе находится ярака, Треванио в сопровождении Тома направился к тому месту, где был Ральф. Внизу осталась только одна Розита, удобно устроившаяся в развилине, где для нее было выбрано место отцом.

Взглянув на змею, Треванио убедился, что негр сказал правду, — это действительно была ярака, одна из самых ядовитых змей, которую туземцы боятся даже больше, чем ягуара и страшного якаре. Ее укус, как говорил мэндруку, убивший на днях такую же змею, причиняет смерть через несколько секунд.

Да и сам внешний вид яраки при внимательном осмотре был таков, что внушал невольный страх. Плоская треугольной формы голова, тонкая длинная шея, за которой шло туловище толщиной почти в детскую руку, блестящие глаза и длинный язык, который она высунула из раскрытой пасти, придавали ей отвратительный вид. Длинною она была около шести футов, что конечно не могло идти и в сравнение с величиной других змей Южной Америки. Ральф только поэтому и не считал ее опасной.

Никто не знал, что делать. Оружия ни у кого не было, — оно все потонуло вместе с галатеей. Ральф, когда ему объяснили, какой он подвергается опасности, оставаясь возле змей, быстро спустился вниз.

До сих пор змея оставалась все в том же положении, повертывая только голову на тонкой длинной шее, — в этом не было еще ничего опасного для людей, так как

плотоядная пасть ее раскрывалась не на лих. Но вдруг она зашевелилась всем туловищем, расправляя блестящие кольца чешуи по лиане.

— Господи! Чудовище спускается с дерева! — вскричал Треванио.

Едва только слова эти сорвались с уст золотопромышленника, как он увидел, что змея ползет по лиане, желая, очевидно, перебраться на ветвь, чтобы сползти вниз по дереву. И в самом деле, с этой ветки она перебралась на другую и по ней стала спускаться вниз к развилине, как раз к тому месту, где была Розита.

Все поспешили очистить дорогу страшному пресмыкающемуся и перебрались на боковые ветви.

Вдруг раздался отчаянный вопль с ветви, где был Треванио.

— Господи! Розита погибла!

Услышав восклицание отца, Розита вскочила на ноги и тревожно стала озираться кругом. В ту же минуту она увидела змею, которая медленно спускалась к развилине.

Положение Розиты было действительно в высшей степени опасно. Змея перебралась с ветки на лиану и по ней скользила теперь к тому месту, где стояла девочка. Розита была у нее на дороге и пресмыкающееся не могло, если бы даже и захотело, обойти ее. Прошла еще какая-нибудь минута, и змея была уже не больше как в десяти футах над головой ребенка.

Золотопромышленник стал спускаться вниз, чтобы каким бы то ни было образом защитить свое дитя от змеи. Но Мозэ остановил его:

— Не надо, господин, не надо! — кричал негр. — Уже поздно, вы не успеете добраться вовремя. Розита, прыгайте скорее в воду! Прыгайте, маленькая Розита! Старый Мозэ здесь, он вас вытащит!

Вслед за этим, как бы приглашая Розиту следовать его примеру, негр сложил над головой руки и бросился в воду, которая с шумом поглотила его.

Розита была девочка неглупая и к тому же довольно смелая. Ввиду страшной опасности она не задумавшись последовала совету негра и в ту же минуту прыгнула за ним в воду. Негр успел уже вынырнуть и подхватил девочку на руки.

Спасая Розиту, Мозэ сам рисковал жизнью, так как плавал очень плохо. Но это только еще больше возвысило его поступок.

Что Мозэ плохой пловец — знали все, и потому опасения за Розиту несколько не уменьшились. Уйдя от змеи, гадается ли ей взобраться опять на дерево? Наконец, возник еще и другой вопрос: насколько удалось ей спастись от нападения змеи? Ярарака, как это известно всем, животное земноводное, и для нее нет разницы, где наступить свою жертву — на земле или в воде; если она захочет, она может преследовать их и в воде, и даже с еще большим успехом.

В воде как Розита, так и герой Мозэ будут в ее полной власти. Ярарака плавает как рыба, а Мозэ, который и сам не был в состоянии уйти от нее, должен будет еще в то же время помогать Розите, которая совсем почти не умела плавать.

Треваню с тревогой следил за ними, изыскивая способы спасти их от грозящей опасности.

— Плыви вокруг дерева! — закричал он вдруг негду — Под ту большую ветвь! Том, Ральф! Скорей сюда, оборвите эту лиану и бросьте ее ко мне! Так... хорошо!.. Розита, взбирайся к нам по лиане! Ну, Мозэ, теперь твоя очередь! Спасибо тебе, я никогда не забуду того, что ты сделал сегодня для меня и для моей Розиты.

Змея тем временем успела уже доползти до развилины и, пробыв здесь несколько минут, перебралась на соседнюю лиану, где снова принялась магнетизировать попугайчика. Бедная птичка, вся дрожа от страха, со вздерженными перьями все ближе и ближе подлетала к змее и, наконец, как безумная бросилась в ее разверстую пасть.

Ярарака сжала челюсти, а затем, раскрыв их, положила на дерево задушенную птичку, собираясь проглотить ее. Приготовления продолжались недолго: в несколько минут обильно смоченный слюною попугайчик был уже наполовину втянут в открытую пасть змеи.

Мозэ пришлось в голову воспользоваться этим моментом и навсегда отделаться от страшного гада, утопив его в гапо. Быстро перебрался он по ветвям и торопливо стал отрывать лиану, на которой висела змея. Все присоединились к нему и стали помогать. После долгих усилий им наконец удалось это, и лиана, а с ней и ярарака полетели в воду. Змея пошла ко дну, но не больше как через минуту на поверхности гапо показался сначала попугайчик, которого успело выпустить пресмыкающееся, а за ним и сама змея.

Радостные крики сменились другими, в которых слышалась и жалоба на неудачу и страх за будущее. Ярыка, сверкая глазами, быстро приближалась к сапукайи и снова стала взбираться на нее по другой лиане.

Что делать? Мозэ решил повторить тот же маневр и торопливо стал обрывать и эту лиану. Змея снова очутилась в воде и на этот раз не стала уже делать попытки взобраться на дерево и направилась к лесу по тому же пути, по которому отправились Ричард и мэндруку.

Наконец-то обитатели сапукайи могли успокоиться и считать себя до известной степени в безопасности.

Но, как только прошла тревога, голод и жажда снова дали о себе знать. Ральф опять взобрался на вершину, чтобы нарвать там орехов. Меньше чем в минуту он набрал их целую дюжину; скорлупки осторожно раскрыли и прежде всего зачерпнули ими воды, чтобы утолить жажду. Орехи оказались очень вкусными и питательными. Обед вышел на славу, хотя и состоял из одного только десерта.

Теперь оставалось только ожидать возвращения Ричарда и мэндруку, отправившихся на поиски подходящего материала для постройки плота. Все взгляды были направлены на мрачные волны, все сердца бились страхом и надеждой.

Глава 5

БИТВА С ПТИЦАМИ

Достигнув края затопленного леса, Ричард и мэндруку прежде всего ухватились за ближайшую ветку и по ней взобрались на дерево, чтобы отдохнуть после довольно продолжительного плавания.

Еще подплывая к лесу, они уже с уверенностью могли определить характер окружающей их местности.

— Гапо! — объявил мэндруку, подплывая к ближайшему дереву. — Здесь нет твердой земли, молодой господин, — добавил он, хватаясь за лиану: — Надо отдохнуть. Я устал, да и вы тоже. Взбирайтесь за мной на ветку. Под нами не меньше как на десять сажен воды. Мэндруку не ошибется. Он знает это по тем деревьям, которые здесь растут.

— Я и не рассчитывал ни на что другое, — ответил мо

молодой Треванио, взбираясь по примеру старого индейца на ветку, — плывя сюда, я надеялся, что нам, может быть, удастся найти какое-нибудь плавучее дерево, чтобы дать возможность переплыть на нем сюда остальным. Я и раньше знал, что, перебравшись сюда, мы все-таки остались бы в гапо. А как мы выберемся отсюда — я и придумать даже не могу, да уверен, что и вы сами еще хопшенько не знаете, как это сделать!

— Мэндруку никогда не отчаивается, даже и в самой середине гапо! — горделиво отвечал индеец.

— Значит, вы надеетесь и думаете, что нам удастся устроить плот, на котором можно будет выбраться из гапо?

— Нет, — отвечал индеец, — на это у меня нет никакой надежды, — мы слишком далеко от рукава великой реки. Здесь мы не найдем ни одного плавучего дерева и поэтому не можем сделать и плота.

— Так зачем же мы пробирались сюда? Вы же сами сказали что отправляетесь строить плот!

— За этим не стоило бы и плыть сюда. Я никогда и не рассчитывал найти здесь деревьев для плота. У меня другое в голове. Я постараюсь найти способ переправить их всех и без этого. Следуйте за мной, молодой господин. Надо дальше углубиться в гапо. Старый мэндруку покажет вам, как строят плот без деревьев.

— Ладно! — отвечал молодой человек, — я буду делать все, что вы мне укажете, хотя даже и представить себе не могу, что именно вы хотите делать.

— А вот увидите, молодой хозяин, — продолжал мэндруку, снова пускаясь вплавь. — Плывите за мной и старайтесь не отставать! Если я не ошибаюсь, у нас скоро будет материал для постройки плота или для чего-нибудь другого, что может заменить его. За мной!

Мэндруку произнес еще несколько слов, но шум воды от погружения в нее его могучего тела помешал молодому человеку слышать его слова.

Ричард тоже бросился в воду и поплыл вслед за индейцем.

Путь их шел под зеленым сводом такой густой растительности что лучи тропического солнца почти не проникали сквозь нее. Индеец все время держался впереди, юноша следовал за ним.

Вдруг индеец вскрикнул и затем, остановившись, сказал Ричарду:

— Вот оно! Вот то дерево, которое я искал! О! Да и на нем есть даже и сипосы! Что же? Тем лучше,— они нам пригодятся. Тут и веревки и смола,— все вместе. Великий дух покровительствует нам, молодой хозяин!

— Что все это значит? Чему вы так радуетесь? — спросил Ричард.— Я вижу большое дерево, покрытое сипосами, как вы их называете. Только оно же ведь зелено и покрыто листьями. Дерево сырое, и я не думаю, чтобы оно могло держаться на воде. Плата-то уж во всяком случае мы не можем из него устроить. Сипосы, правда могут пригодиться вместо веревок, но дерево, само по себе, нам никуда не годится, даже если бы у нас и был топор для того, чтобы его срубить.

— Мэндруку не нужно ни топора, ни дерева. Ему нужно другое: ему нужен сок этого дерева и потом сипосы. Бревен для плота довольно и на сапукайе, и мы можем набрать их сколько угодно, когда вернемся.

— Вам нужен сок? Но зачем?

— Посмотрите-ка получше на это дерево, молодой господин: разве вы его не знаете?

При этом вопросе молодой человек повернулся к дереву и стал внимательно его рассматривать. Все оно было обвешено, точно фестонами, различными породами ползучих растений, почти закрывавших его вплотную. Но после внимательного осмотра Ричард наконец узнал, какое им попало дерево.

— Конечно,— отвечал он на вопрос мэндруку,— теперь я его узнаю, это *seringa* — дерево, из которого добывают каучук. Но что же хотите вы с ним делать? Уже не собираетесь ли вы устроить резиновый плот?

— Там увидите, молодой господин, там увидите!

С этими словами мэндруку стал взбираться на дерево, приглашая Ричарда последовать его примеру.

Ричард поспешил повиноваться и, ухватившись за лиану, через минуту был уже на одной из нижних ветвей.

Дерево, на которое взобрались Ричард и мэндруку, было *siphonia elastica*, из семейства молочайных или, иначе, каучуковое дерево Амазонки. Португальцы называют его серинга, под этим названием знал его и Ричард, не раз видевший серингу у себя на родине, в Пара.

Едва успел Ричард взобраться на ветку, как восклицание его спутника, взобравшегося почти на самую верхину дерева, заставило его поднять голову.

— Что там такое, Мэндей?

— Кроме сока и сипосов, я нашел еще кое-что и на бед, молодой хозяин.

— Это бы хорошо. А то, признаться, я сильно проголодался. Орехи на сапукайе очень вкусны, это правда, но ими не наешься, и я бы с удовольствием съел теперь хороший кусок мяса или рыбы, а после, пожалуй, попробовал бы и орехов.

— Это ни то, ни другое,— возразил мэндруку,— здесь нет ни говядины, ни рыбы, хотя это, пожалуй, будет еще повкуснее. Я нашел птиц.

— Птицы? А какие это птицы?

— Арасы — попугай.

— О! Попугай! Но где же они? Поймали вы хоть одного?

— Сейчас! — отвечал мэндруку и, опустив свою руку до плеча в пустоту, образовавшуюся в дупле дерева, вынул оттуда полуоперившегося птенца, величиною с хорошо откормленного цыпленка.

— Э! Да там целое гнездо! Какие они жирные! Спасибо вам, Мэндей! Мы и сами наедемся и кроме того сделаем хороший запас для остальных. Там, на сапукайе, должно быть так же голодно, как и мы с вами, и наверное будут в восторге от такой прибавки к обезьяньим горшкам.

Вытащенный индейцем птенец принялся кричать, хлопая крыльями и стараясь вырваться. Крики его были так громки и так пронзительны, что должны были быть слышны по всему лесу.

На крики попугайчика отозвались остальные птенцы, сидевшие в дупле, и скоро поднялся целый птичий концерт по крайней мере в двадцать голосов, что давало возможность предполагать, что на дереве было не одно гнездо, а несколько.

— О! о! да тут их целая сотня! — крикнул Ричард со смехом. — Мы наберем этих маленьких толстеньких птичек столько, что нам хватит на целую неделю.

Едва он успел произнести эти слова как в воздухе послышался страшный шум.

Он доносился, казалось, издалека; но не прошло и нескольких минут, как они раздались уже совсем близко от мэндруку, забиравшегося все выше на дерево, в то время как солнце почти совсем закрыли собою растопыренные крылья штук двадцати больших птиц, кружившихся с громкими тревожными криками над серингой.

Это прилетели родители молодых попугайчиков, возвращавшиеся в гнезда с полными зобами для своих птенцов. Но ни индеец, ни его спутник и не думали, что прибытие взрослых попугаев может грозить им какой-либо опасностью,— покружатся-покружатся над гнездами старые арасы, да и полетят прочь, спасаясь от людей.

Но оказалось совсем напротив. Попугаи вдруг окружили двоих людей и принялись бить их клювами, крыльями и когтями, оглашая воздух громкими криками, которыми они как бы сзывали к себе на помощь попугаев со всего леса.

Первому досталось индейцу. Птицы напали на него с таким азартом, что мэндруку даже выронил птенца, и тот грузно шлепнулся в воду. Следом за ним бросилась целая дюжина попугаев, которые хотя и не успели подхватить его на лету, но зато обнаружили другого врага, и в ту же минуту напали на него.

Хотя силы атакующих при этом и разделились, большинство их все-таки воевало с индейцем. Но и Ричарду далеко не легко было отбиваться от нападавших на него попугаев, особенно если принять во внимание, что у него не было никакого оружия и что легкая одежда плохо защищала его от ударов птичьих клювов.

У мэндруку был короткий нож, но в этом случае нож не мог принести большой пользы. Короче говоря, в несколько секунд оба компаньона были покрыты ранами.

Молодой Треванио решил, пока не поздно, спасаться бегством и с громким криком, чтобы привлечь внимание мэндруку, бросился в воду.

Нападавшие на него попугаи присоединились к тем, которые сражались с мэндруку, и вся ватага с новыми силами бросилась на индейца, как на главного виновника покушения на жизнь беззащитных птенцов.

Мэндруку решил последовать примеру Ричарда и, улучив удобную минуту, кинулся в воду и скоро очутился возле молодого человека.

Оба они некоторое время плыли рядом; за ними тянулась по воде красная струя,— это была кровь, обильно сочившаяся из их ран.

Впрочем, им не было особенной надобности уплывать от серинги, так как птицы не стали преследовать их.

Довольные тем, что выпроводили дерзких похитителей, обитатели дерева вернулись к своим гнездам осмот

реть причиненный им вред. Скоро на дереве водворилось полное спокойствие. Значит ни Ричарду, ни мэндруку ничего было более бояться нового нападения со стороны птиц.

Но, очевидно, вовсе не это заставило мэндруку остановиться и оглядеться кругом. Без сомнения, ему пришла в голову что-то другое, потому что вслед за тем он объявил, что намерен вернуться к дереву.

— Зачем? — спросил его молодой Треванио.

— Во-первых, затем, зачем мы уже раз на него взбирались, — отвечал индеец, — а во-вторых, затем, чтобы отомстить попугаям, — закончил он, гневно сверкая большими глазами. — Мэндруку никому не позволит безнаказанно оскорблять себя, — не простит он этого и птицам. Он хочет отомстить им. Я не уйду из этого леса до тех пор, пока не истреблю до последнего всех попугаев или не сгоню их с дерева всех, до самого маленького.

— Как же вы это сделаете?

— Плывите за мной и вы увидите.

Говоря это индеец повернул к группе деревьев, образовавших собою другую сторону зеленого свода. В дни взмаха достиг он ближайшего дерева, оказавшегося мимозой, и по лианам взобрался на него. Ричард молча последовал за ним, все еще не понимая, что именно хочет делать тут индеец.

— Это-то мне и нужно, — сказал мэндруку, вытаскивая нож.

Затем он срезал ножом ветку и сделал из нее дубинку фута в два длиною, которую передал Ричарду, а себе вырезал другую такую же.

— Теперь, молодой хозяин, — сказал индеец, — мы оба вооружены и можем вступить в битву с попугаями. Как вы думаете, кто теперь победит?

Затем он кинулся в воду и поплыл к серинге; молодой Треванио следовал за ним. Крепко держа в руках дубинки, взобрались они на дерево и безжалостно принялись бить птиц.

Исход битвы был вне всякого сомнения. С каждым ударом падала птица; уцелевшие попуган поспешили скрыться в самую глубь леса.

Мэндруку, верный своему обещанию, не оставил ни дерева в живых ни одного птенца; одно за другим вытаскивал он их из гнезда и свертывал шеи. Затем сипосом он связал их всех вместе и сложил в дупло.

— Здесь они могут оставаться до нашего возвращения, потому что мы недолго провозимся со своим делом. — Теперь за работу!

Ричард, не знавший, что именно задумал его спутник, довольствовался тем, что смотрел на его работу.

Индеец отложил в сторону дубинку, которая произвела такое опустошение среди птиц, и снова вытащил нож из пояса.

Выбрав удобное место на стволе, он сделал в коре надрез, откуда в ту же минуту пошел белый густой сок.

Для сбора сока у мэндруку было припасено два обильных горшка, взятых им с сапукайи. Один из них он отдал Ричарду и рассказал ему, как надо держать его под разрезом, а сам разрезал кору в другом месте.

Скоро обе скорлупы были полны до краев густым и липким соком, похожим на хорошие сливки.

Мэндруку сложил обе половинки и перевязал их накрепко сипосами, хороший запас которых решено было также взять с собою.

Исполнив все это, мэндруку объявил, что теперь можно вернуться на сапукайю, где их с таким нетерпением ожидали все остальные.

Разделив добычу на две равные части, мэндруку бросился в воду и поплыл впереди.

Молодой креол недалеко следовал за ним; через десять минут они уже выбрались из-под зеленого свода и увидели прямо перед собою солнце, освещавшее своими лучами блестящую поверхность гапо.

Глава 6

СТРАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Ричард уже поздравлял себя с тем, что они наконец-то выбрались на простор и видят ясное солнышко, когда вдруг спутник его вздрогнул, поднял голову над водой, повернул лицо и, оглянувшись назад, издал тревожное восклицание.

Ричард также приподнялся над волнами и оглянулся назад, но ничего подозрительного не заметил.

— Чудовище! — вскрикнул мэндруку.

— Чудовище? — какое? где?

— Дальше, там, как раз около красв игарапе, около деревьев; туловище его не видно за ветвями.

Молодой человек снова приподнялся над водою и стал смотреть туда, куда указывал ему мэндруку.

— Там плывет что-то похожее на сухое бревно. А по вашему, Мэндей, это — страшное чудовище?

— Это самое страшное чудовище из тех, что живут в гапо. Оно может проглотить нас обоих, если только захочет, а оно всегда голодно и всегда хочет есть. Это *јасага-пассу*. Я слышал, как он опустился в воду; разве вы не слышали?

— Нет.

— Смотрите! Великий дух! Он нас заметил и плывет как раз сюда.

Темное тело, которое неопытные глаза Ричарда приняли за сухое бревно, действительно направлялось к ним. По волнам, разбегавшимся за плывшим пресмыкающимся, гулко раздавались удары длинного его хвоста, которым оно ударяло сверху вниз по волнам, так как хвост для него — руль и весло в одно и то же время.

— *Јасага-пассу* — повторил мэндруку, как бы в пояснение, что он говорит о чудовище амазонской реки, одним из самых страшных и ненасытных аллигаторов.

Мэндруку не ошибся, — это действительно был якаре и притом один из крупнейших представителей этого рода: его туловище видно было из воды на целые семь ярдов *. Раскрытая пасть его была так велика, что, казалось, в нее свободно мог поместиться любой из тех, за кем чудовище спешило вдогонку. Время от времени якаре закрывал пасть, щелкая челюстями, и затем снова раскрывал ее, точно готовясь схватить беглецов.

Бежать от якаре по воде нечего было и думать: вода для него — родная стихия. Якаре плавает не хуже самой быстрой рыбы.

— Нам надо спастись на деревьях, — крикнул индеец, как только убедился, что аллигатор пустился за ними в погоню.

С этими словами мэндруку повернул в сторону и в несколько взмахов достиг ближайшего дерева.

Ричард слепо повиновался совету своего более опытного спутника и одновременно с ним подплыл к тому же дереву.

* Ярд — равен трем футам.

Еще минута — и они уже сидели на нижних ветвях — Да защитит нас великий дух! — проговорил индеец, смотря на аллигатора с дерева. — Я вижу по глазам чудовища, что это людоед.

И в самом деле, было чего испугаться даже и мэндруку. Аллигатор действительно оказался громадной величины. Его алчные и свирепые глаза с жадностью были устремлены на дерево, где нашли убежище беглецы.

Трудно вообразить себе животное, более отвратительное по наружному виду, чем то, которое стерегло в эту минуту наших пловцов. Впрочем, во всей природе ящерицы, а с ними вместе и змеи принадлежат к самым неприятным для глаза живым созданиям.

Змея внушает чувство страха, но блеск ее кожи и наружный вид все-таки не так отвратительны для глаз, тогда как все без исключения ящерицы могут нравиться только человеку с извращенным вкусом. Но из всех ящериц крокодилы, аллигаторы и кайманы — самые отвратительные, самые мерзкие создания.

Первое время Ричард и мэндруку считали себя в полной безопасности, так как были уверены, что до тех пор, пока они будут сидеть на дереве, якаре, несмотря на тот страх, который он внушал, пока они были на воде, не мог им нанести никакого вреда.

Но они не могли вечно оставаться на дереве. Там, на сапукайе, их возвращения ждут с нетерпением.

Ричард предложил дать знать о себе громкими криками, но мэндруку не согласился, во-первых, потому что крики их едва ли будут услышаны, а во-вторых, и потому, что это могло бы только обеспокоить остальных.

Оставалась единственная надежда, что якаре может быть надоест ждать, и он уберется в свое логовище.

Но, говоря так, мэндруку далеко не рассчитывал ни такой исход, а его озабоченный вид доказывал, что индеец вовсе и не рассчитывает на то, что якаре скоро уберется.

Поведение якаре казалось очень подозрительным старому мэндруку.

— Вы думаете, что он не уйдет отсюда скоро? — спросил индейца его спутник.

— Я очень боюсь этого, молодой хозяин. Он может продержаться нас здесь целые часы, может быть даже до тех пор, пока зайдет солнце.

— Это было бы очень скверно. Там будут о нас бес-

ожоиться. Не придумаете ли вы, как отделаться от него?

— Пока ничего. Надо терпеть, молодой хозяин.

— Но ведь это ужасно! Мы здесь точно в осаде! — выкрикнул молодой креол. — Нам осталось проплыть всего несколько сот ярдов для того, чтобы присоединиться к нашим, и мы не можем сделать этого по милости кровожадного якаре!

— Ах, проклятая гадина! Мне кажется, что чудовище будет долго держать нас в осаде. Прехитрая тварь! Он наверное нас видел!

— Да неужели аллигаторы так умны? А мне почему-то казалось, что они совсем не обладают разумом.

— Кто это вам сказал? Вы жестоко ошибаетесь, молодой хозяин. Вы разве не знаете, что якаре иногда по целым неделям подкарауливают жертву и кончают тем, что все-таки хватают ее. Посмотрите-ка на него! Я уверен теперь, что он нас не только видел, но даже слышал наши голоса.

Так прошел час, а за ним и другой. Положение становилось нестерпимым.

— Что нам делать? Как избавиться от него? — шепотом спросил молодой человек индейца, волновавшегося не менее его.

— Остается одно: пробраться по вершинам деревьев на ту сторону. Если нам удастся укрыться от его взглядов, мы спасены. Мэндруку зол сам на себя за то, что не подумал об этом раньше. Он должен был знать, что якаре не скоро покидает место, где его ждет добыча. Смотрите, что я буду делать, и поступайте совершенно так же.

— Отлично, мэндруку, — также шепотом отвечал Ричард: — я буду во всем подражать вам!

Пришедшая индейцу в голову мысль путешествовать по деревьям на первый взгляд могла показаться безумной и совершенно неисполнимой. Но кто хоть раз побывал в лесах Южной Америки, тот подобное предложение посчитал бы самой обыкновенной вещью, — как нечто не только нормальное, но и необходимое. В некоторых местах путешествовать таким образом даже легче, чем идти по земле. В лесах долины Амазонки иногда на пространстве целых миль деревья растут до такой степени густо и так переплетены лианами и другими ползучими растениями, что на известной высоте над землей образуется нечто вроде зеленого помоста. В лесу под этой зеленой

лиственной царит вечный мрак, куда никогда не проникают солнечные лучи.

Наверху среди этой роскошной растительности живут птицы, животные и насекомые, которых никогда и не увидеть странствующими по земле. Поэтому-то индейцу и его спутнику вовсе не трудно было перебираться по ветвям затопленного леса. Здесь было даже безопаснее, чем в обыкновенном лесу, где пространство между ветвями не переплетено густой сетью лиан. Неверный шаг вперед, самое большое повлек бы за собою падение в гапо и недолгое купание в воде.

Вот почему мэндруку смело приступил к исполнению задуманного плана. Он только жалел, что не догадался поступить таким образом гораздо раньше.

Но из этого вовсе не следовало, что путешествие по ветвям будет идти очень быстро. Успех его зависел от многих причин. Прежде всего, конечно, играла роль густота лиан и других паразитов, протянувшихся между ветвями. Но к счастью эта часть затопленного леса была покрыта роскошной растительностью.

Индеец еще раз внимательно осмотрел предстоящую им дорогу и убедился, что им будет не особенно трудно перебраться на ту сторону, где виднелась вода. Уверенный в успехе, он смело направился вперед, знаком приглашая Ричарда следовать его примеру. Юноша повиновался и молча двинулся за своим проводником.

Они прекрасно знали, что аллигатору вовсе не трудно было бы следовать за ними по воде, тем более, что им самим на каждом шагу приходилось преодолевать различные препятствия. Не раз они, держась на одних руках, перебирались с одной ветки на другую и даже делали прыжки в воздухе. Местами паразиты совсем загороживали дорогу, и для того чтобы пробраться вперед, приходилось делать большие обходы. Много времени употребили они на воздушное путешествие, хотя от воды их отделяло не более двухсот ярдов. Наконец, почти через два часа, они измученные добрались до опушки затопленного леса; дальше шло свободное водное пространство.

Вдали виднелась освещенная солнечными лучами сапукая, а на ней — те, к которым они стремились всей душой. Даже обычно серьезное лицо индейца — и то озярилось чем-то вроде улыбки при виде этой радостной картины.

Ричард, казалось, считал их взглядом — как бы для того, чтобы убедиться, что они все целы.

Взобравшись повыше, Ричард хотел было крикнуть, чтобы дать знать о себе ожидающим их друзьям, но мэндруку знаком остановил его.

— Почему нельзя, Мэндей?

— Ни одного слова, молодой хозяин. Мы еще не выбрались из лесу. Якаре может нас услышать.

— Не может быть! Мы ведь оставили его так далеко около игарапе.

— А вместе с тем это верно. А знаете вы, где он теперь? Кто знает, не сторожит ли он нас и сейчас.

Говоря так индеец оглянулся назад; молодой человек подумал то же.

По-видимому, бояться было нечего. Опасение мэндруку не имело оснований. Все было безмолвно под тенью деревьев. Так же тихо было и на спокойной глади гапо.

— Мне кажется, что мы его обманули. Что вы скажете на это, старый товарищ?

— Мне тоже так кажется, — отвечал индеец. — Мэндруку ничего не слышит, ни звука. Без сомнения, якаре все еще сторожит у игарапе.

— Чего же нам еще здесь ждать? Уже много часов прошло с тех пор, как мы покинули сапукайю. Дядя и все остальные наверное выходят из себя от беспокойства. Хотя нам и отлично видно их отсюда, я все-таки думаю, что они нас не видят, потому что иначе они сами бы нас окликнули.

Мэндруку еще раз внимательно осмотрел воду, отыскивая на ней следы якаре и, наконец, видимо успокоенный, сказал:

— Я думаю, что мы можем рискнуть отправиться сейчас же.

Молодой Треванио только этого и ждал и в ту же минуту бросился в воду и поплыл к сапукайе. Индеец последовал за ним.

Едва коснулись они воды, как до слуха их донеслось радостное восклицание, потрясшее все гапо. То слышались крики их друзей, которые наконец заметили их с сапукайи. Ободренные их приветственными криками, ловцы стремились вперед, желая как можно скорее добраться до сапукайи.

Ричард и не думал уже больше оглядываться назад. Он смотрел вперед, заранее наслаждаясь всеобщей ра-

достью, когда мэндруку объявит, что нашел способ переправить всех в лес. А если удастся им добраться до леса, то, кто знает, может там найдется способ и выбраться из гапо. Но мэндруку вовсе не смотрел вперед. Его глаза и уши всецело были заняты тем, что делается позади них. Несмотря на наружное спокойствие гапо, старый индеец видимо чего-то боялся.

Пловцы переплыли уже почти половину водного пространства, отделявшего одинокую сапукайю от затопленного леса. Все это время индеец держался позади Ричарда, точно для того, чтобы иметь возможность без помехи делать свои наблюдения.

Якаре не было видно, и подозрительность мэндруку начинала проходить, и даже являлась уверенность, что они благополучно доберутся до сапукайи. По всей вероятности, аллигатор все еще продолжал сторожить их около игарапе и не знал, что они давным-давно ушли уже оттуда. Решив таким образом занимавший его вопрос, индеец поплыл рядом с молодым человеком, и оба, не видя причины особенно спешить, стали медленнее подвигаться вперед.

Но другие глаза, к счастью, осматривали вместо них обширное водное пространство, и в ту минуту, когда пловцы менее всего этого ожидали, раздавшийся на сапукайе крик ужаса известил их об опасности. Еще несколько секунд — и их нагнал бы якаре, который, как этого и боялся индеец, бросился за ними вдогонку.

Пловцы удвоили усилия и в ту самую минуту, когда якаре уже догонял их, подплыли к дереву. Несколько рук протянулось помочь им взобраться на ближайшую ветви. Они были наконец в безопасности.

Якаре с разинутой пастью, с налитыми кровью глазами, тяжело дыша, подплыл как раз к тому месту, где сидели взобравшиеся на дерево мэндруку и Ричард.

Увидев, что добыча вторично от него ускользнула, аллигатор пришел в страшную ярость. Он хлестал по воде хвостом и испускал звуки, похожие на мычание быка или на лай дога.

Теперь все могли отлично видеть страшное чудовище. Солнечные лучи освещали всю его отвратительную фигуру. Туловище его длиной в восемь ярдов, пропорциональной толщины, в середине было не менее девяти футов в обхвате; ромбондальные выпуклости, возвышавшиеся над спиной заостренными пирамидами, были около семи

тоймов вышины. Неудивительно, что вид якаре вызвал крик испуга у маленькой Розиты и заставил всех испытать чувство живого ужаса.

Сначала все очень боялись, как бы страшное пресмыкающееся не взобралось на дерево, но потом убедились, что это для него невозможно. Опасения эти объяснялись тем, что вначале якаре действительно делал попытки в том роде, сдирать кору своей зубастой мордой и даже пробовал обхватить ствол своими короткими лапами, похожими на человеческие руки.

Мэндруку успокоил всех, сказав, что якаре может бесноваться сколько ему угодно, но ему никогда не взобраться на дерево. Это ему не по силам,— они могут считать себя здесь в безопасности. Но якаре, по-видимому, не отказался от надежды полакомиться кем-либо из спавших на дереве, потому и не думал уходить, а принялся плавать вокруг дерева неправильными кругами, не переставая пялить глаза на людей.

Спустя некоторое время все так привыкли к аллигатору, что перестали даже следить за движениями чудовища и только изредка на него взглядывали. В его неприятном присутствии не было непосредственной опасности, а их занимали мысли гораздо большей важности.

Они ведь не могли всю свою жизнь оставаться на сапукайе, и хотя они были далеко не уверены относительно того, что ждет их в лесу, куда они стремились, но все с нетерпением ожидали возможности туда переправиться. Найдут ли они там затопленный лес или сухую землю? Мэндруку говорил, что там такое же гапо, как и здесь, где стоит сапукайя.

Во всяком случае надо было добраться до леса, потому что там не могло быть хуже, чем на этом одиноком дереве.

Мэндей обещал устроить так, что им можно будет без особенного труда перебраться через воду, но как? Этого никто из них еще не знал. Но мэндруку был не такой человек, чтобы обещать то, что он не мог исполнить. Он доказал им, на что способен индеец.

Даже и во время последнего бегства от якаре мэндруку не забыл про собранный им с серинги сок и про сипосы, которые должны были заменить собою веревки.

Горшочек висел у него на шее, а сипосы были обмотаны вокруг пояса.

И вот теперь, принимаясь за работу, индеец прежде

всего позаботился набрать как можно больше «обезьяньих горшков», которые можно было нарвать тут же на сапукайе. С помощью Ральфа и Ричарда он вынул из них плоды, затем сложил обе половинки скорлупы и место сая облил жидкой каучуковой массой.

Присутствовавшие с интересом следили за его работой, хотя еще и не понимали, что из этого выйдет. Но заключение составлял один только Ричард, которого Мэндей руку посвятил в тайну. Но это недоумение продолжалось недолго, и все поняли в чем дело, когда увидели, как индеец связывал сипосами пустые скорлупы штуки по три или по четыре. Два таких пучка были связаны вместе сипосом фута в три длиною, чтобы «обезьяньи горшки», поддерживая тело на воде, не мешали плавать.

— Плавательные пояса! — крикнул вдруг Ральф.

Он не ошибся. Именно это Мэндей и хотел сделать.

Глава 7

ВЕРХОМ НА ЯКАРЕ

Мэндей сделал пять поясов, потому что хотя Мозэ и умел плавать, что он доказал при спасении Розиты от страшной ярараки, но у него не хватило бы сил проплыть, не отдыхая, отделявшее их от леса водное пространство. От сапукайи до леса было по крайней мере четыреста ярдов, — а это не шутка даже и для хороших пловцов, какими смело могли считаться Ральф и Мэндей.

Из семи живых существ, нашедших убежище на сапукайе после крушения, двое умели плавать. Попугай мог перелететь через воду; уистити возьмет кто-нибудь на плечи; что же касается коанты, то о ее судьбе особенно не задумывались. Она не пользовалась ничьими особенными симпатиями, хотя сама, видимо, и благоволила к Тому, но тот как-то холодно принимал ласки четверорукого приятеля. Словом, если бы коанта и пропала, о ней никто и горевать бы не стал.

Хотя пояса и были готовы, но пускаться с их помощью немедленно в плавание никто и не собирался. Прежде всего нужно было выждать, пока резина, которой индеец склеил скорлупки, окончательно высохнет, — а на это требовалось по крайней мере час времени.

Да и сборы в путь не должны быть особенно долги-ми. Стоило только покрепче подвязать пояса — и все бу-дет сделано.

Когда резина высохла, кое-кто предложил было не-медленно отправиться в путь. Но тут оказалось, что все они, кроме мэндруку, забыли про самое важное препят-ствие: это был якаре.

Якаре все с тем же упорством продолжал плавать во-круг дерева. Он так и не покидал своего поста, то рас-простершись на воде как бревно, то медленно описывая круги вокруг ствола, устремив глаза на потерпевших крушение. Его алчные глаза смотрели так коварно, что появилось даже предположение, что он одарен необык-новенным для животного умом и даже понимает, для ка-кой цели предназначались связанные вместе обезьяньи гиришки.

Как бы там ни было, но якаре, по-видимому, твердо решил не упустить случая полакомиться человеческим мя-сом. Кинуться в воду в то время, когда это страшное мнимоводное находилось здесь же на страже, значило бы то же, что кинуться ему прямо в пасть. Никто, конечно, и не хотел этого делать.

Прошел еще час нетерпеливого ожидания, но якаре и не думал уходить, продолжая кружиться вокруг сапу-вайи.

Оставалось покориться и ждать. Чтобы по возмож-ности незаметно скоротать время, начали разговаривать, и само собою разумеется, темой разговора сделались аллигаторы.

Треванио задавал вопросы, на которые отвечал мэнд-руку. Он много путешествовал на своем веку, многое ви-дел и теперь, пользуясь досугом, не прочь был поделить-ся с другими и опытом и своими познаниями. Но, кажет-ся, лучше всего он изучил аллигаторов, с которыми ему не раз приходилось иметь дело.

Индеец уверял, что знает пять или шесть различных видов якаре. Ему приходилось видеть во время своих путешествий несколько видов якаре, которые жили в тесном соседстве в одном и том же озере, в одной и той же реке. Самый большой *jacaga-passú*, вот этот, что дер-жит их теперь в осаде; за ним идет *jacaga-cétinga*, или малый аллигатор.

Прозвище «малый», пожалуй, будет не особенно под-ходящим, потому что взрослый он достигает четырех фу-

тов длины, а иногда и больше. Есть еще *јасага-сигуа*, но тот никогда не бывает длиннее двух футов. Якаре-куруи вообще мало известны; они водятся в небольших протоках. При наступлении еченге все якаре покидают речные рукава и озера и направляются в гапо, где и бродят все время разлива.

В нижних частях великого Солимоеса, где некоторые из внутренних озер во время васанте пересыхают, застрявшие там якаре зарываются в их и погружаются в спячку. В этом виде остаются они в сухой и твердой земле до тех пор, пока волны снова размягчат образовавшуюся под ними кору, из которой они выходят еще более отвратительными, чем прежде.

Яйца они кладут прямо на землю и засыпают их сверху грудями сухих листьев и илом. Яйца *јасага-пасми* величиною с большой кокосовый орех, но овальной формы. Скорлупа у них толстая и твердая; если потереть одно яйцо о другое, слышится треск.

Якаре питаются главным образом рыбой; но это только потому, что рыбы много и им легко удастся ловить ее. Но они не прочь полакомиться и мясом, и даже предпочитают его рыбе, хотя якаре не брезгают ничем, что бы ни попало. Бросьте якаре кость — он и ее проглотит в одну минуту. Если какой-нибудь кусок не проходит сразу в горло, аллигатор подбрасывает его кверху и ловит на лету.

Часто у них происходят страшные битвы с ягуарами. Но даже и голодные ягуары боятся нападать на больших аллигаторов и обыкновенно пожирают только молодых, еще неокрепших якаре или же якаре-цетинга.

Сами же якаре нападают на любое животное, которое встретится им на дороге. Между прочим, они очень любят мясо черепах и уничтожают их в громадном количестве. Самцы якаре поедают даже собственных детенышей, когда возле них нет самки, которая обыкновенно охраняет потомство пока они подрастут. Но всего больше любят якаре собак. Заслышав в лесу собачий лай, якаре немедленно отправляются на поиски животного и при этом иногда довольно большое расстояние проходят по твердой земле. Говорят, что якаре глотают даже камни.

Якаре плавают очень быстро и в этом отношении могут соперничать даже с рыбами. Но, несмотря на это, якаре вовсе не так опасны, и при известной ловкости от

них довольно легко скрыться. Дело в том, что якаре, как и акула, очень неповоротлив, и для того, чтобы схватить добычу, ему надо прямо налететь на нее или же сбить ее хвостом. Удары хвоста его ужасны: он может убить им на смерть с одного удара даже крупное животное.

Якаре, как и все аллигаторы, любят отдыхать на солнце вдоль песчаных отмелей, на берегу рек. Там они лежат иногда целыми группами, прижав хвосты один к другому и раскрыв во всю ширину свои страшные пасти. Когда они отдыхают таким образом на берегу или рас-павшись лежат с раскрытой пастью на воде, птицы — журавли, ибисы и другие — садятся к ним на спину и на голову.

Но есть еще якаре-людоеды, — это самые опасные. Они обычно держатся около селений и подкарауливают осторожных купальщиков.

Долго еще рассказывал мэндруку, но затем вдруг раз оборвал рассказ. Ему надоело ждать, пока якаре благорассудится позволить им плыть к лесу. И он объявил, что если проклятый якаре не уберется еще через час, он сумеет отделаться от него. Хотя с виду якаре и безвреден, но и в его теле есть места, ранив куда, его можно даже убить: это горло, глаза и впадины сразу позади глаз. На основании этого индеец и решился напасть на своего врага.

Будь он лет на двадцать помоложе, он давным давно уже расправился с ним и не откладывал бы этого до сих пор.

Но когда прошел и этот последний час, а якаре все продолжал еще караулить свои жертвы, индеец решил действовать и привести в исполнение угрозу. Он вдруг вскочил на ноги, отбросил в сторону плавательные пояса, которые до того держал в руках, и, вытащив из своего *tanga* нож, крепко стиснул его в руке.

— Что вы хотите делать, Мэндей? — спросил Тревино, не без некоторой тревоги наблюдая за действиями индейца. — Уж не собираетесь ли вы напасть на якаре? Подумайте, на что вы идете! Разве возможно вступать в единоборство с этим чудовищем, не имея другого оружия, кроме ножа. Не ходите, умоляю вас! Зачем рисковать жизнью, зная заранее, что удачи быть не может!

— Я и не думаю идти на него с одним ножом, — возразил мэндруку, — хотя я мог бы справиться с ним и так, но пока убьешь его, якаре успеет нырнуть со мной ко

дну, а я вовсе не желаю такого купания. Нет! Я иначе отделаюсь от него и навсегда! Вот увидите!

— Храбрый мой товарищ! Надо быть благоразумным. Подождем по крайней мере до утра. Кто знает, к утру его, может, уже не будет здесь.

— Хозяин! Мэндруку думает иначе. Этот якаре — людоед, и он не уйдет отсюда, пока не полакомится нашим мясом. Остаться здесь — значит попасть к нему в зубы. Мы если и не умрем от голода, то ослабеем до такой степени, что один за другим свалимся с дерева в гано.

— Подождем еще хоть эту ночь.

— Нет, хозяин, — отвечал индеец, — ни одного часа! Мэндруку готов вам повиноваться во всем, но только не в этом. К тому же галатея разбилась — значит и наш договор кончен. Я свободен и могу делать со своей жизнью, что хочу. Вы нас плохо знаете, хозяин! — продолжал мэндруку, голос которого звучал в это время необыкновенно энергично. — Мое племя изгнало бы меня из талосса, если бы я не отомстил якаре за эту обиду Или я или якаре, но один из нас должен умереть!

Треванио принужден был уступить.

Товарищи индейца скоро убедились, что нож был вытащен только для того, чтобы сделать орудие для борьбы. Индеец срезал сучковатую ветвь лианы *Bauhinia* и придавал ей форму дубинки; рукоятка была длиною фута в два. В руках мэндруку, как уже убедился Ричард, это было грозное оружие, которым он к тому же умел действовать с необыкновенною ловкостью. Только каким же образом нападет он с дубинкою в руках на аллигатора, кожа которого непроницаема даже для пуль?

Вложив нож в *tanga* и засунув дубинку за пояс, индеец спустился с верхних ветвей и пополз вдоль горизонтального ствола. С ловкостью обезьяны совершал индеец свое путешествие и через несколько секунд достиг уже конца ветви. Здесь он стал качаться, не доставая ногами до воды всего фута на три.

Якаре сейчас же обратил на это внимание. Ему казалось, что этот человек должен непременно свалиться в воду. Индеец, как бы желая ускорить развязку и поближе подманить чудовище, сломал несколько мелких веточек и бросил их в воду.

Якаре жадно бросился к тому месту, куда упали веточки. Этого только и ждал индеец. В одно мгновение бросился он вниз и прыгнул на спину аллигатора.

Глядя сверху, товарищи мэндруку видели, как индеец, сидя верхом на якаре, запустил левую руку в глазную впадину, а правую поднял дубинку и принялся ей колотить по голове якаре.

Послышался треск.

Индеец прыгнул в воду.

Якаре с раздробленным черепом повернулся кверху брюхом и показал свой живот желтовато-белого цвета.

Если он и не совсем был убит, то по меньшей мере, теперь уже он был вполне безопасен.

Когда победитель вернулся на дерево, его встретили громом рукоплесканий, к которым Том присоединил свое восторженное ирландское: «ура!»

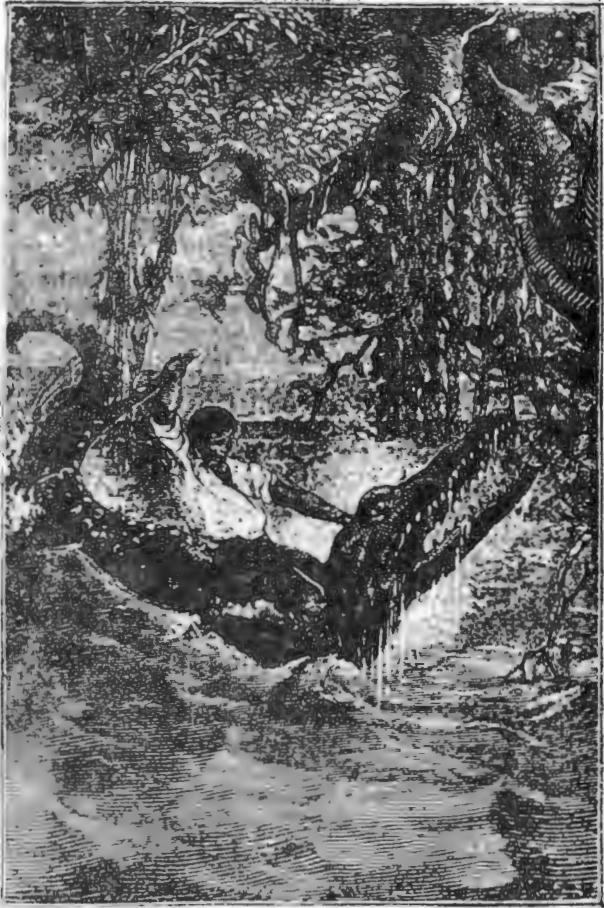
Таким образом страшный якаре был наконец уничтожен. Вслед за тем труп его подхватило течение и скоро унесло так далеко, что его не стало уже видно.

Но путешественники не стали дожидаться, пока скроется из глаз убитый якаре. Они спешили как можно скорее перебраться в лес. Им страшно надоело сидеть на сапукайе. А между тем не было ничего особенно привлекательного в столь желанной перемене. Судя по рассказам разведчиков, то место, к которому они направлялись, было подобно тому, которое они так спешили покинуть, и отличалось от последнего только величиной. Вся разница заключалась только в том, что там не одно дерево будет к их услугам, а целые тысячи. Но они были уверены, что куда бы они ни ушли, им будет все же лучше, чем на одинокой сапукайе.

Каждый из поясов был сделан с таким числом пустых корлупок, которое соответствовало тяжести тела того, кому им придется пользоваться. Таким образом для Ральфа и Розиты были изготовлены гораздо меньшие пояса, чем для остальных взрослых. Главное внимание, конечно, было обращено на Розиту. Индеец объявил, что берет ее под свое особое покровительство.

Осмотрев внимательно окрестности сапукайи, чтобы убедиться, что им ниоткуда не грозит опасность, они наконец решились тронуться в путь.

Мэндей поплыл во главе отряда, Розита следовала как раз за ним. Индеец поддерживал ее с помощью шеста, привязанного одним концом к его поясу, а другим к талии ребенка. За ними плыл Треванио, немного подалее Ральф с Ричардом, употребившим тот же способ,

что и индеец, чтобы иметь возможность в случае нужды поддерживать своего кузена.

Мозэ и Том плыли последними.

Уистити поместилась на плечах у Ральфа; коанта забралась на спину Тому, который должен был примириться с этим, так как обезьяна и думать не хотела покинуть его. Что же касается араса, то он сначала было уселся на голову Мозэ, но когда тот его прогнал, попугай перелетел за ними через гапо до леса.

Глава 8

ОПЯТЬ НА ВОДЕ

Следуя за мэндруку, пловцы достигли дерева, благодаря соку которого им удалось изготовить плавательные пояса. На нем было тихо, как в могиле. Не видно было ни одного живого араса. Уцелевшие после кровавого побоища птицы, если не навсегда, то во всяком случае надолго покинули каучуковое дерево. Убитые индейцем птицы висели на ветви.

Нечего было и думать подвигаться дальше, так как солнце, казалось, уже готово было закатиться. Seringa была точно сетью опутана ползучими растениями и могла дать довольно удобное и даже безопасное убежище. Хотя это было далеко не то что каюта на галатее, но все же лучше, чем ночевать на сапукайе, где было почти невозможно найти более или менее сносное ложе.

Висевшие на ветке убитые попугаи обещали вкусный ужин — все успели уже познакомиться с мясом попугая и оценить его достоинства. Голод чувствовался так сильно, что кое-кто предложил сейчас же приняться за попугаев, не дожидаясь, пока представится случай их зажарить.

Но Треванио удалось отговорить их. Он спросил мэндруку, не может ли он каким-нибудь способом добыть инья?

Всех удивил подобный вопрос. Мыслимая ли вещь — добыть огонь и особенно сейчас? Но индеец, очевидно, серьезно отнесся к этому и объявил, что не замедлит исполнить желание хозяина.

— Подождите десять минут, хозяин, — сказал он, —

через десять минут я разведу вам огня, а через двадцать минут вы будете есть жаркое.

— А как вы сделаете это? У нас нет ни огня ни трута. Откуда вы все это достанете?

— Там,— отвечал мэндруку,— видите вы то дерево, по ту сторону игарапе?

— Которое стоит отдельно от других, с гладкой и блестящей корой и с листьями, похожими на большие белые руки? Вижу.

— Это имбауба — дерево, на котором живет южноамериканский ленивец.

— А! Так вот оно, дерево, называемое *sescoria rollata*. Да его не трудно было бы узнать даже по одному только описанию. Но ведь мы говорили об огне. Уже не собираетесь ли вы добыть его из *sescoria* Мэндей?

— В десять минут, хозяин, если вы согласитесь подождать. Я сначала извлеку искры из имбауба, а потом разведу и огонь, если только мне удастся найти сухую ветку без сердцевины и совершенно высохшую.

Говоря так, мэндруку начал спускаться со ствола серинги; затем он бросился в воду и поплыл к *sescoria*.

Подплыв к дереву, он как белка взобрался наверх и уселся там между серебристо-белыми листьями, распростертыми над водой. Скоро сухой треск известил о том, что подходящая ветка найдена, после чего индеец снова показался, спускаясь с дерева, а затем поплыл к серинге, держа над головой ветку *sescoria*.

Когда он присоединился к своим спутникам, то они увидели, что индеец держит в руках кусок дерева, ноздреватый на вид. Индеец рассказал им, что как его племя, так и вообще все обитатели амазонской долины, когда им необходимо добыть огня, всегда употребляют для этой цели имбаубу.

После этого он без промедления приступил к добычии огня. Мэндруку вырезал тонкую длинную палку, обстрогал ее с обоих концов и, поставив одним концом в кусок цекропии, начал быстро вертеть палку между ладонями. Ровно через десять минут палка загорелась.

Набрали сухих листьев, веток и коры, и скоро яркое пламя небольшого костра осветило один из углов серинги.

Птиц надели на вертела и, постепенно повертывая, стали поджаривать их в собственном соку. Ароматный запах приятно щекотал обоняние проголодавшихся зрителей, которые не замедлили отведать лакомого блюда.

1877
1878
1879
1880

1881
1882
1883
1884

1885
1886
1887
1888

1889
1890
1891
1892

1893
1894
1895
1896

1897
1898
1899
1900

1901
1902
1903
1904

1905
1906
1907
1908

Ночь провели спокойно, устроившись довольно удобно на сетках, образовавшихся от сплетения различных ползучих растений.

Они спали бы еще лучше, если бы каждого из них не беспокоила мысль о будущем. А будущее действительно представлялось далеко не в розовом свете. Поэтому то и сон не принес той пользы, как на это можно было бы рассчитывать при других условиях. Он, правда, подкрепил их силы, но и только; нравственное же состояние их духа было, пожалуй, еще более печальное, чем накануне.

Позавтракали холодными попугаями, остатками вчерашнего ужина, тщательно сбереженными предусмотрительным мэндруку. Пока завтракали, взошло солнце, осветившее весь затопленный лес.

По приглашению Треванио приступили к совещанию, каким бы способом выбраться из гапо. Решить этот вопрос было делом далеко не легким. Там, на попечении которого находилась галатея перед крушением, не мог дать какого бы то ни было сведения относительно пройденного пути. Они даже приблизительно не могли определить, в какую сторону и на какое расстояние от русла реки уклонилась галатея, пока не застряла на сапукафе. Может быть, она прошла за это время двадцать миль, а может, и пятьдесят,— наверное никто ничего не знает. Верно они знали только одно, что галатея, сойдя с прямого пути, углубилась далеко в гапо.

Определить направление пути, чтобы из гапо попасть в Солимоее, было не трудно,— мэндруку уже раз объяснил им, как это надо сделать. Но в том положении, в котором они находились, нечего было и думать разыскивать Солимоее. Единственное, что им оставалось, это — попытаться во что бы то ни стало пробраться через затопленный лес до твердой земли, которая по всем приметам должна находиться как раз в противоположном направлении.

Зачем стремиться к Солимоее, когда у них нет не только лодки, но даже самого жалкого плота, чтобы плыть по нему. Иначе, если им даже и удастся добраться до реки, они до такой степени ослабеют, что погибнут раньше, чем успеют получить помощь от какого-нибудь проходящего мимо судна. Да к тому же, кто знает, скоро ли дождешься еще этого случая,— в это время года движение судов по Амазонке самое незначительное.

Таким образом самым благоразумным было найти кратчайший путь к твердой земле, лежащей по ту сторону гапо. По всей вероятности, твердая земля должна быть именно в противоположном направлении. Этого нельзя сказать наверное, но есть полное основание предполагать, что твердая земля именно там.

Найти дорогу будет во всяком случае нетрудно: течение продолжалось, наводнение все увеличивалось. Течение шло от реки если не совсем перпендикулярной линией, то все-таки достаточно прямой, чтобы почти безошибочно определить положение великого Солимоеса. Тут являлось описание другого рода, что, может быть, до земли гораздо дальше, чем до Солимоеса. Но и в этом случае им оставался только один исход: дойти до земли или погибнуть в затопленном лесу.

Но как добраться до земли?

Это был самый важный вопрос, ответ на который предстояло дать в настоящую минуту. Если это будет решено, — все остальное пустяки.

Не могли же они, в самом деле, рассчитывать, что будут в состоянии проплыть все это громадное пространство; от каучукового дерева до твердой земли по крайней мере миль двадцать, если не больше.

Устроить плот? Но где взять подходящий материал для этого? Из всех этих тысяч деревьев не найдешь ни одного настолько сухого, чтобы оно поплыло по воде, да еще если на него поместятся семь человек. Значит, о постройке плота нечего и говорить, раз это вещь неосуществимая.

Но, к удивлению, был найден выход, заслуживший всеобщее одобрение.

Этот план был предложен старым индейцем, который своими советами успел уже доказать и свою опытность и знание всех особенностей гапо.

Прежде всего он обратил внимание, что зеленый свод на довольно большое расстояние шел в том именно направлении, которого нужно было держаться, пробираясь к твердой земле. Отчего бы не пустить в дело еще раз плавательные пояса? Они уже имели случай убедиться, как легко плыть с их помощью.

Все согласились с этим и немедленно стали готовиться к отплытию. В путь тронулись спустя несколько минут и том же самом порядке, как и накануне.

Тут не было особенной надобности в проводнике, по-

тому что заблудиться положительно было нельзя даже и не с таким опытным вожаком, как мэндруку.

Они плыли между деревьями по проливу, который на языке обитателей гапо носит название игарапе, что, собственно, означает «проход для лодки» (игарапе, в буквальном переводе, — лодка, употребляемая для плавания по гапо).

Игарапе, по которому пробирались наши пловцы, очень похоже было на канал, только протекающий по лесу, который с обеих сторон образовал две колоссальные ограды, соединенные между собой непроницаемой сетью тропических растений. Впрочем, в отличие от обычных каналов, он не везде был одинаковой ширины, там и сям образовывались водные пространства, похожие на маленькие озера. Местами же он суживался до того, что вершины деревьев, простираясь с обеих сторон, соприкасались друг с другом, образуя тенную и прохладную аркаду.

По этой-то странной дороге направились наши путешественники. Подвигались они довольно медленно, так как двое хороших пловцов должны были помогать не только Розите и Ральфу, но и всем остальным. Но с другой стороны им помогало также и течение, которое шло вдоль игарапе и хотя и медленно, но все-таки подвигало их вперед. Это обстоятельство, между прочим, также в известной степени повлияло на выбор дороги. А так как вода в гапо все продолжала прибывать, то, плывя вдоль игарапе, им казалось, что они плывут по течению небольшой речки, тихие воды которой медленно уносят их с собой.

И в самом деле, течение в этом месте было чрезвычайно тихое и оно, хотя и помогало им, но так мало, что все время приходилось грести руками.

В общем они плыли со скоростью одной мили в час.

С той или с другой стороны, но они не могли быть дальше чем в пятидесяти милях от твердой земли, а может быть, даже и гораздо меньше. Следовательно, если только они будут идти верной дорогой и не сойдут с пути, то рано или поздно, а доберутся до земли. Самым важным было, конечно, не свернуть куда-нибудь в сторону и не направиться вдоль гапо. В этом случае, если они повернут к западу, им придется проплыть все гапо до самых Андов, а если повернут к востоку, то до устья Амазонки. И в ту и в другую сторону — целые тысячи миль.

Мэндруку знал это хорошо и потому с чрезвычайной осторожностью выбирал направление пути. Малейшая ошибка повела бы к тому, что путешествие, вместо часов, продолжалось бы много дней, недель, а, может быть, и месяцев.

Еченте * все еще продолжалось, но индеец знал, что течение идет не под прямым углом к реке, а несколько наискось, и поэтому, плывя по игарапе, старался держаться того же направления и возможно менее отклоняться от прямого пути.

По счастью, игарапе само шло в желаемом для него направлении.

Так прошло несколько часов. Время от времени, главным образом для того, чтобы дать возможность собраться с силами наиболее слабым, останавливались на отдых, держась в это время руками за лианы или за опустившиеся низко над водой ветви.

Около полудня мэндруку предложил сделать остановку на более продолжительное время, на что все с удовольствием согласились. Пора было не только отдохнуть, но и подкрепиться пищей, тем более, что заботливый индеец нес на себе несколько штук холодных жареных пугаев.

Для отдыха взобрались на большое густолиственное дерево. Все удобно разместились на ветвях в ожидании обеда, припасенного Мэндеем.

Путешественники рассчитали, что до обеда они пробыли в воде шесть часов и сделали за это время около шести миль. Это их очень обрадовало,— шесть миль не шутка,— и, подвигаясь с этой же скоростью дальше, они в состоянии будут в несколько дней проплыть те пятьдесят миль, которые, по общему мнению, отделяют их от твердой земли. Радовались они также и тому, что в течение этих шести часов не видели ни одного из страшных гапо: воспоминание о ярараке и якаре было слишком свежо. Впрочем мэндруку все время держался настороже.

Отдохнув, они снова надели на себя пояса и так же, как и раньше, тронулись в путь. В течение нескольких часов они медленно продолжали подвигаться вперед, пока все так же, без всяких неприятных встреч и приключений. Игарапе по-прежнему тянулось прямой линией,

* Echente — прибыль воды.

местами только слегка уклоняясь в ту или другую сторону, но все время сохраняя первоначальное направление к северу. Только прошедшей ночью открыли они, что игарапе направляется к северу, но не путем наблюдения за полярной звездой,— ее не видно ни на экваторе, ни даже на несколько градусов севернее. Всем хорошо известно, что полярная звезда вовсе не может быть видима в широтах жаркого пояса, потому что она здесь обыкновенно закрыта туманной пеленой, простирающейся на горизонте.

Ими руководили Сириус и другие северные созвездия. Так как солнце сияло весь этот день, а также и накануне, то можно предположить, что им не трудно было определить страны света в какой угодно час дня.

Треванио знал, что приближалось весеннее равноденствие, когда солнце переходит равноденственную линию, около которой они находились. Поэтому в полуденные часы солнце находилось прямо над их головами, и никто, даже самый искусный астроном, не мог бы отличить севера от юга, востока от запада. Предположим, что игарапе вместо того, чтобы тянуться все в том же направлении стало бы слегка уклоняться в сторону. В таком случае среди дня по солнцу уже нельзя было ориентироваться и для того, чтобы безошибочно идти в известном направлении, им следовало бы останавливаться до тех пор, пока солнце, спускаясь к западу, дало бы возможность верно определить румбы компаса.

По счастью им вовсе не было надобности делать наблюдения по солнцу. Еченге заменяло собою и солнце и компас: под напором прилива течение в гапо шло в противоположном от реки направлении и как раз вдоль игарапе. Пловцам оставалось только плыть по течению, пока оно не изменится, или не окончится игарапе.

Течение шло на северо-восток. Следовательно, путешественники должны были стремиться к северу, так как вода прилива идет, слегка отклоняясь под острым углом, к реке.

Но, кроме того, они по течению уже узнали, что во время вольного и невольного путешествия они отделились от Солямоеса и теперь приближались к устью большой реки Япура.

Мэндруку остался очень недоволен, когда убедился в этом. Он знал, что в этом направлении Япура образует обширную дельту, очень далеко разветвляющуюся,—

идея и гапо тянется гораздо шире, и поэтому до твердой земли придется плыть гораздо более пятидесяти миль, может быть, даже целые сотни, особенно во время еченте.

Но другого выбора не было. Оставалось только продолжать двигаться вперед, как можно меньше удаляясь от направления, которого следовало держаться. Таким путем рано или поздно они достигнут противоположной опушки затопленного леса. Поддерживаемые этой надеждой, продолжали они свой путь.

Но вдруг на дороге встретилось препятствие, которого они совершенно не ожидали, — игарапе окончилось! Тесно сросшиеся деревья преграждали путь, образуя непроходимый барьер, сквозь который нечего было и думать пробраться по воде. Сколько ни искал мэндруку, а за ним и другие, — выхода не было; дорога загорожена, хоть возвращаться назад.

Сначала они надеялись, что немного дальше игарапе продолжается снова. Но мэндруку, который делал разведку, вернувшись, объявил, что проток кончается здесь. Он прерывался не постепенным сужением обеих линий леса, но был заперт колоссальной величины деревом. Этот гигант возвышался над всеми своими соседями и один закрывал своими листьями громадное пространство. Дерево стояло точно на страже, говоря смельчаку, который рискнул бы проникнуть в глубь леса: «Стои! Ты не пойдешь дальше!»

Солнце начинало спускаться за горизонт. Отложив до завтра тревоги и размышления, путешественники решили провести здесь ночь и занялись выбором подходящего места для ночлега. Колоссальное дерево, заградившее им путь, соединяло в себе все, что они искали. Не раздумывая долго, все взобрались на него.

Дерево, на котором они устроились, принадлежало к виду, который они уже не раз встречали в этот день, — это было *bertholettia excelsa* (настоящий бразильский орешник), родственное сапукайе. Оно, подобно сапукайе, растет по низменностям, в местах, затопляемых водой. Бертолетия достигает колоссальной высоты. Ее огромный ствол часто бывает затоплен на сорок футов водами гапо. Бертолетия цветет большими, очень красивыми цветами, из которых затем вырастают такие же, как на сапукайе, плодовые сумки, причем каждая сумка заключает в себе штук до двадцати орехов.

Орехи бертолетии составляют один из главных пло-

дов амазонской долины. Они слишком хорошо известны всем и каждому, и потому нет надобности давать их описание. Как в Европе, так и в Америке редкий человек не пробовал этих вкусных американских орехов.

В амазонских лесах, не составляющих частной собственности, сбор орехов имеет право производить всякий, кому только придет охота этим заняться, но, главным образом, это делают индейцы, живущие по окраинам гапо. Сбор обыкновенно производится во время «васанте», т. е. в сухое время года, хотя некоторые племена диких рискуют отправляться «по орехи» и во время «еченте». Но настоящим временем сбора орехов следует считать все-таки «васанте», когда почва обнажится. Целью таллосса, т. е. жители одного и того же селения, не исключая женщин и детей, отправляются в леса и находят орехи уже прямо на земле. Околоплодники к этому времени обыкновенно созревают и, отваливаясь, падают вниз, на землю.

Но на всякий случай сборщики орехов надевают на голову выделанные из дерева или древесной коры шапки, похожие на каски пожарных, чтобы этим способом предохранить себя от удара падающих сверху орехового околоплодника, по наружному виду и тяжести напоминающего собой средней величины пушечное ядро.

Вследствие этого и южно-американские обезьяны, несмотря на то, что они очень любят бразильские орехи, никогда не подходят под бертолетню, пока на ней еще есть плоды. Но в то же самое время обезьяны вовсе не боятся сапукайи, хотя ореховые сумки на ней ничуть не меньше, чем на бертолетии.

Дело все в том, что ореховые сумки сапукайи почти никогда не отваливаются, а если это и случится, то уже после того, как сумка лопнет и орехи высыпятся на землю.

Поэтому-то орехи сапукайи гораздо реже встречаются на рынках и продаются дороже. Выпав из околоплодника, они становятся добычей птиц, животных или обезьян. Бразильские орехи гораздо лучше защищены от подобных лакомок благодаря их толстой и крепкой оболочке. Даже обезьяны не могут полакомиться этими орехами до тех пор, пока какое-нибудь животное с острыми зубами не разгрызет оболочки околоплодника. Эту услугу обыкновенно оказывают им грызуны, по преимуществу из семейства *cutia* и *раса*. Одно из самых смеш-

ных зрелищ, какое можно видеть в лесах Южной Америки, это когда группа обезьян подстерегает, пока грызун разорвет оболочку околоплодника, а затем, когда грызуну, после долгих усилий, удастся наконец справиться с толстой оболочкой, обезьяны бросаются на него и силой отнимают у него добычу.

Для путешественников было большим счастьем, что дерево, на котором они приютились, было именно бертолетия. Орехи очень питательны и могли служить им вместо хлеба, хотя у них оставалась еще пара молодых попугаев, правда сырых. Мэндруку, как и прежде, добыл огня, и через несколько минут птицы были зажарены. Голод послужил прекрасной приправой к этому невзыскательному ужину, и каждый с удовольствием съел свою порцию.

Глава 9

МЭНДРУКУ РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОБЕЗЬЯНАХ

Покончив с ужином, путешественники дожидались только захода солнца, чтобы отправиться на покой. Каждый из них уже выбрал себе подходящее место для постели, или то, что должно было заменить ее, на горизонтальной сетке, образовавшейся из густо переплетенных лиан и сипосов. Это ложе не отличалось особенными удобствами, но с каждым днем они становились все менее и менее требовательными и возможность соснуть, хотя бы и на лианах, считали уже чуть не за счастье.

За день все очень утомились и теперь не желали большего, как только отдохнуть и набраться новых сил на завтра.

Но судьба устроила иначе. Царившая кругом тишина вдруг была нарушена адским шумом и криками, доносившимися из глубины леса. Они уже не в первый раз слышали этот адский концерт и поэтому с любопытством стали смотреть в ту сторону, откуда слышались крики. Если бы не это, они наверное страшно испугались бы и подумали, что им грозит какая-нибудь серьезная опасность.

Это путешествовали обезьяны-ревуны.

А, правду сказать, было отчего не только проснуться, но даже и испугаться — непривычному человеку, конечно. Полая подъязычная кость дает возможность ревунам издавать всевозможные звуки, начиная от грохота турецкого барабана и кончая резкими звуками свистка стономостью в два пени.

— Это гвариба, — заметил мэндруку.

— Вы хотите сказать, что это ревуны?

— Да, хозяин, и к тому же самые отчаянные ревуны из всего племени. Немного погодя, вы услышите их еще лучше, — они приближаются сюда. Теперь они от нас не больше как в километре, что доказывает, что и лес тянется еще больше чем на один километр в этом направлении, иначе они там не могли бы быть. Ах, если бы мы только могли путешествовать по верхушкам деревьев, как гварибы! Не долго пробыли бы мы в гапо. Так я и думал, — продолжал мэндруку, прислушавшись, — гварибы приближаются. Теперь они уже недалеко; я слышу шелест листьев, которые они задевают мимоходом. Мы скоро их увидим.

И действительно, хотя крики обезьян прекратились, зато треск сучьев доказывал, что стая приближалась. Немного погодя они вдруг показались на высоком дереве около игарапе, по крайней мере на расстоянии одного кабельтова от дерева, где помещались наши путешественники. Индеец, следивший за тем, как перепрыгивали ревуны на соседнее дерево, объявил, что их тут не меньше ста штук.

Когда вожак стаи, по всей вероятности начальник, увидел игарапе, он вдруг остановился. что-то крикнул следовавшей за ним стае, — должно быть отдал приказание. Приказание, по-видимому, было отлично понято, потому что одна за одной все остальные обезьяны разместились около вожака.

Причиной этой остановки, без всякого сомнения, был игарапе, преградивший дорогу, по которой пробиралась стая обезьян. Нужно было, следовательно, решить вопрос, как перебраться через игарапе.

В том месте, где черные четверорукие сгруппировались на дереве, пролив был еще уже, чем где-либо. Но между ветвями, горизонтально распростертыми с противоположных сторон над игарапе, все-таки было еще свободное пространство шириной около двадцати футов, и зрителям казалось невероятным, чтобы какое-нибудь жи-

отное могло перепрыгнуть с одной стороны на другую.

Но обезьяны были совсем другого мнения об этом. По крайней мере судя по тому, как они уселись, видно было, что их несколько не страшит подобное препятствие. От прыжка их удерживало только приказание начальника. Обезьяны молча сидели до тех пор, пока не подошли все остальные, не исключая и самок с детьми.

Тут стало очевидно, что начальник приказал остановиться всей шайке только потому, что с ними были дети, которых матери держали на спинах или на руках.

Тогда начальник гварриба медленно стал взбираться на самую верхнюю ветвь и, усевшись там, начал говорить длинную речь. Его слушали в глубочайшем молчании. Трескотня, которой ему отвечали, казалось выражала собой полное одобрение его предложения, каково бы оно там ни было.

Когда совещание было окончено, один из самых рослых ревунов по приказанию начальника направился по ветке, спускавшейся над игарапе, и, остановившись на ее конце, весь съежился, приготавливаясь сделать скачок. Еще секунда — и ревунок ловко перепрыгнул через игарапе, — все увидели обезьяну на ветвях противоположного дерева. Примеру этого ревуна не замедлил последовать другой: поставив свои четыре руки на те же места, а туловище в такую же позу, обезьяна сделала скачок точно так же, как и первый гварриба.

Затем все обезьяны одна за другой тем же путем перобрались на противоположное дерево.

Путешественники с удивлением, молча смотрели на гимнастические упражнения обезьян, искусству которых нечего было и думать подражать.

Но вслед за тем путешественникам представилась возможность наблюдать еще более интересное явление.

Первыми, точно для того, чтобы показать пример, перепрыгнули самцы. За ними тот же маневр повторили самки, даже и те, которые были с детьми, за исключением одной самки с очень маленьким детенышем.

Сосуну было не больше девяти дней. Несмотря на свою крайнюю юность, он, казалось, понимал настоящее положение так же хорошо, как и более взрослые. Цепляясь своими детскими пальчиками за волосатую одежду матери, он в то же время обвил своим хвостом ее хвост и, по-видимому, очень крепко. За малютку опастся было нечего, — он наверное сумел бы удержаться

при каком угодно прыжке. Но его мать, может быть, ослабевшая во время болезни, казалось сомневалась в своих силах. Она была последней из вереницы и, когда все остальные обезьяны уже перепрыгнули, она осталась на ветке, очевидно колеблясь последовать ли их примеру.

В эту минуту один из самцов отделился от тех, которые уже добрались до верхушки дерева, и вернулся, шагая вдоль той ветки, на которую они только что перебрались. Здесь, став перед самкой, начал он длинную речь, по всей вероятности успокаивая ее, что нет ни малейшей опасности.

Когда он кончил, заговорила мать, и, судя по ее жестам, ответ ее можно было бы перевести таким образом: «Мне нечего даже и пробовать: я очень слаба и наверное не перепрыгну».

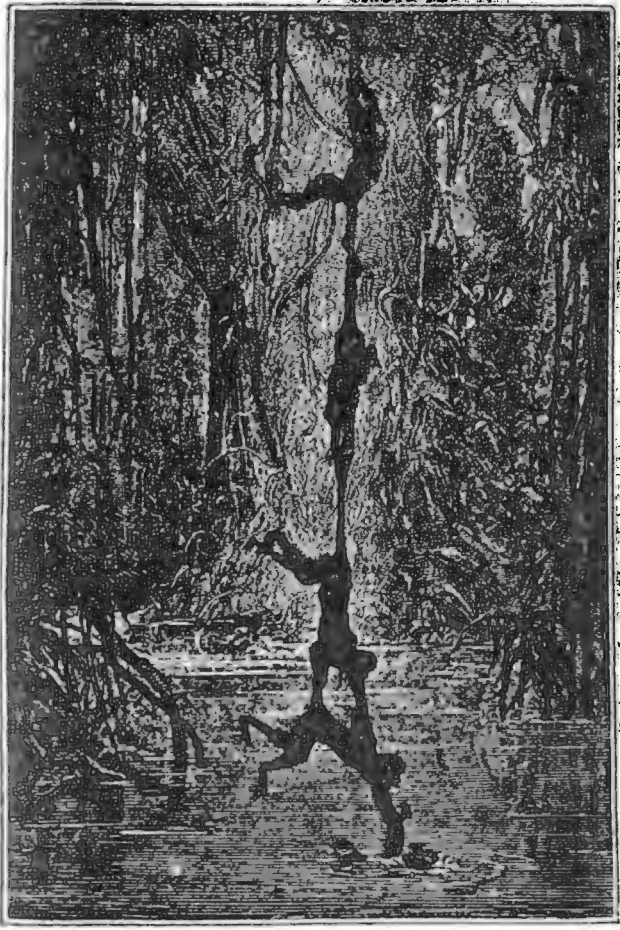
В тоне ее голоса было столько мольбы, что отец ребенка не стал более настаивать; перемахнув снова через воду, он взял ребенка на плечи, и через несколько секунд оба были уже на другой стороне игарапе. Мать, оставшись одна, ободренная этим примером и криками остальных, сделала скачок, но, вероятно, это было свыше ее сил,— ей удалось схватиться за ветку на противоположной стороне, но в ту минуту, когда она хотела обвить ее своим хвостом, ветка обломилась, и она полетела головой в воду.

Послышался крик с верхушки дерева; вслед за тем несколько самцов стрелой пустились вниз по ветвям. По крайней мере штук двадцать кинулись к ней на помощь. Произошло общее смятение, общая тревога. Можно было подумать, что это не обезьяны, а люди.

Но смятение между обезьянами продолжалось недолго,— животный инстинкт помог им гораздо скорее, чем это обыкновенно бывает в таких случаях у людей.

Послышался крик начальника, голос которого звучал резче обыкновенного. Тотчас же около десяти обезьян соскользнули с ветки, с которой сорвалась самка, и спустились к воде, сцепившись друг с другом хвостами. Образовалась живая цепь, в которой каждая из обезьян играла роль звена. С быстротой ведра, спускающегося в колодец по блоку, они опустились к воде, подхватили утопавшую и через минуту втащили уже на вершину дерева. Спасенная мать взяла ребенка на руки, и стая отправилась дальше в том же порядке.

Солнце садилось, когда исчезли последние ревуны.

Из этого вывели заключение, что обезьяны отправились к какому-нибудь обычному месту ночлега. Тревани предположил, что они направляются на сухую землю; и если он не ошибался, то дорога, по которой отправились обезьяны, могла привести и их к твердой земле.

В ответ на это мэндруку покачал головой.

— Нет, хозяин,— сказал он.— Может быть, даже обезьяны удаляются от земли, так как им все равно, где ни спать, над землей или над водой, лишь бы были деревья, за которые они могут зацепиться хвостами. Мне часто случалось видеть, как они целыми неделями странствуют так, собираясь вечерами на каком-нибудь дереве, где занимаются болтовней или подшучиванием друг над другом. Иногда в это же время они собирают какие-нибудь плоды, ягоды или орехи.

— А как же они спят? — спросил Ральф.— Есть у них гнезда, или они засыпают сидя на ветвях?

— О! — вскричал мэндруку,— они не так требовательны, как мы, молодой барин. Одни только самки живут в гнездах и то только тогда, когда они больны. Вообще же гварибы проводят ночь на ветке, обвив ее хвостом. Часто они даже засыпают, просто прицепившись хвостом к чему-нибудь, не имея даже ветки вместо матраца, и это положение кажется им вполне удовлетворительным.

— Какие странные животные! — заметил Ральф.

— О, да, молодой хозяин! Если хорошенько присмотреться к ним и изучить все их привычки, то покажется, что они одарены разумом так же, как и люди. Вы видели, как они помогли бедной самке, упавшей в воду? Но гораздо забавнее смотреть, когда они хотят достать какой-нибудь плод, к которому не могут подобраться. Они или свешиваются, как сегодня, когда вытаскивали больную самку, или же, составив такую же цепь, начинают раскрячиваться до тех пор, пока нижней обезьяне не удастся схватить плод или орех, который им хотелось сорвать.

— Да, это мы видели сегодня,— отвечал Тревани,— но мне кажется, что вы хотели рассказать нам о них не одно это.

— Я видел, как они делали мост.

— Вы шутите?

— Ничуть, они проделывали это тем же способом, который я недавно вам описал.

— А для чего?

— Да для того, чтобы проложить себе дорогу чере

никое-нибудь водное пространство или перебраться через быстрый поток.

— Как же они могут это делать? — спросил Ральф.

— Вот как, молодой господин. Они выбирают два больших дерева, одно против другого, на обоих берегах. Потом, взобравшись на дерево на своей стороне, они сцепляются хвостами, как это вы уже видели сегодня, и тем начинают раскачиваться до тех пор, пока нижнему не удастся схватиться за ветку дерева на противоположной стороне. Раз это удалось — мост готов. Тогда остальные из стаи, калеки, старики, самки и дети, проворно проходят по телам своих более сильных товарищей. Когда все перейдут таким образом, обезьяна, помещающаяся в конце цепи, выпускает ветви, и если падает в воду, то это не опасно, потому что тотчас же карабкается на тела тех, которые находятся выше ее. Другая поступает точно так же.

— Это удивительно! — вскричал Том. — Но, Мэндей, видели ли вы когда-нибудь, как они падают с вершины дерева?

— Я видел одну обезьяну, бросившуюся с вершины пальмы, имевшей по крайней мере сто футов высоты.

— Наверное она убилась на смерть?

— Едва она коснулась земли, как в ту же минуту вскочила и снова взобралась на другое дерево такой же высоты, где принялась играть в верхних ветвях...

— Милосердный Боже!

— Ах, — вздохнул Треванно, — если бы мы обладали ловкостью обезьян, то давно бы уже выбрались из гапо. Кто знает, что нас еще ждет! Давайте молиться, прежде чем уснуть, и будем надеяться, что рано или поздно мы увидим конец наших страданий.

Помолившись, все разошлись по своим местам и как могли устроились на ночь.

Скоро благодатный сон смежил их очи.

Глава 10

ПОКИНУТЫЙ ТОВАРИЩ

Было около полуночи. Усталые путешественники мертвым сном спали на своих ложах, как если бы это были не сетки из лиан, а мягкие пуховики. Ночную тишину

нарушал только храп негра да носовой свист ирландии. Вдруг послышался легкий хруст ветвей, на которых покоилась голова рыжеволосого Тома. За этим хрустом раздался крик, а потом всплеск, как будто тяжелое тело упало со значительной высоты в воду.

Крик разбудил всех спавших. Каждый спрашивал, что такое случилось. Но в эту минуту послышался второй крик, и опять всплеск воды,— опять что-то упало в воду.

Переполох увеличивался. Наперебой сыпались вопросы со всех концов бертолетии,— спрашивали, кто это упал в воду. В общей перекличке не слышно было голосов ирландца Тома и негра Мозэ.

Голоса их раздавались внизу. Они кричали, захлебываясь, барахтались, и, наконец, вместо криков стало слышно только одно хрипение.

— Что случилось? Что с вами? Мозэ! Том! — слышалось со всех сторон.

— Ах! Ох! Ах! Я задыхаюсь...

— По... можете — простонал негр слабым голосом, — спасите!.. тону!.. ох!.. ох!.. спас...! ох!..

Дело становилось серьезным: все знали, что Том совсем не умел плавать, и потому, если только он попал в воду, то легко может утонуть. Ричард и мэндруку тотчас же бросились в воду.

Оставшиеся на дереве слышали некоторое время отрывистые звуки, клокотанье, крики ужаса и ободрения. Ничего не было видно — ночь была очень темна. Но если бы даже луна и ярко светила, то под бертолетней было бы все так же темно: слабые лучи ночного светила не в силах были бы проникнуть сквозь густую листву паразитных растений, которые как паутина окутывали бертолетию от самой воды.

Таким образом сидевшие на ветвях Треванио и его дети могли только слушать, что делается внизу.

Индейцу и Ричарду выпала нелегкая задача спасти тонувших. Прежде всего, конечно, они бросились на помощь Тому и с обеих сторон подхватили его под руки. Но пока ощупью разыскивали они в потемках Тома, в это время другой несчастный, именно Мозэ, за которого они рассчитывали приняться впоследствии, оказался не в лучшем состоянии, чем его товарищ. Он хотя и умел плавать и мог бы при других условиях довольно долго

придержаться на воде, но неожиданное падение в гапо в полусонном состоянии парализовало его силы, и бедняга растерялся до такой степени, что беспомощно барахтался в воде, вместо того, чтобы плыть к тому месту, откуда раздавались голоса Ричарда и мэндруку.

При испуге люди иногда совсем теряют разум; поэтому нет ничего удивительного, что малоразвитый негр оказался не в лучшем положении, чем это случается нередко и с людьми интеллигентными.

Вытащив своих товарищей из воды, ни Ричард ни мэндруку не знали, что с ними делать. Первой их мыслью было, конечно, притащить к стволу того дерева, с которого они полетели в воду, что наконец им удалось. Но, сколько ни искали они руками кругом себя, они не могли найти ни одной ветки, чтобы ухватиться за нее и затем опуститься по ней на дерево. Днем они взобрались на него, придерживаясь за лианы, но теперь в потемках они не могли их найти.

В эту отчаянную минуту молодому Ричарду пришла в голову мысль воспользоваться поясами.

— Бросьте нам плавательные пояса — крикнул он.

Дядя и кузен тотчас же исполнили его просьбу; к счастью, пояса были у них под руками. Ричард и индеец, не долго думая, воспользовались помощью, явившейся так кстати, и скоро двое полузахлебнувшихся мужчин были избавлены от опасности пойти ко дну.

Через несколько минут после этого были найдены и лопаты, по которым все четверо могли подняться вверх.

Взобравшись снова на дерево, Том и Мозэ объяснили наконец, что с ними произошло.

Том не принял обычных мер предосторожности и вследствие этого сонный свалился в воду. Крик Тома разбудил Мозэ, который испугался до такой степени, что хотел вскочить на ноги, но потерял равновесие и тоже свалился в гапо.

Мэндруку был очень недоволен ночным приключением, которое не только разбудило всех, но кроме того заставило его и Ричарда выкупаться среди ночи.

Для того, чтобы подобное событие не повторилось, индеец привязал Тома и Мозэ крепкими сипосами, которые на верное сумеют удержать их от вторичного путешествия головой вниз.

Весь следующий день прошел в разведках. Хотя они продвинулись далее четырехсот метров от их ночного

убежища, но тем не менее это стоило им больших трудов, все равно как если бы пришлось пешком пройти более двадцати миль по твердой земле.

Нужно было продираться сквозь густую чащу, о которой не бывавший в тропических лесах не может иметь никакого представления. Это было непроницаемое сценивание древесных ветвей и всевозможных видов паразитных растений, начиная с ползучей пальмы «jácitaga» и кончая тростниковым шиповником «bromelias», острые иглы которого рвали одежду и впивались в тело, причиняя невыносимые страдания.

Приближался уже солнечный закат, когда Ричард и мэндруку,— в действительности они одни ходили в этот день далеко на разведку,— вернулись с невеселыми известиями. Они нашли лес затопленным по всем направлениям, без единой пяди твердой земли. Индеец, кроме того, по некоторым хорошо известным ему приметам узнал, что до твердой земли еще очень и очень далеко. Быстрое течение, которое он много раз замечал днем, доказывало, что по соседству не было твердой земли. Решили обратиться на совет.

Игарапе оканчивался в том месте, где они находились, далее, несмотря на все поиски, его нигде не было видно. Они нашли только обширное водное пространство без деревьев, самым ближайшим краем которого была граница их дневной экскурсии, то есть на четыреста метров до конца игарапе. Это открытое водное пространство было окаймлено вершинами деревьев. Мэндей предложили отправиться в этом направлении.

— Зачем? — спросил Треванио.— Мы ведь не можем переплыть через него, а построить плот не из чего. Нельзя же из ветвей бертолетии сделать плот, даже если бы у нас был топор, чтобы нарубить их и связать вместе. Зачем же мы отправимся туда, скажите пожалуйста?

— Хозяин,— возразил индеец,— наше единственное спасение в этой открытой воде.

— Но ведь мы и так уже довольно видели ее, а за нами разве не вода?

— Это правда, хозяин, но та, которая за нами, не туда течет. Вы все забываете, хозяин, что теперь — еченте. Туда идти нам и думать нечего; это значило бы возвращаться к руслу реки, где без лодки мы все обязательно погибнем. Открытое гапо, которое мы сегодня видели, находится в стороне земли, хотя она, быть может, и очень

далеко отсюда. Если мы поплывем по нему, мы все-таки будем приближаться к твердой земле, а это по-моему для нас самое важное.

— Плыть? Но на чем?

— Вплавь.

— Но ведь вы только-что сказали, что гапо тянется до края горизонта; ведь это, должно-быть миль на десять или даже больше.

— Разумеется, хозяин, я тоже так думаю.

— Так, значит, по-вашему, мы можем проплыть десять миль?

— У нас есть плавательные пояса, которые будут поддерживать нас на воде. Если они испортятся или их окажется мало, мы легко сделаем себе другие.

— Я все-таки не понимаю, для чего нам переплывать это водное пространство? Вы сами же говорите, что по эту сторону нет твердой земли.

— Есть, но только не очень близко, как я думаю. Если мы хотим хоть когда-нибудь выбраться из гапо, мы должны пробираться именно в эту сторону. Если мы остановимся, то или умрем с голоду, или нас съест голодный ястреб. Мы целыми месяцами может бродить по лесу и все-таки не найдем выхода. Послушайте меня, хозяин, решитесь отправиться в дорогу, как только завтра взойдет солнце.

Обстоятельства сложились так, что роль руководителя невольно перешла от Треванио к мэндруку, хотя индеец ни капельки не изменил своего вежливо-почтительного отношения к тому, кого он называл хозяином. Доклады индейца оказались настолько убедительными, что золотопромышленник согласился последовать его совету, и утром на следующий день путешественники покинули бразильский орешник и отправились к тому месту, где накануне разведчиками было найдено открытое гапо.

Здесь невольно возникает вопрос, каким же способом совершали они свое путешествие? Плыть было немислимо, хотя они и могли бы воспользоваться для этого плавательными поясами: деревья и лианы переплетались так густо, что нечего было бы и думать пробраться сквозь них, а потом под этим зеленым сводом царил такая темнота, что путешественники рисковали сбиться с дороги на первых же шагах.

Они последовали примеру обезьян и отправились в путь по верхушкам деревьев, но только они подвигались

вперед гораздо медленнее, преодолевая на каждом шагу такие препятствия, которые по силам только таким искусным гимнастам, как четырехрукие. Наконец, после бесконечных прыжков с одной ветви на другую, добрались они до противоположной стороны лесной опушки и увидели перед собой обширное водное пространство открытого гапо.

Все с удовольствием смотрели на блестящую поверхность гапо, тянувшегося, по-видимому, далеко за пределы горизонта. Это было приятным контрастом для глаз после долгого пребывания в полумраке затопленного леса.

— Теперь Мэндей,— сказал Треванио, обращаясь к индейцу,— весь вопрос заключается в том, чтобы решить, каким способом мы переплывем это громадное озеро.

— Но ведь я уже говорил вам: так же, как и нгаранг

— Это немисливо! По-моему, это озеро тянется не меньше как на десять миль. Верхушки таких деревьев едва приметны.

— Мы сделали почти столько же, расставшись с лодкой.

— Да, но там у нас была возможность отдыхать. Если мы даже и рискнем переплыть это большое озеро, то должны будем употребить на это по крайней мере целый день, а то и больше.

— Наверное, не знаю еще, хозяин; но если мы не возьмемся отсюда каким бы то ни было способом, а станем блуждать по лесу, пока не доберемся до твердой земли, то это может протянуться пять или шесть месяцев. Все это время мы должны будем, как обезьяны, прыгать с ветки на ветку, питаясь только одними орехами да изредка какими-нибудь плодами. Все мы страшно ослабеваем, и кончится тем, что поодиночке свалимся в воду и потонем или попадем в зубы якаре.

Слова индейца убедили всех, и Треванио не стал больше противиться приведению в исполнение проекта мэндруку.

Весь этот день было решено употребить на отдых и на приготовление к далекому и утомительному путешествию. Отправиться в путь предполагали на другой день утром. По совету мэндруку прежде всего выбрали место для предстоящего ночлега на большом развесистом дереве, покрытом тысячами лиан и сипосов, на которых

каждый не замедлил сейчас же найти себе подходящее юже.

Если они были обеспечены ночлегом, то съестных припасов у них не было никаких, за исключением орехов, сорванных индейцем дорогой.

После этого скудного ужина мэндруку с помощью Ричарда занялся изготовлением еще двух плавательных поясов, так как для предстоящего на другой день длинного путешествия по воде им, так же как и всем остальным, необходимо было на всякий случай запастись помощью плавательных поясов, которых они до сих пор не употребляли.

В это время Треванио, главным образом для того, чтобы разогнать грустные мысли присутствующих и дать им другое направление, начал с индейцем разговор о предстоящем путешествии.

— Не правда ли, это точно озеро? — проговорил он, указывая на обширное водное пространство.

— Это и есть настоящее маленькое озеро, — отвечал мэндруку, — только воды в нем теперь больше вследствие наводнения.

— А почему вы так думаете?

— По многим признакам, хозяин. Во-первых, в этой части страны почти совсем нет лугов, и потом, если бы эта вода не была озером, из нее торчали бы деревья; а вот там еще и другой признак — видите вы пиозока?

С этими словами мэндруку указал на видневшиеся в некотором отдалении два темных предмета, которых до сих пор еще никто кроме него не заметил. Все стали смотреть в ту сторону, куда указывал индеец, и увидели двух больших голенастых птиц, очень похожих по внешности на журавлей. Птицы были темного цвета, с красноватым оттенком; крылья их такого же цвета, но с зеленым отливом, особенно хорошо блестящим в эту минуту при последних лучах заходящего солнца. Дальнейшее наблюдение дало возможность заметить особенности их сложения и, между прочим, кожистые придатки у основания клюва, толстые колючие отростки, наподобие шпор на плечах около крыльев, тонкие и длинные ноги и громадные лапы, которые, точно четыре звезды, горизонтально были распростерты на поверхности воды.

Но больше всего поразило удивленных зрителей то, что птицы эти, вместо того, чтобы сидеть в воде, держались на ней точно на льду, вытянувшись во весь рост на

своих длинных ногах, широко расставив лапы и растопырив свои громадные пальцы. Мало того, странные птицы не стояли на одном месте неподвижно, а бегали взад и вперед по воде, точно по твердой земле.

— Разве эти птицы могут ходить по воде? — засыпали все вопросами индейца, требуя от него разъяснения.

— Конечно, нет; но у них под ногами не вода, а водное растение, — большая лилия, листья которой со слегка приподнятыми краями, лежат на воде точно большими сковородами. В ботанике эта лилия известна под именем *Victoria regia*. Это *fimo piososa*, — сказал Мэндей, продолжая свое объяснение, — прозванный так потому, что его можно сравнить с печкой, на которой мы печем свою «кассаву»*, а также и потому, что, как видите, это любимое место сидения *piososa*.

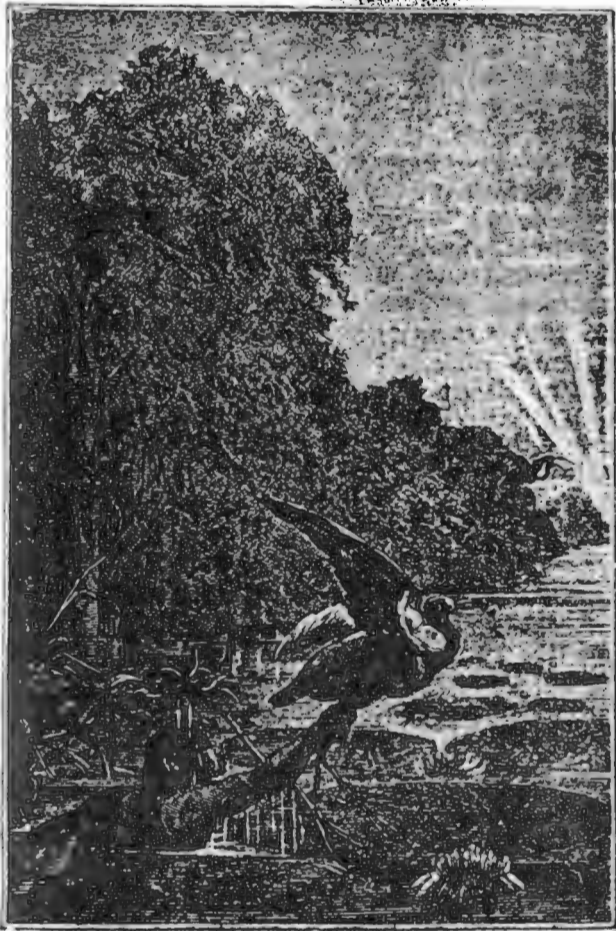
Под словом *piososa* индеец разумел странную якану из семейства *retamedeidae*, виды которых есть в Африке и в Америке.

Пока все любовались интересными птицами, индеец незаметно соскользнул в воду и поплыл под защитой опускавшихся древесных ветвей. Когда он доплыл до места, где забавлялись пиозоки, все увидели, как индеец схватил своими нервными руками тонкие ноги птицы, приостановившейся было на одну минуту. Испуганная самка с громким криком поднялась кверху, тогда как самец остался пленником в руках индейца.

Вскоре красное пламя засветилось в нижних ветвях дерева, и мэндруку громким голосом пригласил всех отведать лакомого блюда, которое должно было служить дополнением к тощему ужину, съеденному незадолго перед этим. Все весело откликнулись на этот призыв, и жареная якана показалась особенно вкусной проголодавшимся путешественникам.

На другой день, как только взошло солнце, они были уже на воде. Перед этим Мэндей самым тщательнейшим образом осмотрел все плавательные пояса, так как малейшая трещинка, пропуская воду, могла бы повести к самым серьезным последствиям. Мэндей покрыл скорлупки сапукайи новым слоем каучука, осматривая при этом сипосы, которыми были связаны пустые внутри обезьяньи горшки. В общем, все смотрели не особенно весело, отправляясь в это путешествие. Было очевидно,

* Маникоковый хлеб.

что даже сам мэндруку вовсе не был уверен в результатах предложенной им попытки.

Между прочим, решено было не брать с собою коанту, которая могла бы только стеснять их во время утомительного плавания по озеру.

Обезьяна эта больше всего была привязана к Тому, который, в свою очередь, успел привязаться к ней до такой степени, что только после долгих размышлений согласился расстаться с ней. И в самом деле, тащить на себе коанту было делом далеко не легким, а кроме того, в случае какого-нибудь несчастья, она могла даже утопить Тома, задушив его своим длинным хвостом. Убедившись в необходимости разлуки, Том постарался незаметно скрыться от обезьяны, — он чуть ли не первым спустился в воду и быстро поплыл прочь от дерева. Все были уже довольно далеко от опушки леса, когда, наконец, коанта заметила их исчезновение. Жалобными громкими криками призывала она к себе тех, кто так коварно покинула ее в затопленном лесу.

Попугая тоже никто не брал с собой, но арас имел крылья, и поэтому, не успели еще его хояева отплыть и на десять ярдов от дерева, как он, взмахнув крыльями, пустился за ними вдогонку и затем торжественно уселся на кудрявой голове негра.

Мозэ, хотя и не особенно был польщен оказанным ему предпочтением перед другими, тем не менее принужден был этому подчиниться.

Когда пловцы увидели, что с помощью поясов могут подвигаться вперед довольно быстро и что уже добрая миля отделяет их от места ночлега, у них явилась надежда на успех предприятия. Если они будут и дальше двигаться с той же быстротой, то могут рассчитывать добраться до противоположного берега озера еще до захода солнца.

Но недолго продолжалось это веселое настроение Мэндруку что-то нахмурился, а за ним нахмурились лица и у остальных путешественников. Индеец часто поднимал голову над водой и тревожно оглядывался назад. Треванно, начинавший тоже беспокоиться, остановился и, по примеру индейца, оглядывался назад, не понимая, чем так озабочен мэндруку, что такое заметил он там позади. Но он ничего не видел, кроме верхушек деревьев, которые с каждой минутой, казалось, все уменьшались.

Наконец, чтобы разрешить свои сомнения, Треванно

решился спросить индейца, что именно так его озабочило.

— Что это вы все оглядываетесь назад? Разве нам грозит какая-нибудь опасность? Я, по крайней мере, сам ничего не вижу, кроме верхушек деревьев, да и то едва-едва.

— Вот это-то меня и беспокоит. Скоро деревья совсем не будут видны, и тогда... сознаюсь, хозяин, я буду в большом затруднении... Я как-то не подумал об этом, прежде чем нам пуститься в путь.

— Ах, я понимаю, что вы хотите сказать! Вы до сих пор руководились деревьями, а когда мы потеряем их из виду, то вы боитесь сбиться с дороги.

— Да, и тогда один только Великий Дух может нам помочь.

В голосе мэндруку слышалось отчаяние. Он не предвидел возможности потерять дорогу.

Вдруг индеец быстро поплыл вперед, большими махами рук рассекая воду, точно желая убедиться, может ли он плыть по прямой линии, не руководствуясь каким бы то ни было предметом. Проплыв двести или триста метров, мэндруку поднялся над водой и, повернув голову, стал смотреть назад. Прямо перед собой увидел он верхушку дерева, на котором они отдыхали. Это доказало ему, что попытка его увенчалась успехом, и дало ему надежду, что им, может быть, удастся переплыть озеро и добраться до противоположного берега.

Индеец сейчас же объявил об этом своим встревоженным спутникам и посоветовал им смело плыть за ним.

Дорогой мэндруку несколько раз останавливался через известные промежутки и каждый раз поднимался над водой, чтобы проверить себя.

Когда последняя остановка оказалась бесполезной, так как деревьев уже не было видно, то мэндруку, прежде чем плыть дальше, счел нужным дать своим товарищам необходимые советы: они должны стараться все время сохранять между собою известное расстояние, плыть не спеша, чтобы не утомляться и не делать остановки для отдыха, и затем все время сохранять молчание, чтобы не рассеиваться.

Все решили в точности исполнять эти предосторожности. Молча плыли они, и только одно журчанье воды, происходившее от трения пустых скорлупок сапукайи, да

крики орла-ларакара, носившегося над ними, нарушили безмолвие.

Молчание продолжалось некоторое время, пока не попало на дороге тело мертвой гварибы. Сначала никто не обратил внимания на труп обезьяны, исключая уистити, которую Ричард Треванио тащил на своих плечах. Маленькое, четверорукое, узнав труп одного из своих крупных родичей, принялось лопотать, испуская жалобные крики и дрожа всем своим маленьким телом, точно от страха, что и с ней может случиться то же самое.

Крикам уистити никто не придавал особенного значения, и обезьяна, видя, что на нее не обращают ни малейшего внимания, прекратила свои жалобные вопли. Тишина водворилась полная.

Прошло еще полчаса. Вдруг уистити, став на задние лапки, которым служили поддержкой плечи Ричарда, и закинув голову над водой, снова начала издавать такие же, как и раньше, жалобные крики.

Что могло это означать?

Пловцы повернули глаза в ту сторону, где должен был находиться предмет, беспокоивший обезьяну, и увидели в десяти шагах от себя остов другой гварибы. Он плыл к ним так же, как и тот, который они только что встретили. Все решили, что где-нибудь на берегу озера утонуло несколько штук обезьян.

Но индеец, по-видимому, не разделял этого мнения, и по его команде все вдруг остановились.

Когда им еще в первый раз встретился труп гварибы, мэндруку внимательно осмотрел его и теперь убедился, что вторая обезьяна была той же самой, которую они уже раз видели.

Из этого обстоятельства можно было вывести только одно заключение: труп обезьяны мог двигаться только по течению или же по ветру. Но в таком случае он не должен был бы им встретиться в другой раз. Значит, сами пловцы плыли по кривой линии, забирая и забирала все в одну сторону, — плыли по кругу и теперь снова находились на том же месте, где они уже были один раз.

— Ра terra! Вот незадача, хозяин! — вскричал мэндруку. — Мы заблудились и вернулись опять к тому же месту, где были полчаса тому назад: значит, Великий Дух так хочет. Но мы же не можем тут оставаться, — нужно постараться пристать к деревьям.

— Мне кажется, это будет не трудно,— возразил Треванио.

Мэндруку с сомнением покачал головой.

Треванио понял, что до сих пор они все время плыли по кругу. Если это будет повторяться и дальше, то весьма возможно, что им не скоро удастся добраться до леса.

Индеец каждую минуту приподнимался над водой как испанская охотничья собака в поисках подстреленной дикой утки. По разочарованию, выразавшемуся на его лице, товарищи его не ожидали ничего хорошего. Они увидели только как он взвалил себе на плечи мертвую гарибу, что доказывало, что мэндруку, не ожидая скорого окончания путешествия, запасался провизией. Затем индеец предложил товарищам следовать за ним. Все беспрекословно повиновались, хотя вождь и ошибся в своих расчетах; но что делать?

По крайней мере они не опасались пойти ко дну. Плавательные пояса отлично держали их на воде. Нечего было им бояться погибнуть от жажды,— воды к их услугам было сколько угодно. Что же касается утоления голода, то они его еще не чувствовали, так как утром плотно позавтракали остатками яканы и бразильскими орехами. Потом, в крайнем случае, могла бы пригодиться и обезьяна, захваченная индейцем... А затем?

Что будет потом — они не знали, но были уверены, что Промысел Божий не даст им погибнуть в этой водяной пустыне.

Глава 11

НОЖ ВМЕСТО КОМПАСА

Теперь речь шла уже не о том, чтобы переплыть озеро, но чтобы только выбраться из него.

Добраться до леса, хотя бы вернувшись назад,— вот все, чего желали наши путешественники; но оказывалось, что и это очень не легко сделать.

Тщетные попытки индейца определить направление, которого надо держаться, и его озабоченный при этом вид заставляли их бояться, что они уже никогда больше не увидят даже и затопленного леса. Они будут продолжать плавать все кругом, точно в водовороте, до тех пор, пока бессилие и усталость принудят их наконец, остаю-

виться. Тогда настанет смерть от истощения сил и от голода, или же обессиленные, неспособные защищаться, они сделаются жертвами или кровожадных животных, истребляющих гапо, или хищных птиц. Им начинало даже казаться, что орел, который все продолжал кружиться над озером, видит в них свою добычу и громкими криками своими заранее торжествует над ними победу.

По их предположению было около полудня. С самого утра небо покрылось слоем туч серо-свинцового цвета, закрывавших солнце. Это-то именно и ставило их в затруднительное положение, так как золотистое светило могло бы указать им верную дорогу. Вдруг небо прояснилось, в ту же минуту повеселело и лицо индейца.

— Если солнце не спрячется опять, все кончится благополучно, хозяин, — ответил индеец на вопросы Тревиннио. — Теперь оно нам ни к чему не нужно, но через час будет тень, тогда мы поплывем так же прямо, как *гави тапа*. Не бойтесь, хозяин, мы выберемся отсюда еще до ночи.

Эти утешительные слова обрадовали всех и вселили в них надежду на благополучный исход.

— Но я думаю, — продолжал мэндруку, — что мы могли бы остановиться на минуту до тех пор, пока не узнаем, в какую сторону идет солнце. Если мы будем все продолжать плыть, то может случиться, что мы будем проливаться не в ту сторону, куда следует.

Все слишком устали и потому были очень рады поведовать такому благоразумному совету.

Мэндруку, впрочем, сделал попытку, приподнявшись над водой, поискать вершины деревьев, но убедившись, что это ни к чему не ведет, последовал примеру остальных и неподвижно растянулся на воде.

Прошло около часа. Пловцы, лежавшие с таким же комфортом на своем жидком ложе, как если бы они отдыхали на свежем газоне прерии, наблюдали за небом. Что если оно снова оденется тучами? Положение их тогда делается еще хуже, так как они потеряют драгоценное время. Мэндей смотрел на солнце с совсем иными мыслями: он наблюдал склон солнечного диска.

Вдруг индеец обратился к ним с просьбой лежать как можно спокойнее, не шевелясь, чтобы не было ряби на воде. Потом он вынул из кармана нож и стал держать его таким образом, чтобы лезвие вертикально находилось

« поверхности воды. Все затаив дыхание, внимательно следили глазами за тем, что делает мэндруку.

Спустя немного времени мэндруку удалось, наконец, заметить тень. Лезвие, которое он теперь уже смело поворачивал во все стороны, бросало на воду косое отражение, сначала легкое, но постепенно удлиняющееся, мере того, как продолжался опыт. Убедившись наконец, что теперь он сможет отличить восток от запада, индеец положил нож в ножны и, крикнув своим товарищам следовать за ним, поплыл по направлению, указанному лезвием, то есть на восток.

Время от времени мэндруку проверял себя, не удаляется ли он от настоящего направления, повторяя опыт с ножом. Но, спустя немного времени, незачем уже было и справляться с солнечным компасом, так как удалось найти более верного проводника,— на линии горизонта показалась зеленая опушка затопленного леса.

Солнце уже готово было закатиться, когда они подплыли к наклонным над водой ветвям, выискивая местечко для ночлега. Если бы не необходимость добраться до какого-нибудь пристанища, они очень огорчились бы, заметив, что находятся как раз там же, где ютились и прошлую ночь.

Мертвая гвармба, которую Мэндей притащил на плечах за собой, заменила им ужин. В ту минуту, когда они выбрались на дерево, случилось происшествие, стоящее того, чтобы о нем упомянуть. Прибытие их приветствовалось громкими радостными криками обезьяны — коаиты, выражавшей чрезвычайное довольство. И действительно, это был бедный товарищ, покинутый ими в этот день утром.

В отчаянии от постигшей их неудачи путешественники пробыли на дереве весь следующий день до самого полудня, утомленные душевно и физически, близкие к разочарованию и отчаянию.

Между тем, по мере того, как проходила усталость, улучшалось их нравственное состояние, и, прежде чем солнце достигло своего зенита, они снова начали толковать уже о том, какие следует принять меры, чтобы переплыть через озеро. Не повторить ли еще раз то же самое, что не удалось накануне? А может быть, на этот раз, им и удастся переплыть озеро? Будут ли они иметь больше шансов на успех, чем накануне? Отнюдь нет. Им лишь угрожала опасность вторично заблудиться, толь-

ко в другой раз им, может, и не удастся так счастливио выпутаться из беды.

Мэндруку на этот раз не подавал совета. Его молчание и мрачные взгляды доказывали, что он был огорчен и унижен тем, что потерпел накануне неудачу.

Между тем никто и не думал упрекать его за эту неудачу. Но надо признаться, что товарищи индейца уже не питали больше такого слепого доверия к его словам, хотя и продолжали признавать за ним превосходство. Даже Мозэ, почти всю жизнь проведший в странствовании по морям, и тот говорил, что боится этого заколдованного гапо.

Тогда Треванио взял на себя руководство и предложил следующий план. Все они, — основательно или неосновательно — это другое дело, — убеждены, что твердая земля находится по ту сторону озера. Значит нужно переправиться на ту сторону, но как? Попытаться обогнуть озеро, перебираясь по деревьям вдоль опушки, нечего и думать, даже если деревья и тянутся непрерывно друг за другом и переплетены между собой ползучими растениями. Одни только обезьяны могли бы совершить такое путешествие, да и то на это потребовались бы дни и недели, а может быть, и месяцы. Наконец, чем бы они стали питаться во все это время?

Но если они не могли путешествовать по верхушкам деревьев, что мешало им плыть вдоль опушки затопленного леса, под тенью его ветвей, которыми они могут пользоваться и для отдыха и для ночлега?

Эта мысль была всеми найдена превосходной. Сам индеец признал ее заслуживающей внимания и легко исполнимой. Для этого не требовалось никаких особенных приготовлений: следовало только запастись плавающими поясами, спуститься в воду, и плыть вдоль опушки.

Все с восторгом приняли предложение и немедленно же пустились в путь.

Они двигались вперед довольно быстро, делая приблизительно по одной миле в час. Если бы они могли все время идти вперед без перерыва, то это дало бы десять или двенадцать миль к концу дня, и в два или три дня они могли бы обогнуть озеро. Но с ними были Ральф и Розита, ради которых приходилось довольно часто останавливаться на отдых, держась за ветви, висевшие над ними по дороге.

Успешному движению вперед часто препятствовало также растение *pisosa* или водяная лилия. Виктория-Регия, круглые листья которой, лежавшие вдоль всей поверхности воды, почти соприкасались друг с другом, в то время как густые корни образовали внизу узлы, затруднявшие плавание. Целые акры были сплошь покрыты водяными лилиями Виктория-Регия, которая только и может встречаться в озерах приамазонской долины. Несколько раз пришлось даже делать ради этого большие обходы, что чрезвычайно удлиняло расстояние, заставляя описывать круги в несколько ярдов, а потому они не успели сделать и трех миль, когда пришлось уже подумать об остановке на ночь.

Кроме того, все они чувствовали голод, который сильно начинал давать себя знать.

— Я голоден, хозяин,— объявил мэндруку,— надо ужинать.

— Ужинать! — повторил Треванио,— но что мы будем есть? Я вижу деревья и на них массу листьев, но плодов на них нет. Что же мы будем есть?

— У нас есть молоко, хозяин, если только вы не будете ничего иметь против того, чтобы мы провели ночь на одном из деревьев, которое недалеко отсюда.

— Молоко! — вскричал Том.— О, господин Мэндей, не искушайте человека надеждой на лакомство, которого здесь достать невозможно! Не забывайте, что мы находимся по крайней мере в ста милях, если не больше, от ближайшего коровьего хвоста!

— Вы ошибаетесь, господин Том! В гапо есть коровы, так же, как и на земле. Вы же сами их видели, когда мы спускались по реке.

— Вы говорите про морскую корову?

Ирландец разумел «*vassa marina*» или «*maratse*», называемую португальцами «*reife boi*», некоторые виды которых живут в водах Амазонки.

— Но только,— продолжал ирландец,— хитрое животное нельзя будет подоить, если мы даже и изловим его. Да едва ли мы станем терять на это время, когда, содрав кожу, мы могли бы иметь нечто гораздо питательнее в образе куска мяса.

— Вон там,— сказал мэндруку, указывая на верхушку деревьев,— та корова, которая доставит нам молоко и хлеб на ужин. Разве вы не видите *massaranduba*?

Все глаза повернулись по направлению, указанному индейцем.

Сначала они не видели ничего особенного. Видна были только бесконечная зелень листьев, поднимавшихся над водой и разбегавшихся во все стороны, насколько хватало глаз. Там и сям под группой деревьев возвышались какая-нибудь верхушка — то было, без сомнения, дерево какой-нибудь особенной породы:

Следуя указаниям своего вожака, путешественникам удалось, наконец, приподняв немного голову, различить дерево совсем особого вида, до такой степени возвышавшееся над другими, что оно казалось гигантом посреди ингмеев.

Это и было *massaranduba* Амазонки, одно из самых замечательных деревьев, которые только существуют в этом лесу.

Слова мэндруку оставались загадкой не только для Тома, но и для остальных. Где же возьмет он хлеб и молоко?

Один только Треванио да молодой Ричард понимали значение слов индейца. Последний с величайшей радостью взглянул на многолиственную вершину, господствовавшую над остальными и обещавшую доставить им отличный ужин.

Massaranduba — это знаменитый *palo de vaca* или «дерево-корова» Южной Америки, иначе называемое *arbol del leche* или «молочное дерево».

Оно было описано Гумбольдтом под именем *galactodendron*, хотя позднее ботаники перекрестили его в *bronium*.

Massaranduba принадлежит к естественному порядку *atrocarpodoe*, к тому же самому, — что должно показаться странным совпадением, — к которому относится и знаменитое хлебное дерево. Таким образом дерево, дающее хлеб, и другое, дающее молоко, тесно связаны ботаническим сродством. Но что еще страннее знаменитый яванский упас также принадлежит к тому же семейству *atrocarpodoe*! Но как в одной и той же семье есть добрые и злые дети, так и к семейству *atrocarpodoe* принадлежат как деревья, дающие здоровую пищу и питье, так и деревья, сок которых в несколько секунд убивает всякое живое существо.

Не одно только *massaranduba* принадлежит к породе

деревьев, известных под названием palo de vasa или дерево-корова.

Некоторые другие деревья также дают молочный сок, более или менее безвредный. Некоторые дают молоко, приятное на вкус и очень питательное, таково, например, *hуа-hуа* (*tabernaemontana utilis*); последнее принадлежит к семейству *apocynae*. Затем и из семейства *sapotiaceae* одно дерево тоже значится среди деревьев — *корова*

Massaranduba — одно из самых больших деревьев амазонского леса, достигающее более двухсот футов высоты, вершина его походит на громадный купол. Части от пня отрубались бревна длиной в сто футов, без единого перелома, для распиливания их на доски.

Как и многие деревья в амазонских лесах, оно чаще всего растет в одиночку — т. е. на пространстве мили попадает не больше двух или трех деревьев, но иногда их набирается и до шести. Его легко узнать по шероховатой-красноватой и сильно сморщенной коре, из которой индейцы извлекают темно-красную краску. Плод его, приблизительно величиной с яблоко, заключает в себе сочную сердцевину, чрезвычайно приятную на вкус, очень ценимую теми, кому удастся ее попробовать. Именно это и обещал мэндруку своим голодным товарищам вместо хлеба.

Но плод *massaranduba* далеко не имеет такого значения, как его молочный сок, который добывают, сделав надрез на коре. Белый сок обильно течет из разреза, его собирают в тыкву или в посудину. Судя по цвету и густоте, молочный сок можно принять за хорошие сливки, и если бы не слегка благовонный запах, можно было бы подумать, что они прямо принесены из молочной.

После короткого пребывания на воздухе сок сгущается и съедается как сыр. Но если к нему примешать не много воды, он долгое время остается в жидком виде. Туземцы употребляют его вместо молока, макая в него *farinha* или маисовый хлеб. Они употребляют его также с чаем, шоколадом и кофе. Многие лица предпочитают сок *масарандуба* настоящим сливкам, так как он обладает ароматическим запахом. Сок *massaranduba* в большом спросе на всей территории тропической части Южной Америки.

Как бы много ни употребляли его, сок никогда не причиняет вреда здоровью, а потому на растительную коро-

ну можно смотреть как на самый необыкновенный и самый полезный продукт щедрой природы.

К такой-то породе дерева направлялись наши пловцы. Им пришлось проплыть довольно большое расстояние, пока они наконец добрались до его широких ветвей. Оно росло не на опушке затопленного леса, но приблизительно в двухстах ярдах, в глубине его.

Как и можно было ожидать, ствол и ветви были сплошь покрыты паразитами, из которых многие принадлежали к породе лиан. Они облегчили подъем вверх, и скоро наши путешественники с комфортом расположились на ветвях. Густые листья продолговатой формы и изогнутые вверх, из которых многие были почти футовой длины, предохраняли их от солнечных лучей.

Мэндруку не ошибся, сказав, что достанет им хлеба, — дерево все было покрыто плодами. Нарвать их было делом одной минуты, и скоро у каждого в руках было по несколько штук вкусных и питательных яблок.

Но сам мэндруку мало интересовался яблоками, — ему хотелось поскорей угостить своих друзей благовоинным молоком «дерева-коровы». Выбрав подходящие ветви, он сделал ножом до двенадцать надрезов в коре и подставил под каждую ранку по ореховой скорлупе, отмытой от плавательных поясов.

Недолго пришлось дожидаться результата его операций. Через двадцать минут каждый уже держал в руке по скорлупе, полной сливок.

Довольные таким прекрасным ужином, путешественники не стали заботиться о том, даст ли им лесная корова позавтракать чего-нибудь на следующий день. Но индеец объявил им, что такая же порция будет к услугам их и на завтрашнее утро.

Счастлирое открытие *massaranduba* благоприятно повлияло на настроение путешественников. Они не сомневались, что Провидение столь неожиданно явившееся им на помощь, невидимо хранит их и поможет избежать всевозможных опасностей, которые им грозили на каждом шагу.

Хорошее расположение духа повлияло и на беседу. Естественно, все рассыпались в похвалах дереву, которое отличалось такими чудными свойствами.

Ричард, между прочим, сказал, что в Паре плоды и молоко *массарандуба* продаются негритянками на рынках. Молочный сок употребляется также вместо клея для

склеивания разбитых гитар, скрипок и битой посуды, самое главное тут, что клей этот не боится ни жары ни сырости.

Мэндруку рассказал еще другой любопытный пример: сок продолжает течь много времени спустя после того, как дерево срублено, и даже отрубки, лежавшие на лесопильнях целыми месяцами, снабжают рабочих сливками к кофе.

Другими словами, массарандуба, не в пример обыкновенным коровам, дает молоко даже много времени спустя после того, как уже перестает жить.

Садившееся солнце напомнило, что время подумать об отдыхе. Они уже собирались растянуться на лианах, когда одно обстоятельство, не имевшее, впрочем, в себе ничего печального, отвлекло их на некоторое время и даже обрадовало вместе с ними попугая и маленькую уистити, которые тоже прикорнули было каждый на своем месте.

Во время путешествия вдоль опушки коайта была покинута даже самим Томом, ее любимцем.

Никто и не подумал о ней, отправляясь в дорогу.

Все знали, что она и сама могла о себе позаботиться, и к тому же она не подвергалась ни малейшей опасности в затопленном лесу, но тем не менее все были очень довольны, когда услышали ее крики неподалеку от массарандуба. Скоро все увидели, как коайта кинулась на плечи к Тому. Присутствие ее объяснилось очень просто. Пока путешественники совершали свое путешествие по воде, она следовала за ними, не теряя их из виду, по верхушкам соседних деревьев. Ей устроили такую встречу при новом свидании, которая вполне вознаградила ее за разлуку.

Глава 12

ОСТРОВК ИЛИ ДЕРЕВО?

Прежде чем заснуть, каждый из них вознес благодарение тому, чей Промысел невидимо хранил их до сих пор.

На другой день с рассветом все были уже на ногах и, поспешно облачившись в плавательные пояса, тронулись в путь.

Как и накануне, быстрому движению мешали широко раскинувшиеся листья «Виктория-Регия». К полудню, несмотря на все усилия, они могли продвинуться только на три мили вперед. Расстояние, конечно, определялось глазомером, так как колоссальная вершина массарандуна все еще была отлично видна. Но молочное дерево еще долго служило им маяком, — оно было видно даже и вечером, когда путешественники выбирали новое место для ночлега, проплыв за день верные десять миль.

А найти удобное место для ночлега на этот раз было довольно трудно. Кругом, сколько ни искали они глазами, не было подходящего дерева, то есть поместиться там они могли, пожалуй, на любом дереве, но взобраться на него было мудрено, так как не было ползучих растений, которые должны были бы заменить лестницы.

Если не найдут того, что им нужно, придется провести ночь в воде.

Положение становилось серьезным. Индеец по собственному опыту знал, как опасно хотя бы и под тропиками проводить ночь в воде — последствия могли быть весьма печальными и даже сопровождаться смертью наиболее слабых из путешественников. Во что бы то ни стало нужно взобраться на какое-нибудь дерево.

Наконец это им удалось, хотя и с большим трудом.

Подниматься вверх по гладкому, скользкому стволу было и трудно и неудобно. Но и на дереве нечего было думать об удобном и спокойном ночлеге. Паразитов не было, а без них приходилось всю ночь просидеть на ветке в полудреме, заботясь больше всего о том, чтобы не свалиться в воду и не принять холодной ванны.

Наконец прошла эта мучительная ночь, и с первым проблеском зари они снова спустились в воду и медленно поплыли вперед. Силы их в это утро заметно ослабели, потому что накануне они легли спать без ужина и теперь отправились в путь без завтрака. А тут еще водяные лилии на каждом шагу преграждали им дорогу. Озеро или, вернее, его берега положительно были запружены корнями и листьями «Виктория-Регия».

Вдруг внимание их привлек какой-то странный предмет. Какое-то тело длиной от десяти до двенадцати ярдов лежало на воде на расстоянии четверти мили от них, выдаваясь почти на шесть футов над поверхностью воды. Оно было коричневого цвета и очень похоже на покрытый илом клочок твердой земли, из которой торчали не-

сколько кольев. Неужели же они наконец наткнулись на клочок твердой земли? Сердца пловцов усиленно забились при этой мысли, которая так соответствовала их внутренним желаниям. Но если это и земля, то в виде очень и очень маленького островка, потому что кругом его вода. Все равно это твердая земля, и как бы мал ни был клочок, его достаточно будет, чтобы приютить их всех и дать им возможность отдохнуть так, как они не отдыхали уже со времени крушения галатен. Наконец, этот островок может служить доказательством того, что твердая земля уже недалеко.

Темная масса, казалось, была недалеко, но Мэндей, приподнявшийся над водою, объявил, что до нее от леса по крайней мере двести пятьдесят ярдов.

Несмотря на это, путешественники изо всех сил принялись грести по направлению к предполагаемому островку, спеша как можно скорее добраться до него.

Вдруг то, что они принимали за колья, исчезло и приняло форму птиц с темными перьями, которые, расстав свои треугольные крылья, теперь парили над их головами с криком, выразившим скорее удивление, чем гнев. Но присутствие птиц вовсе не опровергало мысли об островке. Напротив.

Только подплыв к странному предмету не больше чем на сто ярдов, стало возможным сказать, что это такое

— Ра тегга! — крикнул индеец громким и грустным голосом. — Ни островок, ни мель, ни земля — просто сухое дерево!

— Сухое дерево? — спросил Треванио.

— Да, хозяин, это ствол старой *monguba*, давным давно уже потерявший все ветви, — его занесло сюда течением гапо. Разве вы не видите, как выдаются его широкие плечи над водой?

Все с удивлением смотрели на индейца, не понимая, что он говорит. Какие могут быть плечи у дерева?

Только один Ричард понимал мэндруку.

— Это ствол мертвого дерева, дядя, — сказал он, обращаясь к золотопромышленнику. — Бумажное дерево или монгуба, как его называет Мэндей. Я узнаю его потому, как оно держится на воде. По-видимому, оно сильно запуталось в корнях.

Это объяснение было прервано восклицанием индейца, лицо которого вдруг осветилось радостью.

— Sanctos Dios! — вскричал он, подпрыгивая на по-

— Мэндруку должно быть сошел с ума, хозяин! Где его разум? Он утонул на дне гапо вместе с галатеей.

— Пресвятая Богородица! Почему это вы говорите так? — спросил Том, лицо которого расцвело, глядя на веселую физиономию индейца. — Разве вы видите сухую землю?

— Что случилось, Мэндей? — спросил Треванио. — Почему это вы называете себя сумасшедшим?

— Когда я подумаю, хозяин, что был настолько глуп, что пожалел о том, что мы наконец-то нашли хоть одно сухое дерево! Большая монгуба достаточно велика, чтобы сделать из нее *montagia*, галатею, если вам так лучше нравится, — словом, большую лодку, на которой мы же свободно можем поместиться. Слава Великому Духу; мы спасены!

Теперь слова индейца были понятны.

— Это правда! — вскричал Треванио. — Это именно то, что мы искали. Большая монгуба отлично заменит нам плот. Слава Богу! Теперь я опять надеюсь, что увижу старую Англию!

Немного погодя, пловцы уже взбирались на монгубу.

Но не даром досталось им право завладеть монгубой, так как взобраться на нее удалось только после долгих усилий. Особенно мешали им при этом плавательные пояса, сильно стеснявшие свободу движений. Громадный обрубок возвышался на шесть футов над поверхностью воды. Но благодаря помощи мэндруку и Ричарда, в конце концов все благополучно взобрались на плавучий остров. Это был знаменитый *omba F* тропических южноамериканских лесов.

Известно, что монгуба принадлежит к семейству *stercubaseae* к которому относится несколько видов растительных гигантов, каковы, например, африканский баобаб, ствол которого достигает девяноста футов в обхвате, странная мексиканская манита (*manita* — рука), а также индейский хлопчатник и знаменитое *tragacanth de Megga Leone* (резиновое дерево).

Хлопчатники тропической Америки бывают нескольких родов. Их называют также шелковистыми деревьями. Они замечательны не только своим громадным ростом, но и приносимую ими пользою. Гигантский *ombaf monguba* тропического леса употребляется для постройки *igarité* (лодок). Одного простого ствола достаточно для того, чтобы изготовить из него лодку, поднимающую двадцать

тонн сахара и, кроме того, еще целый экипаж. Легкость древесины (это главное его достоинство) делает монгубу незаменимой при постройке такого рода судов. Между хлопчатниками есть еще один вид — вест-индский *oshogota*, настолько легкая, что ею заменяют кору пробкового дерева и употребляют на выделку пробок.

Шелк или хлопок, хотя по наружному виду и прекрасный качества, к несчастью не может быть хорошо обработан. Он очень не прочен и положительно не годится для приготовления тканей. Обыкновенно его употребляют для набивки матрацов и мягкой мебели, кресел и т. д. Индейцы амазонской долины часто употребляют его вместо пыжей для своих ружей.

На монгубе, как и вообще на всех *sterculiaceae*, на стволе образуются большие выпуклости. Некоторые хлопчатники имеют громадные наросты на стволах, нечто вроде тонких деревянистых досок, покрытых корой, как и самый ствол. Между двумя такими наростами образуется пространство, которое можно было бы сравнить со стойлом в конюшне. Часто эти перегородки идут вдоль всего пня на пространстве пятидесяти футов.

«Шерстяной хлопчатник» (*populus angulata*) и миссисипский кипарис (*tofodium distichum*) также отличаются подобными наростами.

Несмотря на непригодность монгубы в торговом отношении, мало деревьев в лесах Южной Америки более интересных, чем это. Огромная величина ствола, странные наросты, зеленовато-серая кора, необычайная высота ветвей с массой роскошных зеленых листьев делают его замечательным даже в этом растительном царстве, где изобилуют самые странные, разнообразные типы.

Вот на стволе гиганта такой именно породы, давнo уже лишившегося не только листьев, но даже и ветвей, утомленные пловцы нашли себе наконец место отдохновения.

Однако никогда еще путешественники не уходили так быстро от негостеприимной хозяйки, как это сделали Треванио и его спутники, убегая с монгубы, на которую они только что взобрались.

Но что могло принудить их к этому бегству? Какого врага встретили они здесь?

Странно сказать: враг, от которого они так бежали, был не кровожадный якаре, не ядовитая змея, а просто напросто маленький муравей.

Едва успели они разместиться на пловучем стволе; как стали осматривать свое новое жилище. Треванию хотелось знать, есть ли возможность преобразовать монгубу в удобный для плавания плот, на котором можно будет сидеть под парусами или на веслах, и уже решил подождать индейца, чтобы потолковать с ним о том, как и из чего лучше сделать весла.

— Токандейра! Токандейра! — вдруг закричал индеец голосом, выразившим испуг.

Все в испуге взглянули на индейца, а затем повернулись в ту сторону, куда он смотрел.

На противоположном конце, в углублении между двумя наростами, древесная кора вдруг изменила свой цвет. Она сделалась кровависто-красною и, казалось, вся трепетала.

— Токандейра! — повторил Мэндей, указывая на это место коры.

— Вы так называете, — просил Треванию, — тех маюньких красных насекомых, которые ползают по стволу?

— Да. А вы их знаете, хозяин?

— Это порода муравьев.

— Ра тегга, хозяин! Это страшные жгучие муравьи. Мы разбудили их! Монгуба осела от нашей тяжести, и вода залила их mallosa. Вот поэтому-то они вышли отсюда, а теперь так же злы и опасны, как и ягуары. Великий Боже! Нам надо уходить подальше от них, или через десять минут на наших телах не останется ни одного живого, неукушенного места.

— Это правда, дядюшка, — вмешался молодой Ричард: — Мэндей вовсе не преувеличивает. Если эти злые муравьи бросятся на нас, — а это непременно случится, не поспеши мы уйти отсюда, — они закусуют нас до смерти. Нужно прыгать в воду.

По выражению лица Ричарда и по тону, каким он это говорил, видно было, что он не преувеличивает. Муравьи между тем приближались к месту, которое занимали путешественники. Насекомые шли широкой и грозной фалангой.

К счастью, никто еще не снимал плавательных поясов. В одну минуту все попрыгали в воду и опять очутились между огромными литьями «Викторья-Регна».

Очутившись в воде, они стали обсуждать вопрос, что теперь делать. Никому, конечно, и в голову не приходило предложение навсегда покинуть посланную им Про-

видением монгубу, пребывание на которой насекомых делали опасным в данную минуту. Мэндей уверял, что жгучие муравьи боятся воды и не будут их преследовать там. Поэтому они отплыли всего на несколько футов от заполненного ствола и, остановившись тут, принялись обсуждать свое положение.

Речь шла о том, чтобы опять завладеть стволом монгубы и прогнать с нее насекомых, кишевших на коре плотными колоннами, как солдаты, готовящиеся к битве. Мэндей глубоко задумался.

— Как нам от них избавиться? — спросил Треванио.

Индеец колебался с ответом, он вспомнил о том, как неудачен оказался его совет во время переправы через озеро.

— Нельзя ли нам собрать сухих листьев и зажечь костер, который бы до последнего уничтожил этих проклятых насекомых? — спросил Том.

— Об этом нечего и думать, Том, если бы даже нам и удалось зажечь огонь. Подумайте только, чем бы это окончилось? Сухой ствол горит вместе с муравьями, какая же нам будет от этого польза?

— Ну, если вы думаете, что огонь не может нам помочь, то что вы скажете против воды? Отчего не попробовать нам утопить их? Мэндей говорит, что муравьи не могут плавать, — тогда наверно уж они пойдут ко дну.

— Да, но как же их утопить? — спросил Треванио.

— Нет ничего легче. Стоит только перевернуть бревно сверху вниз.

Все нашли, что предложение Тома довольно остроумно, и стали поворачивать древесный пень.

Но их попытка не увенчалась успехом — частью потому, что ствол был очень тяжел, частью потому, что он пропитался большим количеством воды, а частью и потому, что этому мешали огромные наросты. Им удалось повернуть лишь одиннадцатую часть его окружности. Работали изо всех сил, действуя руками и плечами. При каждой новой попытке казалось, что ствол должен был перевернуться еще больше, но он снова принимал свое прежнее положение.

Видя бесполезность своих усилий, они хотели уже бросить работу и плыть пока к лесу, как вдруг жалобный крик заставил их немедленно броситься прочь от дерева. Это кричал Том, поспешно удалявшийся от ствола, как будто его испугало что-нибудь страшное. Но в этом кри-

не слышался не один страх,— в нем слышалась и боль.

Едва успели они задать несколько вопросов своему товарищу, как все начали издавать подобные же восклицания; теперь им уже не нужны были объяснения причины крика Тома.

Пока они старались наклонить громадный ствол, с него свалилось штук двадцать муравьев и напали на пловцов, рассчитывая лучше спастись на пловцах, чем утонуть. Вместо того, чтобы выразить свою благодарность за это временное отдаление грозившего им трагического конца, презренные насекомые в ту же минуту вонзили свои ядовитые жала в кожу людей, как-будто желая им отомстить за нападение.

Между пловцами произошел сильный переполох, они рассыпались направо и налево и стали с головой окунаться в воду. Наконец, спустя несколько минут, когда муравьи были смыты водой и боль успокоилась, они снова направилась к монгубе с твердым намерением прогнать муравьев.

Довольно долгое время обсуждали, какие следует принять меры для изгнания токандейра из плавучей крепости, которой они овладели. Наконец порешили доплыть до опушки леса и поразмыслить там, сначала устроившись на какой-нибудь из веток.

Так как деревья были не особенно отдалены, то план этот не представлял никакого неудобства.

Но тут Том предложил новый проект.

— Если нам нельзя прогнать их с монгубы, то никто не мешает нам залить их водой сверху. Неправда ли, хозяин, в этом нет ничего невозможного?

— Вы советуете, Том, попытаться облить все бревно водою и таким образом смыть муравьев? — спросил Ричард.

— Да, хозяин.

— Мысль недурна. Мы можем попробовать. К делу! Окружим ствол со всех сторон. Ты, Роза, дитя мое, останешься здесь. Трое из нас направятся на ту сторону, трое останутся здесь, и как только мы займем места, то в ту же минуту все вместе начнем атаку.

Грязно-бурый ствол, каким его увидели в первый раз, теперь стал темно-красным. Можно было подумать, что по нему были ручьи крови, которые текли в разных направлениях по дереву.

По команде Треванио шестеро нападающих начали

выплескивать воду ладонями, пока не облили всего ствола. Вода дождем падала на дерево, смывая и унося с собой все, что могла захватить. Токандейра не могли сопротивляться такой водяной лавине и массами падали в монгубы в воду.

Нападающие, видя успех, громко кричали, выражая свою радость; торжествующие крики Тома звучали громче остальных, так как он гордился тем, что первый подал такую остроумную мысль.

Глава 13

ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК В ЛИХОРАДКЕ

В то время, как они обменивались поздравлениями, вдруг снова раздались жалобные крики Тома, по-видимому, опять подвергшегося нападению какого-то врага.

Оказалось, что ирландца кусали токандейра! Штук пятьдесят этих насекомых жалили его кожу; но товарищи его были слишком заняты сами собою, чтобы обращать внимание на его крики: на них также напали жгучие муравьи и жалили из всех сил. Руки тотчас же перестали бить воду, так как каждый думал только о том, чтобы уплыть подальше от опасного места, и они удалились, унося с собою маленькую Розиту, как могли дальше, по направлению к лесной опушке.

Выбрав дерево, на которое легче было взобраться, чем на другие, они тотчас же взобрались на него и разместились как можно удобнее.

Они не рассчитывали долго пробыть на этом дереве, а взобрались на него только для того, чтобы отдохнуть и в то же время обсудить вопрос, как победить своих страшных врагов.

Но заметив, что солнце уже близилось к закату, решили провести всю ночь на этом дереве: обилие сипосов и паразитных растений давало возможность в общем недурно устроиться на ночь. Надо сказать правду, большим счастьем было для них, что они отыскали это убежище, а также то, что индеец, менее других истерзанный жестокими насекомыми, мог устроить им «постели». Через двадцать минут после того, как они взобрались на дерево, все, за исключением мэндруку и Розы, захворали жесточайшей лихорадкой.

Раны, нанесенные жгучими муравьями, ужасны: укусы их похожи на укусы скорпиона. И лишь после того, как над озером пронесся свежий ветер, уже через несколько часов, боли уменьшились, и лихорадка стала проходить. Лежа на своем воздушном ложе, они слушали рассказы Мэндея о странных обычаях его племени, известных под именем «празднеств жгучих муравьев».

Когда юноша из племени мэндруку или родственного с ним племени (maheie) магеев достигнет возмужалости, он обыкновенно подвергается «испытанию огнем», в особенности, если молодой человек желает, чтобы все его считали уже не юношей, а воином, способным играть видную роль в своем племени.

Испытание это добровольное, но если бы молодой мэндрук отказался ему подвергнуться, он лишился бы всеобщего уважения и считался бы навсегда обесславленным. Если над ним и не будут смеяться в глаза, то, наверное, ни одна из девушек его племени никогда не согласится выйти за него замуж.

У многих племен североамериканских индейцев также в обычае подвергать различным более или менее жестоким испытаниям юношей, достигших совершеннолетия, для того, чтобы заслужить лестное для краснокожего прозвище «храбрец». В большинстве подобные испытания — те же пытки, с тою только разницей, что по окончании пытки подвергавшегося ей героя не убивают.

Вот какого рода испытание практикуется у племени мэндруку, как об этом рассказывал Мэндей.

Когда юноша объявляет, что готов «надеть рукавицы», ему тотчас изготавливают пару рукавиц. Рукавицы эти делаются из коры одной породы пальм и представляют из себя не что иное, как длинные пустые цилиндры, закрытые с одной стороны и достаточно широкие, чтобы просунуть всю руку до локтя.

Прежде чем надеть такие рукавицы, их до половины наполняют муравьями самой ядовитой и злой породы, главным образом токандейра, почему и сама церемония носит название «праздника токандейра», или «праздника жгучих муравьев».

В таком смешном наряде и в сопровождении толпы односельчан, играющих на трубах, барабанах и других музыкальных инструментах, кандидат на звание мужчины должен обойти кругом молокки или деревушки, оставившаяся и проплясав перед каждой хижинкой.

Во все это время он должен казаться веселым, петь самые веселые песни и настолько громко, чтобы заглушать звуки музыкальных инструментов и крики следующей за ним толпы. Тот, кто откажется подчиниться этому испытанию, выкажет признаки слабости — потерянный человек. Вся его семья тоже считала бы себя обесчещенной.

Побуждаемый этими мыслями юноша приступает к искусству, в то время как друзья его и родственники ободряют его громкими криками.

Храбро просовывает он руки в ужасные нарукавники и должен пробыть в них до конца церемонии. Он жестоко страдает, руки горят точно в огне. Яд насекомых проникает ему в жилы, глаза воспалены, пот выступает на теле, грудь дышит тяжело, губы становятся белыми, а он не должен жаловаться или проявить признаки страдания, иначе позор ему: он никогда не будет храбрым, никогда не будет достойным сражаться за свое племя.

Наконец он подходит к хижине «tuchao» — предводителя, который принимает его сидя.

Пляска и пение повторяются перед начальником с новой силой. Песни раздаются громче, чем когда-либо, пока наконец не прекратятся по недостатку сил.

Тогда с юноши снимают нарукавники, и он падает в объятия своих друзей. Затем его окружают молодые девушки его племени, которые осыпают его поздравлениями.

Но страдания мешают ему оценить их ласки, он кидается к реке, куда и погружает свое лихорадочное тело. Пробыв довольно долго в воде и освежив свои раны, юноша возвращается в малокку, где опять принимает поздравления.

Он показал себя достойным стать в ряды воинов и с этих пор он может стремиться получить руку мэндрукской девушки, может с честью поддерживать боевую славу своего племени, заслужившего прозвище *decapitados* т. е. головорезов.

Рассказавши все, что знал о токандейра, мэндруку перешел к описанию других пород муравьев, встречающихся в лесах и лугах амазонской долины.

Старый мэндруку уверял, что знает по крайней мере двадцать различных видов, отличающихся один от других не только величиной и цветом, но и образом жизни, который они ведут. Энтомолог, которому хотелось бы

изучить жизнь муравьев, нашел бы массу материала для наблюдения в одних только амазонских лесах. Одни муравьи живут на земле, другие под землей, третья порода — почти на воздухе, она строит свои гнезда между самыми высокими ветвями. Одни питаются исключительно мясом — плотоядные, другие — исключительно травоядные.

Из всех пород муравьев Южной Америки ни одна быть может не удивляет так чужестранца, как сауба. Проходя по лесу или по вспаханной земле, путешественнику приходится иногда видеть целые пространства, усеянные движущимися зелеными листьями величиною с монету в два су.

Рассматривая поближе эти листья, он увидит, что каждый из них несет на плечах маленькое насекомое, которое гораздо меньше своей ноши. Продолжая идти вперед, он достигнет дерева, где находятся за работой тысячи насекомых, разрезающих листья на куски требуемой величины, которые они затем бросают тысячам других таких же муравьев, те их подхватывают и поспешно уносят. Внимательный осмотр покажет наблюдателю, что этот труд производится в систематическом порядке.

Принесенные и измельченные листья вовсе не предназначаются в пищу, а идут на покрытие проходов, по которым движется бесчисленное множество насекомых. Продолжая наблюдения, энтомолог встретит муравьев, существенно отличающихся от саубасов, например «фуражиров», которые, вместо того, чтобы удовлетворяться роскошной тропической растительностью, занимаются грабежом и разбоем, нападая на колонии других муравьев.

К числу разбойничьих пород принадлежит также и *eciton* аграх — великан между муравьями.

Индеец, встретивший две широкие колонны таких муравьев, непременно вернется назад и всех встречных будет предупреждать об опасности, крича «Гапоса-Тапока!»

Но самого мэндруку, по-видимому, больше всего интересовал «токандейра», или «жгучие муравьи». В юности он тоже надевал рукавицы, и токандейра, по всей вероятности, оставили в уме его неизгладимые воспоминания.

На другой день все проснулись на рассвете и, подкрепившись небольшим запасом сыра, попросту сгущенным молоком *massaranduba*, сохранным в ореховой скорлупе, снова обратили свое внимание на плавучий ствол,

К их великому удивлению монгубы уже не было на том месте, где они ее оставили вчера.

Когда туман, расстилавшийся над водой, рассеялся под первыми лучами солнца, озеро оказалось настолько освещенным, что без труда можно было различать даже и мелкие, с человеческую голову, предметы. Монгуба была оставлена не далее как в ста метрах от их ночлега. Где же она теперь?

— Вон там! — сказал Мэндей в ответ на общий вопрос. — Смотрите дальше, вон там! Монгуба около деревьев. Видите вы ее, хозяин?

— О! — вскричал Треванио, — конечно вижу. Но как она туда попала?

— Ее может быть отнесло течением, — заметил Ричард.

— Нет, хозяин, — возразил мэндруку, — здесь нет течения. Вчера, когда мы хотели перевернуть монгубу, мы сдвинули ее с водяной лилии, а сегодня ночью дул небольшой ветер, и это-то именно и принесло ее туда. Теперь она на якоре около дерева. Я не удивлюсь, если муравьи попытаются убраться и воспользуются ветвями, нависшими над монгубой.

— Почему вы так думаете?

— Потому что они не могут жить ни на мертвой монгубе, ни в гапо. Токандейра живут на твердой земле, и их пребывание на дереве я могу объяснить только одним обстоятельством: их малокка находилась, вероятно, в дупле этого бревна, когда оно лежало на твердой земле; течение подняло его, а прилив унес их далеко от их родины. Есть, правда, другие породы муравьев, которые живут в гапо между деревьями, но только не токандейра.

Взглянув в сторону плавучего дерева, путешественники увидели, что токандейра все еще сновали по стволу. Они двигались по его поверхности в своих красных мундирах и казались такими же взволнованными, как и в то время, когда пловцы напали на их владение.

Мэндруку скоро открыл и причину волнения насекомых, волнения, которое, по всей вероятности, продолжалось во всю ночь. Древесная колода хотя и близко подошла к стволу живого дерева, но находилась не прямо против него, между ними было пространство в несколько футов, а так как некоторые ветки немного не доставали до мертвого дерева, то муравьям нельзя было перебраться на дерево иначе, как перелететь или проплыть воду.

То и другое было им не по силам. Они, очевидно, хотели переменить, как это и думал мэндруку, жилище на такое, которое бы лучше защищало их от воды.

Все с интересом продолжали наблюдать за муравьями в надежде, что бесчисленные красные гости мертвого дерева, найдя какое-нибудь средство перебраться с него, наконец оставят их единственными и свободными обладателями монгубы.

Вдруг зрители заметили движение между ветвями дерева, на котором, как они надеялись, токандейра найдут себе убежище, и почти тотчас же появилось странное существо.

Это было четвероногое, величиной с кошку, но совсем не похожее на нее по наружному виду. Его длинное цилиндрическое туловище кончалось позади трубкообразным хвостом, удлинненным на конце. Плоская и низкая голова его оканчивалась узкой и тонкой мордой.

Глаза были так малы, что их с трудом можно было различить. Рот походил скорее на круглое отверстие, чем на соединение пары десен.

Животное было покрыто шелковистой шерстью, слегка курчавой, отчего оно казалось мохнатым. Шерсть была соломенного цвета, а на плечах и вдоль спины имела каштановые оттенки. Завитой хвост представлял собою смесь обоих цветов.

— Тальмандуа! — вскричал мэндруку.

— Что это такое? — спросил Тревани.

— Муравьед, — отвечал индеец, — только маленький.

Муравьеды этой породы всю жизнь проводят между ветвями и странствуют с дерева на дерево в поисках меда, пчел, ос и червяков.

— Ах! — продолжал индеец, точно осененный новой идеей. — О чем я думал! Я сказал, что токандейра хотели перелезть на дерево. А дело-то совсем не в том! Напротив... их волнение происходит оттого, что они увидели тальмандуа. Вот посмотрите, животное готовится к нападению на них.

Действительно, тальмандуа спускался вниз по веткам, помогая себе то когтями, то хвостом.

Очутившись на мертвом дереве, муравьед неподвижно растянулся на брюхе, потом начал подлизывать муравьев, тысячами кишевших вокруг его заостренного языка. Десять минут безостановочно пожирал муравьед токандейра, и тысячи насекомых исчезли в отверстиях, заменяв-

шем ему рот. Наконец муравьед, казалось, насытился и стал высовывать язык лишь через долгие промежутки, когда его снова искушала жадность, потом он и совсем прекратил свое занятие, с разбегу опять перепрыгнул на дерево и, выбрав там самую высокую ветку, поместился на ней. Здесь, обернув два или три раза хвост вокруг туловища и спрятав морду в длинной шерсти на груди, он сладко заснул после сытного завтрака.

Но прежде чем предаться отдыху, тальмандуа, по всей вероятности, сначала убедился, что токандейра не могут уйти от него. И действительно, единственным спасением для них было только скрыться в воду, но муравьи, по природе своей, боятся воды. Значит и муравьеда особенно беспокоить нечего было за обед.

Пословица «далеко устам до чаши» так же справедлива для муравьедов, как и для людей. Когда животное, проснувшись после десятиминутного сна, посмотрело на мертвое дерево, чтобы удостовериться, что муравьи все еще там, оно не мало было удивлено, не найдя на монгубе ни одного токандейра! Удивление читателя будет, пожалуй, так же велико, в особенности, когда он узнает, что насекомые не укрылись в своем жилище, в дупле колоды, теперь наполненном водой, и что они также не взобрались на соседнее дерево, от которого их все также отделяло небольшое пространство воды.

Когда тальмандуа убрался, наконец, с монгубы, муравьи все еще копошились бесчисленными мириадами. Язык муравьеда уничтожил сравнительно незначительное количество токандейра, и они после ухода его продолжали сновать все такими же бесчисленными массами по стволу мертвого дерева. Но за время сна муравьеда темнобурый ствол был совершенно очищен от красного воинства.

Всего только несколько сотен их ползали там и сям по стволу дерева; по их испуганному виду можно было судить, что они только что избежали какого-то страшного бедствия.

Причина исчезновения токандейра настолько интересна, что требует, чтобы это было рассказано отдельно.

Не прошло и нескольких секунд с момента, как уснул муравьед, когда мэндруку заметил маленькую птичку, приблизительно ростом со скворца, порхавшую между ветвями деревьев.

Птица очень похожа была на мухоловку и почти та-

кого же цвета: вся темная, с перьями темносерого цвета, с синеватым отливом.

Как мы уже сказали, она порхала между ветвями дерева, все время не переставая чирикать. Птичка привлекла общее внимание, и потому все обратились к ней с разъяснением.

— Это муравьиный дрозд,— сказал он.— Если бы только он заметил гнездо, кишашее на колоде... А-га! — песело вскричал мэндруку, очевидно пораженный какой-то приятной мыслью.— Вот друг, который избавит нас от токандейра. Обещаю вам, хозяин, что если птица-муравьед заметит эту красную массу, то она исчезнет менее чем в двадцать минут. Пусть Великий Дух направит куда следует глаза птицы!

Потерпевшие крушение продолжали наблюдать за полетом птички, стараясь в то же время производить как можно меньше шума, как посоветовал им мэндруку.

Вдруг дрозд стал проявлять сильные признаки беспокойства и изменил свою тактику: резкий крик обнаружил его удивление, он только что заметил тальмандуа, предававшегося сну, а присутствие этого животного доказывало ему, что где-то недалеко есть и муравьи.

Вслед затем птица начала искать по всем направлениям добычу. Второй крик объявил о том, что она открыла муравьев и в то же время приглашает других дроздов принять участие в пиршестве. На крик ее отвечала сотня птичьих голосов, и вскоре значительный шум крыльев служил доказательством, что призыв был понят.

Менее чем в десять минут целый легион муравьиных дроздов опустошил мертвый ствол, который они затем так же быстро покинули и отправились на поиски за новой добычей.

Глава 14

ОХОТА НА ТАЛЬМАНДУА

Если тальмандуа был удивлен исчезновением токандейра, то еще больше он удивился, когда увидел, что к дереву, где он так сладко вздремнул после завтрака, приближается какое-то странное животное раз в десять больше его самого.

Это животное было темнобронзового цвета, имело

длинное и высокое туловище, пару еще более длинных ног, такие же длинные руки и круглую голову с черными, падавшими по плечам волосами.

Муравьед, по всей вероятности, в первый, да и в последний раз в своей жизни видел такое странное животное,— к нему приближался человек. Вся наружность муравьеда говорила, что он и удивлен и испуган в одно и то же время. Но если бы он мог знать, какие замыслы на его счет питает индеец,— странное животное был не кто иной, как мэндруку,— бедный зверек давным бы давно обратился в бегство.

Индейцу пришло в голову полакомиться жареным мясом муравьеда, и вот он, прыгая с ветки на ветку как обезьяна, устремился к дереву, на котором отдыхал тальмандуа.

Вскоре к индейцу присоединился Ричард Треванио. Нужно было прежде всего обойти зверя так, чтобы отрезать его от леса и не дать ему скрыться в непролазной зеленой чаще. Здесь, на отдельной ветке, муравьед непременно попадет в их руки, а если только он доберется до леса — тогда прощай надежда на вкусный завтрак.

Охотникам сначала казалось, что легко будет покончить со зверем, но они ошиблись. Животное, действуя когтями и хвостом, довольно быстро стало взбираться на самые верхние ветки. Мэндей стремительно преследовал его и настиг его как раз вовремя, чтобы схватить за задние ноги. Но оторвать муравьеда не хватило силы даже и у мэндруку,— его враги даже и не подозревали, какой силой обладают его лапы и цепкий хвост.

Тальмандуа с такой силой уцепился всеми четырьмя лапами за ветку и, кроме того, еще обмотал ее хвостом, что после долгих усилий индейцу удалось отцепить только передние лапы; хвоста же размотать не было возможности. Но проголодавшийся индеец не стал особенно церемониться с муравьедом и, вытащив нож, обрезал им конец хвоста. Затем он обернул вокруг руки остаток хвоста и, потянув его изо всей силы, оторвал животное от ветки с такой силой ударил его при этом о древесный ствол, что убил на смерть.

Вслед за тем мэндруку и Ричард бросились в воду и поплыли к мертвому дереву, куда за ними не замедлили перебраться и все остальные, обрадованные возможностью завладеть наконец монгубой.

Теперь мертвое дерево было очищено от муравьев.

Первой мыслью каждого, как только они взобрались на монгубу, было найти местечко поудобнее лечь отдохнуть, а попросту — выпасться. Но, если бы даже им не хотелось спать, они все-таки, наверное, с наслаждением разлеглись бы на относительно ровной, хотя и жесткой поверхности ствола — этого наслаждения они не испытывали уже давно, с самого того дня, как покинули галатею. Поверхность бревна была настолько велика, что все они могли свободно поместиться на нем, как угодно.

Только один старый индеец не последовал общему примеру. Он в это время был занят очень серьезным делом, требовавшим с его стороны ловкости и терпения. В стволе монгубы в таком месте, где кора была совершенно суха, он нашел небольшое углубление кругообразной формы, около которого он положил несколько сухих листьев и веточек, собранных с дерева, повисшего ветвями над монгубой. Затем он стал на колени и грудью наклонился над этим углублением.

Между ладонями зажал он прямую и гладкую палочку, вырезанную из крепкого дерева, быстро вертел ее то в одну сторону, то в другую. Палочка как веретено быстро вертелась в умелых руках.

Через десять минут из углубления, в котором вертелся конец палочки, начал подниматься легкий дымок, за которым почти тотчас же показались искры, разлетевшиеся вместе с пылью, вызванной трением.

Искры продолжали сыпаться все чаще, и, наконец, показалось пламя, тогда мэндруку, положив палочку на огонь, поспешно стал набрасывать на нее сухие листья и веточки и в короткий промежуток времени был разведен настоящий костер.

Индеец, видимо остался доволен достигнутыми результатами, — огонь ему нужен был для того, чтобы приготовить обед.

Обязанности повара исполнял он же, хотя и на индейский манер, — муравьед, как был — в коже, не потрошенный, положен на огонь, который должен был уже сделать все остальное.

Где тут заниматься тонкостями поваренного искусства! Вместо того, чтобы терять время на такие пустяки, лучше позаботиться, чтобы не дать огню распространиться. Монгуба около того места, где горел огонь, была суха как трут. Индеец снял с себя бумажную рубашку, каким-

то чудом еще уцелевшую на нем, и, хорошенько намочив ее в озере, выжал воду вокруг огня. Повторив это несколько раз, он затем скатал мокрую рубашку жгутом и положил ее вокруг огня. Предохранив себя таким способом от пожара, он присел на корточки и стал наблюдать за жарким, которое снял с огня только после того, как убедился, что оно хорошо зажарено.

Тогда он разбудил своих спутников и объявил им, что обед готов. Вкусный запах, распространившийся в воздухе, избавил индейца от скучной необходимости повторить свое приглашение. Несколько минут спустя от тальман-дуа оставались только одни обглоданные кости.

Когда закончили с обедом, солнце было уже близко к западу. Пришлось поневоле отложить вопрос о дальнейшем путешествии до завтра, а остаток дня употребить на отдых, в котором так все нуждались после почти бессонных ночей последних дней.

Короткий отдых, которым успели они воспользоваться, пока мэндруку занимался кулинарным искусством, недостаточно подкрепил их силы, поэтому самым благоразумным было употребить весь этот день на отдых.

Назавтра предстояло много работы, начиная с того, что нужно было преобразить ствол монгубы в подобие плота, на котором можно было бы переплыть озеро.

Но каким образом раздобыть весла и, главное, лопасти для весел? Решить этот вопрос было делом очень и очень трудным, хотя индеец и успокаивал их, что он без особенного труда сделает им какие угодно весла. Стоило ли толковать о таких пустяках,— пусть лучше ложатся все спать и набираются сил.

Индеец говорил так убедительно, что все невольно ему поверили и послушно стали укладываться спать.

Прошло после этого не больше часа,— все спали мертвым сном,— как вдруг коайта начала так жалобно стонать, дрожа всем телом, что даже разбудила спавшего рядом с ней Тома.

— Что случилось? — спросил Том у своей любимицы.

Но, само собою разумеется, обезьяна не могла дать ему на это ответа, она все так же продолжала дрожать всем телом.

Ее хозяин приподнялся на локоть и стал смотреть на воду, желая узнать, что так встревожило коайту.

Ничего не было видно, кроме воды, блестящей как золотая скатерть под лучами садившегося солнца. Тогда

Том повернул голову к лесу и там тоже не открыл признаков беспокойства обезьяны.

— Что с тобой? — спросил он обезьяну. — Ты как-будто хочешь сказать: — вон там! Посмотрим, — и затем он перегнулся через край ствола. — Да, да, — продолжал он, — я вижу, что вода кипит, как-будто там плавает какое-нибудь животное между водорослями. Что это такое, хотел бы я знать? Рыба это или один из отвратительных аллигаторов? Клянусь святым Патриком, это может быть даже та самая огромная змея, про которую говорил нам индеец, что она в десять раз толще человека и может проглотить корову, не прикоснувшись к ней зубами. Тогда всего лучше будет, если я разбужу их.

Раздумывая о том, как лучше поступить, ирландец все время не спускал глаз с того места, где клокотала вода, не больше как в ста метрах от колоды. Клокотание все продолжалось, и вскоре Том увидел, что рыба или змея или, наконец, аллигатор подплывает к монгубе. Наконец, она подплыла настолько близко, что он мог отлично ее рассмотреть. И хотя теперь он мог уже утвердительно сказать, что это не змея и не крокодил, тем не менее животное, которое он видел, было так странно и так велико, что в душу его закрадывался невольный страх. По внешнему виду это был тюлень, но очень больших размеров. Животное было по меньшей мере десяти футов длиною от морды до хвоста. Голова у него была как у быка или у коровы, с широкой мордой, отвислыми и толстыми губами. Глаза, напротив, очень маленькие, а вместо ушей — два круглых углубления на верхушке головы.

Добавьте к этому еще широкий плоский хвост и закрученный горизонтально, как у птиц.

Кожа гладкая и непокрытая волосами, за исключением нескольких щетиннок вокруг рта и ноздрей. Кожа была синицового цвета с беловатыми пятнами под горлом и вдоль живота. Но что особенно привлекло внимание Тома, это пара плавников длиною более чем в один фут, которые шли у него от плеч и видом походили на весельные лопасти. Животное и пользовалось ими как веслами, для того чтобы продвигаться вперед по воде совершенно как рыба. Затем еще странная особенность: необыкновенное животное имело вымя, как у коровы.

Ирландец не стал больше останавливаться на только что сообщенных нами подробностях, он был слишком живлен всем, что увидел, и хотел непременно поделиться

с кем-нибудь сделанным открытием, для чего и разбудил первого, кто оказался у него под рукой,— это был индеец.

— Послушайте, Мэндей,— шепнул ему на ухо Том, указывая на то место, где находилось водяное чудовище.— Посмотрите, что это там такое?

— Где? — пробурчал Мэндей, протирая глаза.— А! Это? Клянусь Великим Духом, это — юаруа!

По тому, как индеец произнес слово *juagoa*, можно было угадать, как он был обрадован появлением животного с таким странным названием. Индеец поднялся и сел, а потом, как бы боясь, чтобы движения его не потревожили животного, он пригнулся к стволу и стал наблюдать его, все более и более приближавшегося к монгубе.

— Что это за юаруа? — спросил Том, так как это название ничего ему не объясняло.— Что это — рыба или четвероногое?

— *Pief boi! Pief boi!* — так называют его белые.

— Ну, а теперь я понимаю еще меньше! То юаруа, то *pief boi*. О, великий Моисей! Смотрите, Мэндей! Оно здесь не одно,— с ним есть еще детеныш, который сосет его, как теленок корову!

Ирландец был прав; но только юаруа, вместо того чтобы, подобно корове оставить своего маленького справляться как он сам знает, обняло его плавниками, как если бы это были руки, и прижимало его к своей груди, подобно кормилице, устраивающей поудобнее своего сосунка.

Понятно, что это зрелище чрезвычайно удивило Тома. Даже сами индейцы Амазонки, для которых видение юаруа не редкость, всегда с любопытством наблюдают это. Рыба, кормящая грудью своих детенышей,— действительно явление довольно ненормальное!

Том еще долго продолжал бы ахать от восторга, если бы индеец не велел ему замолчать.

— Лежите смирно! — сказал ему мэндруку.— Я рассчитываю захватить юаруа, пока она занята своим детенышем. Смотрите же: не шумите,— это может ее испугать,— да не будите остальных! Юаруа видит как ястреб, а слышит как орел, несмотря на свои маленькие уши и глаза.

Том волей-неволей повиновался приказанию индейца. Наступила полная тишина.

Юаруа в это время подошла к монгубе и медленно двинулась мимо ствола мертвого дерева. Немного даль

ше между деревьями образовывалось нечто вроде бухты. Туда-то именно и направлялось странное животное, приходящая в то же время кормить детеныша.

— Хорошо! — тихо проговорил мэндруку. — Теперь я догадываюсь, зачем она туда направляется.

— Зачем, Мэндей?

— Разве вы ничего не видите на воде?

— На воде? Нет... да... но ведь это только трава. Разве она ест траву?

— Она ничего другого и не ест.

— В этом ничего нет удивительного, раз это животное так похоже на корову.

— Разумеется. А так как она направляется на пастбище, то тем лучше!

— Почему — тем лучше?

— Потому что она пробудет там до утра и даст нам таким образом возможность убить ее.

— А зачем вы хотите ее убивать?

— Странный вопрос, синьор Том; разве не хотим мы все есть?

— О, я понимаю! Но тогда убейте лучше ее сейчас.

— У нас нет оружия.

— А ваш нож?

— Бесполезен. Юару слишком хитра и никогда не подпустит так близко к себе. На это рассчитывать нечего, — все равно не удастся. Sanctos Dios! Если бы только она не ушла до утра, к тому времени я успею все приготовить. Это дало бы нам возможность запастись мясом на все путешествие. Смотрите! Она начинает есть траву.

Индеец сказал правду, юару принялась обрезать языком траву совершенно так же, как настоящая корова.

Смотреть, как пасется морская корова, очень интересно, и мэндруку, по просьбе ирландца, согласился разбудить остальных, чтобы дать им возможность полюбоваться интересным зрелищем.

Из пассажиров галатеи только мэндруку да Ричард Треванни видели раньше морскую корову. Индеец не видел ее в гапо, а Ричард — у себя в Пара, во время поездок по рукавам и протокам великой амазонской дельты, где морские коровы так же обыкновенны, как и всякая другая порода. В то время как товарищи его смотрели на нее удивленными глазами, похожими на те, которыми смотрят посетители зоологического сада на «кормление пеликанов», мэндруку, улучив минуту, незаметно

покинул монгубу и тихо поплыл к верхушкам деревьев. Никому, конечно, и в голову не пришло спросить индейца, зачем он уходит, да они и не подозревали даже истинной причины, которая им руководила в этом случае.

Уходя, индеец посоветовал своим товарищам не трогаться с места, не разговаривать и вообще сохранять возможную тишину.

Все молча кивком головы изъявили согласие исполнить его приказание, в уверенности, что индеец требует этого не зря.

Если и говорили, то не иначе как шепотом, и то через большие промежутки, чтобы не возбудить подозрения морской коровы.

Наконец принужденное молчание и эта мертвенная тишина начали им надоедать,— всем почему-то особенно хотелось подняться, расправить усталые от долгого сидения скорчившись члены, как вдруг совершенно неожиданно появился индеец.

В одной руке он держал нож, а в другой — тонкую пилку, длиною около двенадцати футов, гибкую как трость и с одного конца заостренную на подобие копья.

Это и в самом деле было копье, которое он вырезал из пальмы «*pashiuba*» — *Iritea efurhiza*. Ствол этой пальмы поддерживается тонкими корнями, поднимающимися на несколько футов над поверхностью земли. С ловкостью, на которую способен один только индеец, мэндруку ножом острогал пашиубу, твердую как железо сверху, но с мягкой сердцевинкой; оставалось только обжечь острие, и тогда самая сталь не могла бы лучше заменить собою конец копья. К счастью, костер еще не остыл: красноватые угольки тлели еще на очаге. Индеец положил на него заостренный конец копья, чтобы таким образом его закалить.

Когда, по его мнению, дерево достаточно закалилось, индеец вытащил копье из пепла и еще более заострил его ножом. Теперь он был в состоянии напасть на юаруа.

Морская корова все еще продолжала пастись. Нечего было и искать лучшей минуты, чтобы напасть на нее. Животное держало голову в наклоненном положении и находилось под огромным деревом, ветви которого простирались горизонтально и почти окунались в воду.

Если индейцу удастся незаметно проскользнуть на дерево, ему тогда не трудно уже будет пронзить корову копьем.

Сказано — сделано. Менее чем в две минуты добрался мэндруку до ветвей дерева как раз над «коровой». Вслед за тем копьё быстро опустилось вниз; но вместо того, чтобы поразить мать, он пронзил тело «теленка», как говорил Том.

Зрители не могли понять, зачем это Мэндей убил детеныша, которого едва хватит им на один только ужин, тогда как сама мать могла бы прокормить их целый месяц. Теперь она, без всякого сомнения, от них ускользнет. Они рассуждали так, не имея понятия о том, какую нежную любовь питает морская корова к своему детенышу.

Вместо того, чтобы бежать, как они это думали, морская корова, несмотря на частые удары копьём, которыми осыпал её мэндруку, продолжала плавать возле своего детеныша до тех пор, пока индеец не нанес ей смертельную рану.

Когда Мэндей возвратился на монгубу, его прежде всего спросили, почему он сначала убил теленка, а потом уже мать. На это индеец объяснил, что начини он с нападения на мать, она, по всей вероятности, ускользнула бы от них и унесла бы с собой и своего детеныша. Борьба с этими животными очень трудна; потом у него было очень плохое оружие — простое деревянное копьё, тогда как для того, чтобы нанести морской корове смертельную рану сразу, нужно иметь острогу с зазубренным концом.

Глава 15

ПОДВОДНЫЙ ВРАГ

В этот вечер больше ничего особенного не случилось, и с закатом солнца все снова улеглись спать, чтобы на завтра со свежими силами приняться за работу, — а дела предстояло не мало.

Прежде всего нужно было заготовить впрок, проконтив, как можно больше мяса. Операцией этой всецело занялся мэндруку. Он сначала содрал шкуру с юаруа, а потом разрезал мясо на широкие полосы, которые и развесил на солнце.

Но предварительно они изжарили на костре, зажжённом как и накануне, несколько ломтей, которых хватило на ужин и на завтрак. Никто не стал критиковать этого

мяса, вкусом немного похожее на свиное, хотя оно гораздо тверже и жестче его.

Весь день прошел в приготовлении мяса, которое, как мы уже говорили, вялилось на солнце, развешенное на гипсах, протянутых между шестами, укрепленными на древесном стволе.

Причина, почему так заботливо запасались провизией, понятна: надо было обеспечить себя на случай, если путешествие затянется против ожидания надолго. Обыкновенно жир морской коровы вытапливается на сало, но нашим путешественникам некогда было заниматься этим, и они выбросили его в воду. Когда вечером сотоварищи по несчастью сели за свой второй ужин, то все сознались, что уже давно не чувствовали себя так легко. Они предполагали завтра с утра отправиться в путешествие, которое, как они надеялись, даст им возможность добраться до противоположной стороны озера, если не до твердой земли. Разговор вертелся вокруг странного животного, встреченного накануне вечером.

Тревиано рассказал им, что подобные существа, — хотя и разной породы, — находятся в море по большей части возле какого-нибудь берега, где есть пресная вода, около устья реки.

— Ее много видов, — продолжал он: — та, которая водится в индийских морях, называется «*dugong*», в западной Индии ее зовут, «*manati*» или «*manatee*», а по-французски «*lamantin*»; испанцы называют ее «*vaca marina*» — морская корова.

Manati называли ее, вероятно, потому, что плавники морской коровы имеют некоторое сходство с руками человека. У западных берегов Индии водятся более крупные виды, чем те, которые встречаются около берегов Амазонки.

Тут, в свою очередь, вмешался в разговор индеец.

— Одну из особенностей этих животных, — сказал он, — составляют их легкие, объясняющие их земноводную природу. Если вынуть у этого животного легкие и подуть в них, то они раздуваются и становятся легкими как резина.

— В таком случае, — заметил молодой Ричард, — если их надуть таким образом, они могли бы заменить нам «обезьяньи горшки», если бы нам пришлось еще раз долго плыть по воде.

Мэндей рассказал, каким образом охотятся на юару.

Охотник или рыболов запасается «montaria» (легкий челноком) и острогой. Он гребет к месту, где может появиться животное: обыкновенно это бывает уединенное озерцо или место в стороне от течения, где находится трава, которой оно питается. Враг, сидя в своем челноке, молча ждет приближения животных, являющихся обыкновенно со своими детенышами. Он подстерегает ту минуту, когда юару хорошенько займутся питанием, чтобы приблизиться как можно тише, так как эти млекопитающие очень пугливы и недоверчивы. Когда человек, сидящий в челноке, подплывает на близкое расстояние к своим жертвам, то со всей силой бросает в одну из них свою острогу. Привязанная к рукоятке оружия веревка не позволяет раненому животному уйти.

Живущие по берегам Амазонки индейцы со страстью предаются этой охоте.

Когда вода спадет, а озера или постоянные пруды войдут в берега, то ловля острогой морской коровы становится очень прибыльной. Тогда индейцы еще увлеченнее предаются этой охоте. Когда они делают открытие, что какое-то озеро посещается целой стаей этих животных, тогда деревня пустеет. Мужчины, женщины и дети, захватив с собой горшки для вытапливания жира, который потом выгодно продают, направляются к указанному месту, и вот тогда-то начинается настоящая бойня. В охоте принимают участие даже собаки.

Во время таких отловов даются большие пиры, и устраиваются разнообразные увеселения. Мэндруку присутствовал на многих pescado морской коровы и мог многое рассказать из того, что пришлось ему видеть. Рассказали эти все слушали с большим вниманием до самой полуночи, когда, наконец, пора было подумать и о ночном отдыхе.

На рассвете все уже были на ногах на новом плоту, и после завтрака попробовали заставить дерево плыть. Исполнить это было нелегко. Монгуба неподвижно лежала на воде, и хотя раньше это и был роскошный хлопчатник, величественно возвышавшийся над своими лесными собратьями, теперь она засела точно свинцовая, между подоросями.

Можете вообразить себе, какие затруднения представляло собой передвижение такой огромной колоды; но, к счастью, нож Мэндея не бездействовал предыдущий день, и результатом его работы явилась пара весел. Хотя

« грубо сделанные весла эти в общем прекрасно исполняли свое назначение, служа в то же время доказательством изобретательности ума того, кто их изготовил. У них были деревянные рукоятки и костяные лопасти. Излишним будет прибавлять, что древки были сделаны из ветвей паразитов. Что же касается лопастей, то для этого мэндруку воспользовался костями морской коровы. Предусмотрительный индеец не выбросил их вместе с остальными костями в воду, а тщательно сохранил, равно как и кожу, которой он тоже предполагал дать специальное назначение.

Не в первый раз он видел полезное применение лопастных костей морской коровы. Не одно поле какао и маниока было очищено им самим от излишней растительности с помощью заступа, сделанного из плечевой кости морской коровы.

Итак, с помощью весел заставили колоду двигаться по воде. Продвигались вперед они, конечно, медленно,— главным образом этому мешали длинные корни и широкие листья водяных лилий; но когда, наконец, они выйдут из этого лабиринта, монгуба поплывет гораздо быстрее.

Дальше по открытому пространству гапо шла легкая набуль, дул ветерок, совершенно незаметный около опушки. Ветер был попутный и гнал воду от опушки на середину озера.

Но что им с того, что дует ветер? У них все равно нет ни руля, ни парусов, да и монгуба не лодка и не плот, а просто сухое бревно.

Так, по крайней мере, думали все, за исключением старого мэндруку. Не даром же он пространствовал целых шорок лет по гапо,— не такой он человек, чтобы не суметь устроить паруса. В крайнем случае, если бы у него не было другого материала, он смастерил бы парус из широких листьев росшей как раз около берега пальмы-мирриту, благо ее так много в затопленном лесу. Но у него было кое-что получше листьев пальмы для устройства паруса.

Еще накануне товарищи мэндруку с удивлением смотрели, как он притащил два длинных шеста, вырезать которые ему стоило большого труда, действуя только одним ножом; потом тем же ножом выдолбил он в толстом конце монгубы довольно глубокую ямку. Не понимали они никак, чего ради он так тщательно сохраняет кожу «мор-

ской коровы»; но мэндруку, очевидно, не находил нужным посвящать их в свои планы. Мэндруку был индеец, а индейцы вообще не любят посвящать других, хотя бы и друзей, в свои проекты и поверять им свои мечты. В этом им прежде всего мешает их природная гордость и необщительность. Кроме того, Мэндею, еще так недавно потерпевшему фиаско при попытке переплыть озеро, хотелось теперь сразу и обрадовать своих друзей и удовлетворить свое собственное самолюбие.

Только уже после того, как один из шестов был вставлен в отверстие, проделанное его ножом, и, кроме того, еще привязать крепко-накрепко сипосами к боковым отрогам монгубы, а к этой импровизованной мачте были привязана вместо паруса распяленная шкура «морской коровы», — только тогда стало понятно всем, для чего нужны были и шести и шкура «коровы».

Ветерок надул парус, и монгуба, чуть заметно колыхаясь, довольно быстро начала скользить, если только это выражение применимо к неуклюжему бревну, по блестящей поверхности гапо. Веселыми криками приветствовали все остроумную выдумку индейца. Мэндруку молча принимал поздравления и горделивая улыбка озаряла его медно-красное лицо.

Теперь, раз у них был парус, оставалось только решить, какое выбрать направление.

Солнце взойшло всего часа полтора или два тому назад, и поэтому такому опытному человеку, как мэндруку, нечего было бояться сбиться с дороги. Раз они знали, где восток, — определить остальные страны света сумеет всякий, и даже Том.

Как и раньше, им хотелось перебраться через озеро, где, по мнению индейца, должна быть если не твердая земля, то дорога к ней.

Пробираясь вдоль опушки, они на пространстве целых миль не только не заметили ни малейшего признака земли, но даже не нашли никакого протока, чтобы проникнуть в лес. Оставалось попытать счастья на другой стороне озера, — может там поиски их будут удачнее.

Одно из весел должно было служить рулем, с которым, конечно, не трудно было уже управлять плотом и заставлять его идти в любом направлении, особенно пока можно будет ориентироваться по солнцу — значит до полудня.

Мозэ, с гордостью величавшему себя заправским мо-

риком, поручено было управлять парусом, а у руля стал Том Треванио. Рядом с ним поместился Том, который дру-жим веслом помогал править самодельным рулем.

Индеец в это время всецело занялся наблюдением над сушкой мяса, которая шла хорошо под палящими лучами тропического солнца, ярко сиявшего с безоблачных не-бес.

Молодежь уселась на толстом конце бревна, в шутку прозванного Мозэ палубой. Они то болтали, то играли с животными, разделившими с ними все опасности.

Разговор, естественно, вертелся вокруг того, скоро ли удастся им выбраться.

Велика эта водяная пустыня, хотя и в лесу не скоро отыщешь в ней дорогу; но сколько бы ни продлилось пу-тешествие, они все-таки могли теперь надеяться, что рано или поздно оно окончится, и они покинут, конечно, наве-гда проклятое гапо.

По словам мэндруку, запаса провизии, если соблю-дить некоторую экономию,— должно хватить больше чем на две недели, а этого времени слишком даже достаточно, чтобы добраться до твердой земли, если только они еще раз не запутаются между верхушками деревьев затоплен-ного леса. Какое счастье, что им встретилась морская ко-рова! Без нее они могли бы умереть с голоду, так как не было ни малейшего признака существования хотя бы са-мой маленькой рыбки на всем этом водяном простран-стве, да по всей вероятности ничего не удастся им найти и на противоположном берегу.

В общем монгуба шла очень тихо. Самое большее они продвигались на милю в час, да это еще при попутном ветре, но и это было хорошо, потому что на веслах они продвигались бы вдвое медленнее.

Перед полуднем они лишились компаса: солнце под-нялось к зениту, и теперь нечего было и думать руко-водствоваться им при управлении лодкой, как не без про-чи называл этим именем Мозэ неуклюжий ствол мон-субы.

На общем совете решено было плыть по ветру. Кроме того им все еще видны были вершины самых высоких де-ревьев. Некоторые из них так были приметны, что по ним долго еще можно было управлять лодкой, по крайней мере до тех пор, пока деревья совсем не скроются за горизон-том.

Монгуба продвигалась вперед все медленнее и медленнее, а в самый полдень и совсем встала. Ветер прекратился, и наступил полный штиль. Парус повис как тряпка и пока был совершенно бесполезен.

Попробовали взяться за весла, но на веслах монгуба еле-еле продвигалась вперед, делая не больше узла в час.

По приказанию Треванио весла были убраны,— зачем тратить силы понапрасну,— а так как все успели проголодаться после раннего завтрака, то решили заняться обедом, хотя к обеду имелась только одна вяленая гоиндина.

Мэндруку все время тщательно поддерживал на очаге огонь, добывание которого каждый раз сопряжено было с известными хлопотами. В несколько минут полу сырая говядина отлично поджарилась, и каждый с заметным аппетитом съел свою порцию.

После обеда они собрались вместе побеседовать, так как делать, собственно говоря, было нечего. Через два или самое большее через три часа солнце настолько склонится к западу, что опять можно будет по нему ориентироваться, к тому же к вечеру наверное поднимется и ветер, так, по крайней мере, говорил индеец, а ему в этом можно было смело довериться.

Они весело болтали, перекидываясь шутками и остроумиями, и если что и беспокоило их, так это невыносимый жара. Солнце пекло немилосердно, самый воздух и тот казался раскаленным.

Вдруг Том, который больше всех вертелся на своем месте, отыскивая тень, объявил, что им остается только одно средство избавиться от жары — выкупаться. В воде, во всяком случае, гораздо прохладнее, чем на раскаленной колоде. С этими словами он надел на себя плавательный пояс и бросился в воду. Примеру его последовали трое других мужчин, Треванио, его сын и племянник.

Маленькая Розита сидела под защитой навеса из широких листьев паразитного растения *pothos*, которые были сорваны еще накануне и укреплены между двумя выпуклостями мертвого дерева. Эту палатку устроил кузен Ричард и, по-видимому, очень ею гордился.

Мэндруку, как амазонский уроженец, не боялся тропического солнца, а про африканца Мозэ и говорить нечего,— он с наслаждением принимал солнечную ванну и, растянувшись на бревне, преспокойно заснул.

Но недолго пришлось спать Мозэ: его разбудили крики Тома, а потом и остальных купающихся.

Вслед затем все четверо поспешно стали плыть к бревну, большими взмахами рассекая воду и по временам как-то странно подпрыгивая в воде и болтая ногами в воздухе. Лица у них были испуганными, а крики боли докучивали, что какой-то таинственный враг преследует их в воде и даже пытается схватить.

Что это значит? Что там такое случилось?

Наконец беглецы подплыли к монгубе и вслед затем дихорадочной поспешностью взобрались на бревно.

На вопрос, что их так испугало, купальщики не могли дать определенного ответа. Они и сами не знали: какое-то животное все время кусало их за ноги. Что это за животное — они не знали, но у него острые как иголки зубы, которыми оно рвало тело как острогой.

Но там, наверное, не одно такое животное, а много, потому что каждый получил по нескольку ран и почти в одно и то же время. Их там может быть даже целое стадо.

Ступни ног были покрыты мелкими ранками, из которых понемногу сочилась кровь.

Врагов действительно было много, и, будь вода прозрачнее, они наверное и увидели бы даже этих врагов.

Мэндруку, едва только бросил взгляд на израненные ноги своих товарищей, как в ту же минуту понял, с каким врагом они имели дело; с лица его исчезло озабоченное выражение, и он спокойным тоном сказал:

— О, да это только пиранга!

Глава 16

АНАКОНДА

Но объяснение индейца никого не удовлетворило, пока, наконец, он не сказал, что так называется особая порода хищных рыб.

Пиранга принадлежит к отряду salmonidae; в Амазонке водится несколько различных родов этой рыбы: все они чрезвычайно прожорливы и набрасываются на все, что попадется.

Рыбы эти часто нападают на купающихся, обращая

их в бегство, так как, если человек не успеет уплыть от них, они буквально съедят его живым

Мэндруку, впрочем, обещал своим спутникам отомстить за них прожорливым рыбам.

Он знал, что пиранги, раз попробовав крови, не скоро уйдут, и уверен был, что они теперь рыщут вокруг монгоубы, разыскивая так неожиданно ускользнувшую от них добычу.

Вот прожорливостью-то рыбы он и решил воспользоваться для того, чтоб им отомстить, как он выразился. Пиранга хватает все, что попало, а у них есть чудная приманка для нее — вяленое мясо; надо только придумать, из чего сделать удочки. Да чего же лучше: взять у Розиты штуки две булавок — вот и крючки, а леску с успехом заменит тонкая веревочка, которая хранилась у индейца про запас.

Не больше как через минуту удочка была готова, и ловля началась.

Едва только успели забросить в воду удочку с приманкой, как ее в ту же минуту подхватила пиранга; индеец с торжеством вытащил рыбку и положил около себя на бревно. За первой последовала вторая, за второй — третья и т. д., всего набралось штук двадцать.

Том с какой-то злобной радостью снимал рыбу с крючка и сейчас же ударял ее головой о ствол в отместку за раны, полученные им во время купания.

Вдруг, в ту минуту, когда мэндруку забрасывал удочку, из воды выскочила пиранга, на лету жадно схватив приманку и с такой силой дернула леску, что оборвала веревочку. Веревочка оборвалась почти около самого удилища, которое только одно и осталось в руках рыбака.

Мэндей, зная, что эти рыбы очень вкусны, хотел продолжать ловлю и поэтому опять обратился к Розите с просьбой дать ему еще пару булавок; вместо веревки он вырезал тонкий ремешек из шкуры морской коровы.

Но когда новая удочка была готова, оказалось, что пиранга уже вся ушла, — по крайней мере рыба больше не клевала.

Мэндруку с сожалением вытащил из воды удочку с нетронутой приманкой.

Полученные раны были так ничтожны, что потерявшие даже начали подшучивать друг над другом, но мэндруку сказал им, что нападение пиранги не всегда окон-

чивается так счастливо, как сегодня. Это очень и очень опасная рыба,— ему самому несколько раз с большим трудом удавалось спастись от страшных зубов кровожадных рыб.

Особенно много водится этой рыбы в реке Рапайос (Rapayos) где мэндруку сам был свидетелем, как пиранги в одну минуту заживо обглодали одного индейца до костей. Его лодка перевернулась, и прежде чем успели подать ему помощь с берега, пиранги оставили от него только один скелет.

Рыбы так вкусно выглядели, что у путешественников проснулся аппетит, с общего согласия решено было сейчас же зажарить несколько штук на пробу. Мозэ, в качестве старшего повара, сначала подбросил топлива в огонь, а потом принялся жарить рыбок. Все нашли, что рыбы очень вкусны и в то же время прекрасно зажарены, чем очень польстили таланту повара.

После такого полдника расположение духа их стало еще веселее. Солнце начинало заметно склоняться к западу, и уже несколько порывов ветра обещали на вечер попутный ветерок.

Ветер, по-видимому, дул все еще в том же направлении, а следовательно можно опять будет распустить парус.

Но им в голову не приходило, что как раз в эту минуту под ними дремало нечто худшее, чем огнедышащий вулкан. Отделенное от них всего только несколькими дюймами полусгнившего дерева, находилось существо такого чудовищного роста, что его больше всего на свете боятся индейцы Амазонки от Пара до Перу. В то время, пока они весело разговаривали о том, как они скоро выберутся из гипо, великая «tai d'agoa», мать вод, зашевелилась под ними, собираясь выйти из огромного дупла, в котором она отдыхала до тех пор.

Индеец сидел около огня и выбирал кости из пиранги, которую только что снял с огня, как вдруг одна часть полубогорелых головешек исчезла, обрушившись в дупло дерева, как в печке зола проваливается сквозь решетку.

— Ух! — вскричал индеец, вздрагивая. — Бревно-то должно быть в середине все выгнило. А я-то все не понимал, почему эта колода так легко держится на воде, хотя она насквозь промокла.

— Разве не в этом месте было гнездо токандейра? — спросил Треванио.

— Нет, хозяин. Их гнездо было устроено в одной из веток. А это пустота в главном стволе.

В эту минуту коанта, до сих пор неподвижно сидевшая на своем месте, вдруг беспокойно зашевелилась, испуская жалобные крики.

«Чего это так испугалась обезьяна?» — невольно подумал каждый, хотя в вопросе этом не было пока ничего, кроме обыкновенного любопытства.

Том, на правах покровителя коанты, первым пожелал узнать, что именно испугало его протеже, и не спеша направился к тому месту, где сидела обезьяна.

Но в ту же минуту он весь подался назад и, громко вскрикнув, в ужасе кинулся обратно к своим товарищам; он был бледен как мертвец и не мог выговорить ни слова.

Пока все изумленно переглядывались, не понимая, что это значит, мэндруку, редко терявший самообладание, быстрыми шагами отправился исследовать причину страха. Но через минуту и он уже бежал назад, испуганным голосом повторяя:

— Sancto dias! Это дух вод!

— Дух вод! — машинально повторил за ними то же восклицание Треванио, видимо не понимая значения этого страшного слова.

— Mai d'agoa! mai d'agoa! — как бы в виде пояснения повторил индеец.

— Mai d'agoa! — опять повторил за ним золотопромышленник. — Что это такое? Ее-то вы так и испугались, Мэндей?

Старый индеец, вместо всякого ответа, молча кивнул головой. Хотя он и очень испугался, но теперь, видимо, успел уже прийти в себя и обдумывал, что нужно сделать, чтобы избежать опасности.

— Что вы там увидели. Том? — продолжал Треванио, обращаясь на этот раз к ирландцу, чтобы хоть от него получить удовлетворительный ответ.

— Клянусь св. Патриком, хозяин, я и сам не знаю, что это такое. Из воды на меня посмотрела какая-то большая голова на длинной шее. Глаза у этого чудовища горят как уголья. Св. Патрик! Если это не дух вод, то сам дьявол!

— Mai d'agoa, дядя, — проговорил Ричард шепотом: — «мать вод», так индейцы называют большую змею анаконду. Должно быть ее-то и видели Том и мэндруку. Да я сейчас сам пойду посмотреть.

С этими словами молодой человек сделал движение, направляясь к тому месту, где должно было находиться таинственное чудовище, но индеец остановил его за руку

— Не ходите туда, молодой хозяин, не ходите туда! Оставайтесь, где стоите! Я же сказал вам, что это таи d'агоа, дух вод!

— Глупости, Мэндей! Никакого духа вод там нет. Вы видели анаконду! Пустите меня посмотреть на нее! Я хорошо знаю водяных боа, я сотни раз видел их на островах, в устье Амазонки. Я их не боюсь, они не ядовиты. Может быть вы видели какого-нибудь великана боа, а то, повторяю вам, для нас опасности нет никакой.

Ричард смело направился к противоположному концу монгубы, но едва бросил взгляд за борт, как в ту же минуту, громко вскрикнув, кинулся назад.

— Это анаконда! Такой большой я не видал никогда! — объявил он. — Не удивительно, Мэндей, что вы приняли ее за таи d'агоа. Это чудовище очень опасно.

— Разве нам грозит какая-нибудь опасность, кузен? — спросил Ральф, глядя на испуганное лицо Ричарда.

— Я думаю, что особенной опасности нет, — ответил Ричард с некоторым колебанием. — Я надеюсь, что мы успеем уничтожить ее прежде, чем она на нас нападет... но у нас нет оружия! Что делать, Мэндей?

— Сидите смирно и не шумите! — прошептал индеец. — Может быть она останется на своем месте, пока мне удастся пронзить ей шею копьем, и тогда... Sanctos Dîos! слишком поздно! Она уже вылезает на колоду!

И действительно, пресмыкающееся было таково, что могло внушить ужас даже самым смелым людям. Длинною анаконда была с хороший шест, мрачный огонь горел в ее глазах, раздвоившийся язык далеко высунулся из разинутой пасти. По чешуйчатой голове змеи еще струились вода, отчего кожа ее отливала каким-то особенным металлическим блеском.

Дети и взрослые в испуге отступили на противоположный конец бревна, откуда со страхом и удивлением смотрели, как голова чудовища медленно продвигалась вдоль ствола, точно выбирая, на кого первого лучше всего кинуться.

Мэндруку стал впереди всех, в правой руке он держал свое копье, как бы собираясь вступить в битву с врагом.

Сейчас же за ним стоял Ричард, судорожно сжимая нож индейца.

Вдруг ствол монгубы слегка зашатался у них под ногами. Все еще больше отодвинулись назад. Змея поднялась над бревном и затем опять положила свою голову на ствол, видимо решившись на что-то. Еще минута — и, слегка изгибаясь, анаконда поползла к своим жертвам, уверенная, что добыча не может уйти от нее. Уйти! Но куда уйти от анаконды, которую так справедливо прозвали индейцы «духом воды», — вода для нее родная стихия.

Все смотрели то на змею, то на индейца. Неужели мэндруку ничего не может придумать для их спасения? Но тут же к удивлению своему, убеждались, что насколько змея была уверена в себе, настолько же индеец казался неуверенным.

Становилось очевидным, что мэндруку не питал никакой надежды победить змею копьём, которое и в самом деле было далеко не надежным оружием для борьбы со страшным чудовищем.

Треванио предложил было броситься в воду.

— Нет, хозяин! Все что угодно, за исключением этого,— отвечал индеец: — этого-то именно змея и желает. Раз только мы бросимся в воду — один из нас наверное погиб.

— Ну, а теперь разве нам не то же самое грозит?

— Нет еще! Нет еще! — отвечал мэндруку.

Очевидно, он уже придумал какой-то план спасения

— Передайте мне вон ту обезьяну,— сказал он затем, обращаясь к стоявшим сзади него.

Том, всеми признанный покровитель коаиты, принял это требование на свой счет и немедленно поспешил исполнить приказание, хотя и не понимал, зачем это понадобилось индейцу коанта.

И только уже после того, как мэндруку, держа в руках обезьяну, двинулся навстречу анаконде, Том и все остальные поняли, зачем именно требовал индеец обезьяну: коаита должна быть принесена в жертву, чтобы этим отвлечь внимание анаконды от остальных.

При других обстоятельствах Том может быть и не согласился бы на эту жертву, но раз это было необходимо для спасения всех, он, конечно, даже и не рискнул вступить за участь бедной коаиты.

Мэндей медленно двинулся вперед по направлению к демону, остановился на полдороге и потом вдруг изо всех

1890

1891

1892

сил бросил бедную обезьяну навстречу чудовищу. Последнее уже раскрыло свою пасть, чтобы схватить коанту, как обезьяна с быстротой, свойственной этой породе, заметив опасность, кинулась от надвигавшегося на нее раздвоенного языка и одним прыжком очутилась на верху мачты, оставив Мэндея лицом к лицу с анакондой, которая, взбешенная неудачей, готова была ринуться на индейца.

Мэндруку медленно стал отступать назад. С перепугу он наступил на все еще дымившийся костер на мертвом дереве и ногами нечаянно разбросал курившейся головешки.

Мэндруку опять вооружился своим копьем; змея была уже совсем близко от него. Все дрожали, — так действовала на них нерешительность индейца. Раз он потерял голову, что же могли сделать они?

Оставалось одно — броситься в воду; но, как оказалось, они и этого даже не могли сделать, потому что не было плавательных поясов, а без их помощи многие не могли бы и минуты удержаться на воде. Но, к несчастью, пояса были на том конце бревна, и они не могли достать их, иначе как пройдя мимо анаконды. Один из них должен быть принесен в жертву... но кто именно?

Ричард, казалось, решил пожертвовать собою для того, чтобы спасти остальных. Он стал впереди всех, даже сам Мэндей очутился сзади него.

Он сам да и все остальные думали, что настал его последний час. Нельзя же серьезно рассчитывать на успех, не имея другого оружия, кроме ножа.

Но Провидению угодно было, чтобы путешественники избегли и этой новой опасности.

К их великому удивлению анаконда вдруг отступила с чрезвычайной поспешностью и бросилась в воду, как будто спасаясь от какой-то страшной и неожиданной опасности.

Все с радостью видели, как быстро удаляется змея от монгубы, хотя и боялись, как бы не вздумала она вернуться опять.

В сущности не было ничего удивительного, что анаконда так стремительно обратилась в бегство.

Они видели, как змея проползла по раскиданным ногам индейца головешкам, слышали, как зашипела ее кожа на раскаленных угольях, и поняли, что змея бежит

ла потому, что получила сильные ожоги. Они боялись только, чтобы змея не вздумала вернуться.

Сначала анаконда плыла, делая круги, а потом направилась прямо к лесу, как бы решившись покинуть озеро.

Несколько минут смотрели они на удаляющуюся змею и только когда анаконда совсем скрылась из глаз, все мало-помалу успокоились.

Прежде всего их, конечно, интересовало, каким образом попала анаконда на монгубу. Но мэндруку очень легко объяснил это.

Виутренность дерева представляла собою колоссальное дупло. Змея, по всей вероятности, забралась туда отдохнуть, чтобы во время сна переварить какую-нибудь крупную добычу — лань, ламу или может быть даже целого оленя. Очень возможно, что сон ее продолжался уже несколько недель, начавшись еще раньше, чем бревно унесло водой. Первые подозрения относительно того, что на бревне не все благополучно, были вызваны разведением костра, так удачно устроенного Мэндеем.

Пустота, где помещалось гнездо токандейра, была совсем другая. Очевидно, маленькие насекомые и большое пресмыкающееся даже совсем и не знали о существовании друг друга.

Затем сам собою начался разговор вообще о подобно-го рода змеях. Ораторами были Ричард и мэндруку и частью сам Треванио, который, впрочем, мог сообщить только теоретические сведения из книг.

Тем временем поднялся ветерок, и монгуба с раздутым парусом вновь начала скользить по зеркальной поверхности озера. Вдали на горизонте показалась земля или, по крайней мере, верхушки деревьев затопленного леса.

Но в этот день им не удалось хорошенько рассмотреть, что такое виднеется там вдали; солнце начало садиться, а с ним скрылись из глаз и верхушки деревьев покинутой ими части затопленного леса.

Но на этот раз они не стали снимать паруса; ветер продолжал дуть все в одном направлении и к тому же все небо было усеяно мириадами блестящих звезд, по которым можно было безошибочно определять направление, которого следовало держаться.

Анаконда продолжала служить главным предметом разговора: негр и Мэндей, один за другим, рассказывали

тысячи самых невероятных вещей об этом пресмыкающемся. Но из всех этих рассказов верный только один, что в реках Южной Америки водятся действительно пресмыкающиеся или «водяные боа», достигающие тридцати футов в длину. Чудовища эти могут проглатывать четвероногих ростом с лошадь или корову; но все боа, без исключения, не ядовиты,— они убивают свою жертву, обвиваясь вокруг нее и душа ее; наевшись досыта, боа обыкновенно отправляются в свое логовище или в ближайшее укромное местечко, засыпают там и остаются в состоянии оцепенения до тех пор, пока не переварится пища.

В тропической Америке существует несколько видов этих змей; их можно разделить на две совершенно различные группы: «боа» в собственном смысле и «водяные боа», или анаконда. Первые живут исключительно на твердой земле, а последние, хотя и не живут постоянно в воде, встречаются только там, где воды в изобилии. Они отлично плавают, но при этом еще могут ловко лазить по самым высоким деревьям.

Глава 17

ЛЕСНОЙ ДЬЯВОЛ

В разговорах прошло незаметно время до позднего вечера. Монгуба с распущенным парусом все так же быстро продолжала продвигаться вперед.

Но, наконец, все объявили, что устали и хотят спать. Решено было, что мужчины по двое будут стоять на вахте и управлять движением монгубы,— один специально будет следить за парусом, а другой исполнять обязанности рулевого.

На первую вахту стали Мозз и Том,— последний рулевым.

В доверии, которое опять было оказано Тому, нет ничего удивительного. Несмотря на то, что он был, так сказать, главным виновником крушения галатен, никто и не думал сердиться на него за это: подобную ошибку мог сделать даже и человек, более его знакомый с Амазонкой. К тому же Том и сам не раз громко высказывал сожаление о случившемся. Да и опасности заблудиться не было никакой,— стоило только уйти по ветру.

Негр, до тех пор чувствовавший непонятную антипа

тию к Тому, со времени катастрофы находился в лучших отношениях с ирландцем.

Эту ночь они сидели один возле другого, как братья; они гордились, что наконец-то и им дали не только самостоятельное, но, по их мнению, даже и серьезное поручение. До сих пор они действовали только под управлением индейца и считали себя этим до некоторой степени обиженными, хотя и не могли открыто показывать свое неудовольствие, так как оба они были обязаны спасением жизни тому же индейцу. В душе они вовсе не были благодарными, но им казалось, что все их считают людьми ничего не стоящими, — поручение управлять монгубой как бы опровергало это убеждение.

Мэндруку, по настоянию Треванио, должен был всю эту ночь употребить на отдых. Но индеец имел какую-то таинственную причину бодрствовать именно эту ночь, и поэтому, не желая вступать в бесполезные споры с хозяином, он сделал вид, что повинуется, и полуприлег, облокотясь спиной на один из выступов и чутко прислушиваясь к тому, что делается кругом.

Как негр, так и уроженец «Зеленого Эрина», по природе своей принадлежали к людям, которые не любят молчать; поэтому, как только они убедились, что все остальные уснули, сейчас же завязали оживленную беседу.

Темой разговора, само собой разумеется, служили имен

— Ведь в вашей стране их много, Мозэ? — спросил Том.

— Да, масса Том, да и какие еще громадные!

— Но таких-то уж наверное нет, как мы видели сегодня.

— Как! Вы называете это большой змеей? Но ведь она была не больше десяти ярдов длиной. У нас, в Африке, случается видеть змей длиною больше мили и толще бревна, на котором мы сидим.

— Длиннее мили? Вы смеетесь надо мной! Да неужели вам удавалось когда-нибудь видеть такую большую змею своими собственными глазами?

— Да, масса Том.

— И такую же толстую, как это дерево?

— Но уверяю вас, масса! Змея, о которой я вам говорю, была такой длины, что два раза обернулась вокруг краляя.

— Что это такое «крааль»?

— Это место, где мы, негры, живем; это то, что белых называют деревней. Деревня, о которой я вам говорю, состояла из ста домов!

— Вы шутите, Мозэ! Какая же это змея, что могла обвиться вокруг ста домов!

— Уверяю вас, что оно так и было.

— Когда же вы это видели?

— Когда я был еще ребенком. Если хотите, я расскажу вам эту историю; если бы я не был одним из самых ловких мальчишек, я теперь не был бы здесь, около вас.

— Расскажите-ка, Мозэ.

— Ну, так вот, масса Том, крааль, о котором я вам говорил, был моей родной деревушкой. Мне тогда было должно быть лет около десяти. Около крааля находился лес, в котором водились всевозможные страшные звери: буйволы, слоны, носороги, бегемоты и большие обезьяны. Но всего больше было в этом лесу змей, змей и маленьких, и больших — все страшно ядовитые. Мы называем большую змею в нашем Мозамбике лесным дьяволом. Раз он появился как раз на заре, когда весь крааль еще спал, и два раза обвился вокруг деревушки.

— Я вас немножко не понимаю, Мозэ. Змея два раза проползла вокруг крааля — так хотите вы сказать?

— Нет. Я просто говорю вам, что, когда крааль проснулся, все увидели, что «лесной дьявол» два раза обвился своим туловищем вокруг деревни; он лежал кольцом и два раза, и вокруг всего крааля образовался как бы барьер в десять футов высоты.

— Да хранит нас святой Патрик!

— Ах, масса Том! Я слышал, как вы говорили, что святой, которого вы постоянно призываете, был великим истребителем змей в вашей стране. Я желал бы, чтобы и это утро он был на Мозамбике, — быть может у меня и до сих пор были бы еще живы отец и мать.

— Вы сирота?

— Я осиротел в это самое утро.

— Рассказывайте дальше, Мозэ.

— Хотя змея и обвилась два раза вокруг крааля, но шея у нее оставалась еще свободной, и какая длинная шея! Змея могла ворочать ею куда угодно и хватать своей страшной пастью все, что ни попадет. И вот «лесной дьявол» стал переводить свою голову от одного дома к другому до тех пор, пока не пожрал всех до последнего мужчину, женщин и детей. Он съел начальника краали

так же, как и простого воина. А бедных детей он глотал штук по восьми или по десяти за раз, все равно, как муравьед уничтожал токандейра. Некоторые мужчины и женщины пытались было бежать, но уйти не удалось никому. Когда они подбегали к страшному барьеру, чтобы перелезть через туловище змеи, «лесной дьявол» встряхивался и сбрасывал их на землю, куда попало, а потом пожирал.

— Ну, а как же вам удалось уйти от него, Мозэ?

— О, это была чудесная штука! Как я уже вам говорил, я был мальчишкой лет десяти и жил в услужении у начальника, дом которого мы называли дворцом. Ну, хорошо! Когда я увидел большую раскрытую пасть, движущуюся с места на место и пожиравшую всех без исключения, я понял, что бесполезно было бы прятаться в доме. Как раз перед дворцом возвышался огромный шест с флагом, развевавшимся на самой верхушке. Пока другие в отчаянии бегали во все стороны, я взобрался на шест и обмотался флагом, так что меня не стало видно. Когда «лесной дьявол» съел всех людей в краале, то ему даже и в голову не пришло поднять голову и взглянуть на верхушку шеста. Я просидел на шесте до тех пор, пока страшное чудовище не ушло опять в лес. Потом я соскользнул с шеста и пошел к нашему дому узнать, не уцелели ли каким-нибудь образом мои отец и мать, но «лесной дьявол» съел и их вместе со всеми остальными. Наш крааль опустел, а я в тот же день пошел к морю и поступил на корабль. Вот почему я так далеко теперь от своей родины.

Несмотря на то, что Мозэ говорил самым серьезным образом, Том, по-видимому, не особенно-то поверил этому более чем фантастическому рассказу. Как ни был ирландец прост, но и он понял, что хитрый негр просто-напросто морочит его.

После короткого молчания они, впрочем, снова возобновили разговор, но совсем на другую тему.

Рулевой вдруг увидел, что звезда, по которой он до сих пор правил, исчезла, но не потому, что скрылась за горизонтом, а потому, что все небо покрылось толстым слоем облаков. Десять минут спустя на небе и вовсе не стало видно звезд и править рулем теперь было незачем.

Но Том, несмотря на это, не выпустил гребка из рук, чтобы удерживать, по возможности, колоду в том же на-

правлении, так как все еще продолжал дуть попутный ветер.

Но не больше, как через час, ветер начал понемногу спадать, и наконец наступил полный штиль. Монгуба неподвижно остановилась среди озера.

Том, проученный горьким опытом, хотел сейчас же разбудить остальных путешественников, но негр отогнал его.

— Зачем будить их? — сказал Мозэ. — Не лучше ли дать им возможность провести хоть одну ночь спокойно, а там, когда ветер поднимется опять, мы и одни, без их помощи, сумеем заставить бревно идти куда следует.

Пока они решали вопрос — будить или не будить остальных, внимание их привлекли какие-то странные звуки, в которых слышалось и завывание ветра в лесу и голоса зверей и птиц. Звуки эти доносились издали и неясно.

— Что это такое? — спросил Том, обращаясь к негру. — Вы не можете объяснить мне это, Мозэ?

— Там впереди, должно быть, большой лес.

— А почему вы это думаете? Почему именно лес?

— Эти странные звуки по-моему — голоса лесных животных.

— Мне кажется, что вы правы, товарищ! В таком случае, значит, мы недалеко от другого берега озера, а это как раз именно то, чего мы и желали.

— А, это хорошо! Наконец-то! Не разбудить ли нам хозяина, чтобы сказать ему об этом?

— Нет, я думаю лучше оставить их спать до рассвета, до которого теперь уже недалеко. Мне даже кажется, что я вижу первые проблески зари вон там вдали.

— Ах! Да что же это! — раздалось вдруг восклицание негра.

— Где? Что вы такое увидели?

— Вон там впереди. Это огонь или что-то такое, что блестит как огонь. Разве вы не видите, масса Том?

— Это правда, я вижу что-то блестящее...

— Что случилось? — спросил Треванио, проснувшись в эту минуту и слышавший вопрос негра.

— Огонь впереди, хозяин!

— Да, это огонь или что-то очень похожее на него. Странно, мне кажется, что я даже вижу в двух местах огни.

— Да, да, видны два огня!

- Я еще слышу и звуки.
- Да, хозяин, мы тоже их давно уже слышим.
- Почему же вы не разбудили нас до сих пор? Ночь темная, и мы опять могли бы сбиться с дороги. Звуки исходят из леса. Мэндей! Мэндей!
- Гола! — отвечал индеец, вставая. — Что случилось, хозяин? Опять что-нибудь неладно?
- Нет, напротив, мы наконец-то, кажется, переплыли через озеро.
- Да! Да! — подтвердил индеец, внимательно прислушиваясь к доносившимся издали звукам. — Земля! Между деревьями виден свет!
- Да, это мы уже видели.
- Это огни. Мы наконец достигли земли!
- Слава Богу! Слава Богу! — радостно вскричал индеец. — Наконец-то кончились наши бедствия!
- Может быть да, а может быть и нет... — прошептал затем мэндруку голосом, в котором слышались сомнения и боязнь.
- Чего вы еще боитесь, Мэндей? — спросил Треванино. — Если это действительно огни, то они наверное зажжены людьми и непременно на твердой земле. Значит тут есть какое-нибудь селение, где, само собою разумеется, мы найдем все, что нам нужно в настоящее время.
- Ах, хозяин! Кто знает, что там? Ну, а что, если жители этой деревни, вместо того, чтобы оказать нам гостеприимство, нападут на нас, а потом и съедят?
- Что такое? Значит вы думаете, что в этой деревушке живут людоеды?
- Мне так кажется, хозяин.
- Господи спаси и помилуй! — завопил Том.
- Как раз в эту минуту проснулись Ричард, Ральф и маленькая Розита и, услышавши слово «людоеды», немедленно вскрикнули от страха.
- Счастье наше, — проговорил мэндруку, осматриваясь кругом, — что ветер ослаб, иначе нас могло бы отнести слишком близко к берегу. Я поплыву к огням и постараюсь разузнать, какие это люди живут там. А вы придете со мной, молодой хозяин?
- О, конечно! — отвечал Ричард.
- Ну, хорошо! — продолжал мэндруку. — А вы постарайтесь как можно меньше шуметь, пока нас не будет; мы ведь уже не очень-то далеко от этих огней — всего в одной мили, если только не ближе; к тому же на воде

слышно очень далеко. Если это враги и если они услышат, тогда нам не уйти от них, и мы наверное пропадем. Пойдемте, молодой хозяин, нам нельзя терять ни минуты. Теперь уже недалеко и до рассвета. Если мы увидим, что опасность, то нам только что хватит времени бежать, воспользовавшись темнотой. Иначе нам нет спасения. Плывите за мной!

С этими словами мэндруку тихонько соскользнул в воду и поплыл к двум огням, лучи которых с каждой минутой все более и более разъединялись.

— Не пугайтесь, Розита,— сказал Ричард, прощаясь с кухней: — я готов поручиться, что на берегу мы найдем какую-нибудь плантацию. Там наверное живут такие же, как и мы, белые люди; они дадут нам лодку, на которой мы и доберемся до Пара. До свидания! Мы вернемся скоро и с добрыми вестями.

Не успели разведчики проплыть сотни, другой ярдом как ясно увидели, что лес от них был вовсе недалеко и даже гораздо ближе, чем это казалось им с плавучего дерева.

Они, правда, могли только различать темную линию возвышавшуюся над поверхностью воды и простиравшуюся направо и налево на довольно большое расстояние, зато они отлично могли теперь объяснить доносившиеся к ним на палубу неясные звуки. Это был целый хор стрекотанье кузнечиков и стрекоз, кваканье лягушек и крики водяных птиц, сов, жалобный писк летучих мышей, которые породы которых водятся исключительно в лесах гапо: «whip-roog-will» и «willy comeo», распевавшие по ночам свои монотонные мелодии.

Но всего громче слышались крики и хохот обезьян ревунов да жалобные ноющие стоны ленивца, в поисках добычи медленно перебирававшегося с одного дерева на другое.

Однако разведчикам мало было дела до всех этих криков,— их занимали только огни, которые становились все яснее по мере приближения к ним. Для них важным было узнать, кем именно разведены эти огни — друзьями или врагами — наконец, где они разведены — на твердой земле или нет.

Ричарду казалось, что огни видны как раз на самом берегу озера и, без всякого сомнения, на твердой земле. Спутник же его сильно сомневался в этом и не без основания. Огни горели не одинаково: они то разгорались

Иногда, то уменьшались; временами то один, то другой огонь совсем потухал, а потом разгорался снова.

Ричард с удивлением спрашивал индейца, что это значит; объяснение Мэндея было очень просто и к тому же весьма правдоподобно.

— Огни, — отвечал индеец, — разведены не на самой опушке, а немного дальше, в лесу; поэтому-то временами и кажется, что тот или другой огонь потух, тогда как они просто-напросто заслонены группой передовых деревьев.

Пловцы все продолжали приближаться, шепотом сообщая друг другу свои наблюдения. Вскоре они проникли под тень густой листвы и тогда увидели огни гораздо отчетливее. Ричарду показалось было в первую минуту, что огни разведены на краю какой-нибудь возвышенности. Но взглядевшись пристальнее, они увидели что красноватый цвет огня откуда-то сверху падал на водяную поверхность, отражавшую в себе огонь снизу; они казались точно подвешенными над водой.

Когда разведчики подплыли еще ближе и глаза их привыкли к яркому блеску пламени, они увидели, что огни разведены на чем-то вроде подмосток, возвышавшихся на несколько футов над поверхностью воды; подмостки эти были устроены на деревьях. Дальше они различили еще такие же подмостки, на которых, однако, еще не видно было огня, вероятно потому, что обитатели этих воздушных хижин еще спали. Вокруг пламени виднелись движущиеся человеческие фигуры. Между деревьями были подвешены гамаки, одни пустые, а в других спали какие-то люди. Слышны были голоса мужчин, женщин и детей.

Мэндруку осторожно подвинулся к своему молодому товарищу и прошептал ему на ухо:

— Малокка.

Ричард знал, что такое «малокка». По-индейски это значит деревушка или вообще поселок.

— Так значит, — спросил юноша, — мы достигли твердой земли?

— Нет.

— Но деревушка! Ведь она все-таки доказывает, что мы приближаемся к твердой земле.

— Отнюдь нет, молодой хозяин. Деревушка вроде той, которую мы видим теперь, доказывает противное.

— Во всяком случае для нас большое счастье, не

правда ли, что мы напали на эту малокку, висящую между небом и землей?

— Это зависит от того, кто в ней живет. Очень может быть, что здесь живут даже людоеды.

— Да разве в гапо живут каннибалы?

— Есть, молодой хозяин, да еще сколько! В гапо живут и такие дикари, которые, прежде чем убить, подвернут сначала самым ужасным пыткам, особенно если в плен к ним попадутся бледнолицые. Они до сих пор еще не забыли, почему им пришлось покинуть твердую землю и поселиться среди затопленных лесов. Великий Бог! Если это малокка мурасов, то чем скорее уйдем мы отсюда, тем будет лучше. Вас они не пощадят, как бледнолицых, но не пощадят они и меня, хотя я такой же краснокосый, как и они. Племя мэндруку в смертельной вражде с мурасами.

— Что же делать? — спросил молодой человек.

— Остановимся на минутку и послушаем. Схватитесь, молодой хозяин, за этот сипос, вскарабкайтесь на него и не говорите ни слова; дайте мне послушать, что они говорят. Я знаю их язык, и мне достаточно будет услышать хоть одно слово из их разговора. Шш!

Ричард последовал этому совету.

Едва успел индеец схватить первые слова разговора, как весь вздрогнул; сильная тревога читалась на его лице, — Ричард увидел это при слабом отблеске отдаленных огней.

— Я угадал, — прошептал мэндруку минуту спустя: — это — мурасы. Надо уходить, не теряя ни минуты. Все, что мы можем сделать, — это грести как можно быстрее, чтобы скрыть от их глаз плавучее дерево; если это нам не удастся, мы все пропали!

Пловцы удалились от огней гораздо быстрее, чем приближались к ним, и поплыли к монгубе, ни разу не останавливаясь дорогой на отдых.

Глава 18

ПОД ЗЕЛЕНЫМ СВОДОМ

Сообщенное разведчиками известие всех не только удивило, но и страшно перепугало. Треванио не хотел верить в существование кровожадных людоедов и гото

был счесть за преувеличение сообщение индейца. Но Ричард, не раз слышавший в доме своего отца рассказы о людоедах от путешествовавших по Амазонке купцов, подерживал Мэндея.

— Путешественникам прекрасно было известно, — говорил Ричард, — что в гапо живет несколько племен диких карей, устраивающих себе жилища во время наводнений на вершинах деревьев; некоторые из этих племен — людосды, а вообще все они дики и жестоки.

Золотопромышленник, наконец, был убежден этими доводами и решил спасаться бегством. Он кинулся к одному из гребков и сам первый подал пример усиленной деятельности: индеец взялся за другой.

План бегства был предложен индейцем и состоял в том, чтобы сначала идти вдоль линии деревьев, а потом, когда станет рассветать, укрыться в лесу.

Бывший золотопромышленник и индеец работали изо всех сил. Когда они отплыли примерно на полмили, Треманио обернулся назад, чтобы взглянуть на пылавшие огни, как на маяки, которых следовало избегать.

Огней видно было уже такое множество, что казалось, будто дикари развели огни затем, чтобы зажечь и самый лес. Они блистали между деревьями, далеко распространяя от себя лучи. Число их увеличилось. Мэндруку обещали, что каждый новый огонь означал особую семью. Вероятно все занимались приготовлением завтрака.

Напуганные рассказами мэндруку, каждый из них несколько подумал, что не предупреди их вовремя индеец, они теперь, чего доброго, жарились бы уже на этих самых огнях и попали бы на завтрак людоедам.

Монгуба, как нарочно, казалось не плыла никогда так медленно; несмотря на все усилия гребцов, дерево одна-едва двигалось.

Ветра не было, и парус не только не был нужен, а даже мешал, поэтому негр, по приказанию индейца, ослабил веревки и потихоньку опустил парус.

Когда они отплыли еще на полмили, то увидели, что начинало светать; над верхушками деревьев затопленного леса загоралась заря, за которой, как это и всегда бывает на экваторе, сейчас же должен был наступить и день.

До лесной опушки оставалось еще не меньше полумили, которые нужно было пройти во что бы то ни стало до наступления дня. Соличный свет начинал пробивать-

ся сквозь зеленую листву, и огни становились все бледнее по мере его приближения. Еще десять минут — и свет совсем погас.

Треванио и мэндруку работали веслами, как люди, которые дрожат за свою жизнь и за жизнь своих товарищей.

Казалось, что даже само солнце приняло в них участие: яркие лучи его вдруг потускнели, и снова наступила предрассветная полутьма. Впрочем, это может быть произошло потому, что монгуба в это время уже вошла под густо нависшие над водой ветви. Но как бы то ни было, кругом их было темно, и, к своему счастью, они входили в устье небольшого игарапе.

Устье игарапе имело вид небольшой бухты, окаймленной деревьями, густолиственные ветви которых переплетались верхушками, образуя как бы вход в темную пещеру, обещавшую довольно надежное убежище. Было так темно, что беглецы не могли даже рассмотреть, как далеко простиралось это случайно открытое ими игарапе. Сначала индеец, а за ним и Треванио опустили ветви и стали исследовать бухточку.

Царившую кругом темноту освещали только сновали над водою светящиеся мухи. По счастью, мух этих было здесь множество, и они к тому же принадлежали к самой крупной породе светляков, известной под именем *socius* (*clater noctilucus*). Если держать такую муху над печатным листом, то можно отлично читать. А так как мухи то и дело сновали по всем направлениям игарапе, то, благодаря отбрасываемому ими свету, путешественники скоро рассмотрели, что игарапе, в сущности, было небольшим заливчиком, окруженным со всех сторон заплотенными деревьями.

Постепенно, по мере того, как солнце поднималось все выше и выше по небу, ярко сиявший свет его проник между листвой; теперь уже и без помощи светляков видно было, что игарапе углублялось не больше как на сто ярдов в лабиринт ветвей и растений-паразитов. Выбраться из этой бухты можно было, только покинув монгубу и вновь отправившись странствовать по деревьям или же выплыть на озеро.

Ни то, ни другое из этих средств им не годилось; они уже слишком хорошо знали удовольствие путешествовать по ветвям, но при этом еще нужно было бы расстаться с монгубой, благодаря которой им только и удалось по-

11
14

11/10/11

900
 80
 180
 1000

11/10
 11/10
 11/10

11/10

реплыть озеро; расстаться с ней без особенной необходимости не желал даже и мэндруку.

Вернуться же на озеро — значит наверняка отдаться в руки дикарей; солнце светило ярко, и раз только выйдут они из-под навеса, то из малокки их наверное кто-нибудь да увидит.

У дикарей были лодки, привязанные к стволам деревьев, как раз под их воздушными жилищами.

Мэндруку и Ричард видели эти лодки во время своей разведки; как ни грубо сделаны эти челны, они во всяком случае лучше сухой монгубы, и дикари на них в десять минут догонят беглецов, а что погоня будет, в этом никто и не сомневался. Оставалось только одно, — провести весь день в этом так счастливо найденном убежище, в надежде, что никто из дикарей может быть и не попадет в это место.

А там, когда стемнеет, можно будет сделать попытку потихоньку проскользнуть вдоль опушки и к утру уйти подальше от малокки людоедов, — придется, конечно, всю ночь не переставая поочередно поработать веслами.

Решившись поступить таким образом, путешественники подтащили монгубу в самый темный угол бухты и сипосами крепко привязали ее к дереву; сами же как могли удобнее разместились на нижних ветвях того дерева.

Перспектива провести в такой обстановке целый день не имела в себе ничего привлекательного, и при этом еще каждую минуту ожидать, что вот-вот покажется голова краснокожего людоеда и громким криком подаст таким же как и он людоедам сигнал, извещающий их о счастливой находке.

Само собою разумеется, приняты были всевозможные предосторожности, чтобы не быть открытыми. Решено было даже не разводиться огня на плавучем дереве. А огонь между тем был бы очень и очень нужен, хотя бы только для приготовления завтрака; но так как дым мог выдать их присутствие, то все решили, что в этот день будут есть вяленое мясо и непрожаренным. Хотя сами путешественники и сидели в темноте, но перед собою они видели свет, проникавший под прямой линией к ним под деревья.

Положение их похоже было на положение человека, запертого в пещере или гроте и видящего перед собой океан. Глаза их беспрестанно направлялись к этому ослепительному пункту в надежде не увидеть на нем ничего

нового Им не было надобности следить за тем, что делается в лесу: за ними и с обеих сторон стояла крепкая стена из древесных вершин, покрытая к тому же лианами, точно настоящей зеленой тканью, казавшейся непротодимой даже и для лесных зверей.

А если нельзя тут пробраться зверю, то нельзя будет пробраться и человеку. Поэтому-то взоры всех были устремлены только на озеро.

По временам у них завязывалась оживленная беседа, хотя все одинаково старались говорить по возможности тихо.

До полудня не случилось ничего особенного, и все начали надеяться, что дикари их не заметят по крайней мере в этот день, а завтра их и самих тут не будет.

Та же тишина и спокойствие продолжались и потом. По временам только какая-нибудь птица пролетала через озеро, пересекая блестящую полосу, освещенную солнцем. Затем показалась пара морских коров и спокойно стала рвать водоросли у самого входа в бухточку.

Все это вместе еще более заставляло предполагать, что вблизи на озере нет ни одного человеческого существа.

Насытившись, одна из коров уплыла, а другая осталась и по-видимому заснула. Вид спящей коровы был слишком заманчивым зрелищем для старого мэндруку; ему стоило больших усилий удержаться, чтобы не напасть на корову, если не с ножом, то с копьем из пашиубы. Но мэндруку побороло искушение и, хотя и не без сожаления, ограничился тем, что смотрел, как животное сладко спит на солнышке.

К несчастью как для наших путешественников, так и для морской коровы, кроме мэндруку, еще другие глаза следили за животными и также хорошо заприметили, что оставшаяся на месте корова предалась послеобеденному отдыху. Ни Мэндей, ни его товарищи и не подозревали этого обстоятельства; они так долго смотрели на морскую корову, что наконец стали как бы не замечать ее. Вдруг они увидели, как корова метнулась в воде и после двух или трех беспорядочных ныряний опустилась на глубину.

Движения эти были так внезапны и так неестественны, что могли быть вызваны только нападением врага.

В гапо не было ни акул, ни меч-рыбы, а якаре, даже и самый большой, никогда не рискнет нападать на такое огромное млекопитающее, как морская корова.

Некоторые из смотревших на корову объявили, что видели, как блеснуло в воздухе что-то как молния, в ту самую минуту, когда подпрыгнула корова.

— *Pa terra!* — вскричал мэндруку, очевидно встревоженный: — я знаю что это такое, не шевелитесь — или мы пропали!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Треванио

— Смотрите туда, хозяин! Разве вы не видите, как рябит вода?

— Ведь это очень естественно после такого ныряния коровы.

— Посмотрите хорошенько на эту рябь. Это от веревки... А дальше вы увидите кое-что и другое...

Мэндею не пришлось продолжать объяснение.

Спутники его и сами теперь отлично видели веревку, с привязанным к ней поплавком, а за ним и лодку, в которой сидел индеец, по-видимому преследовавший раненое животное. Этот дикарь похож был скорей на обезьяну, чем на человека. Его маленькое тело с отвислым животом, длинные руки, с наростами на коленях, ноги, огромная голова с массой заплетенных волос, выдающиеся щеки, впалые глаза, — все это делало краснокожего мало похожим на своих собратьев краснокожих. Розита при виде дикаря судорожно закрыла лицо руками, и из уст ее вырвался крик ужаса.

— *Tс!* — прошептал Мэндей. — Как можно тише! Ни слова, иначе дикарь нас заметит — и тогда все пропало!

Приказание индейца было исполнено буквально, и ни монгубе не слышно было более ни одного звука.

Очевидно, дикарь до сих пор ничего не видел и не слышал, казалось, он всецело занят был охотой и думал только о том, как бы не ускользнула у него добыча. Поплавок помогал ему не только не терять из виду животное, но даже позволял следить за каждым шагом его под водой и, кроме того, давал еще знать, насколько серьезна рана и сильно ли ослабла морская корова.

Поплавок двигался то в одну сторону, то в другую, а по временам и совсем неподвижно останавливался на воде.

Каждый раз, как поплавок останавливался, дикарь складывал весла и, схватившись за бечевку, начинал тащить, но рыба еще была жива, и ему приходилось ни пускать веревку и снова плыть на всплеск за поплавком

Лодка дикаря была небольшая, хрупкая и грубая

ся сделанная из куска древесной коры, связанной с двух сторон спицами так, чтобы придать ей, некоторым образом, вид настоящей лодки. Даже гребя изо всех сил, на ней нельзя было бы плыть быстро. Но ему это вовсе и не нужно было, следовало только запастись терпением и выждать, пока животное, раненое заостренным концом гарпуна, само обессилит от потери крови.

Наконец лодка и поплавок исчезли из глаз наблюдателей, и они уже начали надеяться, что так и не увидят больше отвратительную фигуру дикаря. Но вдруг, в ту минуту, когда они поздравляли себя с счастливым избавлением от опасности, дикарь снова вернулся, и — увя! — лодка его направлялась к их убежищу.

Дикарь, нагнувшись над своим веслом, вытянув шею и жадно сверкая глазами, плыл под темный свод, в маленькую бухточку.

Не было никакого сомнения, — они будут сейчас открыты. Ни уйти, ни скрыться некуда!

Глава 19

ПЛЕННЫЙ ЛЮДОЕД

Едва ли не больше самих путешественников испугался сам дикарь, когда увидел перед собой целую группу бледнолицых.

Страшный крик сорвался с его уст и выразил и его испуг и его удивление.

У индейцев, как и у диких зверей, присутствие духа — скорее инстинкт, чем результат размышления. Мураш, вслед за восклицанием удивления, немедленно погрузил свое весло в воду и начал грести, спеша поскорее выбраться на открытую воду и уйти от опасного, по его мнению, соседства.

Двадцати секунд было ему совершенно достаточно, чтобы почти совсем выйти из-под свода: он уже был всего в нескольких футах от устья, за которым виднелась широкая гладь озера, откуда он думал направиться к миловке и привести своих товарищей, чтобы захватить бледнолицых.

Но из тех, кого мураш считал своими злейшими врагами, никто и не подумал преследовать его. Когда показалась лодка, Том, правда, хотел было ухватить ее за

нос, но дикарь так быстро и с такой силой оттолкнулся от дерева, что ирландец полетел в воду и чуть-чуть не утонул.

Попытка эта, может быть, и привела бы к иному результату, если бы Мэндей был здесь, но он куда-то скрылся, а куда, — никто не знал, так как с момента появления дикаря мэндруку исчез.

Маленькая Розита, впрочем, уверяла, что она видела, как мэндруку соскользнул позади колоды еще в то время, пока лодка двигалась вперед. В этой стороне было так темно и она так была занята дикарем, что хорошенько не рассмотрела, куда скрылся индеец. Может быть, он просто спрятался где-нибудь наверху, в ветвях.

Неужели он покинул своих спутников в такую опасную минуту, чтобы только спастись самому? Нет, этого не может быть: мэндруку не такой человек. Он и не трус и не способен покинуть друзей. Даже злейший враг индейца и тот не мог бы обвинить его в измене друзьям.

А раз решено, что он не изменил им, куда же он делся? Не случилось ли уж с ним чего? Но Розита говорит, что видела его только что...

Страшно и непонятно.

Но недолго продолжалось их недоумение.

Как раз в ту минуту, когда лодка дикаря достигла устья бухты, что-то круглое и темное, по виду очень похожее на человеческую голову, показалось из воды, и головой из воды показалась рука.

Вдруг рука протянулась к лодке, схватила ее и с такой силой рванула, что лодка опрокинулась. Испуганный дикарь не удержал равновесия и с криком упал в воду. Вслед за тем в воде началась страшная борьба: казалось, что это смертный бой двух крокодилов, слышны было сдавленное ворчание, видны были только две темные массы, сцепившиеся друг с другом.

Зрители с удивлением смотрели на страшную борьбу, хорошенько не понимая, что там происходит. Прошла еще минута, а борцы, все еще продолжая сражаться, стали как будто приближаться к дереву, где сидели зрители. Вслед за тем из воды показался мэндруку, а рядом с ним дикарь из лодки. Мэндруку в зубах держал блестящее лезвие ножа, с которым дикарь успел уже познаться, что до известной степени способствовало уничтожению людоеда.

— Протяните руку и схватите его, хозяин! — крикнул

мэндруку, подплывая к дереву.— Я не хочу убивать это животное, хотя это было бы самым верным средством навсегда покончить с ним.

— Нет, нет, не делайте этого! — крикнул ему Треванио.— Мы лучше будем держать его в плену, а если крики его не были слышны в деревне, нам нечего бояться.

Затем Треванио спустился на нижнюю ветвь, схватил пленника и потащил его к краю древесного ствола. Здесь с помощью Мэндея и Мозэ втащил наконец мураса наверх.

Когда дикаря втащили на дерево, он весь дрожал, конечно, от страха, что его сейчас же съедят. Так по крайней мере он сам поступил бы со своим пленником и поэтому думал, что и с ним будет то же самое.

Красная струя крови, сочившейся из небольшой раны на спине, объяснила, почему сравнительно так легко сдался дикарь Мэндею. Он перестал сопротивляться только после того, как получил эту рану в виде предостережения, что второй удар будет гораздо серьезный.

Все, разумеется, сейчас же засыпали индейца вопросами, интересуясь знать подробности приключения.

— Пока дикарь подвигался вперед,— отвечал мэндруку,— я потихоньку спустился в воду и поплыл прямо к выходу из бухты, чтобы встретиться с мурасом, когда он будет возвращаться назад за помощью.

Благодаря темноте, а также и большому волнению, вследствие ныряния морской коровы, мэндруку отлично удалось пробраться незамеченным. Вода волновалась очень сильно и, ударяясь о стволы деревьев, образовывала пену. Он спрятался, уцепившись за ветку дерева, и там дожидался возвращения индейца, так как был уверен, что дикарь при виде бледнолицых непременно обратится в бегство.

— Ну, а что если там услышали крик дикаря? — спросил Треванио.— Тогда нам наверное не избежать плена, и еще сегодня же мы поедем в малокку, судя по огням, которые мы видели ночью, мне кажется, что этих отвратительных тварей целые сотни, а мы без оружия, нам нечем защищаться. Как-то мы выпутаемся из этой беды? Хорошо еще, Мэндей,— добавил золотопромышленник,— что вы не убили этого мураса.

— Почему, хозяин? — с удивлением спросил мэндруку.

— Потому что убийство одного из них только бы еще

больше раздражило дикарей, и, если бы после этого мы попались к ним в плен, они сильнее бы стали нас мучить.

— О! — возразил мэндруку, — если на наше несчастье мы попадем в плен, то нас никоим образом не пощадят: из-за недостатка мести у них есть аппетит, благодаря которому мы заранее можем считать себя осужденными на смерть. Поняли вы меня, хозяин?

Этот разговор велся почти шепотом, чтобы не возбуждать напрасного беспокойства в других.

— Боже, Боже! — простонал Треванио, смотря на своих детей. — Что же нам делать? Если дикари откроют наше убежище до наступления ночи, мы наверное попадем в плен.

— Если только крик мураса не был услышан, то, могу уверить вас, хозяин, что нам не грозит никакой особенной опасности, по крайней мере сегодня. А после захода солнца мы сейчас же троемся в путь и еще до полуночи будем далеко от проклятых людоедов. Эге! А лодка-то уплывает. Ее во что бы то ни стало надо не упустить! Я сейчас догоню ее!

С этими словами мэндруку бросился в воду: он спешил догнать лодку дикаря и притащить ее назад под вод, где они скрывались. Поднимавшийся ветерок уже начал подталкивать ее к середине озера, — еще немного, и ее нельзя будет и догнать. А вид лодки, в особенности перевернутой вверх дном, поднял бы тревогу во всей малокке.

Но мэндруку мастерски плывал и успел догнать лодку раньше, чем она отошла далеко. Схватить затем за болтавшийся по воде обрывок причальной веревки и притащить за собой лодку — было уже вовсе нетрудно.

Весь день провели наши путешественники в своем убежище, изредка только переговариваясь полушепотом.

От времени до времени однако мэндруку подплывал к выходу из бухты и из-за нависших над водой деревьев осматривая озеро.

Но ничего подозрительного не было видно. Он, правда, видел лодку гораздо больше той, которой им удалось спастись, в ней сидело трое мужчин, но они направлялись всем в другую сторону и все время держались на середине озера, приблизительно в двухстах ярдах от берега и к тому же как раз против малокки. Мэндруку следил за лодкой все время, пока она была видна. Движения

сидевших в ней дикарей доказывали, что они ловят рыбу, но какого рода рыбу могли они ловить на этом огромном озере,— это осталось тайной даже и для такого знатока гапо, как мэндруку.

Приблизительно через час рыбаки, по-видимому не поймав ничего, взяли за весла и направились к лесу, к своей малокке,— больше их уже не было видно. Это очень обрадовало как самого мэндруку, так и остальных, когда он рассказал им о результатах своих наблюдений. Очевидно, пленный гарпунщик выехал потихоньку один, поэтому жители малокки и не знали даже хорошенько, где он пропадает. Если это предположение верно,— значит бледнолицым нечего особенно бояться нападения дикарей.

Но весь вопрос заключался в том, сколько времени могло продолжаться отсутствие мураса, не возбуждая этим подозрений своих соплеменников? Кто знает, может быть, у него есть жена, наконец друзья, которые, чего доброго, вздумают отправиться на розыски пропавшего?

— Не беспокойтесь,— отвечал мэндруку на вопросы золотопромышленника: — отсутствие дикаря в малокке никого не удивит. Они беспокоятся о своих пропавших товарищах не больше, чем, например, стало бы беспокоиться стадо обезьян коаиты об одной из отбившихся от него. Если даже у него и есть жена,— чего я, впрочем, не думаю — так она будет только рада, что наконец избавилась от него. А если вы думаете, что, может быть, его друзья отправятся разыскивать его, так в этом вы очень и очень ошибаетесь. Мурасы и понятия не имеют о том, что такое настоящая дружба. Вот если бы кто-нибудь из них увидел, что этот дикарь убил гарпуном морскую корову, и, тогда дело другое. Тогда бы они все явились сюда за получением своей доли из добычи, как стадо голодных коршунов. Разве только случай направил их в эту сторону, а то нам нечего их бояться, по крайней мере на нынешний день. Ну а завтра пусть себе делают, что хотят,— лишь бы не сегодня. Только бы дождалась ночи, а там у меня есть такой план, что мы не только отделаемся от дикарей, но даже и сами окончательно выберемся из этого проклятого озера.

С самого утра они еще ничего не ели, так как боялись разводить огонь, чтобы дым не привлек внимания дикарей. Впрочем наиболее проголодавшиеся не выжидали и съели по небольшому куску вяленого мяса, и

ильные же терпеливо ждали, полагаясь на обещание мэндруку, уверявшего их, что они будут иметь возможность полакомиться жареным мясом еще до наступления уари следующего дня. Но мурас совсем иначе объяснял себе это воздержание от пищи. Несчастный думал, что они просто хотят полакомиться его собственным мясом.

Для того, чтобы пленник не убежал, его связали по рукам и по ногам самыми крепкими сипосами. Кроме того, он был еще привязан и к монгубе. Крепко скрученная мана обвивала его шею. Словом, приняты были все меры предосторожности, чтобы лишить возможности бежать.

Хотя дикарь и не мог рассчитывать воспользоваться лодкой — она была довольно далеко от него — но это вовсе не было для него помехой присоединиться к своим товарищам, если бы только ему удалось бежать, потому, что, по уверению Мэндея, мурас мог путешествовать по порщинам деревьев с легкостью обезьяны.

Тревиано сначала сомневался, не преувеличил ли мэндруку грозившую им опасность, сказавши, что мурасы — людоеды. Но вид пленника против его воли убеждал его, что старый индеец был прав, сказавши, что мурас принадлежит к людоедам. Если бы не вмешательство бледнолицых, мэндруку, наверное изменил бы свое первоначальное намерение оставить жизнь дикарю и наоборот поступил бы с ним по совету старой индейской пословицы: «мертвые не говорят».

Глава 20

КРИК ЯГУАРА

Наконец кончился этот бесконечный длинный день, и наступила ночь, которую все ждали с таким нетерпением. Но на этот раз наступающая ночь обещала мало хорошего: едва успело солнце скрыться за горизонтом, как пошла луна и тихо поплыла по безоблачному небу.

Появление луны особенно опечалило мэндруку, который если и ждал ночи, то только темной; свет же не только мешал, но положительно расстраивал все его планы.

Он рассчитывал под прикрытием ночи вывести монгубу на озеро и затем, если ветер будет попутным, распустить парус, а нет, — так и на веслах постараться до света как можно дальше уйти от малокки. Но так

как на попутный ветер особенно нечего рассчитывать, то он заранее уже посвятил своих путешественников, кои должны быть распределены силы гребцов, чтобы бегство продолжилось безостановочно всю ночь. Если до утра им не удастся уйти достаточно далеко, а на одних местах далеко не уйдешь, то на весь следующий день они опять спрячутся где-нибудь под деревьями до ночи.

Но восход луны надолго, если не на всю ночь, задерживал их бегство. По мере того, как ночное светило поднималось над горизонтом, вся поверхность озера освещалась бледным сиянием, при котором не только громадный ствол монгубы, но даже малейший темный предмет будет легко замечен из малонки на ровной блестящей поверхности озера.

Дикари и не думали ложиться спать. Вся малонка горела тысячами огней, отражавшихся в воде. Из леса снова слышались те же странные и в то же время полные таинственной прелести звуки. Только временами к этим голосам примешивалось в эту ночь жалобное мюканье ягуара, этого свирепого ночного хищника.

Заслышав крик ягуара, Треванио даже как будто обрадовался,—ему казалось, что присутствие хищника означает близость земли.

— Ну, это далеко не так хозяин,— заметил мэндруку: — может быть, ягуара просто застигло наводнение, и он, так же как и мы, нашел себе убежище на деревьях. Разница вся в том, что ягуар везде проберется свободно, а мы нет, и с голоду он не умрет, потому что сумеет найти добычу там, где нам и не достать. Само собой разумеется, что по инстинкту он тоже постепенно пробирается к твердой земле. Впрочем, в гапо есть места, где земля выступает над водой, такие места во время васапте становятся островами. Жакагитэ очень любит жить на таких островах, потому что находит там себе добычу, которая так сказать, заперта в его же тюрьме. Нет, хозяин, присутствие ягуара не есть признак твердой земли, мы, может быть, еще очень и очень далеко от нее.

Пока индеец говорил, крик ягуара опять повторился, заставив на время затихнуть всех остальных обитателей леса. Но вдруг ужасные крики, несшиеся из малонки, послышались под зеленым сводом, где скрывались наши путешественники. Мэндруку, хорошо знавший привычки врагов своего народа, сказал, что это заунывное пение

было знаком радости,— дикарям удалось поймать какую-нибудь крупную добычу.

Слова индейца успокоили остальных его товарищей, значит не отсутствие мураса было причиной этих адских воплей.

Настала полночь, а луна все так же ярко продолжала сиять с безоблачного неба, освещая бледным волшебным светом всю окрестность.

Мэндруку начиная высказывать явные признаки беспокойства, несколько раз выплывал он к устью бухты и затем все более и более хмурым возвращался к своим товарищам.

Наконец, когда после шестой подобной экскурсии вернулся он на монгубу, лицо его уже не имело такого озабоченного выражения.

— Вы теперь выглядите довольным,— проговорил Греванио: — что такое вы открыли?

— Я видел облако.

— Я, право, не понимаю, что же тут особенно радостного для нас.

— Я видел облако не особенно большое, но на востоке, со стороны Гран-Пара. Это значит много.

— В самом деле?

— Конечно. От Гран-Пара, значит от великой реки, здесь скоро будет не одно это облако, а целая туча, пойдет дождь, будет гроза. А нам это-то и нужно. Я еще раз поплыву к выходу из игарапе, чтобы хорошенько осмотреть небо. Не трогайтесь с места до моего возвращения и молитесь, чтобы я принес вам хорошие вести.

Говоря так, индеец снова прыгнул в воду, но еще раньше, чем он вернулся, беглецы уже знали, какие известия он им принесет. Признаки были слишком очевидны, чтобы можно было еще сомневаться. Свет луны становился все бледнее и бледнее, и скоро мрак царил над всем гапо. Сделалось так темно, что, когда мэндруку вернулся наконец назад, о прибытии его узнали только по всплеску воды, которую он рассекал руками.

— Теперь настало время привести в исполнение мой план,— сказал мэндруку, влезая на дерево: — я не ошибся! гроза продвинулась; через несколько минут станет настолько темно, что без риска можно пробраться в манку.

— Что такое? Вы хотите пробраться зачем-то в манку?

— Да, хозяин.

— И вы пойдете одни?

— Нет, мне хотелось бы взять кого-нибудь с собой.

— Но кого?

— Кого-нибудь, кто мог бы плавать как рыба.

— Значит, моего племянника Ричарда?

— Его самого. Никто другой не может быть мне так полезен.

— Но ведь опасность очень велика?

— Да, — отвечал мэндруку, — но опасность будет еще больше, если мы не пойдем. Если нам удастся то, что я задумал, то мы спасены, если же мы не пойдем и останемся здесь, то нам остается только приготовиться к смерти.

— Но почему бы нам не сделать так, как мы предполагали раньше: воспользоваться темнотой и бежать на монгубе?

— Отчего же? Можно, но только на нашей колоде мы не успеем пройти и мили до рассвета, а тогда...

— Дорогой дядя, — вмешался юный Ричард, — пожалуйста Мэндею сделать то, что он задумал. Положим, отправляясь с ним, я рискую жизнью, но ведь так же точно и все мы рискуем жизнью каждый день, каждую минуту. Я уверен, что мы вернемся целыми и невредимыми... Позволь мне идти с ним, милый дядя.

Треванио оставалось только согласиться на эту дерзкую просьбу, и он позволил племяннику сопровождать индейца в рискованном его предприятии.

Мэндруку и Ричард сели в лодку, отнятую у мурисов, и бесшумно удалились, предварительно простившись со своими спутниками.

Беспокойство индейца и молодого человека за исход их предприятия было, конечно, гораздо слабее тревоги друзей, оставшихся в ожидании их на монгубе.

Едва только смельчаки успели скрыться в темноте, как Треванио стал сожалеть, что дал свое согласие. Разве не ему придется отвечать за жизнь Ричарда, порученного ему братом?

Страх его еще более увеличивался теми словами, которые сказал ему на прощанье мэндруку:

— Хозяин, если мы не вернемся до рассвета, оставайтесь здесь до завтрашнего вечера, тогда, если будет темно, сделайте так, как мы решили поступить до этого. Бегите, но не бойтесь ничего. Я, впрочем, говорю это вам

ик, на всякий случай. Но мэндруку недаром прожил только лет,— я уверен в удаче. Ра terra! Через час мы уйдемся и привезем с собою то, в чем мы более всего нуждаемся, чтобы выбраться из гапо и уйти подальше от наших врагов.

Оставшиеся путешественники перешли на монгубу и сидели здесь, предаваясь грустным размышлениям. Под влиянием горя они совсем забыли наставление мэндруку — как можно лучше стеречь пленника. Небрежность надзора объяснялась еще и тем, что они знали, что пленник по рукам и ногам связан сипосами, и не предполагали, чтобы дикарь мог освободиться без посторонней помощи. Они не знали с кем имели дело.

Как только мурас заметил, что стражи не обращают на него внимания, он как угорь выкрутился из опутывавших его сипосов, потихоньку соскользнул с колоды в воду и без шума поплыл к вершинам деревьев. Исчезновение пленника долго не было замечено сторожами. Только через полчаса узнали они, что пленник бежал.

Все были удивлены и испуганы и, по приказанию Тревио, стали искать беглеца, но того и след простыл. Тут у входа в игарапе показалась чуть не целая флотилия лодок, которые вслед за тем направились к тому месту, где скрывались путешественники.

Глава 21

ПОЯВЛЕНИЕ ВРАГОВ

Мэндруку и его молодой спутник, выбравшись из бухты, направили лодку к деревушке мурасов. Несмотря на царившую кругом темноту, им вовсе нетрудно было найти дорогу к малокке. Хотя большинство огней было уже потушено, но кое-где все еще виднелись красные точки ярко пылавших костров, к которым и направились наши смельчаки. На всякий случай мэндруку принял всевозможные предосторожности: он не пошел напрямик через озеро, а подвигался вдоль опушки, чтобы все время быть под прикрытием деревьев. Меньше чем, через полчаса они были уже в ста ярдах от малокки.

Здесь они привязали лодку к дереву так, чтобы во всякое время ее легко было найти, а сами спрыгнули в воду и поплыли дальше. На обоих пловцах были надеты

пояса из скорлупок сапукайи, которыми они запаслись на тот случай, если почему-нибудь очень долго придется пробыть в воде или неподвижно оставаться на одном месте, не производя шума. Все их оружие состояло из одного ножа, принадлежавшего индейцу.

Как ни тихо плыли они, а через несколько минут были уже около подмостков, под которыми внизу были привязаны лодки.

В малокке, по-видимому, все уже спали: не видно было ни одного живого существа, не слышно было ни звука; несколько лодок было привязано к стволам деревьев, поддерживавших подмости.

К этим-то лодкам и направлялся мэндруку. Три из этих лодок были простые игарите, или челноки из древесной коры, а три другие, значительно по размерам, более походили на настоящие лодки. В каждую из них могло поместиться человек по восьми.

Мэндруку сначала занялся только большими лодками. Он поочередно подплывал к ним, стараясь держаться таким образом, чтобы голова его не очень была заметна случайному наблюдателю. Его молодой товарищ деятельно помогал ему, поддерживая лодку руками.

Что они тут делали?

Подплывая к лодке, индеец прорезывал острым ножом дно, и вслед за тем лодка наполнялась водой и тонувала.

По всей вероятности, вся операция потопления лодок была бы закончена без всякого приключения, если бы не оплошность стражи, благодаря которой хитрому мурасу удалось бежать.

В ту минуту, когда мэндруку и Ричард, потопив все лодки, хотели влезть в последнюю, еще нетронутую, вдруг показался темный предмет, который можно было принять за демона вод. Уцепившись за лиану, он одним прыжком вскарабкался на подмости. Несмотря на темноту, мэндруку тотчас же узнал пленного мураса.

— Sancto Dios! — прошептал он: — это дикарь. Они его выпустили, и теперь мы открыты. Скорей в игарите, молодой хозяин. Отлично! Вот два гребка, берите один, я возьму другой! Надо торопиться. Через десять минут мы будем вне опасности: видите лодки тонут. Если бы он нам дал еще десять минут, прежде чем поднять тревогу! А! Тревога! Скорей!.. Скорей!..

В это время наверху, на подмостках, раздался лай

ной. То был сигнал, которым дикарь давал знать своим о грозящей опасности. Он, конечно, не знал, да и подозревать не мог, какую операцию собирался проделать мэндруку над лодками, но он видел, как двое белых отплыли на его собственной лодке, и на основании этого решил, что они отправились на разведку в малокку.

Не успел мурас подать сигнал, как на него ответила целая сотня яростных голосов.

Менее чем в десять минут все племя было на ногах и устремилось к озеру.

Нечего говорить, что мэндруку и его спутник не стали ожидать результатов своей таинственной работы над лодками. Быстро вскочили они в уцелевшую пирогу и принялись грести изо всех сил, спеша к своим товарищам, которые наверно ждут их с нетерпением.

Бегство пленника сильно беспокоило всех, и беспокойство это вовсе не улеглось при виде лодки, входившей под свод. Им даже показалось, что тут не одна лодка, а, по крайней мере, целая дюжина, которую привел сюда, конечно, не кто иной, как бежавший пленник.

Где же в таком случае Ричард и мэндруку? Что случилось с ними? Но пирога в это время подплыла к монгубе, и все увидели, что те, кого они считали погибшими, здоровы и невредимы. Громкий крик радости приветствовал появление друзей.

— Скорей, скорей! — заторопил их мэндруку. — Вы сделали большую ошибку, выпустив пленника... Садитесь скорее все в игарите!

Отдавая эти приказания, индеец прыгнул на монгубу и, разорвав сверху донизу кожаный парус, бросил его в лодку, куда кинул также и несколько кусков мяса морской коровы.

Тем временем все успели уже перейти с дерева в лодку. Ричард заботливо усадил маленькую Розиту. Мэндей и негр взяли за весла, так как нельзя было терять ни минуты, а Треванио и его племянник воспользовались гребками, сделанными из костей морской коровы.

Через двадцать секунд пирога вышла уже из-под свода и плыла по озеру.

— Куда же мы поплывем? — спросил Треванио, переставая на минуту работать гребком.

— Сейчас хозяин, — отвечал индеец, выпрямившись во весь рост и устремив глаза на малокку: — сначала надо узнать, в состоянии ли дикари нас преследовать.

— А вы разве думаете, что они может быть и не стнут нас преследовать?

— Погони не было бы, я уверен в этом, если бы мы не выпустили той поганой обезьяны; нам теперь и бояться ее было бы нечего. Пожалуй, еще не все лодки затонули как следует, и они успеют их вытащить.

На востоке занималась заря, и хотя было еще далеко до рассвета, но это была уже не та глубокая темнота царившая за несколько минут перед тем.

Но мэндруку не долго прислушивался к тому, что делается в малокке.

По-видимому, мурасы опять все улеглись спать — такая тишина была в той стороне. Огни были потушены, не слышно было ни одного звука.

Мэндруку с недовольным видом объявил, что такая тишина дурной знак.

— Почему? — спросил Треванио, думавший совершенно иное.

— Это очень просто, хозяин. Мурасы заняты работой, а потому и не слышно больше их криков. Если бы они не собирались за нами в погоню, не потому что они хотели бы, а потому что было бы не на чем, они подняли бы страшный вой. Вы можете быть уверены, что они теперь отлывают свои лодки, которые не успели еще совсем затонуть.

И мэндруку рассказал наконец, зачем путешествовали они с Ричардом в малокку.

— В путь! В путь, да пожнвей! — крикнул он затем.

Нечего было долго задумываться над тем, куда плыть: все равно куда бы то ни было, только подальше от малокки. Треванио предложил было идти под тени деревьев, а когда совсем станет светло — скрыться куда-нибудь под деревьями, если это, впрочем, понадобится.

— Нет! — возразил мэндруку. — Через десять минут на воде будет светло. Плыть вдоль опушки — значит делать большой крюк, а дикари погонятся за нами по прямой линии; и потом, неужели вы думаете, что днем они не найдут нас под деревьями?

— Это правда, — согласился Треванио. — Остается только надеяться, что они может быть и не станут нас преследовать.

— А вот посмотрим, — отвечал индеец. — Минут через пять станет совсем светло, и тогда можно будет сказать

же утвердительно, что делается в малокке и потонул одки или нет.

Но не прошло еще и пяти минут, как — увы! — от темной линии, образуемой помостами малокки, отделилась одка.

— Большое игарите,— прошептал мэндруку,— этого я именно и боялся.

— А взгляните-ка туда,— сказал Ричард: — за большой лодкой идет еще и другая, только поменьше.

— Если лодок больше не будет,— мы спасены,— закричал мэндруку.

— В них сидят дикари; в общем их, кажется, не более десяти человек.

— Ну это еще не так много, только бы не показались еще лодки, а с этими-то десятью обезьянами мы справимся, хотя нас и меньше. Эх, если бы у нас было хоть какое-нибудь оружие!

Говоря таким образом, бывший золотопромышленник взглянул на дно лодки, чтобы удостовериться, нет ли там какого-нибудь оружия. Там оказались копье из пашиуба, которое индеец захватил вместе с парусом и вяленым мясом, и нечто вроде зазубренного копьеца или острия, которой дикарь ранил морскую корову. К этому небольшому арсеналу можно было прибавить еще гребки, сделанные из коровьих лопаток, и нож мэндруку.

Треванио спокойным тоном объявил, что им, если и грозит некоторая опасность, так только от стрел и дротиков.

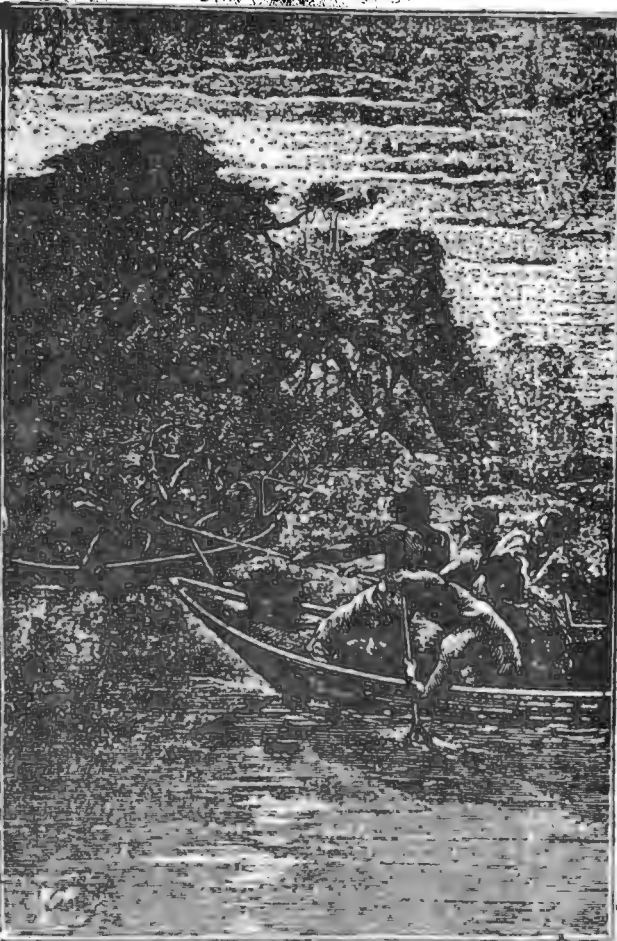
По счастью, кроме этих двух лодок, еще не было видно ни одной.

— Они наверное нас догонят,— заметил мэндруку: — потому что они гребут вшестером, и уже теперь расстояние заметно уменьшилось. Скорей! Скорей! Гребите из всех сил, спасайте свою жизнь! Чем ближе мы будем от деревни, тем больше для нас будет опасности: они могут выудить еще несколько лодок и пустить их за нами в погоню!

Все гребли молча, тогда как преследователи, человек семь или десять, завывали самым ужаснейшим образом, рассчитывая без сомнения напугать этим своих врагов.

Но беглецы решили лучше погибнуть в бою, чем сдаться кровожадным людоедам.

Скоро дикари подплыли к лодке беглецов на расстоя-

не выстрела из лука. Первое начало неприязненных действий, ознаменовавшее приближение дикарей, был целый град стрел, не достигших, впрочем, цели.

Видя, что они находятся еще на очень далеком расстоянии и что стрелы их не могут никого ранить, шестеро чурасов снова взялись за весла, в то время как двое остальных дикарей продолжали пускать стрелы в убегающее игарите. Стрелки обладали не только твердой рукой, но и верным глазом. Одна из стрел зацепила кудрявый затылок негра, другая ранила в щеку Тома, а третья воткнулась в кожу морской коровы, защищавшую Розиту, подвергнув серьезной опасности маленькое создание, находившееся под ней.

Ловкий стрелок, виновник всех этих трех ударов, был не кто иной, как бежавший пленник, человек с острогой. Четвертую стрелу ждали со страшной боязнью; она прогнала над водой и пробила руку мэндруку. Последний выпустил весла, вскрикнув скорее от гнева, чем от боли, потому что был ранен слегка.

Острые стрелы еще торчало в левой руке. Мэндруку выгнул ее правой рукой и быстро выхватил острогу с привязанной к ней длинной веревкой, которую он уже прикрепил к корме игарите. Вслед за тем он стал на корме и начал размахивать острогой, как бы собираясь ее бросить.

Минуту спустя ловко направленная острога впиалась между ребер дикаря-стрелка.

— Тащите! Тащите! — кричал мэндруку.

Дикари в испуге перестали грести и остановили свою лодку, в то время как пирога бледнолицых быстро начала уходить.

Но дикари скоро пришли в себя и прежде всего вытащили гарпун из тела своего раненого товарища и бросили его в воду. Мэндруку воспользовался этим и быстро стал подбирать веревку, чтобы вытащить острогу из воды.

Страшный крик раздался на лодке дикарей. Некоторое время преследователи оставались точно парализованными. Удивление сделало их неподвижными, точно статуи. Но побуждаемые инстинктом мщения, они снова погрузили весла в воду и приблизились к своим врагам. Еще несколько взмахов, и бледнолицые очутятся в их власти.

Целый поток стрел опять обрушился на игарите, но

без всякого результата. Второй залп удался не лучше, и гребцы снова взялись за весла, чтобы не давать очертания далеко уходить беглецам.

Они были не больше как в двадцати ярдах от игарите. Стрелки снова взялись за луки; теперь уже стрелителю собирались сразу все девять человек. Это действительно опасно: они могли не только ранить, но даже и убить кого-нибудь.

В первый раз наши беглецы почувствовали страх. Они были беззащитны против ужасного дождя стрел — каждый из них уже видел себя смертельно раненым.

Но вдруг, к великому их удивлению, дикари опустили луки, с растерянным видом поглядывая на дно пироги, как-будто увидели там самого опасного своего врага.

Мэндруку без затруднения объяснил, в чем тут дело. Дыра, проверченная ножом, снова раскрылась и лодка, в которой сидели мурасы, стала наполняться водой.

Он не ошибся. Меньше чем через двадцать минут лодка погрузилась в воду, и дикари барахтались в озере.

Теперь бояться их было нечего. Им самим нужно было заботиться о том, чтобы спасти свою жизнь; до милочки не близко, и хотя мурасы и плавают как рыбы, им все-таки будет нелегко это сделать.

Скоро большое игарите, на котором плыли наши путешественники, только одно и виднелось на всем озере.

Глава 22

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потребовалось бы написать еще целый том, чтобы рассказать различные приключения золотопромышленника и его спутников, прежде чем они достигли Гранд-Пара; но так как приключения эти имели некоторое сходство с теми, о которых мы уже рассказали, поэтому мы расскажем только о том, как потерпевшие крушение выбрались из гапо.

Игарите, несмотря на грубую постройку, все-таки была лодка, а не необтесанное сухое бревно. Кроме того, у них были четыре пары весел и паруса из кожи морской коровы, дававшие им возможность плыть по затопленному лесу по всем направлениям.

Первой их мыслью было уйти с озера. Пока они не выйдут из него, им грозила опасность подвергнуться новой погоне дикарей, как только тем удастся вытащить и починить затопленные лодки. Движимые инстинктом канибализма, или потребностью мщения, они, по всей вероятности, опять появятся — может быть не сейчас, не сегодня, так завтра. Полное истребление их «флота», может несколько замедлить нападение, но рано или поздно они все-таки снова пустятся в погоню.

Таким образом, пока все сводилось к тому, чтобы возможно скорее выбраться с озера.

Но для этого прежде всего нужно было решить: в какой стороне выход из озера, или же оно, со всех сторон окружено затопленным лесом? Дать на это определенный ответ не мог даже и сам мэндруку.

Вернуться в ту сторону, откуда они приплыли на мертвом дереве, было бы бесполезным путешествием. Они знали, что вода залила собою громадное пространство, потому что в продолжение многих миль они проплыли, следуя вдоль опушки с помощью своих плавательных поясов.

По окончании битвы с дикарями они еще некоторое время плыли в том же направлении, но потом повернули как раз под прямым углом, так как по опыту знали, что в той стороне нет выхода из затопленного леса.

По счастью выбор пути был сделан очень удачно.

Едва только подошли они поближе к опушке, как заметили широкую полосу воды, выбегавшую из озера и образовавшую светлую линию на горизонте.

Мурасов они больше уже не встречали.

Но если им не грозила опасность попасть в руки людоедов, они все-таки не могли считать себя окончательно спасенными от других нападений. Они все еще плыли по этой бесконечной водяной пустыне, почти сплошь покрытой затопленным лесом. Кто знает, какие еще могут здесь оказаться враги, — может, и похуже мурасов.

Они вошли в лабиринт озер, соединявшихся между собой узкими каналами, окруженными густыми тенистыми деревьями. Хотя местность носила уже другой характер, но мэндруку знал, что это все еще тянется гапо. Эти деревья — только вершины затопленных наводнением гигантов; деревья были переплетены все так же густой сетью паразитов, начинавшейся от самой воды, и казалось, что не больше как на четверть ниже их должна

быть твердая земля, но — увы! — она и здесь была не меньше как на глубине сорока футов.

Теперь они и без мэндруку знали, как обманчив наружный вид гапо.

Целыми днями блуждали они по этой пустыне, то пересекая водяное пространство, то пускаясь на разведку в какой-нибудь широкий канал или узкое игарапе, часто только для того, чтобы узнать, что это игарапе наглухо закрыто непроницаемой стеной густо сросшихся деревьев, или bolsou, по выражению испанцев.

И вот они повертывали пирогу и опять целый день гребли только для того, чтобы выбраться из неудачно выбранного игарапе и поискать другое; как ни утомительно было такое обратное путешествие, им и в голову не приходило бросить игарапе и отправиться странствовать по деревьям.

Иногда эти ложные «протоки» заставляли их терять по нескольку дней только на то, чтобы выбраться из них; но они не унывали и снова начинали свои поиски. Это была настоящая пустыня, больше похожая на фруктовый сад, затопленный наводнением.

Почти все деревья были покрыты плодами. Только мэндруку мог объяснить, какие это плоды: одни из них можно было есть, а другие нельзя, потому что они ядовиты. Необходимость отыскивать плоды, служившие им пищей, была для них в то же время и развлечением. Ни один из наших путешественников не мог бы сказать, сколько времени они таким образом проблуждали «шодою по лесу». Были дни, когда они совсем не видели ни только солнца, но даже и света, так как в это время лодка проходила под густым зеленым навесом по игарапе, где царствует вечный мрак. Наконец, когда они уже близились к отчаянию от невозможности выбраться из гапо, вдали показался парус.

Парусное судно плывет по затопленному лесу! Это была небольшая двухмачтовая шхуна, специально приспособленная для плавания по Солимоесу. Шхуна шла с распушенными парусами и быстро двигалась вперед.

Старый мэндруку первый увидел шхуну и сразу узнал, кому она принадлежит.

Но, кроме того, по типу шхуны мэндруку определил также, что и сами они на своей пироге идут настоящей дорогой.

— Она направляется в Гран-Пара,— объявил индеец: — я знаю это по тому, чем нагружена шхуна; смотрите: сассанарель, ваниль, хина, каскариль. Оэ! оэ! галиот!

Шхуна была недалеко, и поэтому оклик там был услышан.

— Берете вы пассажиров на борт? Нам надо в Гран-Пара, а наша лодка не приспособлена к такому длинному путешествию!

Командир галиоты согласился довести их до Гран-Пара, и десять минут спустя наши путешественники были уже на палубе шхуны.

Лодка же осталась брошенной на произвол ветра и волн гапо.

Приняв пассажиров, шхуна продолжала путь к месту своего назначения. Из распросов узнали, что шхуна встретилась им не в самом Солимоесе, но в одном из его главных притоков.

Два дня спустя шхуна вошла в главную реку, а оттуда весело побежала к Гран-Пара.

Как сами путешественники, так и экипаж шхуны были очень обрадованы, когда узнали: первые — кому принадлежит шхуна, а вторые — кто их пассажиры. Оказалось, что как судно, так и находившийся на ней груз принадлежали отцу Ричарда.

Внимание, которым были окружены наши путешественники, вернуло их здоровье и веселость. Несколько слов будет достаточно для того, чтобы рассказать конец их приключений.

Оба брата вернулись на родину и стали жить под одной крышей, под той, которая видела их появление из свет. Грабитель, завладевший их поместьем, умер, оставив сына, а сын оказался непохожим на отца, он быстро промотал все состояние, и самое имение было назначено в продажу с торгов за долги. Братья Треванио явились как раз вовремя, чтобы принять участие в торгах и купить земли, принадлежащие их предкам.

Поместье не изменило своего названия, хотя и было разделено на две равные части, так как двойная свадьба соединила детей обоих братьев: Ричард женился на Розите, своей смуглой кузине, а Ральф был избран одной из сестер молодого паранеза, о которой мы уже имели случай говорить, хорошенькой блондинкой, по имени Флоренс.

Таким образом поместье осталось за чистокровными Треванио.

Если вам когда-нибудь придет в голову проехаться на Ландс-Энд и посетить наших старых друзей, то в доме молодого Ральфа вы увидите бы старика Ральфа Треванио, которого теперь большею частью все в доме звали дедушкой; во-вторых хорошенькую Флорэнс, окруженную многочисленными смуглокожими отпрысками фамилии Треванио, и, наконец в холле, к вам поспешил бы навстречу некто, красно-рыжие волосы которого смешались на висках с нитями пенькового цвета,— вы узнали бы в нем ирландца Тома.

Пройдите около полдюжины полей, войдите под тень гигантских деревьев, перейдите высокий мостик, переброшенный через небольшую речку, где бьются карпы и форели; толкните ивовую дверку открывающуюся в роскошный парк, затем последуйте по песчаной аллее, ведущей к дому, войдите в прихожую,— и вы там встретите знакомого вам негра Мозэ. Негр проведет вас к своему хозяину, красивому джентльмену, хотя он стал несколько старше, чем когда мы его знали, и вы увидите перед собой молодого Ричарда, такого же откровенного, такого же веселого, как раньше.

Без сомнения, вы не забыли также и этой элегантной леди, которая, сообразно с обычаями своей нации, вышла навстречу посетителю. Это уже не маленькая Розита, но жена Ричарда, которому она принесла многих Розитас и Ричардов, обещающих быть такими же красивыми, как мать, и такими же здоровыми, как отец.

Но в этой картине еще недостает одной фигуры. Что стало с мэндруку?

Старый его хозяин не остался неблагодарным: он подарил своему проводнику шхуну, и теперь мэндруку разъезжает по Амазонке на своем собственном судне, вспоминая не раз, как он целые месяцы странствовал с бледнолицыми путешественниками «по водяной пустыне в лесу».

Затерявшаяся гора

—
Повесть

ИЗ СОБРАНИЯ И. СЫТИНА

Глава 1

БЕЗ ВОДЫ

— Mira! Mira! El Cerro Perdido!

— Смотрите! Смотрите! Вот Затерявшаяся гора! Вот она! До нее еще далеко, но она уже видна! Она представляется издали пока лишь в виде не то клочка неба, не то тучки, но все же это она, решительно она!!!

Всадник, который только что испустил это восклицание, был не один. Монологи употребительны на сцене, и редко случается, чтобы в обыденной жизни кто-нибудь имел нужду высказывать себе самому свои мысли вслух и притом так громко.

Всадник этот, верхом на серой в яблоках небольшой лошади, ехал во главе многочисленного каравана, посреди двух или трех также бывших верхом джентльменов. За ними ехали другие всадники, а позади двигались большие телеги, прикрытые черной парусиной. То были огромные длинные повозки, неуклюжие, тяжелые, нагруженные и заваленные массою разнообразных вещей. Каждую такую повозку с трудом тащила восьмерка мулов. Повозки эти представляли из себя настоящие передвижные дома, жилища целых семей путешественников. Мулы, тащившие повозки, запряжены были так, что образовывалась атайя, т. е. вереница, тянувшаяся длинной линией до самого арьергарда. Наконец, огромное стадо рогатого скота, которое гнали несколько пастухов, замыкало собою этот необычный караван.

Люди, составлявшие караван, все были верхом, даже пастухи и погонщики мулов. Путешествие, подобное тому, которое они предприняли, трудно было бы совершить иначе как верхом. Они направлялись из мексиканского

города Ариски и проезжали по огромным пустынным равнинам, которые тянутся вдоль северной границы штата Соноры. Равнины эти называются льяносами.

Караван почти целиком состоял из рудокопов. Об этом без особенного труда можно было догадаться по одежде большей части этих людей, а главным образом по багажу их, состоящему из веревок, орудий и машин, странные формы которых обращали на себя внимание даже под грубой парусиной, прикрывавшей телеги.

Словом, это был многочисленный отряд рабочих-рудокопов, которые под предводительством своих хозяев переходили от истощившейся залежи к другой, недавно открытой. Залежь эту они должны были разрабатывать сообща. Жены и дети сопровождали их, потому что они отправлялись в отдаленную часть Сонорской пустыни, где им необходимо было жить месяцы, а, возможно, и годы.

За исключением двух всадников, белокурые волосы которых изобличали их принадлежность к саксонской расе, все остальные были мексиканцы и притом не чистой крови, о чем можно было судить по тому, что лица их были всевозможных оттенков, начиная от цвета китайской бумаги до меднокрасного цвета кожи туземцев-дикарей. Некоторые из рудокопов были настоящие, кровные индейцы из племени опатов, одного из тех племен, которые известны под именем манза, т. е. племен побежденных и принявших отчасти цивилизацию, вследствие чего они стали походить на своих диких родичей так же мало, как домашняя кошка походит на тигра.

Некоторая разница в костюме уже с первого взгляда указывала на разницу общественного положения и на место, занимаемое каждым среди путешественников. Рудокопы — рабочие и помощники машинистов, заведывавшие землечерпальными машинами, выделялись своею многочисленностью: немало было тут возниц повозок, были также аррьеросы и мозосы, в обязанности которых входило навьючивать поклажу на животных; кроме того в отряде находились вакеросы, или пастухи, и несколько человек из личной прислуги обоих саксонцев.

Всадник, восклицанием которого начинается наш рассказ, резко отличался от своих спутников как костюмом, так и общественным положением. Это был золотонкаль, или, по-мексикански, гашбузино, один из тех гамбузино, которыми в той стране хоть пруд пруди. Люди эти

обладают каким-то особенным, переходящим по наследству от отца к сыну даром отгадывать присутствие в недрах земли того желтого металла, который так ценится нами и так часто приводит к нашей гибели. Имя этого гамбузино было Педро Вицента. У него был какой-то чужеземный тип лица и одна из тех физиономий, которые не сразу забываются. Казалось, что его черные глаза имели желание так же пылливо заглянуть вглубь вашей души, как они умели проникать в недра земные.

Этот самый Педро Вицента за несколько недель до того времени, когда начинается наш рассказ, открыл залежь, куда теперь направлялся караван. Он поспешил донести о своей находке, т. е. объявить о ней властям Ариспы для того, чтобы ее записали на его имя, что по местным законам обеспечивало ему исключительное право владеть золотоносною залежью. Судя по этому, мы могли бы счесть гамбузино за начальника каравана, но мы бы жестоко в данном случае ошиблись. Его средства не позволяли ему предпринять самому разработку залежи, на что, к слову сказать, требовалось затратить довольно большую сумму денег, и он вынужден был уступить свои права на залежь богатому торговому дому, дому «Вилланева и Тресиллиан», получив за это известную сумму наличными деньгами и выговорив себе, по контракту, некоторую долю в будущих барышах.

Так как предприятие казалось довольно выгодным, то Вилланева и Тресиллиан забросили свою старую залежь, не приносящую им больших доходов, и отправились в путь, забрав с собою не только своих рабочих, которые пошли в сопровождении жен и детей, но и все, что нужно для золотодобычи, т. е. землечерпательные машины, орудия для добывания и промывки руды, решета для получения оставшихся после промывки золотых песчинок и самородков и, сверх того, наиболее необходимые для обыденной жизни предметы.

Это их караван остановился в льяносах, когда Педро вскричал:

— Взгляните: вот Затерявшаяся гора.

Лица, к которым главным образом относилось восклицание гамбузино, были не кто иные, как оба компаньона. Один из них, дон Эстебан Вилланева, человек лет пятидесяти, был мексиканец. Благородные и надменные черты лица его указывали на его андалузское происхождение. Другой компаньон, высокого роста, худощавый и

белокурый, был англичанин из Корнваллиса, Роберт Трепеллиан, покинувший после смерти своей жены отечество, чтобы попытаться счастья в Мексике.

В ту минуту, о которой мы говорим, все путешественники, от первого до последнего, имели мрачный и озабоченный вид; что-то видимо беспокоило их. Достаточно было взглянуть только на лошадей и мулов, чтобы понять причину их беспокойства. Бедные животные находились в очень жалком состоянии: на их исхудалых боках можно было пересчитать все ребра; вытянутые шеи были опущены, так как ослабевшие животные не имели сил подняться.

Они шли с большим трудом. Глубоко ввалившиеся глаза, высунутый из сухого и воспаленного рта язык,— все это указывало на мучившую их неутолимую жажду. Несчастные животные в продолжение уже трех дней не получали воды, а скудная растительность льяносов, которая попадалась до сих пор, не могла доставить им хотя сколько-нибудь порядочного корма.

Это был период засухи в Соноре. В продолжение уже нескольких месяцев в этом месте не упало ни одной капли дождя, и даже ручьи, попадавшие в обыкновенное время,— даже те совершенно иссякли. Поэтому не было нисколько удивительно, что животные дошли до полного истощения и что их хозяева находятся в сильной тревоге. Еще сутки-другие такой жизни равнялись смерти, если не для всех, то для большинства.

Услышав восклицание гамбузино, его спутники испустили вздох облегчения,— вздох тем более глубокий, чем сильнее было их душевное беспокойство. Они хорошо знали, что близость горы обещала корм животным и воду для всех. Педро очень подробно описал им Затерявшуюся гору как конечную цель путешествия, а подножие горы — как место наиболее удобное для лагеря. Он рассказывал об этом месте как о маленьком эдеме. А на одной из вершин Затерявшейся горы гамбузино обещал показать богатейшие залежи золота, известные пока только ему одному. У подножия горы им нечего было опасаться ни недостатка в корме для лошадей и вьючных животных, ни недостатка в воде, как это было до сих пор, так как здесь находился источник ключевой воды. Кроме того, там же голубело озеро, берега которого представляли собой превосходнейшие пастбища, так как

трава на них всегда была густа и сочна и расстилалась вокруг вечнозеленым изумрудным ковром.

— Вы в том уверены, что это Затерявшаяся гора? — спросил дон Эстебан, устремив глаза на видневшуюся на краю горизонта одинокую возвышенность, на которую ему указал Педро.

— Так же, синьор, — ответил Педро, немного задетый за живое, — как в том, что мое имя Педро Вицента. Да и как же мне не знать здешних мест, когда моя мать не одну сотню раз рассказывала мне историю моего крещения? Бедная женщина никак не могла примириться с тем, что этот обряд обошелся ей страшно дорого. Подумайте-ка, синьоры, двадцать серебряных песо* и две восковые свечи!.. Две огромные свечи из самого белого воска! И все это для того только, чтобы я мог унаследовать имя и дарования моего отца, который, подобно мне, был только бедным гамбузном!..

— Хорошо, Педро! Не сердитесь, — смеясь возразил дон Эстебан, — все это давно уже пора забыть, так как вы теперь настолько богаты, что можете более не жалеть о таких пустяках, каких стоило ваше крещение.

Дон Эстебан говорил чистую правду. Со времени своей счастливой находки Педро стал богатым человеком.

Кто видел его месяца три назад, тот не узнал бы его настолько изменилась к лучшему его внешность. Раньше он был бледен, худ и ходил чуть ли не в рубище; его грязная и изорванная одежда еле держалась на нем; вместо лошади у него была какая-то измученная, еле живая кляча, достойная соперница Россинанта. Теперь он восседал на породистом коне, покрытом богатою попоною; на него было больно глядеть из-за блестящих позументов, составляющих необходимую принадлежность той живописной мексиканской одежды, которую носят ранчеро.

— Довольно шутить, — нетерпеливо прервал их Роберт Тресиллиан, — гора, находящаяся перед нами, это и есть Затерявшаяся гора, — да или нет?

— Да! — лаконически ответил проводник, еще более обиженный сомнением в его топографических познаниях, которое позволил себе выразить, даже после его слов.

* Песо — мелкая мексиканская монета.

чужестранец, и это в адрес его, знавшего все закоулки Сонорской пустыни!

— В таком случае,— продолжал Тресиллиан,— чем скорее мы там будем, тем будет лучше. Я полагаю, что гора находится от нас на расстоянии десяти миль.

— Вы можете, кабальеро, смело положить двадцать миль и прибавить к этому еще несколько метров,— сказал Педро.

— Как! Двадцать миль! — с удивлением воскликнул англичанин.— Я не могу в это поверить!

— Если бы вы, сударь,— хладнокровно сказал гамбузино,— так же часто путешествовали по льяносам, как и я, то вы не говорили бы так. Расстояния в здешних равнинах никогда не бывают такими, какими они нам кажутся издали.

— Хорошо! — сказал англичанин,— с того момента, как мне это сказали вы, я верю. Я имею большое доверие к вашим способностям, так как вы столь успешно их применили в качестве золотоискателя.

Этот комплимент приятно польстил самолюбию гамбузино.

— Тысяча благодарностей, дон Роберт! — ответил он, отвесив глубокий поклон,— вы можете мне верить на слово, сеньор, потому что я не говорю наугад и могу даже вычислить расстояние в ярдах. Уже не в первый раз, сеньоры, я замечаю, что вы сомневаетесь в моем знании местности. Так знайте, что прежде, чем решиться сделать вашим проводником, мне пришлось самому несколько раз побывать здесь и подробно изучить местность. Я отлично помню, что здесь должна находиться пальма, которую вы видите вон там, влево от нас.

С этими словами Педро указал Роберту Тресиллиану на высокое дерево, гладкий длинный ствол которого оканчивался венчиком длинных листьев блестящего стального цвета. То была пальма из семейства юкка, величавою своею превосходявшая все акземпляры этой породы, которая так часто попадает в льяносах.

— Если вы, сударь,— добавил гамбузино, желавший то что бы то ни стало укрепиться в доверии у англичанина,— все еще сомневаетесь в правдивости моих слов, то не угодно ли вам подойти поближе к пальме. На ее коре вырезаны две буквы: «P t» — рукою вашего почтеннейшего слуги Педро Виценте. Это маленькое нахо-

минание о своей особе я оставил, когда был здесь три месяца тому назад.

— Я вам верю без доказательств,— ответил Треслиан, усмехнувшись при слове напоминание. Ему пока залось забавным это напоминание в пустыне!

— В таком случае, синьоры, позвольте вам доложить, что максимум того, что мы можем сделать,— это достигнуть горы до захода солнца.

— Хорошо, Педро! — дружеским тоном сказал дон Эстебан.— Не следует терять времени. Будьте так добры отъехать немного назад и отдать приказание продолжать путь. Велите погонщикам мулов подстегнуть, насколько это возможно, животных.

— Я весь к услугам вашей милости,— ответил гамбузино, высоко приподняв над головою свою шляпу с широкими полями и отвесив поклон обоим компаньонам.

Он прищпорил коня своими огромными шпорами и галопом поскакал к арьергарду каравана. Не доезжая немного до телег, он почтительно поклонился небольшой группе лиц, которых мы еще не представили нашим читателям, но которые были едва ли не самыми интересными из всего отряда. Две особы из этой группы принадлежали к прекрасному полу. Одна была женщина от 35 до 40 лет, в молодости, должно быть, отличавшаяся редкою красотой, следы которой были заметны еще и теперь. Другая была прелестная девушка, почти дитя. Судя по ее сходству со своей спутницей, она, должно быть, была дочерью этой последней. Ее великолепные черные глаза сияли как звезды под короной черных с синеватым оттенком волос. Маленький ротик с пухлыми губками был словно создан для поцелуев. Никогда еще испанский мантилья не покрывала более восхитительной головки. Девушку звали Гертрудой, а ее мать была синьора Вилланева. Они путешествовали в повозке, похожей на пиланкин (по-мексикански *litera*), какими пользуются местные знатные дамы для путешествия по слишком узким и неудобным для верховой езды дорогам.

Повозка была выбрана как наиболее приятный и наименее утомительный способ путешествия. Везли ее двое прекрасных мула, которыми управлял молодой мексиканец.

Четвертым лицом в группе был сын Роберта Треслиана — Генри. На вид ему было лет 19. Это был красивый высокого роста юноша с белокурыми волосами и

вящими, словно выточенными, чертами лица, в которых, однако, не было ничего женственного.

Его фигура выражала собою мужество и решимость, и высокий рост указывал на недюжинную силу и необычайную ловкость. Он немного наклонился в седле, чтобы удобнее было вести разговор с прекрасными путешественницами, которые откинули полог своей повозки. Их беседа казалась очень оживленной. Вероятно, молодой человек говорил о приятном известии, которое только что сообщил проводник, так как молодая девушка слушала его с восхищением, и глаза ее блестели от удовольствия.

Затерявшаяся гора была уже перед ними. Нечего было бояться недостатка в воде. Страдания рудокопов скоро должны были кончиться. Караван приободрился.

— Anda! Adelante! (Вперед!) — крикнул Педро Вицента.

Погонщики мулов подхватили этот крик, разнося его все дальше и дальше до последнего человека из арьергарда; повозки тронулись с места и двинулись в путь при непрерывном щелканьи бичей и скрипе колес.

Глава 2

КОЙОТЫ

На несчастье ариспийских рудокопов, не один только их караван находился в этот день в Сонорской пустыне, и в то время, когда рудокопы заметили к северу от себя возвышенность, на которую им указал Педро, называя ее затерявшеюся горой,— в это самое время, по какому-то странному совпадению, другие человеческие существа также приближались к горе, но с противоположной стороны. Последние, положим, не видели ее — отчасти потому, что находились еще слишком далеко, а отчасти также оттого, что им мешала некоторая неровность почвы.

Этот второй караван несколько не походил на первый, который мы только что описали нашим читателям. Во-первых, он был гораздо многочисленнее, хотя издалека мог показаться малочисленнее первого, так как занимал немалое пространство из-за отсутствия телег, вьючных животных и всякого багажа. С новыми пришельцами не

было жен и детей. Их отряд состоял исключительно из всадников, вооруженных с ног до головы, причем у каждого за спиной находилась в седле сумка с провизией и тыквенная бутылка с водой.

Одежда их также была довольно первобытная и очень несложная. У большинства одежды служили полотняные панталоны, мокасины, т. е. длинные штиблеты из оленьей кожи, и, сверх того, серапа — шерстяное одеяло для защиты от ночных холодов.

Лица, отличавшихся своим костюмом от остальных, было не более полудюжины. Они, казалось, пользовались некоторым значением среди своих товарищей, а один из них, более других увешанный знаками отличия и воинскими украшениями, по-видимому, был их вождем.

Знаки, указывавшие на его высокое положение, не имели ничего общего с геральдическими правилами, принятыми всюду. Владелец их носил эти знаки прямо на своей коже. Гремучая змея, нарисованная у него на шее, с приподнятою головою и хвостом и с длинным жалом, высунутым из открытой пасти как бы для того, чтобы ужалить невидимого врага, свертывала свои кольца и извивалась в длинные изгибы на его обнаженной медно-красного цвета груди; посреди круга, образуемого змеею, можно было заметить еще и другие знаки, страшные и вместе с тем странные. Среди них были: отвратительная жаба, тигр, и пантера, более или менее верно нарисованные, и, наконец, в центре круга, на самом видном месте, был изображен символический знак, известный всем и везде, — грубо нарисованный белой краской череп с двумя перекрещенными костями. Пучок перьев развеваясь на голове незнакомца, физиономия которого была свирепая и отвратительная.

Излишним было бы говорить, что этот субъект был индеец. Он и его товарищи принадлежали к племени, славившемуся между всеми индейскими племенами своей жестокостью, — к племени волков — апахов или койотов, названных так вследствие своего нравственного сходства с койотом — шакалом Нового света.

Отсутствие женщин и детей, а также какого бы то ни было багажа указывало на то, что койоты собрались в макую-то военную экспедицию. Их вооружение и военная раскраска еще более подтверждали эту мысль. Они были вооружены ружьями, пистолетами и копьями, которые, по всей вероятности, уже пронзили насквозь не од

ного мексиканца. У некоторых даже были винтовки и револьверы сравнительно новых образцов, так как цивилизация пригодилась дикарям, по крайней мере, хотя бы для того, чтобы значительно увеличить число известных способов отправлять на тот свет врагов. Сверх того у каждого за поясом висел страшный нож для скальпирования.

Они двигались правильным строем, по два в ряд, а не гуськом, по индейскому обычаю. Уже давно индейцы прерий и пампасов оценили преимущества военной тактики их врагов-бледнолицых, а также то обстоятельство, что последние везде отдают предпочтение кавалерии. Все индейские племена сумели хорошо воспользоваться уроками военного искусства, которое преподали им белые, и в местностях, лежащих к северу от Мексики, в штатах Тамаулине, Хигуангуа и Соноре, неоднократно случилось, что команчи, навайи и апахи атакывали мексиканцев по всем правилам военного искусства и обращали в бегство своих многочисленных обескураженных врагов.

Краснокожим не пришлось, как рудокопам, в течение трех дней проезжать по безводной пустыне, и они несколько не страдали от жары, так как отлично были знакомы с местностью и знали все источники с водой и все места, удобные для лагерных стоянок. Они имели основание не беспокоиться о воде во время путешествия, так как им приходилось ехать вдоль берегов реки, известной на географических картах под именем Рио-Сан-Мигуель, которую мексиканцы называют Горказитом. Таким образом они находились в наилучших условиях для того, чтоб иметь успех в своем предприятии.

За час до захода солнца они увидели перед собой Затерявшуюся гору. Индейцам она не была известна под названием Серго Perdido: они ее знали под именем Наухампа-Тепетль.

Но койоты очень мало думали о географии или этнографии; они помышляли о грабежах и убийствах: единственной целью их экспедиции было разрушение какого-нибудь селения опатов или белых, расположенного на берегах Горказита. Однако, когда они заметили Затерявшуюся гору, другая мысль заняла их на время. Следовало решить вопрос: не было ли благоразумнее достигнуть подножия горы до наступления ночи? Голоса разделились: одни стояли за этот план, другие были против

него. Наухампа-Тепетль находилась, по-видимому, на расстоянии не более десяти или двенадцати миль, но для нас нужно было пройти вдвое больше. Но природные жители страны, в особенности первобытные люди, привыкли к этим обманам зрения и вычисляют расстояния весьма точно. К тому же койоты были здесь не в первый раз. Несогласие возникло между ними из-за заботы о лошадях, которые были порядком утомлены после пятидесяти миль пути.

Лошади их были мустанги, т. е. дикие лошади прерий, отличающиеся, несмотря на свой небольшой рост, силой и выносливостью; но они уже сделали достаточно большой переход за день, и следовало опасаться, что они окончательно выбьются из сил, прежде чем достигнут горы. Благоразумнее было дать им отдохнуть и расположиться лагерем у Наухампы-Тепетля на следующий день около полудня.

К тому же заключению пришел, без сомнения, и вождь дикарей, так как он спрыгнул на землю и стал привязывать коня. Сомнение было разрешено. Этот мексиканец-невр вождя равносителен был приказанию, и все спутники Каскабеля (Гремучей Змеи) тотчас последовали его примеру.

Следуя обычаю индейцы сперва занялись своими мустангами, а затем только позаботились о себе. Они набрали дров и разложили большой костер, но не для того чтобы греться, а для того чтобы приготовить себе пищу. Для ужина у них имелись негодные для верховой езды лошади, которых они вели с собой в поводу. Дело мясника не требовало много времени: один удар ножом в горло лошади заставил ее пасть мертвой среди потока крови. В мгновение ока лошадь была разрезана, и огромные куски мяса, насаженные вместо вертелов на палки, подверглись действию пламени и скоро превратились в жаркое, на вид довольно аппетитное.

Затем любители конского мяса убрали под соседние деревья свои остальные съестные припасы, которые, надо признать, имели не менее привлекательный вид. Это были, во-первых, стручки альгаробии и сладкие ядра еловых шишек, которые они поджарили на огне как бобы, и во-вторых, плоды кактусов разных пород. Лучшие плоды получают от кактусов породы питагайя, высокие стволы которых, обнаженные до известной высоты, у верхушки окружены венком ветвей, которые издали делают их похожими

ни на гигантские канделябры. Вся степь была усыпана этими деревьями странной формы. Таким образом койоты среди пустыни сумели приготовить себе ужин, не забыв при этом и десерта. Поужинав, они стали готовить к завтраку на следующий день блюдо, до такой степени любимое апахами, что одно из апыхских племен, племя мецкалов, сделало его своей постоянной пищей и даже получило свое название от названия этого растения — мецкала.

У ботаников оно известно под именем мексиканского алоэ, которое в изобилии растет в пустыне. Способ приготовления пищи из алоэ менее сложен, чем это можно было бы предположить. Вот как поступили койоты. Они нарвали сперва довольно большое количество мецкала, затем стрезали у каждого растения его расходящиеся лучеобразно от сердцевины, твердые, длинные, как шпаги, листья, и сняли с сердцевины кожицу. Тогда открылась беловатая яйцевидной формы масса, толщиной с человеческую голову. Она и употребляется в пищу.

Между тем как одна часть индейцев занималась этими приготовлениями, другие выкопали яму, дно и бока которой выложили гладкими камнями. Затем туда напросали горячих угольев, оставив их гореть до тех пор, пока они не превратились в золу. Когда яма хорошенько нагрелась, туда потихоньку опустили куски мецкалы, плотно завернутые в шкуру лошади, убитой для ужина.

Краснокожие положили вместе с растениями несколько кусков мяса с кровью, сверху присыпав все землей. Они закрыли отверстие этой первобытной печи толстыми кусками дерна, чтобы сохранить в ней теплоту на всю ночь, и ушли в надежде на следующий день отлично позавтракать.

Затем они завернулись в свои серапы и, не боясь быть достигнутыми врасплах в этой пустыне, где они знали чуждавшиеся закоулки,— спокойно легли спать, имея вместо постели сырую землю, а вместо полога — звездное небо.

Они никак не предполагали, что на расстоянии нескольких часов езды от их лагеря расположен был другой лагерь,— лагерь врагов их племени, врагов на этот раз слишком малочисленных для серьезного сопротивления. Зная они это, они не стали бы помышлять об отдыхе, они вскочили бы на своих мустангов и в карьер помчались бы по направлению к Затерявшейся горе.

Глава 3

«ВОДА! ВОДА!..»

Между тем рудокопы с большим трудом, при щелканьи бичей, с криками: «*Anda, mula maldita!*» * приближались к Затерявшейся горе. Они едва продвигались, так как мулы, терпя в течение долгого времени недостаток в воде, ослабли и с трудом тащили тяжелые повозки, а выючные животные изнемогали под своей поклажей.

Увидев гору с того места, где Педро остановился, рудокопы подумали то же самое, что и Роберт Тресиллини. А именно, они вообразили, что их проводник ошибался, считая длину остающегося им пути в двадцать миль. Люди, которые, подобно рудокопам, проводят всю свою жизнь под землей, или подобно морякам — на море, часто плохо могут судить о том, что относится до поверхности земного шара. Но возницы телег, погонщики мулов и другие отлично знали, что гамбузино не обманывал их.

Скоро все пришли к тому же заключению, так как по прошествии одного часа оказалось, что они несколько не стали ближе к горе, а по прошествии другого часа едва заметно было, что расстояние уменьшилось.

Незадолго до захода солнца они настолько были близки к горе, что ясно могли различить ее очертания и даже рассмотреть ее самое в подробностях.

Затерявшаяся гора имеет вид колоссального капи фалка; форма горы удлиненная, вершина ее не ровная, так как горизонтальная плоскость то тут, то там поросла деревьями, силуэты которых рисуются более или менее высоко на голубом фоне неба. Невероятная вещь: вершина горы кажется шире, чем ее основание; это происходит от того, что ее крутые бока образуют как бы непрерывный ряд карнизов, многие из которых составляют отвесные утесы. Этот вид, однако, вовсе не внушает печали, так как все эти бесчисленные пропасти покрыты зеленью всюду, где только есть хоть немного земли для того, чтобы растение могло пустить там корни.

Затерявшаяся гора расположена в длину почти точно с севера на юг примерно на четыре мили и составляет не много более одной мили в ширину; высота ее около 500 футов.

* Ну! Вперед, проклятые мулы!

Этого мало для горы вообще, но вполне достаточно для того, чтобы заслужить имя горы среди необозримых открытых равнин, где всякий холм возвышается одиноко и издалека заметен, затерянный среди пустыни.

— С какой стороны лежит озеро, синьор Вицента? — спросил Роберт Тресиллиан, всегда ехавший вместе с дон Эстеваном и гамбузино во главе каравана.

— С южной, — ответил Педро, — и это большое счастье для нас, так как в противном случае нам пришлось бы сделать, по крайней мере, одну милю лишнюю.

— Вот как! А я полагал, что вся гора имеет в длину не более четырех миль.

— Это совершенная правда, синьор, но местность вокруг горы усеяна огромными обломками скал, среди которых мы с нашими повозками никогда бы не проехали. Я полагаю, что эти обломки скатились с горы; но я никогда не мог понять, как это они могли откатиться на несколько сот метров от подножия. А ведь я всю свою жизнь занимался изучением строения гор, прежде чем заняться, в частности, этой.

— И ваши занятия пошли вам впрок, — прервал его дон Эстеван. — Но оставим в покое на время геологические диспуты. Меня беспокоит теперь нечто другое.

— Что же вас беспокоит? — спросил Тресиллиан.

— Я слышал, будто индейцы несколько раз посетили Затерявшуюся гору; кто знает, может быть, мы идем к ним навстречу?

— В этом нет ничего невероятного, — пробормотал гамбузино.

— Даже в зрительную трубу, — продолжал дон Эстевиан, — я не замечаю никакого признака присутствия этих людей; но дело в том, что гора видна нам только с одной стороны, и мы не знаем, что делается на другой. Надо рассчитывать на все, даже на несчастье. Я того мнения, что несколько человек, у которых лошади покрепче, должны отправиться на рекогносцировку. Если бы по ту сторону показалось значительное количество краснокожих, то, будучи предупреждены, мы могли бы построить кордильеру и защищаться в нем.

Дон Эстеван был старый воин. Прежде чем заняться добычей золота, он сделал не одну кампанию против трех больших индейских племен, враждебных мексикан-

сцам: против команчей, апахов и навайев. Поэтому гамбузино не раздумывая одобрил его план и просил только позволения участвовать в рекогносцировке. Выбрано было ему в спутники полдюжины храбрецов, лошади которых имели еще достаточно силы, чтобы дать своим седокам возможность ускользнуть из рук дикарей, в случае если бы последние пустились за ними в погоню.

Генри Тресиллиан был в числе этих храбрецов. Он сам вызвался при первых же словах дона Эстевана, так как не боялся за своего коня: он знал, что у Крузадера, так звали коня,—хватит сил, чтобы доставить его куда угодно и унести от какого угодно врага.

Крузадер был великолепный арабский конь, не имевший себе равного в мире. Его вороная, без малейшей отметины, масть, тонкие мускулистые ноги, сильное и стройное тело и необыкновенная понятливость делали его конем совершенно необыкновенным.

Генри любил его как друга. Все лошади в караване казались больными, измученными и полумертвыми от жажды; Крузадер же, казалось, нисколько не страдал от недостатка воды. Можно было даже предположить, что молодой господин поделился с ним своим последним глотком.

Несколько минут спустя лазутчики, получив необходимые инструкции, поскакали галопом.

Роберт Тресиллиан не возражал против того, чтобы его сын отправился на рекогносцировку. Он сам рвался храбрости, которую выказывал Генри при всяком удобном случае, и теперь долго провожал его нежным взглядом.

Кроме его глаз, еще одни глаза долго следили за молодым человеком, с выражением страха и вместе с тем гордости. То были глаза Гертруды Вилланева. Она гордилась храбростью, которую выказал тот, кого избрала ее юное сердце, но вместе с тем нежная ее душа содрогалась при мысли об опасностях, которым он беспрерывно подвергался.

Двадцать минут спустя весь караван совершенно не изменился. Животные, раздувая ноздри, поднимали головы, вдыхали в себя воздух и судорожно поводили ушами. Рогатый скот отвечал мычанием на ржание лошадей.

дей и рев мулов. Что за суматоха! Что за оглушающий шум! Голос мажордома, взявшего на себя обязанность смотреть за караваном, покрывал все голоса.

— *Guarda la estampada!* * — кричал он изо всей силы своих легких.

Животные, страдавшие жаждой, почувствовали близость воды. Уже не требовалось удара бича, чтобы заставить их идти вперед,—туда, вдаль. Возницы с трудом могли сдерживать их.

Скоро все поскакали в галоп. Это была какая-то бешеная скачка. Мулы и лошади, вьючные животные с повозками летели как попало, производя такой шум, с которым ничто не могло сравниться.

Тяжелые повозки катились с быстротою молнии, и так как ближе к горе почва была усеяна камнями, иногда такой величины, что колеса поднимались на воздух, а телеги наклонялись,—то женщины и дети, сидевшие в них, испускали пронзительные крики и каждую минуту ожидали, что они опрокинутся. По счастью,—каким-то чудом, так как возницы не были в состоянии управлять мулами,—телеги сохранили равновесие во время скачки по этому каменному лабиринту, так что никто не получил серьезных повреждений. Не стоит, конечно, говорить о нескольких незначительных ушибах.

При такой езде понадобилось немного времени, чтобы добраться до озера.

Путешественники, увлеченные этим вихрем, скоро увидели перед собою необозримое пространство воды, озаренное последними лучами заходящего солнца и окруженное зелеными прериями.

Лазутчики, не открывшие ничего подозрительного, были еще верхом на лошадях у подножия горы. Они были изумлены, увидев караван, но их товарищи не имели времени, чтобы дать им объяснения по этому поводу. Животные, увлекшие их с собою, продолжали свою беспорядочную скачку вплоть до самой воды и остановились только тогда, когда вода дошла им выше носа.

Тогда не было уже слышно бешеного мычанья, ржанья и рева; все принялись пить, пить без конца.

* Смотрите, чтобы не произошло беспорядка.

Глава 4

EL OJO DE AGUA

На следующий день, как только заблистая заря на голубом небе, дикие животные, обитавшие на Затерявшейся горе, увидели сверху зрелище, подобного которому они еще никогда не видели в этом пустынном месте. Впервые повозка, или нечто подобное ей, появлялась вблизи этих скал, удаленных от городов и постоянных лагерных стоянок и даже от всех торговых путей.

Единственные белые, заглядывавшие иногда, были охотники или одинокие золотоискатели, которые заходили сюда на короткое время. Краснокожие, в особенности апахи, гораздо охотнее останавливались здесь, так как озеро, расположенное у Затерявшейся горы, лежало почти на пути, когда они делали свои набеги на поселения белых, расположенные вдоль берегов Горказита.

Мексиканцы, высланные накануне на рекогносцировку, действительно открыли множество следов, указывавших на то, что индейцы бывали здесь, но не могли открыть чего-либо нового и подозрительного, что внушило бы серьезные опасения. Никаких свежих следов не было видно ни на траве прерии, ни на песке, который образовывал вокруг озера как бы серебряный пояс, кроме следов красного зверя, приходившего сюда на водопой.

Таким образом рудокопы расположились лагерем в полной безопасности; однако они не пренебрегли малейшими предосторожностями, необходимыми в пустыне. Дон Эстебан участвовал слишком во многих походах для того, чтобы допустить какую-нибудь оплошность.

Шесть повозок, поставленные одна за другой со связанными оглоблями, образовали из себя овальный корраль, т. е. ограду, настолько просторную, что за ней могли поместиться все путешественники. В случае нападения эту ограду можно было укрепить, присоединив сюда тележки и ящики с багажом.

Что же касается до лошадей и других животных, то их просто-напросто привязали к кольям за корралем. После страданий, испытанных ими в течение предшествовавших дней, у них не могло возникнуть желания улюлюкать с этих обильных постбищ.

Огни, разложенные с вечера, ночью погасли, так как их не поддерживали. Зачем? Летом не боятся прохлады.

Но жены рудокопов с наступлением утра опять развели огонь, чтобы приготовить завтрак.

Педро Вицента встал раньше всех, но не для того, чтобы принять участие в этих кулинарных приготовлениях, которые он глубоко презирал. Если он поднялся в такой ранний час, то по иным причинам, о которых полагал до поры до времени никому не сообщать. Он с вечера предупредил своего обычного спутника по охоте, Генри Тресиллиана, что с появлением зари он думает возвратиться на гору, чтобы поискать там дичи — зверей или птиц.

Гамбузино, заслуженный охотник, взял на себя обязанность снабжать дорогою караван свежим мясом; но до сих пор ему еще не представлялось случая сдержать свое обещание, так как даже то малое количество дичи, на которое он рассчитывал в дороге, вследствие засухи перекочевало в другие места.

Надо было наверстать потерянное время. Педро по опыту знал, что на этой покрытой деревьями вершине горы, откуда стекал ручей, снабжавший озеро водою, водились птицы и четвероногие животные. Он сообщил молодому англичанину, что им могут встретиться там бараны и антилопы, может быть, даже медведи, но что они наверное найдут там диких индейских петухов, перекликающихся между собою тем звонким криком, от которого произошло их мексиканское название «guajalote».

Надо ли было ему объявлять о своем желании раньше других овладеть горой? Генри Тресиллиан не имел никакого повода подозревать что-либо. Он ничуть не догадывался, что у гамбузино была другая, более важная причина, чтобы предпринять это восхождение на гору. Сям Генри был большой любитель охоты и естественной истории, поэтому он с радостью ухватился за мысль сопровождать Педро в этой экскурсии. Затерявшаяся гора, без сомнений, приберегла для него много диковинок, которые станут и щедрой наградой за трудность восхождения. Если же говорить все начистоту и если бы не было слишком нескромным открыть нашим читателям сокровеннейшие мысли молодого англичанина, то мы должны были бы добавить, что он предпринял это восхождение с тайным намерением принести синьорите Гертруде, если удастся, какой-нибудь редкий цветок для ее коллекции, или птицу с блестящими перьями, или другой какой тро-

фей, за который он был бы награжден очаровательной улыбкой прекрасной дамы сердца.

Вследствие всех этих причин, вместе взятых, в ту самую минуту, когда Педро вылез из-под повозки, под которой он провел ночь, закутавшись в одеяло, — Генри Тресиллиан откинул угол палатки и явился совсем уже одетый. На нем был английский охотничий костюм, который очень шел к нему. Можно было подумать, что он со своей сумкой через плечо и двуствольным ружьем в руке собирается пострелять фазанов где-нибудь в своем поместье или куропаток где-то на полях Европы, а не идет в чащобы, в которых вряд ли до него бродили такие как он благородные охотники.

Что касается гамбузино, то на нем был тот же живописный костюм, что и вчера; вооружен он был штуцером самой лучшей системы и той небольшой короткой шпагой, которую в этой местности называют мачетой, а иногда также кортангой.

Так как обо всем у них было условлено еще с вечера, то они наскоро поздоровались и отправились на поиски завтрака. Вскоре одна из жен рудокопов любезно предложила им по чашке шоколада и по маисовой лепешке, называемой по-мексикански *tortilla enchilada*. Они наскоро выпили предложенный им шоколад, проглотили несколько кусков сухих и твердых, словно сделанных из кожи, маисовых лепешек, составляющих необходимую принадлежность мексиканского обеда, и потихоньку скользнули из корраля.

Педро горел нетерпением отправиться в путь. Причиной его нетерпения было, без сомнения, то место на Затерявшейся горе, место золотоносной залежи, открытой им во время прежних скитаний. Но его явно что-то тревожило и угнетало; он был мрачен и рассеян; обыкновенно довольно разговорчивый, он угрюмо молчал. Генри безмолвно следовал за ним.

Восхождение на Затерявшуюся гору началось тотчас же, после того как они вышли из лагеря. Восхождение это можно было совершить не иначе, как только карабкаясь по крутому подъему, который был не что иное, как дно оврага, или нечто вроде ущелья, прорытого водными находившегося на вершине горы источника, который в сухие и зимние дожди часто превращался в поток. Во время засухи это было каменистое крутое место, почти совершенно подымавшееся от равнины к вершине между двумя

мя высокими скалистыми стенами. Посреди протекал ручей, в котором теперь было очень мало воды.

— Уф! — произнес Генри, — я предпочел бы взобраться по веревочной лестнице.

— Подъем действительно довольно крут, — ответил Педро, — но это единственное место, откуда можно подняться прямо на вершину.

— Разве нет другого доступа? — спросил Генри.

— Ни малейшего. С других сторон Затерявшаяся гора представляет собою не что иное, как нагроможденные друг на друга скалы. Это как бы естественная крепость, созданная по капризу природы и защищенная со всех сторон целым рядом пропастей, доступных только для птиц. Даже антилопы не могут взобраться туда, и если мы встречаем их там наверху, то они или родились там или добрались тем же путем, что и мы.

— Да это настоящая козья тропа, — сказал Генри, который забавлялся тем, как камни катились из-под его ног.

Надо было идти зигзагами, чтобы не упасть.

— Будьте осторожны, синьор! — закричал Педро, заметив, как смело его спутник шагает по скользким камням. — Будьте осторожны: малейшее сотрясение маленького камня может повлечь за собою сотрясение другого, большего, и если эти обломки покатаются из-под ваших ног, то они могут докатиться до лагеря и там кого-нибудь раздавить.

Молодой человек побледнел при мысли о последствиях, которые могло иметь его безрассудство. Ему тут же представилось, что его друзья уже подверглись по его вине величайшей опасности.

— Успокойтесь! — сказал ему гамбузино. — Если бы случилось какое-нибудь несчастье, то мы бы наверно ушли.

— Ах! Вы меня испугали, — произнес Генри, — но вы правы, надо за собой следить.

Восхождение продолжалось.

Через несколько времени охотники поднялись почти на высоту пятисот футов и очутились на ровном лесистом месте.

Пройдя еще по нагорной равнине расстояние в 300 или 400 метров, они очутились у входа на лужайку. Взойдя на нее, мексиканец вскричал: «El ojo de agua!» Выражение: el ojo de agua (глаз воды) мексиканцы употреб-

ляют для обозначения какого-нибудь источника или, на крайней мере, места, откуда источник выходит из под земли. Генри Тресиллиан знал уже это выражение и тот час понял, что хотел сказать этим его спутник. Почти посреди лужайки журча вытекал из расщелины скалы родник, чистый, как хрусталь, и образовывал небольшой круглый водоем, откуда брал начало впадавший в озеро ручей, по течению которого охотники шли до сих пор.

Гамбузино взял бизоний рог, висевший у него на ремне через плечо, и наклонился к источнику.

— Я не могу противостоять искушению,— сказал он,— несмотря на огромное количество воды, которое я выпил вчера после продолжительной жажды, мне кажется, что я никогда не напьюсь досыта.

Рог был наполнен и в одну секунду опорожнен.

— Восхитительно! — произнес Педро, снова наполнив рог.

Генри последовал его примеру; чаша, вынутая им из сумки, была из серебра. Золотая и серебряная посуда вообще не редкость у владельцев россыпей в Соноре.

В ту минуту, когда они хотели снова пуститься в путь, они услышали хлопанье крыльев и увидели на краю лужайки несколько больших птиц, важно расхаживавших одна за другой; птицы эти время от времени наклонились, чтобы проглотить насекомое или поклевать травяных семян. Это были индейские петухи, о которых говорил Педро. Они были так похожи на своих родичей, которых мы часто встречаем на птичьем дворе, что Генри без труда узнал их, находя однако, что они гораздо красивее своих домашних родственников.

Старый петух открывал шествие; он выступал с достоинством, чрезвычайно гордясь своим высоким ростом и блестящими перьями, которые под лучами восходящего солнца отливали всеми цветами радуги. Окруженный индюшками и индюшатами, он имел вид султана среди его серая.

Вдруг он поднял голову и испустил крик тревоги.

Слишком поздно! Почти одновременно грянуло четверо выстрела, и старый петух, а вместе с ним три из его подруг растянулись на земле. Остальные птицы улетели с дикими криками и с громким хлопаньем крыльев.

По-видимому им впервые приходилось иметь дело с такими хитрыми убийцами.

— Для начала это довольно недурно, — произнес гамбузино. — Что вы скажете на это, дон Генрико?

— Я не желаю ничего другого, как только продолжать в том же духе, — ответил Генри, отлично знавший, что прекрасные перья индейских петухов будут достойно оценены Гертрудою. — Но что мы станем с ними делать? — добавил он. — Не можем же мы таскать их с собою?

— Зачем? — возразил мексиканец. — Оставим их тут, на земле; мы подберем их на обратном пути. Ах, да! — живостью добавил он, — здесь должны быть волки и шакалы, и мы по возвращении могли бы найти одни только перья. Спрячем-ка их в безопасное место.

На это потребовалось немного времени. В одно мгновение ока ножки птиц были связаны вместе, так что образовалось нечто вроде кольца, которое охотники повесили на самую высокую ветвь какой-то питагаи*. Хитер был бы тот шакал, который достал бы индюшек! Какое животное могло взобраться по длинному колючему стволу этой породы кактуса?

— Наши птицы в безопасности, — произнес гамбузино, снова заряжая ружье. — В путь! Надо надеяться, что нам, кроме того, попадутся хорошие экземпляры из семейства четвероногих. Но придется долго ходить, так как наши выстрелы должны были напугать всю дичь в окрестности.

— Поверхность вершины не так велика, — сказал Генри. — далеко ходить не понадобится.

— Она больше, чем вы думаете, синьор, потому что представляет собою непрерывный ряд холмов и долин в миниатюре. Поспешим, голубчик, так как у меня есть основательные причины желать как можно скорее достигнуть противоположной стороны вершины.

— Что за причины? — вскричал молодой англичанин, пораженный беспокойством, отразившимся на лице Педро, а также тем, что таинственный тон, которым говорил гамбузино, не был притворным. — Могу я узнать их? — добавил он.

— Разумеется, можете. Я бы уже сказал о них как вам, так и другим, если бы я был уверен в своих предположениях, но я не желал без достаточного основания

* Питагайя (*Pitahaya americana*) — дерево из семейства кактусов.

распространять тревогу среди рудокопов. Кроме того, — сказал он, говоря как бы про себя, — может быть, это даже не был дым?

— Дым! — повторил Генри. — Что это вы хотите сказать?

— Я говорю о том, что, как мне кажется, я видел вчера в то время, когда мы прибыли к берегам озера,

— Где вы видели?

— На северо-востоке, довольно-таки далеко от нас.

— Но допустим даже, что это был дым. Какое нам до этого дело?

— Вы ошибаетесь, синьор. В этой части света дым имеет громадное значение. Он может указывать на присутствие опасности.

— Опасности? Вы смеетесь надо мной, синьор Вицента.

— Нисколько, голубчик. Ведь не бывает же дыма без огня, не правда ли?

Генри сделал головой ироническое движение, обозначавшее, что эта истина всем известна.

— Далее, — продолжал Педро, — огонь в льяносах могли разложить одни только индейцы. Теперь, я надеюсь, вы меня поняли?

— Разумеется, понял. Но я полагаю, что в той части Соноры, где мы теперь находимся, можно встретить только индейцев опатов, нравы которых совсем не дики, и на которых мы привыкли смотреть как на наших друзей, с тех пор как они изменили своим обычаям и приняли цивилизацию.

— Селения опатов находятся довольно далеко отсюда, и притом в стороне, противоположной той, где я видел дым. Если я не ошибаюсь, то огонь, дым от которого я видел, разложили вовсе не опаты, а люди, похожие на них только цветом своей кожи.

— Вероятно, также индейцы?

— Апахи.

— Это было бы ужасно, — пробормотал молодой англичанин, достаточно долго живший в Арисне и потому знавший, какой кровавой репутацией пользуется это племя.

— Я надеюсь, однако, — сказал он немного погримасничая, — что они довольно далеко от нас.

— Я бы желал этого от всего сердца, — ответил Педро. — Если бы они напали на наш караван, то многим из

нас грозила бы большая опасность быть скальпированными. Но, голубчик мой, не станем пугаться, пока не убедимся, что нам действительно грозит опасность. Как я уже вам сказал, я не вполне убежден в высказанном мною предположении. Суматоха началась почти в ту же минуту, когда мне показалось, что я вижу дым, и я должен был сосредоточить свое внимание на том, что происходило в караване. Когда я снова взглянул на то место, и ничего уже не мог разглядеть.

— Может быть, это была пыль, поднятая ветром? — сказал Генри.

— Дай-то бог! Я несколько раз посматривал ночью на горизонт, но не заметил ничего подозрительного. Однако, несмотря на все это, я не могу быть спокойным. Это выше моих сил!.. Когда побываешь в плену у апахов, хотя бы только один час, то поневоле с трепетом в душе путешествуешь по местности, где грозит опасность встретиться с ними. Что касается меня, то у меня есть основательные причины не забывать о своем пребывании у них в плену. Взгляните-ка!

Мексиканец раскрыл одежду и показал своему спутнику выжженную у него на груди мертвую голову.

— Вот что сделали со мной апахи. Вы видите, они и не думали о моей смерти. Они только имели намерение превратить меня в мишень для стрельбы, чтобы показать свою ловкость. Я сумел вовремя убежать и спас, таким образом, свою жизнь. Понимаете ли вы теперь, дорогой мой, почему я горю нетерпением поскорее достигнуть такого места на этой вершине, с которого я мог бы проверить свои опасения? А, дьяволы! Если бы они были у меня в руках, с каким удовольствием я отомстил бы им!

Говоря это, охотники шли, однако, все вперед, хотя и двигались с трудом, так как попадавший им хворост и лианы загораживали путь. Неоднократно они встречали следы красного зверя, и, проходя по какому-то песчаному месту, Педро указал своему спутнику на следы, оставленные животным из семейства диких баранов, называющихся по-мексикански карнеро.

Я был уверен, что они нам попадутся, — сказал он. — Не будь я Педро Вицента, если весь караван не попробует сегодня жареной баранины. Однако не надо терять драгоценного времени. Пора начинать охоту... Но, что это такое?..

На некотором расстоянии от них только что послышался шум, похожий на тот, который производит животное, взрывая копытом землю. Шум этот скоро повторился еще несколько раз. Его сопровождало какое-то сонное.

Гамбузино нагнулся, положил Генри на плечо свою руку, чтобы помешать ему двигаться, и прошептал ему на ухо:

— Это — карнеро. Так как зверь сам идет под наши выстрелы и не старается уйти от нас, воспользуемся этим.

Генри только того и желал, чтобы разрядить оба ствола своего ружья.

Охотники стали тихонько подкрадываться к дичи, прячась за деревьями, и скоро достигли другой лужайки, на которой паслось стадо животных, которых с первого взгляда можно было принять за оленей. Генри Тресиллиан сделал бы, может быть, эту ошибку, если бы он не заметил у них вместо оленьих рогов — бараньи. Это были дикие бараны, которые настолько же отличаются от наших домашних, насколько борзая собака отличается от таксы.

Их ноги не были коротки, хвост не был толст, и шерсть не была пушиста.

У них была гладкая и мягкая кожа, стройные члены, мускулистые и гибкие, как у лани.

Стадо состояло из самцов и самок. Один из первых баран почтенных лет, обладал спирально загнутыми рогами, более толстыми, чем рога других баранов, и при том такими длинными, что невольно являлся вопрос, каким образом их владелец мог прямо держать свою голову под такую тяжесть. Он, однако, подымал ее еще с большей гордостью. Это он ударял ногою и с шумом вдыхал в себя воздух, что было услышано доном Педро. Он еще раз повторил этот маневр, но его подстерегали, и сквозь листья на него был уже наведен ружейный ствол.

Блеснули два огонька, раздались два выстрела, и старший баран упал мертвым на землю. Его товарищи оказались более счастливыми. Две пули Генри скользнули по их рогам, как по стальной броне, и они благополучно удрали целыми и невредимыми.

— Черт побери! — вскричал гамбузино в ту минуту, когда он захотел было приподнять свою добычу. Паниче не повезло. Вот даром потерянный выстрел.

— Как так? — удивленно переспросил молодой англичанин.

— Как можете вы меня об этом спрашивать, синьор? Ваш нос должен уже объяснить вам причину. Черт возьми, какое зловоние!

Генри, приблизившийся было к барану, убедился, что Педро прав. Баран испускал отвратительный запах,— гораздо хуже, чем пахнет от козла.

— Невыносимо! — в свою очередь сказал он.

— Что за безумие даром потратить пулю на животное, которого нельзя есть! — продолжал гамбузино. — Ведь, собственно говоря, я убил его не из-за шкуры, не из-за его феноменальных рогов, а единственно потому, что думал совсем о другом, так что не обратил внимания, что это за животное!

— О чем же вы думали? — спросил Генри.

— О дыме!.. Отправимтесь-ка в путь: что сделано, того уже не поправишь. Не станем больше толковать об этом и предоставим убитого барана шакалам. Чем скорее они его уничтожат, тем будет лучше... Тьфу!.. Уйдемте-ка поскорее отсюда!

Глава 5

ПИР БОГАТЫРЕЙ

Если белые встали с зарею, то краснокожие поднялись еще раньше, потому что они точно так же, как и соименные им звери, чаще совершают свои грабежи ночью, чем днем. К этому присоединилось еще желание достигнуть Наухампы-Тепетля до наступления жары. Во-первых, дикари далеко не были равнодушны к удобствам, а, во-вторых, для успеха предприятия требовалось, чтобы их лошади находились в добром здравии, вследствие чего они решили не утомлять их ездой по полуденной жаре. Вот почему койоты были уже на ногах еще задолго до рассвета. Они двигались в полумраке, точно краснокожие призраки, сохраняя глубокое молчание не потому чтобы они боялись обнаружить перед врагами свое присутствие (они были уверены, что они одни), а потому, что таков уж был их обычай.

Первым их делом было поставить на новое место ло-

шадей, поевших уже всю траву вокруг кольев, к которым они были привязаны; вторая их мысль была о том, как самим позавтракать. Для этого, благодаря вчерашним приготовлениям, им стоило только приподнять крышку их оригинальной печи, чтобы достать оттуда вполне готовое кушанье.

Пять или шесть индейцев взяли на себя эту не особенно приятную работу. Они сначала сняли пригоршнями прокаленные и дымящиеся куски дерна. Земля, превратившаяся в горячую золу, требовала более осторожного обращения, но дикие повара знали, как снять ее, и скоро под нею показалась обуглившаяся лошадиная шкура, которую однако нельзя было еще вытащить на свет Божий. Одним ударом ножа кожа была разрезана, и от вкусного кушанья распространился по всей окружности аппетитный запах, который особенно приятно подействовал на краснокожих.

Действительно, это было отличное кушанье, как на вкус других, так и на вкус дикарей: не говоря о конском мясе, которое некоторые любители находят очень вкусным, если оно известным образом приготовлено,— меккал и сам по себе может сойти за очень приятное блюдо. Он не похож по вкусу ни на одно из известных нам кушаний. Он немного напоминает по цвету и по сладковатому вкусу вареный в сахаре лимон, но он тверже лимона, и цвет его гораздо темнее. Когда его едят в первый раз, то на языке ощущаешь как бы уколы тысячи миллионных жал; испытываешь неподдающееся точному определению ощущение, не имеющее в себе ничего приятного, пока к нему не привыкнешь. Но это ощущение скоро проходит, и все те, которые из любопытства отведали меккала, весьма скоро начинают ценить его по достоинству. Многие высокопоставленные мексиканцы смотрят на него как на блюдо, составляющее предмет роскоши, и его продают очень дорого в Мехико и в главных городах Мексиканской республики.

Меккаль — любимое блюдо апачов; как только ряд порядители лаконически произнесли слово: «готово!», вся толпа койотов с жадностью набросилась на горничное еще кушанье и, не заботясь об ожогах пальцев, рта, принялась с остервенением уписывать его. Скоро не осталось ни крошки, и если лошадиная шкура не подверглась опасности быть съеденной, то только потому, что дикари наелись досыта; но если бы они были голодны, то съели

бы ее с аппетитом. На этот раз они ее предоставили своим четвероногим тезкам — шакалам.

После этого гомерического пиршества дикари принялись за курение. У индейцев Америки, к числу которых принадлежали койоты, употребление табака вошло в обычай. Оно существовало там задолго до открытия Америки Христофором Колумбом. У каждого койота оказалась своя трубка для курения и кисет, наполненный более или менее хорошим табаком. Курили они, по обыкновению, молча; когда трубки были выкурены и положены на прежнее место, дикари поднялись, отвязали своих лошадей, тщательно сложили веревки, предназначенные для связывания пленных, захватили свой скудный багаж, и все по общему сигналу вскочили на лошадей. Затем, как и накануне, они выстроились по двое в ряд в длинную колонну и пустились в путь рысью.

Лишь только последний краснокожий оставил лагерную стоянку, как другие живые существа сбежались толпою, чтобы занять их место. Эти новые пришельцы были волки, которые жалобно выли всю ночь. Привлеченные запахом мяса убитой лошади, они только ждали отъезда дикарей, чтобы принять участие в пиршестве.

Вскоре койоты перестали видеть впереди себя Затеявшуюся гору. Это было следствием постепенного понижения почвы. Впрочем, путь был им так хорошо знаком, что они нисколько не беспокоились об этом и не старались отыскать гору снова.

Чтобы сберечь силы своих мустангов, они ехали умеренной рысью; к тому же им и нечего было спешить, так как у них было достаточно времени для того, чтобы прибыть к горе до наступления жары.

Вопреки своему обыкновению, они на этот раз громко разговаривали друг с другом и смеялись во все горло. Они хорошо выспались, еще лучше позавтракали и совсем не боялись никакого нападения. Несмотря на это, более по привычке, они машинально поглядывали вокруг себя и обращали внимание даже на мелочи.

Вдруг они увидели мельком нечто, что навело их на размышления. То была стая птиц с черными перьями. Что же здесь необычайного, и почему появление этих птиц могло возбудить внимание индейцев? Причина заключалась в том, что птицы, летевшие над их головами, были коршуны двух видов, галлинацы и цопилоты, эти намнитые подметальщики улиц в Мехико, которые,

вместо того чтобы описывать концентрические или спиральные круги, как это они обыкновенно делают, быстрым полетом направлялись в какое-то определенное место, куда их, по-видимому, привлекала какая-нибудь даль.

Их было такое бесчисленное множество, что они обрывовывали на небе длинную черную полосу, и все они летели друг за другом в одном направлении, и именно в том самом, которого держались индейцы, то есть по направлению к Наухампе-Тепетлю.

Что привлекало коршунов к Затерявшейся горе?

Этот вопрос сильно занимал койотов. Они могли решить его не иначе, как одними догадками. Очевидно, там должно было находиться что-нибудь покрупнее, чем труп антилопы или дикого барана, иначе коршуны не полетели бы так. Нисколько не возбуждая в дикарях беспокорьяства, это зрелище подстрекнуло, однако, их любопытство, и они поехали поскорее.

Когда Затерявшаяся гора снова очутилась у них на виду, они вдруг остановились. Что еще такое привлекло их внимание?.. Какой-то красноватый столб подымался с южной стороны горы. Не был ли это расстилавшийся над озером туман, в котором отражались солнечные лучи? Нет, это было совсем другое. Их зоркие глаза увидели в этом столбе дым костра, и дикари тотчас же догадались, что другие путешественники предупредили их и разбили лагерь у подножия Наухампы-Тепетля.

Но что это были за путешественники? Опаты? Наверно ли. Опаты,— индейцы манзы или рабы, как о них презрительно отзываются другие индейские племена, разбойничавшие в пустыне,— народ трудолюбивый, они спокойно живут в своих селениях и занимаются только земледелием и скотоводством. Никакого основания не было думать, чтобы это миролюбивое племя забрело так далеко от своих жилищ. Да и зачем пришли бы они туда? Вероятнее всего, что это был отряд белых, искателей того блестящего металла, за которым они охотятся повсюду, даже во владениях индейцев, в пустыне, где часто платят вместо золота мучительную смерть.

— Если это бледнолицые, то мы накажем их за дерзость.

Таково было решение, принятое койотами.

Пока они рассматривали подымавшийся столб дыма,

чтобы по нему определить число зажженных костров, а отсюда уже предположить, сколько было людей, которые разложили эти костры,— другой дым,— вернее говоря, беловатый дымок, похожий на крохотное облачко,— поднялся с вершины горы и почти моментально рассеялся в воздухе. Хотя дикари ничего не услышали, однако они заключили, что причиною дыма был ружейный выстрел. В разреженной атмосфере льяносов зрение имеет перевес над слухом: звуки слышны лишь на довольно близком расстоянии. Находясь от горы на расстоянии более чем в десять миль, индейцы с трудом услышали бы даже пушечный выстрел.

Они еще пребывали в нерешительности, когда второе облако дыма взвилось в другом месте горы и рассеялось как и предыдущее. На этот раз краснокожие вполне поняли, в чем дело. Лагерь белых расположен был на берегу озера, а на вершине горы находились охотники. Но что за люди были эти белые? Вот этого-то не знали койоты. Может быть, это был отряд рудокопов, а, может быть, регулярное мексиканское войско, и это сильно меняло дело. Не то чтобы они боялись встречи с солдатами, совсем нет — их племя часто имело стычки с мексиканскими войсками — но в таком случае им пришлось бы действовать совершенно иначе. Если бы они были уверены в своем первом предположении, то прямо поскакали бы к лагерю и смело напали на него, между тем как во втором случае им необходимо было пустить в дело военную хитрость.

Поэтому, вместо того, чтобы продолжать путь всем вместе, как прежде, они разделились на два отряда, из которых один поехал направо, а другой налево, чтобы окружить лагерь бледнолицых с обеих сторон.

Если огромные коршуны, затемнявшие собою небо, летели к Затерявшейся горе с целью устроить себе там шир на славу, то они могли быть спокойны: их надежда имела основание.

Глава 6

ИНДЕЙЦЫ

Мы оставили наших охотников в ту минуту, когда они быстро удалялись от старого барана, павшего под выстрелами дона Педро.

Генри не разделял мнения своего товарища. Он не ходил, что спирально загнутые рога карnero стояли того, чтобы взять их; по этому, хотя, строго говоря, этот трофей по правилам охоты и не принадлежал ему, он решил забрать рога с собою на обратном пути. Какой эффект производили бы эти гигантские рога, оделанные в старинном английском вкусе!

Взгляд, брошенный на гамбузино, мгновенно разрушил все эти замыслы. Мексиканец казался час от часу все более и более озабоченным, и Генри, знавший причину этой озабоченности, стал также чувствовать сильную тревогу. И тот и другой хранили молчание. Оба были заняты прокладыванием дороги среди заграждавших путь лиан и древесных ветвей. Все эти препятствия замедляли их шаги; поэтому всякий раз, когда Педро приходилось пускаться в дело свою мачету, он произносил энергические проклятия, число которых соответствовало количеству срубаемых им при этом ветвей.

Остановливаясь, таким образом, чуть ли не на каждом шагу, охотники употребили более часу на то, чтобы пройти расстояние меньше одной мили. Наконец, они выбрались из чащи и достигли противоположного края вершины горы. Там пред ними открылись безграничные просторы льяносов, и они могли охватить взором пространство, по крайней мере, в 20 миль к северу, западу и востоку. Им не понадобилось долго смотреть, чтобы открыть то, что им было надо. На середине этого расстояния можно было заметить густой вихрь желтоватого цвета.

— Теперь это уже не дым,— произнес гамбузино, а пыль, поднятая толпою всадников, которых тут, ни верно, несколько сотен!

— Может быть, это дикие мустанги,— сказал Генри

— Нет, синьор, на этих мустангах сидят верхом всадники, в противном случае пыль, поднятая ими, совсем бы иначе ложилась... Это индейцы!

Педро быстро повернулся по направлению к лагерю

— Черт побери! — вскричал он.— Что за неблагоприятное зумие было разложить огонь! Лучше было бы уже совсем не завтракать!.. Это я виноват, так как я должен был предупредить их. Теперь уж поздно об этом думать. Индейцы, без сомнения, уже заметили этот дым, а также и дым наших выстрелов,— добавил он, качая головою. Ах! дорогой мой, мы с вами сделали хуже чем ошибку!!

Генри ничего не отвечал. Да и что бы он мог ответить!!

— Какое несчастье, что я не попросил дона Эстевана одолжить мне его подзорную трубу,— продолжал Педро,— впрочем я достаточно хорошо вижу простым глазом, чтобы убедиться, что мои опасения, к несчастью, начинают сбываться. Наша охота кончена, синьор, и нам придется вступить в битву до захода солнца, а может быть даже до полудня!.. Смотрите! Вот они разделились...

В самом деле, облако пыли и темная масса, находившаяся под ним, отделились друг от друга; очертания сделались резче, определеннее; теперь можно было более явно отличить лошадей, всадников и оружие, сверкавшее на солнце.

— Это индейцы, едущие на войну,— произнес гамбузино тихим голосом.— Если это апахи, то да защитит нас небо! Я хорошенько не знаю, что означает этот маневр; они увидели дым наших костров и думают, вероятно, напасть на нас врасплох, сразу с двух сторон горы. Поспешим назад, в лагерь. Нельзя терять ни одной минуты, даже ни одной секунды!

На этот раз охотники недолго побыли в дороге. Они пробежали, задыхаясь, весь тот путь, который прорубили в чаще; пробежали мимо карнеро, мимо источника, мимо индюшек, висевших на их питагайе, не останавливаясь и даже не думая о том, чтобы захватить с собою убитую ими дичь.

Все в лагере рудокопов находилось в движении. Мужчины, женщины и дети, все были на ногах и все за работой. Одни поливали водою иссохшие колеса телег, другие чинили упряжь и седла; третьи занимались тем, что выпускали лошадей на свежие пастбища, и, наконец, некоторые снимали кожу с быка и рубили его на куски.

Женщины и молодые девушки находились около костров, на которых готовили пищу; вооружившись маленькими палочками, они взбивали ими варившийся в глиняных горшочках шоколад. Другие, стоя на коленях, растирали между двумя камнями вареные маисовые зерна, из которых приготавливаются маисовые лепешки.

Дети играли на берегу озера. Они вошли по лодыжку в воду и рылись в грязи как утята. Те из них, которые были постарше, смастерили себе удочки из палок, веревки и загнутых булавок и пытались ловить рыбу. Хотя озеро было расположено в пустыне, однако оно изобило-

вало рыбками серебристого цвета. Ручей, протекавший через озеро, почти пересыхавший летом, был притоком Горказита; по временам он становился довольно многоводным, так что рыбы могли пробраться в него из реки.

Посреди корраля были разбиты три палатки: одна — четырехугольная, очень большая, и две другие — поменьше, форма которых напоминала собою колокол. Средняя, большая, была занята доном Эстеваном и синьором Вилланева; палатку, расположенную вправо от нее, занимала Гертруда со своею служанкой-индианкой, а расположенную влево от средней палатки занимал Генри Тресиллиан и его отец. Теперь все три палатки были пусты. Роберт Тресиллиан вместе с мажордомом (так называется в Мексике и южной Америке вожак каравана мулов) осматривал лагерь; его сын, как мы уже знаем, сопровождал Педро, а все семейство Вилланева прогуливалось по берегу озера, на котором ветер производил легкую зыбь.

Гулявшие предполагали уже вернуться обратно, как вдруг восклицание, раздавшееся с вершины оврага, произвело во всем лагере тревогу.

— Индейцы!

Каждый с любопытством поднял голову.

Педро и Генри Тресиллиан показались на вершине отлого нависшей над лагерем скалы; они еще раз повторили свое восклицание и, соскочив со скалы, пустились вниз по горе, рискуя сломать себе шею. Когда они благополучно скатились с горы, встревоженная толпа закидала их вопросами, на которые они могли ответить одним только словом:

— Индейцы!

Отстранив от себя докучную толпу, они поспешили туда, где их ожидали Вилланева и его компаньон, успевший уже присоединиться к своему товарищу.

— Где вы видели индейцев, дон Педро? — спросил Роберт Тресиллиан.

— В льяносах, к северо-востоку.

— Уверены ли вы, что это индейцы?

— Да, уверен, синьор. Мы видели вооруженных всадников, которые не могут быть никем иным, как только краснокожими.

— На каком приблизительно расстоянии находятся они от нас? — спросил дон Эстеван.

— Когда мы их заметили, они были на расстоянии

около 10 миль,— может быть даже больше чем 10,— и они еще не успели намного приблизиться сюда, потому что мы употребили всего с полчаса, чтобы спуститься с горы.

Прерывистое дыхание охотников и их раскрасневшиеся лица указывали на быстроту, с которою они бежали. Их обратный бег был настоящею скачкой с препятствиями.

— Это большое счастье, что вы их увидели на таком далеком расстоянии,— снова начал дон Эстебан.

— Ах, синьор! — сказал Педро.— Они довольно далеко от нас, но они скоро будут здесь. Они заметили наше присутствие и скажут к нам, чтобы окружить нас. Такой легкой кавалерии недолго сделать 10 миль по такой ровной дороге.

— Что же вы посоветуете нам делать, дон Педро? — спросил старый воин, с озабоченным видом крутя свой ус.

— Прежде всего,— ответил гамбузино,— не следует оставаться на этом месте. Как можно скорее снимемся с лагеря. Через час это, может быть, уже будет поздно.

— Объяснитесь, пожалуйста, Педро! Я вас не понимаю: сняться с лагеря? И куда перенести его?

— Туда, на вершину,— ответил проводник, указывая на Затерявшуюся гору.

— Но мы не сумеем втащить туда наверх наших животных, и у нас не хватит времени, чтобы перенести туда весь наш багаж.

— Стоит беспокоиться об этом! мы можем еще считать себя счастливыми, что нам удастся спасти самих себя.

— Стало быть, вы полагаете, что следует все это покинуть?

— Да, синьор! Все, если понадобится. Я сожалею, что не могу посоветовать ничего лучшего, но другого исхода нет, и нам придется прибегнуть к этому средству, если мы дорожим своей жизнью.

— Как! — вскричал Роберт Тресиллиан.— Оставить все, что у нас есть: наш багаж, наши машины и даже наших животных? Это было бы непоправимым несчастьем! Наши люди храбры и отлично вооружены; мы сумели бы постоять за себя.

— Невозможно, дон Роберт, невозможно. Насколько и мог заметить, краснокожих приходится, по крайней мере, десять против каждого из нас, и мы наверняка будем

разбиты. Далее, если бы мы и смогли сопротивляться им днем, то ночью они нашли бы способ сжечь нас, бросая в нас головни и смоляные факелы. Наш багаж так сух, что вспыхнет как спичка при малейшей искре. Мы должны защищать женщин и детей; только там, наверху, они могут быть в безопасности.

— Но кто вам сказал, — не унимался Роберт Тресиллиан, — что эти индейцы нам враги? Может быть, это отряд опатов?

— О нет, это не опаты! — вскричал гамбузино. — Эти индейцы снаряжены в военный поход, и я почти уверен, что это апахи.

— Апахи! — повторили все окружающие тоном, обнаружившим тот ужас, который внушали эти страшные дикари всем обитателям Соноры.

— Это не опаты и не манзы, это индейцы другого племени, — продолжал Педро, — они едут из владений апахов, у них нет с собою ни поклажи, ни женщин, ни детей, и я ручаюсь, что они вооружены с ног до головы, так как отправляются в какую-то военную экспедицию.

— В таком случае, — нахмутив брови, мрачно произнес дон Эстебан, — нам нечего ждать от них пощады.

— Нам нечего ждать даже какого бы то ни было снисхождения с их стороны, — добавил гамбузино. — Мы даже не имеем права надеяться на это после того, как поступил с ними капитан Перец и его товарищи.

Каждый из рудокопов знал, на что намекал Педро. Мексиканские солдаты незадолго до того произвели истребление целого отряда апахов, обманув их обещанием заключить с ними мир. Это была настоящая резня, совершенная с поразительною жестокостью и с поразительным же хладнокровием, — резня, каких, по несчастию, насчитывается довольно много в летописях пограничных войн.

— Я уверен, — твердо произнес гамбузино, — что нам угрожает нападение апахов, которые многочисленнее нас. Было бы безумием ожидать их тут. Взберемся на гору, заберем с собой все, что только можно унести, и оставим все остальное.

— Вы уверены, что там мы будем в полной безопасности? — спросил Тресиллиан.

— Как в хорошо защищенной крепости, — ответил Педро. — Никакая крепость, построенная человеческими руками, не выдержит сравнения с Затерявшейся горой!

Двадцать солдат могли бы там защищаться против нескольких сотен и даже, может быть, тысяч человек. Мы можем поблагодарить Бога за то, что нам встретилось такое надежное убежище и так близко от нас.

— Нечего колебаться,— сказал дон Эстебан, перекинувшись несколькими словами со своим компаньоном.— Мы многое теряем, оставляя здесь, но другого выхода не видно. Приказывайте, синьор Вицента, мы будем вам повиноваться во всем.

— Я могу отдать только одно приказание,— вскричал гамбузино,— это — все наверх!

При команде Педро во всем лагере, за четверть часа перед тем совершенно тихом и спокойном, поднялись тревога и суета, которых невозможно описать. Каждый бежал и суетился, тут и там раздавались крики и плач. Матери собирали вокруг себя детей и со слезами прижимали их к своей груди. Им уже мерещились занесенные над головами детей индейские копья и ножи.

Все произошло так внезапно, что рудокопы сначала не знали, за что приняться; когда же они, наконец, немного пришли в себя, дело пошло у них на лад, и все дружно поспешили к ущелью, которое открывало путь к вершине горы.

Скоро весь крутой склон ущелья снизу доверху был покрыт людьми.

Со своею обычною предусмотрительностью рудокопы прежде всего позаботились поместить в безопасное место своих жен и детей. Они приняли все необходимые предосторожности для того, чтобы последние беспрепятственно добрались до вершины; однако даже и при этом не раз падали на каменистой тропе, разбивали себе колени и обдирали руки. Но в спешке они не замечали ран и ушибов.

Когда женщины без серьезных потерь достигли вершины горы, мужчины поспешили обратно к корралю. Им жаль было оставлять свое имущество врагу, и они пытались спасти, что только было можно.

Сначала, опасаясь за свою жизнь, они действовали очень осторожно и не отходили далеко, но когда один из посланных для наблюдения за окрестностями с вершины горы, вернувшись, донес, что краснокожих еще не видно, рудокопы поняли, что у них есть возможность спасти хоть часть своего добра.

— Забирайте прежде всего боевые припасы и прови-

ант! — кричал Педро Вицента, пользуясь своими полными мочиями. — Это необходимо на случай осады. Затем мы берем все, что сумеем, — орудия, машины, веревки, парусину; но начать надо с пороха и съестного.

Ему повиновались беспрекословно. Немного спустившись в ущелье представляло еще более оригинальный вид: толпа людей, тяжело нагруженных, беспрестанно двигалась с равнины на вершину горы и обратно. Они трудились и потея лица, подымались вверх, спускались вниз и снова без отдыха подымались, каждый раз принося на гору новые тюки добра. Новая партия отправлялась только по приказанию распорядителя. Это перетаскивание имущества было похоже на хорошо организованный грабеж. Одни, добравшись до лагеря, снимали с повозок добро, выбирали наиболее ценные вещи и связывали их, чтобы легче было унести. Другие проворно развязывали тюки, открывали коробки, выбрасывая все содержимое, чтобы воспользоваться упаковочным средством. Очень скоро в коррале ничего почти не осталось кроме орудий, машин и самих повозок.

Если бы Гремучая Змея и его воины могли предвидеть, что хозяева лагеря так сами его обчистят, они предпочли бы заморить своих мустангов, но поскорее доехать. Впрочем индейцы и так двигались вперед довольно быстро; караульные, поставленные рудокопами, не замедлили дать знать об их приближении. Рудокопы забрали напоследок еще кое-что из вещей, в том числе две небольшие круглые палатки, после чего поспешили возвратиться на гору.

Несколько человек все же замешкались на равнине. Это были хозяева лошадей, которые с печалью в сердце расставались с преданными животными. Лошадей никак нельзя было увести с собой. Разве могли они пробраться по тропинке, годной для коз, антилоп или же для животных, обладающих когтями? В какие руки попадут несчастные животные? Какая участь их ждет?

О том же думали возницы и погонщики мулов, которые также любили вверенных им животных.

Но времени терять было нельзя. Пора было прощаться. Послышались восклицания: «Лошадка, лошадка моя милая!» «Мулик, мулик дорогой!» «Прощай, да храни тебя Бог!» К этим нежным словам они добавляли тысячи проклятий в адрес тех, кто вынуждал их разлучиться со своими любимцами.

Педро был взволнован чрезвычайно. Вся его будущность зависела от успешной эксплуатации открытой им золотоносной залежи, и теперь, на его глазах, надежды на блестящую будущность внезапно рухнули, так как даже если допустить, что рудокопы избегнут смерти, все самые дорогие машины будут наверняка порушены врагами, и кто знает, окажется ли фирма «Вилланова и Тресиллиан» в состоянии возместить эту потерю. Эти мысли приводили Педро в ярость. Но делать было нечего, и он последовал за остальными на вершину горы. Товарищи Педро были уже довольно далеко, за исключением Генри Тресиллиана. Последний никак не мог расстаться с Крузадером. Стоя подле своего коня, он ласково гладил его рукой по лоснящейся шкуре. Слезы бессилия текли из глаз молодого человека. Увы! Он ласкал Крузадера в последний раз!..

Благородное животное как будто понимало своего господина: оно смотрело на него своими большими умными глазами и жалобно ржало.

— Мой славный Крузадер,— бормотал молодой англичанин,— мой бедный друг. Знать, что я должен расстаться с тобою и что ты достанешься какому-то презренному краснокожему... О! это жестоко, очень жестоко!..

Крузадер ответил на эти слова жалобным ржанием. Без сомнения, он разделял печаль своего господина, которого так любил!

— Пусть поцелуй будет нашим последним прощанием,— произнес Генри, прикладывая свои губы к шелковистой морде Крузадера.

И он ушел широко шагая, стараясь побороть душевное волнение.

Рудокопов уже не было видно, когда Генри Тресиллиан вступил в ущелье. Нельзя было терять времени, но молодой англичанин, не сделав и ста шагов, обернулся. Он услышал топот скачущей лошади. Не одинокий ли это индеец? Нет, это был Крузадер, не желавший расставаться со своим господином. Достигнув начала крутого подъема, славный конь пытался вскарабкаться по нему. Но все его усилия были напрасны. Всякий раз, когда он ставил передние ноги на камни, камни начинали осыпаться, и он падал на колени. Он несколько раз начинал все сначала, и все его попытки сопровождались жалобным ржанием, которое до слез трогало Генри Тресиллиана.

Молодой человек быстро продолжал свое восхождение.

ние, чтобы не видеть этого мучительного зрелища, но на середине подъема остановился, чтобы бросить последний взгляд на своего верного друга. Крузадер неподвижно стоял на том же месте; он отказался от мысли последовать за своим господином и временами громко издавал печальное ржанье, свидетельствующее о его горе и отчаянии.

Глава 7

EL CASCABEL

На верху обрыва Генри Тресиллиан нашел своего отца и дону Эстевана. Они руководили оборонительными работами. Мужчины набирали повсюду в пути камни и подавали их товарищам, находившимся на площадке. Они образовали цепь, так что можно было принять их за инсургентов, устраивающих баррикаду. Но не таково было их намерение. По словам Педро, Затерявшаяся гора сама по себе могла заменить самую сильную крепость и устояла бы против артиллерии всего мира. Эти камни предназначались для другого употребления: они должны были служить метательными снарядами в случае нападения краснокожих.

Каждый работал с таким усердием, что скоро на краю оврага образовался парапет в форме подковы. Что бы ни случилось, мексиканцы теперь могли быть уверены, что у них не будет недостатка в средствах к защите.

Что касается остальных рудокопов, они вместе с женщинами и детьми помогали на лужайке около El Ojo de Agua убирать в безопасное место все, что только можно было унести из лагеря. Некоторые, еще не оправившись от волнения, ходили взад и вперед и с жаром обсуждали положение дел; другие, более храбрые и спокойные, приводили в порядок неприбранные ящики и тюки, разбросанные на земле, и спокойно ждали событий.

Синьора Вилланова и ее дочь, окруженные прислугой, составили отдельную группу. Молодая Гертруда пристально смотрела на то место, где появлялись поднимавшиеся на гору люди, и взглядом словно спрашивала о чем-то вьюв прибывших. Она заметно беспокоилась. Им сказали, что Генри Тресиллиан не ушел из корралы и не

сте со всеми, и она боялась, как бы он не опоздал и не подвергся какой-либо опасности.

Никто еще не думал раскидывать палатки и располагаться в них; все еще надеялись, что дело кончится ложной тревогой и что скоро можно будет избавиться от всякого страха.

Так как мнение гамбузино относительно того, к какому племени принадлежали индейцы, было основано, в сущности, только на предположениях, дон Эстебан послал его снова в разведку. На этот раз он доверил ему свою подзорную трубу и условился в сигналах. Один ружейный выстрел должен был означать, что враги не направлялись уже более к Затерявшейся горе; два выстрела означали, что они близко: три — что нечего более бояться; четыре — что, наоборот, это шайка из враждебного племени, намеревающаяся расположиться лагерем. Из этого можно было бы, пожалуй, заключить, что Педро уносил с собою целый арсенал оружия, тогда как с ним был только его штуцер да два пистолета старой системы и средней дальнобойности; присоединившийся к нему по пути на гору Генри Тресиллиан пожелал сопровождать его; он был вооружен, как мы помним, двуствольным ружьем.

Условившись обо всем, два разведчика направились по узкой тропинке.

Проходя мимо Гертруды и ее матери, Генри обменялся с ними несколькими словами.

— Успокойтесь,— сказал он им,— мы здесь в безопасности и нам положительно нечего бояться.

Гертруда наивно восхищалась каждым проявлением смелости своего друга. Она находила, что он проявил героизм, оставаясь один на равнине, и необычное поведение Крузадера казалось ей вполне естественным. Она лучше чем кто-либо знала, как молодой англичанин любит свою лошадь и какими заботами он ее окружил; она сама полюбила красавца Крузадера, который так нежно брал сахар из ее руки и который так же гордо гарцевал в таких льяносах, как и на улицах Ариспы; она охотно отдала бы все, что имела, чтобы уберечь его от краснокожих.

Педро и его спутник через несколько минут достигли того места вершины, которое должно было служить им обсерваторией. Они сейчас же увидели, что индейцы уже очень близко.

— Выстрелите два раза, голубчик,— сказал гамбузино, настраивая подзорную трубу. Постарайтесь сделать промежуток после первого выстрела, чтобы они не могли ошибиться в том, что мы хотим им сообщить.

Едва смолкло эхо выстрелов, как Педро вскрикнул:

— Сагамба! Я не ошибся! Это апахи!.. И еще хуже — койоты, самые кровожадные, самые страшные из всех индейцев! Скорей, скорей,— продолжал он, не оставляя наблюдения,— возьмите мои пистолеты и выстрелите еще два раза.

Два новые выстрела последовали один за другим. Дикари остановились, взглянули в сторону стрелков и, по видимому, начали совещаться. Их движения уже можно было различить простым глазом; благодаря своей подзорной трубе Педро рассмотрел одну деталь, которая вызвала у него гневное восклицание:

— Por todos demonios está el Cascabel — вскричал он. (Клянусь всеми дьяволами, это Гремучая Змея).

— El Cascabel! — повторил Генри, менее заинтересованный этим странным именем, чем видом самого гамбузино.— Вы его знаете, Педро?

Гамбузино снова посмотрел в трубу

— Да,— продолжал он тем же тоном,— это, конечно, он! Я ясно вижу на его груди безобразную мертвую голову, послужившую образцом для той, которой он меня наградил. Это та самая шайка краснокожих, предводительствуемая Гремучей Змеей, которая поступила со мной так, как я вам рассказывал сегодня утром, до Генрих. Горе нам, если мы попадем в их руки. Мы будем преданы ужасной смерти! Гремучая Змея будет упорно нас осаждать, чтобы голодом принудить нас к сдаче.

— Но если мы сдадимся тотчас же,— сказал с надеждой Генри,— может быть, он будет милостив?

— Милостив, он!.. Берегитесь подобной мысли! Можно ли серьезно об этом говорить! Или вы забыли ремень Переца?

— Никоим образом.

— Ведь эти койоты, изменнически убитые капитаном Перецом, составляли часть того племени, которое мы видим перед собой. Гремучая Змея об этом помнит, и, насколько это будет зависеть от него, мы заплатимся за виновных!

Сказавши это, гамбузино замолчал. Он передал подюрную трубу Генри и оставался несколько времени погруженными в свои мысли, обдумывая возможные средства выйти из такого трудного положения, которое многие другие, может быть, нашли бы совершенно безнадежным. Но если ярость была известна дону Педро Виценте, то отчаяния он не знал.

Индейцы, предводительствуемые Гремучей Змеей, снова направились на северо-восток; другое племя дикарей обогнуло гору по направлению к северо-западу.

— Если мои вычисления меня не обманывают,— сказал Генри Тресиллиан,— число этих апахов доходит по крайней мере до пятисот.

— По моему счету приблизительно столько же,— ответил гамбузино.— Что делать против такого количества?

— Подождать ночи, напасть на них врасплох и проиграть,— сказал Генри со всем пылом юности.

— Было бы безумием пытаться это сделать, синьор,— сказал Педро Вицента,— во-первых, потому, что на этих индейцев трудно напасть врасплох; а во-вторых,— ведь нам нужно защищать женщин и детей, нас же так мало. Нам нужно беречь те немногие силы, какие у нас есть.

— Так вы советуете нам бегство? — сказал Генри.

— Почему же нет, если бы оно было возможно,— отвечал гамбузино.— Нельзя считать бесчестьем бегство перед врагом, который так подавляет нас своею многочисленностью. К несчастью, бегство для нас так же невозможно, как и сражение.

— Невозможно? Почему?

— Ах, синьор,— возразил Педро с недовольным жестом,— разве вы забыли, что мы бросили наших лошадей и что нельзя спастись пешком в пустыне? Предположим даже, что нам удастся присоединиться к ним, но ведь вы не хуже меня знаете, в каком состоянии мы их оставили.

— Тогда,— сказал Генри Тресиллиан,— нам остается только защищаться на этой площадке!

— Вот именно, синьор, об этом-то и нужно дать знать как можно скорее.

— Ну что ж, если нападение невозможно... Недурно будет показать этим проклятым дикарям, что они так просто до нас не доберутся.

НАПАДЕНИЕ НА ЛАГЕРЬ

На площадке дон Эстебан не оставался в бездействии. Бывший военный, привыкший к нечаянным схваткам, он беспрепятственно принял начальство над войском, и его признанный авторитет при теперешних обстоятельствах мог оказать лишь самое полезное влияние.

Указав женщинам и детям наименее опасное место, он с большим хладнокровием приготовлялся к защите: велел зарядить ружья, раздать заряды и устроить нечто вроде арсенала, где порох и пули могли сохраниться от сырости.

Как внимательный начальник, дон Эстебан прежде всего постарался определить положение, чтобы быть в состоянии судить о слабых пунктах и осмотрительно и осторожно распределить посты.

По его мнению, относительная многочисленность индейцев не могла сама по себе внушать особые опасения. Восемьдесят решительных и хорошо вооруженных человек, в такой недоступной позиции, какую занимали рудники, могли не бояться врага, даже более многочисленного, чем койоты, а импровизированная крепость имела приблизительно такое количество защитников.

Эти люди, можно бы сказать — эти авантюристы, большею частью привыкшие к опасности во всех ее формах, сами почувствовали необходимость сомкнуть и доверить свою участь предусмотрительности и осторожности одного. Они, как по наитию, поняли необходимость дисциплины в присутствии внезапно появившихся врагов, которые казались тем опаснее, что сами заимствовали оружие и тактику у регулярных войск. Таким образом власть дона Эстебана была признана как бесспорная необходимость.

Рудники, построив сильную баррикаду из камней, которая должна была им служить и защищающим парантоном и резервом для ядер, казалось бы, должны были только терпеливо ждать сигналов гамбузино, но трудно было терпеливым в подобном случае.

Несколько секунд, протекших между двумя последними выстрелами, полны были томительного ожидания. Кто эти индейцы, друзья или враги? Какие у них намерения? Последовала минута нерешительности. Увы! едва звук

третьего выстрела замер вдали, как четвертый положил конец всякой неизвестности. Вопрос был решен.

— К несчастью, это апахи! — сказал Эстеван своему товарищу.

Но опасность была больше, чем предполагал дон Эстеван. Педро скоро должен был дать знать ему об этом.

— Койоты! — закричал ему гамбузио, как только приблизился настолько, чтобы быть услышанным. — Шайка Гремучей Змеи! — прибавил он тише, подходя.

Присутствовавшие переглянулись с испугом. Эти слова не нуждались в комментариях.

Действительно, нельзя было ждать пощады от родственников и друзей воинов, перебитых капитаном Пересом. Что за дело было койотам до того, что жители Ариппы и сами рудокопы глубоко порицали этот варварский поступок? Со времени этого преступления бледнолицые, кто бы они ни были, стали для индейцев заклятыми врагами, которых следовало безжалостно истреблять.

Лицо дона Эстевана невольно омрачилось.

— Стало быть, — сказал он, — вы уверены, дон Педро, что перед нами шайка Гремучей Змеи?

— Я в этом уверен, — отвечал тот. — Я так близко видел этого разбойника, что узнал бы его из тысячи, да и подзорная труба ваша дала мне возможность различить даже его тотем — эмблему, которую он носит на своей груди и которою украсил и мою.

Подобно тому, как служители некоторых фламандских церквей отдергивают занавеси, закрывающие дорогие картины, чтобы показать их путешественникам, — так и Педро распахнул свою рубашку и показал всем своим собеседникам произведение искусства, которое он уже показывал Генри Тресиллиану. Каждый слышал об этом характерном знаке предводителя койотов, и теперь никто уже не сомневался, что имеет дело с Гремучей Змеей и его шайкой.

Когда рудокопы пришли в себя от первого, вполне естественного волнения, дон Эстеван, с тем спокойствием, которое его никогда не покидало, объяснил им положение дел. Начальник понимал, что надобно прежде всего не допустить паники и предохранить от всякого подобно-го чувства людей, положившихся на его опытность. Поэтому он выказал совершенную уверенность в успехе, но скрыл возможных и даже неминуемых трудностей осады, которая только начиналась.

Впрочем, естественная крепость, занимаемая рудокопами, была так неуязвима, что открытого нападения можно было не опасаться. Если же, однако, Гремучая Змея отважился бы на это, его встретили бы достойно.

Рудокопы были хорошо вооружены. Им нечего было бояться недостатка в боевых и съестных припасах, если только расходовать их предусмотрительно, а источник, находившийся тут же, дарил их свежей водой.

Не убаюкивая себя иллюзиями, можно было надеяться, что, несмотря на численное меньшинство осажденных, могло представиться благоприятное обстоятельство, которое позволило бы им напасть на дикарей или попросту убежать от них.

Надежда так сильно укоренилась в человеческом сердце, что даже в такие критические часы, которые переживали рудокопы в начале этой осады, большая часть из них предвидела уже освобождение. Каждый, не скрывая от себя опасностей, имел решимость презирать их и надежду — победить.

Чтобы наблюдать движение врагов и не быть замеченными ими, защитники площадки скрылись за своим парпетом. У них перед глазами была часть льяносов, и в виде треугольника, по сторонам находились перпендикулярные скалы, окружавшие площадку; почти весь лагерь заключался в этом пространстве.

Прошел еще почти час до прибытия индейцев.

Лошади и мулы, предоставленные самим себе у подножия Затерявшейся горы, казалось, не думали удалиться. Не зная будущего, которое их ожидало, они мирно паслись на лугу или купались в речке. Они наслаждались отдыхом, который вполне заслужили после нескольких долгих дней тяжкого пути.

Немного подалее неподвижно стояло стадо антилоп, пришедших утолить жажду и выкупаться, но испуганным видом повозок на том месте, где накануне еще ничего не было, и потому готовившихся убежать при малейшем шуме.

Напротив, коршуны не имели сомнений; вид больших белых повозок привлекал их, и эти птицы целой стаей опустились на ограду корраля. Одни оспаривали друг у друга остатки быка, убитого рудокопами на завтрак, другие бродили вокруг четырехугольной палатки, кою рая не была унесена, садились на открытые ящики, с которыми

бопытством рассматривали разбросанные вещи и казались настоящими владельцами лагеря.

Вдруг произошла перемена одновременно среди всех животных, крылатых и четвероногих, домашних и диких. Антилопы понюхали воздух и умчались, как туча стрел, пущенных из невидимых арбалетов. Коршуны полетели, но не удалились, а только поднялись на среднюю высоту и парили над лагерем, махая своими широкими черными крыльями. Наконец, лошади, мулы и рогатый скот, внезапно обезумевшие, бегали взад-вперед со ржанием или ревом.

— Что такое с ними? — спросил Генри Тресиллиан.

— Они почуяли краснокожих, — отвечал гамбузино. — Мы сейчас увидим эту проклятую породу.

В самом деле, в это время краснокожий всадник в сопровождении многих других выезжал со стороны треугольника, который был виден осажденным, а спустя немного времени другая колонна начала разворачиваться с противоположной стороны. Оба войска растянулись приблизительно на расстоянии мли от Затерявшейся горы, как будто индейцы решились не подходить к ней. Но мексиканцы знали, что это только маневр, чтобы лучше окружить лагерь.

— Если бы они знали наверное, где мы находимся, — прошептал Педро, — они не дали бы себе столько труда. Они, вероятно, воображают, что мы в состоянии сопротивляться им на равнине, и хотят окружить нас с двух сторон.

Никто не отвечал ему. Сцена, происходившая перед ними, поглощала всеобщее внимание. Со своего места они не упустили из вида ни одного движения неприятелей.

Несметный кордон всадников медленно разворачивался вокруг Затерявшейся горы. Уверенные в том, что добыча не может ускользнуть, койоты не торопились. Их оружие и щиты сверкали на солнце, как блестящая чешуя. Как будто две огромные допотопные змеи подвигались навстречу одна другой.

Еще не было видно арьергарда, когда средние части обеих колонн соединились на середине полукруга, который они описали.

Сколько было индейцев? Рудокопы не знали этого наверное, но они увидели их уже достаточно, чтобы оце-

нить данный гамбузино совет — уклониться от неравной битвы.

Койоты повернулись лицом к неприятелю правильно и дружно, точно солдаты, исполняющие маневр перед своим генералом, после чего они остановились, и пять или шесть индейцев, выйдя из рядов, начали разговаривать и жестикулировать.

Дон Эстебан не мог ничего понять по их жестам; он передал свою зрительную трубу Педро, которому были лучше известны обычаи краснокожих.

— Гремучая Змея советуется со своими помощниками, — сказал гамбузино. — Наши повозки приводят их к замешательству... Без сомнения, они воображают, что имеют дело с солдатами, и они слишком осторожны, чтобы попытаться напасть на лагерь налегке.

Гамбузино угадал верно, если только говорить наверняка значит угадывать. Неожиданный вид повозок был причиной внезапной остановки индейцев.

Эти хозяева пустыни, эти владельцы льяносов не всегда проходят по своим владениям без труда и опасностей, и коварство их племени вошло в поговорку. Они действуют всегда с величайшей предусмотрительностью. Повозки, присутствие которых так сильно их удивило, могли принадлежать обыкновенным путешественникам, рудокопам, торговцам или эмигрантам, но могли принадлежать и военным, а при сомнении всегда лучше остерегаться.

Гремучая Змея приказал своему войску остановиться и созвал начальников, чтобы условиться с ними относительно лучшего способа нападения на бледнолицых. У индейцев главный предводитель не имеет абсолютной власти: он должен, даже на войне, предлагать свой план на обсуждение и не действовать без согласия других.

Койоты легко решили вопрос относительно присутствия мексиканских солдат. Не задумываясь, они дали отрицательный ответ: никакой стражи не было вокруг корраля, не видно было нигде никакого мундира. У солдат были часовые. Между тем окрестности казались пустынными, а лошади, мулы и рогатый скот были оставлены без призора.

Это последнее обстоятельство могло бы показаться странным всякому другому, но не койотам, которые отлично знали, что их приближение наводит ужас не только на белых, но и на принадлежащих белым животным.

так что они иногда срываются с привязи. К чему же было беспокоиться? Они убедились, что не ошибаются, думая, что это стоянка не военных, а штатских, в противном случае животные были бы более дисциплинированы, и солдаты стояли бы уже под ружьем.

Лагерь был окружен, оставалось напасть на неприятеля.

По данному знаку краснокожие зашевелились. Ряды их сгущались по мере того, как они стягивали свой круг, чтобы замкнуть в него всех животных, иначе они могли упустить их, а между тем добыча была завидная.

Нечего было и думать напасть на лагерь днем. Бледнолицые, вероятно, уже давно заметили индейцев и приготовились к отпору. Незаметно было следа их, но что ж в этом удивительного? Они скрылись за повозками, а постоянное движение животных взад и вперед мешало их видеть.

Такое поведение белых указывало на их намерение защищаться. Одной причиной больше, чтобы подходить с особенной осторожностью, даже, может быть, было бы лучше совсем оставить мысль о немедленном нападении. В темноте будет легче победить врагов, сил которых индейцы не знали.

Индейцы приблизились еще немного, стараясь постоянно держаться на расстоянии выстрела; к их великому удивлению, сколько ни смотрели они повсюду: между повозками, под колесами, в промежутках между тюками, сложенными рудокопами для укрепления корраля, — они не заметили никакого присутствия человека. Это было непонятно.

В своем изумлении они были готовы увидеть во всем этом колдовство.

Наухампа-Тепетль фигурирует во многих индейских легендах. Найти у подножия горы, посещаемой сверхъестественными силами, лагерь, снабженный всевозможными вещами, которые могли принадлежать только белым, — повозок и большой четырехугольной палатки до ручьях животных, указывающих на присутствие человека, и совсем никого не увидеть в этом лагере, — ни мужчин, ни женщин, ни детей, — это было делом необыкновенным, даже возбуждающим беспокойство. Никогда с индейцами не случалось ничего подобного.

Одну минуту они, казалось, готовы были отступить перед этой тишиной. Но их вождь недолго разделял об-

щий испуг. Он не был суеверен и, подумав, сказал себе, что если не видно белых, то только потому, что они скрылись в какой-нибудь засаде, которой нужно опасаться.

Гремучая Змея посмеялся над своими воинами, сказал им несколько ободряющих слов, потом приказал сделать еще несколько шагов вперед и стрелять. Они повиновались. Индейцы прицеливались так ловко, что пули их мушкетов, едва весившие два лота, оставляли заметные знаки на повозках и особенно на палатке, которую они считали главным убежищем бледнолицых, но ничто не шелохнулось в коррале. Ни одного выстрела! Ни одного крика! Ни одного стога! Ни малейшего звука не получили они в ответ.

Глава 9

ОБЛАВА

Койоты уже готовы были прийти к заключению, что лагерь этот — мираж, как вдруг их осенила мысль, что бледнолицые, каким-нибудь образом узнав о приближении врагов, решили укрыться на Наухампа-Тепетль. Некоторые индейцы, знавшие топографию местности, вслух выразили мнение, что белым удалось достигнуть вершины горы. Иначе нельзя было объяснить их полное исчезновение.

Найдя решение занимавшей их задачи, койоты обратили свои взгляды к площадке. Но это им ничего не объяснило. Они никого не увидели там. Дон Эстебан запретил рудокопам показываться. Гремучая Змея, будучи слишком хитер для того, чтобы попасться в такую ловушку, решил быть поосторожнее. Зачем начинать сражение? Белые, запертые наверху, не могли от него уйти.

Однако вождь краснокожих страшно рассердился на самого себя, на свою медлительность, на свои бесполезные предосторожности и в особенности на тех, которые, спасаясь от него, помешали исполнению его намерений. Он дал себе слово заставить их дорогою поплатиться за это первое обманутое ожидание. Теперь ему придется вести осаду, а это задержит его экспедицию на берега Горказита, может быть, даже заставить его отказаться от этого проекта. Впрочем, разграбление лагеря было бы для него достаточным вознаграждением. Путешественники

ки, обладающие шестью огромными повозками, большой палаткой и таким количеством лошадей, мулов и рогатого скота, должны иметь при себе множество драгоценных вещей!..

Между тем вместо того, чтобы отдать приказание тотчас же завладеть добычей, Гремучая Змея продолжал действовать с еще большей осторожностью, чем всегда. Теперь он не мог ничего потерять от медленности действий, а излишняя поспешность могла повредить ему при захвате животных. Эти последние, приютившись между двумя скалами, были готовы убежать при малейшей тревоге и взапуски ржали и ревели.

— Оставьте при себе только арканы! — закричал Гремучая Змея своим воинам.

Койоты исполнили приказание. Вооруженные копьями воткнули их в землю, а имевшие ружья положили их на траву и освободили себя и лошадей от всего, что их стесняло. Когда они опять сели в седла, у них оставалась только веревка, намотанная на левую руку и заменявшая им лассо*. Опасаясь нечаянного нападения, половина индейцев осталась на страже около временно оставленного оружия.

Прочие воины сомкнули свои ряды, но животные рудокопов, в сильнейшем страхе, все сразу устремились в одну точку. Беспорядок был полный, и эхо повторяло, как раскаты грома, стук нескольких сотен копыт. Лошади краснокожих, в свою очередь, испугались и становились на дыбы; благодаря этому благоприятному обстоятельству, часть преследуемых животных, с Крузадером во главе, промчалась как ураган мимо индейцев и опрометью устремилась в льяносы.

Койоты уже заметили это великолепное животное, выделявшееся среди других своей шерстью цвета черного дерева. Они бросили вслед ему несколько лассо, но ремни лишь скользнули по блестящим бокам Крузадера, который, при виде открытого поля, бросился с громким ржанием вдоль луга, как бы торжествуя свою победу. Крики досады раздались ему вслед.

Тем не менее индейцы достигли многого. Они, наконец, усмирили своих мустангов и без труда завладели теми животными, которых им раньше удалось окружить.

* Лассо — длинный ремень, к концам которого прикреплено по куску свинца и который употребляется жителями Южной Америки для поимки диких буйволов и лошадей.

После этого они бросились преследовать убежавших, и так как им приходилось иметь дело с усталыми животными, то они не замедлили догнать их.

Вскоре все лошади были собраны и приведены пленными в лагерь, кроме одного Крузадера. Дикари долго гонялись за ним, но лошадь Генри, с поднятой головой, с развевающимися гривой и хвостом не бежала, а летела. Каждый ее скачок увеличивал расстояние, отделявшее ее от врагов, и Генри, не терявший ее из вида, начал надеяться, что ей удастся спастись от краснокожих.

Однако партия еще не была выиграна благородным животным: койоты все еще были слишком близко к этой прекрасной арабской лошади, дававшей им такие очевидные доказательства своей ценности. Они погоняли своих мустангов всевозможными средствами, побуждая их ударом ноги и лассо; но все было тщетно: Крузадера нельзя было догнать, и вскоре он превратился в черную точку на горизонте.

Дикари мало-помалу утомились бесплодной погоней; Гремучая Змея последним отказался от нее и с досадой вернулся назад.

Генри Тресиллиан, счастливый и гордый неожиданным результатом, испустил радостное восклицание.

— Как я доволен! — сказал он Педро. — Теперь уж Круздера нельзя поймать. Мне больше ничего и не нужно, что бы там ни случилось! Мой красавец Круздер был великолепен в этой бешеной скачке. У него у одного больше ума, чем у всех его преследователей!

— Это просто невероятно, — отвечал гамбузино, разделявший восторг англичанина. — Я во всю свою жизнь не видал ничего подобного. Какая лошадь, *santissima*! Это не лошадь, это — птица, это — демон!..

Индейцы, держа пленных животных на арканах, взяли опять свое оружие, чтобы напасть на лагерь. Какое разочарование! В нем не оказалось имущества, как не было и людей; он был совершенно разграблен, опустошен! Открытые ящики, распакованные тюки, пустые повозки доказали дикарям, что отсюда унесено все, что только было драгоценного. Здесь оставались лишь совершенно негодные для индейцев предметы, так как машины рудокопов не имели для них никакой цены.

Теперь они еще более жалели о своей медлительности

и клялись отомстить за понесенную неудачу. Правда, их месть могла осуществиться не сразу, так как действия белых доказывали, что они предполагают спокойно продержаться в своей неприступной крепости. Но сокровища, собранные наверху, никуда не уйдут и рано или поздно попадут в руки осаждающих.

С этим утешительным убеждением краснокожие расположились лагерем. Они связали захваченных лошадей вместе со своими, развели костры, которые еще тлелись, и, одним словом, расположились, как люди, решившиеся на продолжительную осаду.

В этот день у них был бык на ужин. Это составляло для них такой пир, какие не часто у них бывали. Хорошее продовольствие редко можно встретить в стране апачов, а голод часто; немудрено, что они с увлечением занялись едой. Видя их прожорливость, можно было думать, что они хотят вознаградить себя за прошедшие и будущие невзгоды.

Порывшись в повозках, они нашли маленький бочонок с чингаретой, спиртным напитком, добываемым из того самого мецкала, до которого они такие охотники. Индейцы сами не умеют гнать спирт, но спиртное очень уважают.

Бочку с алкоголем вытащили на середину корраля, откупорили, и целый вечер вокруг нее индейцы исполняли дикие танцы и опустошали тыквенные бутылки, издавая такие крики и делая такие телодвижения, что лагерь, населенный утром человеческими существами, казалось, был теперь занят толпой бесноватых. Это была настоящая фантазмагория. В темноте сходство было еще разительнее: меднокрасные призраки, прыгавшие при свете смолистых ветвей, казались выходцами из ада.

Глава 10

РАСПЛАТА ПЕДРО

Была полночь. Тяжелое облако, предвещавшее бурю, надвигалось от Калифорнии, закрывая луну своим темным покрывалом. Было совершенно темно на горе и в равнине. Дикари спали, или, по крайней мере, прекратили свою оргию, так как не слышно было более их диких

криков. Всюду царствовала тишина, нарушаемая только по временам шорохом пролетевшей птицы, храпом плененных лошадей, которых беспокоило новое соседство, лаем шакалов, рыскавших за добычей, и свистом ночных птиц, скользивших над поверхностью озера.

Однако не все спали как у краснокожих, так и у белых.

Два рудокопа стояли на часах около своего парапета, а отряд краснокожих часовых охранял пространство, где находился вход в овраг. Около них, но ближе к горе, ходили, разговаривая, два человека. Один из них был Гремучая Змея, другой — его первый помощник; оба были заняты исследованием местности, чтобы убедиться в том, что осажденные не могли спуститься в темноте и напасть на них.

Гремучая Змея, после долгих размышлений, пришел к беспокойству. Нельзя сказать, чтоб он сожалел о ничтожном предприятии: добыча, которую он рассчитывал найти на Наухампа-Тепетль, стоила того, чтобы ради нее вести осаду. Осмотр корраля убедил его, что караван должен был приблизительно состоять из сотни человек с женщинами и детьми, между которыми были и важные особы, на что указывала *la litéga*. Какие неисчислимы богатства должны быть там, и какое возмездие! Смерть для мужчин, плен для женщин. Было чем удовлетвориться Гремучей Змее!

Но именно эти размышления и указали ему, что успех вовсе не так обеспечен, как он думал сначала. Нельзя было не предположить, что рудокопы послали гонцов и свои войска, чтобы дать знать о своем опасном положении, а в ожидании помощи считают за лучшее выдерживать осаду на Затерявшейся горе. Судя по всем их приготовлениям, они должны были заметить индейцев и далеко; у них было время подумать обо всем, а в таком случае подкрепление могло придти на помощь гораздо раньше, чем краснокожие получают удовлетворение от осады. Если же, предположив невозможное, белые не позаботились об этом, то, во всяком случае, осада продолжалась бы долго, в этом не было и тени сомнения для Гремучей Змеи.

Судя по ничтожному количеству провизии, оставшейся в лагере, рудокопы должны были взять с собой на площадку съестных припасов вдоволь; при том же находящийся вблизи источник обеспечивал их водой, да и дичь,

которую они могли иметь на горе, поддержала бы их. Весь вопрос состоял в том, послали ли они гонца.

Мы знаем, что по непонятной забывчивости, в волнении от неожиданности, ни дон Эстебан, ни гамбузино,— никто из вождей каравана не подумал об отправке гонца. Но Гремучая Змея этого даже не мог предположить.

В то время, как два дикаря рассуждали таким образом, стоявшие наверху часовые смеились. Дон Эстебан, знавший по опыту, что краснокожие никогда не нападают на неприятеля раньше полуночи, берег своих лучших людей для этого момента. Полуночная смена находилась под начальством Педро Виценты и Генри Тресиллиана.

Трудно было рассчитывать, чтобы индейцы напали на рудокопов в первую же ночь, и, по мнению гамбузино, нападение должно было состояться еще спустя какое-то время.

— Зачем им начинать приступ? — сказал Педро.— Это не в их интересах. По их мнению, они держат нас как в мышеловке, а они не из тех людей, которые бросаются в море за рыбой, ведь она все равно не минует их сетей.

Педро несколько месяцев был водолазом. Без сомнения, воспоминание об этом времени внушило ему упомянутое сравнение, известное у моряков.

— Ах,— продолжал он, кладя руку на большой камень, бывший перед ним,— я хотел бы видеть, как они войдут на приступ с Гремучей Змеей впереди! Это дало бы мне прекрасный случай расплатиться. К несчастью, он этого не сделает. Mabraya! Нельзя сказать теперь, что и держу его в своей власти!..

— Посмотрим же, что они теперь делают! — перебил Генри.

— Посмотрим, но не будем показываться. Если взойдет луна, они станут стрелять в нас, а я отнюдь не уверен, что их выстрелы до нас не долетят.

Трое мужчин легли ничком и приблизили головы к краю скалы. Нельзя было разглядеть ни малейшего предмета ни в равнине ни на озере,— так темно было кругом. Ни одного звука не было слышно, ни одного движения не было заметно в коррале, хотя, разумеется, дикари сторожили свою добычу.

Гамбузино вынул из кармана портсигар, взял одну сигару и закурил. Его товарищи сделали то же самое, с юю только разницею, что сигара у молодого англичанина была настоящая гаванская.

Несколько минут спустя, Педро, случайно подняв глаза, заметил нечто, что заставило его бросить сигару, и сказал вполголоса:

— Луна!

Это была еще только бледная точка на черном небе, но было видно, что скоро она должна показаться.

Вдруг луна вышла из-за облаков во всем своем блеске. Это произошло мгновенно, и тотчас же, как в театральной декорации, все приняло другой вид, и льяности можно было видеть, насколько хватит глаз. Лагерь, озеро, часовые,— все до малейшего предмета сделалось видно мексиканцам.

Педро поразило только одно обстоятельство: два человека тихо проходили около входа в овраг, как раз под ним. Хорошо знакомая мертвая голова обрисовывалась своей белизной на бронзовой груди одного из дикарей.

— Какая удача, Гремучая Змея! — пробормотал гамбузино с восторгом.

И, не размышляя больше, он схватил винтовку, прицелился и недогнувшей рукой спустил курок.

С горы раздался выстрел; крик боли и ярости доказал, что Педро попал в цель: дальнобойность его винтовки была просто изумительна.

Осажденные видели, как Гремучая Змея сделал прыжок назад, упал на руки своего изумленного спутника — но и только. Луна скрылась за новым облаком так же внезапно, как и показалась, и опять наступила полная темнота.

Дон Эстебан и его люди, внезапно разбуженные выстрелом гамбузино, прибежали со всех ног. Они опасались нападения.

— И вы серьезно думаете, что Гремучая Змея убит? спросил дон Эстебан, когда узнал в чем дело.

— По крайней мере, это очень вероятно, — спокойно отвечал Педро.

— Мы уверены, что видели, как он упал, — прибавил Генри Тресиллиан. — Он, вероятно, убит наповал.

— Если его гнусная жизнь не кончена, — продолжил Педро, — стало быть, можно жить с пулей в груди, так как я попал в самую средину этой безобразной мертвой головы, белизна которой представляла отличную мишень. Правда, я не ожидал такой хорошей и в особенности такой быстрой расплаты.

— По вашим словам нельзя сомневаться, что ваш

стрел действительно попал в Гремучую Змею! — сказал ему дон Эстебан.

— Если бы это не был он, — сказал гамбузино, — я бы не стрелял. Мой выстрел был довольно смел, в виду большого расстояния, но я доверял своей винтовке.

— Очевидно, вы попали в него, — возразил дон Эстебан, — вы и Генри не могли оба ошибиться. Однако, кто знает, убит ли он?.. Он, может быть, только опасно ранен?

— Не угодно ли вашей милости держать со мной пари? — спросил Педро. — Я готов держать сто против одного, что в этот час Гремучая Змея сделал свой последний шаг, или вернее — свой последний пируэт, так как это последнее выражение больше подходит к такому скормороху и шуту.

Прежде чем его собеседники успели ему ответить, гамбузино поспешно прибавил:

— Не держите со мной пари, ваша милость, — слишком поздно. Педро Вицента не такой человек, чтобы держать пари наверняка. Вы слышите?

Из лагеря донеслись крики ярости и похоронные вопли. Очевидно, краснокожие оплакивали смерть своего предводителя. Их пение из невнятных жалоб и плачевных стонов переходило в настоящий рев. Точно настоящие койоты принимали участие в этом диком концерте. Минутами более резкие ноты, свирепые звуки голоса прерывали рыдания. Это был военный клич апахов, которые клялись воздать око за око и зуб за зуб убийце Гремучей Змеи.

Этот адский шум продолжался без перерыва более часа. Внезапно его сменила тишина, не предвещавшая ничего хорошего.

Мексиканцы спрашивали себя: не попытаются ли индейцы, по внушению слепой ярости, пойти теперь же на приступ, во что бы то ни стало? Темная ночь, по-видимому, должна была благоприятствовать их намерениям.

Дон Эстебан, резюмируя свою мысль, отвел в сторону своего товарища, его сына и дона Педро.

— Умер Гремучая Змея или только опасно ранен, во всяком случае выстрел Педро сделан мастерски. Он дает нам надежные шансы на спасение. Такого вождя невозможно тотчас заменить; что бы ни делали наши враги, теисерь они менее сильны; им недостает порядка и доверия; ирость не может заменить опытности, но она может по-

будить к беспорядочным нападениям; поэтому надо быть настороже более, чем когда-нибудь. Генри, устройте караулы на парапете и прикажите всем быть как можно внимательнее.

После такого важного события все белые встали; они ходили взад и вперед — от бивуака, расположенного око-ло источника, к караульному посту у оврага — и шепотом обсуждали вероятность нападения. Они все обратились в слух и хотя не слышали ничего подозрительного, но это их не успокаивало. Они знали, что индеец может бегать, ходить, лазить тихо, как кошка, может пробираться как пресмыкающееся между кактусами и камнями оврага. Неприятель мог неожиданно появиться на площадке. Следовательно, нужно было подготовиться встретить его, и хотя Педро уверял, что бояться нечего, что площадка доступна только со стороны оврага, однако белые считали нужным принять меры для отражения всякой попытки.

Они перебросили через парапет обломок скалы. Громадный камень скатился вдоль оврага, увлекая за собой тысячу других камней; он разбивал все на своем пути, но не встречал ни одного живого существа, и эхо донесло из глубины оврага только ясный звук его падения.

По приказанию дона Эстевана артиллеристы вскоре бросили другую глыбу, потом последовали третья, четвертая и т. д. с небольшими промежутками. Тогда мексиканцы убедились, что единственная дорога, по которой можно было добраться до площадки, была все еще свободна:

Никакое существо не могло бы спастись от этих глыб в узком и единственном проходе оврага.

Приняв эти предосторожности, дон Эстеван отослал часть своих людей в бивуак, чтобы напрасно не утомлять их, а сам удалился в свою палатку, успокоив предварительно женщин и рассказав им обо всем случившемся. Часовые менялись до утра.

На рассвете белые увидели на дне оврага только кучу глыб со множеством обломков. Этого необычного обстрела, очевидно, было довольно, чтобы удержать врага на почтительном расстоянии в продолжение всей ночи.

Дальше, на равнине, караульные койотов все еще стояли, точно бронзовые статуи, но в коррале никого не было. Гремучая Змея действительно умер. Воины отнесли его в палатку бледнолицых. Вход в нее был открыт; тело

Гремучей Змеи, обращенное лицом к восходящему солнцу, было положено на большую подставку. Красный круг, темнее в середине, чем по краям, величиною с пулю, легко заметный с горы при помощи подзорной трубы, показывал, что гамбузино попал дикому вождю прямо в сердце.

Когда солнце показалось на горизонте, койоты снова начали надгробное пение, с большей последовательностью и методичностью, чем ночью.

Они собрались в лагере под руководством колдуна-врача, своего церемониймейстера, взяли за руки и исполнили вокруг палатки, где Гремучая Змея спал мертвым сном, мистический танец медленными и мерными шагами, сопровождая его криками и заклинаниями. У них это называется танцем мертвых.

Когда последний акт этой бесконечной церемонии был исполнен, они все повернулись к вершине горы и, потрясая оружием, угрожали своим невидимым врагам; их проклятия были ясно слышны на площадке.

Как ни были тщетны эти демонстрации, они производили глубокое впечатление на тех, к кому были обращены, так как показывали, что если осажденные оставят гору, то неминуемо погибнут.

Глава 11

КРУЗАДЕР НЕ ПРОПАЛ

Пустыни великой страны апахов заселены племенами койотов. Одни из них представляют собою существа низменные, гнусные, стоящие на самой низкой ступени человеческого рода; другие — люди с гордой осанкой, высокого роста, преисполненные мужества и силы — храбрые индейские воины. Шайка Гремучей Змеи состояла из этих последних; частые набеги их наводили ужас на мексиканцев, поселившихся в тех краях.

Если до похоронной пляски золотопромышленники могли еще думать, что смерть Гремучей Змеи изменит что-нибудь в намерениях индейцев, то угрожающее поведение краснокожих во время этой адской церемонии рассеяло все сомнения на этот счет. Осада была продолжена с

еще большим упорством, в чем рудокопы имели случай вполне убедиться в тот же день.

Покончив с похоронным обрядом, койоты собрали всех мулов и лошадей, за исключением мустангов *, навьючили на них найденную в лагере ничтожную добычу и привязали их друг к другу так, чтобы составилось легко управляемое стадо. Толпа конных и вооруженных индейцев удалилась по направлению к своей стране, гоня впереди себя эту огромную живую массу. Из забранных животных осаждающие сохранили лишь рогатый скот. Их страшило, очевидно, большое количество голодных ртов, так как пастбища вокруг озера были слишком недостаточны для удовлетворения всех едоков, и, кроме того, им хотелось отвести в безопасное место ту часть добычи, без которой они могли обойтись.

Лишь только дон Эстебан убедился, что нападением краснокожих бояться нечего, он приступил к устройству бивуака.

Так как предстояла долгая осада, то надо было принять все меры к тому, чтобы причинить осаждающим как можно больше хлопот.

Десятка толковых людей было достаточно для наблюдения за парашетом. Остальные, разбившись на небольшие отряды, с жаром принялись за работу. Надо было торопиться, так как огромная туча, затмевавшая луну всю предыдущую ночь, снова приблизилась и остановилась над горой. Темные, свинцового цвета испарения за клубились на горизонте, и постоянно усиливавшаяся дуга хотя предвещала близкую грозу.

Вскоре лужайка El Ojo de Agua приняла чрезвычайно живописный вид. Вокруг поставленных накануне палаток, как бы по мановению волшебного жезла, поднялся ряд хижин и шалашей. На горе рудокопы нашли весь необходимый для постройки материал, начиная с бревен больших, поваленных ураганом деревьев, в количестве, достаточном для постройки целого селения, и кончая соломой для крыш, на что пошла трава, в изобилии покрывавшая луговину.

Каждый работал по мере сил, и в то время, как мужчины, превратившись в каменщиков и плотников, рубили новые деревья, обтесывали их на бревна для своих домов и вбивали в землю сваи, женщины изготовляли из гибких

* Мустанги — род диких лошадей в Америке.

ветвей плетенки для стен, а дети рвали высокую траву для крыш.

Гроза разразилась лишь на другой день к вечеру. Как бы в вознаграждение за долгую засуху пошел ливень,— настоящий потоп. Масса черных, носившихся по небу туч, ежеминутно бороздимых яркими бесчисленными молниями, сплошь покрывала небо. Гром грохотал непрерывно, то отдаваясь глухо вдали, то разражаясь страшным треском и как бы собираясь уничтожить гору. При ослепительном блеске молний озеро казалось расплавленной золотой массой, и крупные капли дождя золотыми брызгами высоко рассыпались по его поверхности.

Ручей в равнине почти мгновенно превратился в бешеный поток, разбивавший все преграды, уничтожавший все на пути своем и шумно стремившийся через луг. Канавы в овраге превратились в непрерывный пенистый водопад.

И при всем том не было ни малейшего ветерка. Это было большим счастьем для мексиканцев, так как, не устроившись еще вполне прочно на своем возвышении, они, наверное, сильно бы пострадали от ужасного тропического урагана.

Как мы уже сказали, койоты под усиленным конвоем отослали весь скот каравана в свою страну. Приближавшаяся гроза вынудила их оставить повозки. Зная способ пользования ими бледнолицых, они хотели последовать их примеру на время непогоды, которая могла продлиться несколько дней. Но участь добычи, благодаря урагану, их все-таки беспокоила. Это был самый верный барыш их, и если дождь повредит его, то все предприятие не окупит, пожалуй, издержек. К тому же у них были и особые причины спешить с отправкой составленного накануне конвоя.

Лишь только гроза разразилась над льяносами, краснокожие попрятались под просторные парусинные верхи повозок; сбившись там насколько возможно теснее, прижимаясь друг к другу, они заполнили все пространство и все-таки не уместились все. Их было так много, что некоторые вынуждены были прятаться под скалами, возвышавшимися над равниной.

Что же касается рудокопов, то все они были хорошо индигены. Как людям, привыкшим ко всякого рода работам, им недолго было устроить себе удобные бивуаки. Первые капли дождя застали их в новых жилищах. На-

чата была также постройка сараев для хранения имущества и съестных припасов, не менее необходимых для выдерживания осады, чем запасы боевые.

Одна из двух палаток была освещена, и в ней собралось большое общество. Вилланева, его жена и дочь, Роберт и Генри Тресиллиан, Педро, мажордом, инженеры и их помощники вели оживленный разговор. О чем они говорили? Но о чем же могут говорить осажденные, как не о своем положении? Дон Эстебан излагал товарищам свои надежды. Он полагал, что смерть Гремучей Змеи принесла им большую пользу, хотя преемник Гремучей Змеи, Эль-Зопилот, т. е. Черный Ястреб, был так же жесток и враждебен к белым, как и предшественник его (дон Эстебан, встречавшийся уже с ним в военных походах, мог утверждать это заведомо), он не имел такого авторитета у своих людей, как Гремучая Змея, так часто водивший их на битву или на грабеж.

После перенесенных волнений всем был необходим отдых, и разговор не был долгим.

Вскоре по окончании грозы мирный сон заставил всех позабыть печальную действительность дня.

Лишь одни часовые бодрствовали, как и в прошлую ночь, причем менее опытные из них были в первых сменах. Закутавшись в непромокаемые плащи, под проливным дождем, они мерно, широкими шагами ходили взад и вперед перед парашютом из камней. Каждая золотистая молния, как среди белого дня, вырисовывала перед ними ложину, ведущую к равнине, превратившуюся в водопад, и деревья на возвышенности, залитые водой.

У подошвы Затерявшейся горы краснокожие часовые были также на своих постах, подвергаясь, однако, благодаря страшной грозе, большей опасности от обвалов; они уже не так тесно окружали гору — трое или четверо из них были раздавлены.

Лишь к утру гроза начала стихать; громовые удары раздавались реже, дождь перестал.

Хотя в такую погоду провести ночь на дворе и не представлялось особенно заманчивым, Генри Тресиллиан все-таки пошел в караул в тот же час, как и накануне. Его очередь еще не подошла, но в льяносах ему показалась какая-то черная точка, смутно напоминавшая лосады, появляющаяся и исчезающая во время грозы. Не был ли то Крузадер? Генри хотел это выяснить. Во время долгой бессонной ночи он не сводил подозрительной трубы с

того места, где, как показалось ему, он видел своего любимого коня. И лишь при последней молнии он убедился, что не ошибся. Крузадер не попался в плен и не пропал. Он сумел найти озеро и стоял близ него, не двигаясь с места, вне индейских выстрелов.

Генри видел его лишь мельком, во время молний, но сквозь тишину и спокойствие, сменившие бурю, до него долетало несколько раз хорошо знакомое ржание, и, когда взошла заря, он увидел на противоположном от индейского стана берегу озера своего красавца Крузадера, который, повернув голову к лощине, как бы приветствовал своего господина.

Глава 12

НЕЖДАННЫЙ ВРАГ

Генри Тресиллиан радостно вскрикнул, увидев при первых солнечных лучах своего верного коня, который всем своим видом, казалось, говорил: видишь, господин мой, я не забыл и не бросил тебя!

Для молодого англичанина было очень утешительно видеть, что конь его сумел отыскать в этой пустынной равнине следы его пребывания, так как в случае снятия осады можно было надеяться отыскать, в свою очередь, и Крузадера. Но к этой радости примешивалось некоторое беспокойство. Генри ежеминутно ожидал, что вот-вот появится отряд краснокожих всадников и погонится за Крузадером.

Последний, по-видимому, разделял опасения своего господина, так как казался беспокойным, взволнованным и недоверчиво посматривал то на гору, то на повозки, к которым индейцы привязали своих мустангов,— тех самых, с которыми он не захотел иметь никакого дела. Быть может, он думал и о том, что случилось с его товарищами — с лошадьми каравана. Как бы то ни было, но инстинкт предостерегал его от приближения к корралю.

Весь западный берег озера, заросший густым камышом и кустарником, скрывал Крузадера от взоров краснокожих до тех пор, пока те оставались в коррале; но лишь только они пойдут купать своих мустангов, они неминуемо увидят его. Что же будет тогда? Крузадер, одержавший победу один раз, будет ли так же удачлив и в

другой? Несмотря на быстроту его, не успеют ли враги опередить, окружить и поймать его в лассо?

Генри Тресиллиан был внезапно прерван в своих размышлениях глухим шумом, доносившимся с другого конца бивуака, именно со стороны женской палатки. Слышны были мужские голоса, говорившие разом, и, кроме того, крики женщин и детей; все это свидетельствовало о каком-нибудь чрезвычайном событии.

Но что же случилось?

Первою мыслью Генри и часовых было, что индейцы сумели взобраться на гору с другой стороны. Только они одни могли произвести такой переполох. В криках слышался самый несомненный испуг.

Среди общего шума Генри расслышал даже голос Гертруды, звавшей его на помощь.

— Генри! Генри!..

Вместе с Педро он бросился на этот зов.

Немного не доходя до El Ojo de Agua, гамбузино увидел детей рудокопов, взбиравшихся как можно выше на деревья, и вскоре понял причину этой гимнастики.

— Бурые медведи! — крикнул он Генри.

В глубине лужайки стояли два гигантских медведи; один из них поднялся на дыбы. Это, действительно, были бурые медведи, самые страшные из всех диких животных.

Бурый медведь, которого не должно смешивать с *ursus americanus*, предпочитающим человеческому мясу пчелиный мед, известен в естественной истории под именем *grizzly-bear*, или *ursus ferox*.

При полном развитии рост этого медведя имеет от головы до конца хвоста около трех метров в длину; шерсть его желтовато-белого цвета, порою с коричневым оттенком. Он имеет удлиненную морду, широкую, около 16 дюймов, голову и вооруженную чрезвычайно сильными зубами челюсть; но главная его сила заключается в страшных когтях, которыми вооружены его лапы, — когтях острых, как бритвы, достигающих у взрослого животного нередко семи дюймов в длину.

Тигр Ост-Индии и лев Сахары не так ужасны, как *ursus ferox* в излюбленных им местах.

Животные эти так мало страшатся своих врагов, что, не задумываясь, нападают на десятки людей или лошадей и часто повергают в смятение чрезвычайно укреплен

ный стан, безнаказанно причиняя величайшие опустошения.

Не удивительно было, что мексиканцы заволновались.

Медведи, по-видимому, не обнаруживали желания проникнуть в бивуак и напасть на обитателей его. Им, казалось, доставляло удовольствие созерцать вызванный их появлением переполюх и хотелось позабавить своих противников.

Самец, стоя на задних лапах, поводил во все стороны передними; самка попеременно то поднималась, то опускалась, как бы собираясь вместе с ним выкидывать номера. Зрелище это было бы очень забавно, если бы комедия вскоре же не сменилась трагедией.

Бурый медведь часто пускается на хитрости со своими врагами. Лишь после продолжительного блуждания вокруг них гнев его достигает высшей точки; но тогда — горе тому, кто находится вблизи его лап. Бывали случаи, что он одним ударом убивал лошадь или быка.

Синьора Вилланева спряталась у себя в палатке. Она громко звала дочь, но Гертруда храбро оставалась у входа, возле отца и Роберта Тресиллиана, и в то время, как многие, гораздо старше ее, бегали растерянные и дрожащие, она едва ли была бледнее обыкновенного.

Генри Тресиллиан бросился к ней, чтобы защитить ее.

— Спрячьтесь, Гертруда, умоляю вас, — сказал он.

Вместо ответа девушка указала на корсиканский кинжал, с которым никогда не расставалась.

Генри все же заставил Гертруду войти в палатку, взяв слово, что она не будет больше выходить.

За это время несколько человек успели взяться за ружья.

— Не стреляйте! — воскликнул гамбузино, видя, что они готовились уже спустить курки. — Они могут...

Но было уже поздно! Последние слова Педро потонули в раскате выстрела.

Медведь-самец, поднявшийся было на дыбы, опустился на все четыре лапы. Пуля попала в него, но рана была не глубока. Нетерпеливым движением он повернул голову и стал лизать свою рану. Окончив эту процедуру, он снова принял первоначальное положение, покачивая головою и выпуская рычание, в котором слышались ярость и боль.

Не обнаружив ни малейшего поползновения к отступ-

лению, он и самка его вдруг разом покинули свое место и быстро бросились в середину бивуака.

Нападение это совершилось так внезапно, что один несчастный ребенок, упавший в припадке испуга с дерева, не имел возможности спастись. Самка хватила его лапой по голове, и он остался на месте. Охваченные яростью рудокопы близко обступили ее, а ружейные пули так и впились в ее густую шерсть.

Разом грянуло от восьми до десяти выстрелов — и самка была убита.

Один из врагов был побежден, но оставался еще самый страшный.

Он направился прямо к палатке синьоры Вилланева, которую защищали дон Эстебан, Роберт Тресиллиан, сын его, Генри, и гамбузино. Несмотря на малочисленность, это были неустрашимые бойцы, имевшие при себе, кроме ружей, еще ножи и пистолеты.

Не двигаясь с места, они храбро ожидали врага.

Педро живо вскричал:

— Дайте мне выстрелить первому, синьоры, и когда медведь обернется лизнуть свою рану, то метьте все под левую лопатку.

Опустившись на одно колено, гамбузино прицелился. Момент был самый подходящий. Огромное животное находилось уже на расстоянии лишь 10 футов от палатки, когда грянул выстрел Педро. Как он и предвидел, раненый медведь, как и в первый раз, обернулся лизнуть рану, и движение это оставило открытой левую лопатку. Четыре ружья одно за другим выпустили свои восемь пуль в эту цель, и все удачно: в шкуре животного образовалось зияющее отверстие, величиною почти в человеческую голову.

Ножей, пистолетов и вновь заряженных другими рудокопами ружей не пришлось пустить в ход. Медведь издох, прежде чем эхо всех этих выстрелов смолкло.

Описанная нами сцена произошла гораздо скорее, чем мы успели рассказать ее. В действительности с момента появления животных на лужайке и до падения их обоех мертвыми посреди бивуака прошло лишь несколько минут.

Исход, однако, мог быть и совсем другой. Обычно борьба с бурыми медведями кончается менее счастливо, и рассказывают многочисленные случаи, когда

под лапами разъяренного зверя погибала целая половина лагеря.

Все пули рудокопов попали в цель благодаря близкому расстоянию, с которого они стреляли, так как крепкая и густо обросшая шкура бурых медведей почти непроницаема для пуль, и бывали случаи, что, получив с полдюжины ран, звери удалялись как ни в чем не бывало.

Все поспешили к телу несчастного ребенка, убитого самкой. Он был страшно изуродован.

— Это Паблито Ройас,— проговорил женский голос.

И все участливо воскликнули:

— Бедный, бедный Паблито!

Отчаянию матери не было границ. Невозможно было оторвать ее от тела сына; с пылкостью женщин своей страны она рвала на себе волосы, оглашала воздух криками, из которых явствовало, что безумная любовь к ребенку побуждала ее желать собственной смерти.

Все сочувствовали ей от чистого сердца.

Во время этой тревоги на лугу ничего нового не произошло. Индейцы, без сомнения, поняли причину выстрелов, доносившихся до них. Как только все стихло, Генри убедился, что Крузадер был на том же месте. Больше этого молодой Тресиллиан и не мог пожелать. Похоже, краснокожие еще не заметили коня. Но это не могло продолжаться долго; злополучное ржание красавца Крузадера неминуемо привлечет их внимание, и они не замедлят пуститься за ним в погоню. Вскоре Геири с прискорбием увидел, как человек пятьдесят краснокожих всадников степенно и в большом порядке вышли из корраля и начали развешивать свой фронт, чтобы окружить коня.

Крузадер прекрасно видел их, но продолжал есть траву, как бы не заботясь об опасности и желая лишь лучше набить себе брюхо после столь длительного поста. На расстоянии нескольких шагов от него находился ручей; казалось, конь ни о чем больше не мечтал: вода и трава — вот все, чего он мог желать.

Койоты приближались; Крузадер не двигался с места.

Неужели же, устояв в первый раз, он легко отдастся теперь им в руки? Сердце Генри сжалось.

— На этот раз,— сказал один из товарищей его по караулу,— конечно, Крузадер будет взят.

— Как знать? — возразил Педро, возвращавшийся из

бывуака.— Я буду очень удивлен, если Крузадер попадет в такую грубую ловушку. Скорее, он сыграет какую-нибудь шутку с краснокожими... Вот, погодите.

Действительно, дикари, появившиеся, в свою очередь, вблизи ручья, с радостью увидели, что он был превращен ливнем в непроходимый поток, окруженный настоящей пропастью.

Все теснее и теснее суживался круг индейцев. Крузадер должен был очутиться, по-видимому, между ними и потоком, и им оставалось сделать лишь несколько шагов, чтобы завладеть конем. Они были уверены, что ни одно животное, одаренное самым обыкновенным инстинктом, не рискнет броситься в шумящие воды потока, и виду гораздо меньшей опасности — быть пойманным.

Но они ошибались в этом. Увидев себя уже почти в руках индейца, руководившего этой вылазкой, Крузадер сделал великолепный прыжок, бросился в самую середину волн, исчез в облаках рассыпавшейся вокруг него брызгами пены и, немного спустя, очутился на другом берегу. На мгновение он остановился отряхнуть гриву и пустился по направлению к большому соседнему лесу, где и скрылся окончательно.

— Ну, что я вам говорил?! — вскричал Педро.— Крузадер одурачил их. Этот конь просто сущий дьявол. Никогда бы он так спокойно не стоял там, если бы не был уверен, что только он один может перебраться через напавшийся от дождя ручей.

Генри Тресиллиан не сходил со своего поста. С сильно бьющимся сердцем переживал эту новую победу своего коня. Когда он увидел, как одураченные индейцы понуро повернули к своему лагерю, глубокий вздох вырвался из его груди.

Глава 13

ЖИЗНЬ НА ЗАТЕРЯВШЕЙСЯ ГОРЕ

Вслед за описанными нами событиями наступил период относительного спокойствия, во время которого обе стороны наблюдали друг за другом.

Осаждавшие, не помышляя, по-видимому, о приступе, в то же время не оставались и бездеятельными. С возвышенности видно было, как они ходили взад и вперед,

исчезая и появляясь вновь. Можно было подумать, что им доставляло удовольствие прогуливаться вокруг горы. Но с какой целью? Это-то и старались узнать осажденные.

Подобного рода дозоры происходили главным образом ночью и почти непрерывно.

С высоты горы, когда позволял это ночной свет, дон Эстебан и товарищи его следили за этими таинственными передвижениями.

Индейцы с необыкновенным вниманием осматривали гору со всех сторон.

— Если бы мы не были уверены,— сказал однажды вечером дон Эстебан,— что наша крепость, за исключением оврага, неприступна со всех сторон, то можно было бы подумать, что эти дьяволы еще не отказались от мысли забрать нас здесь.

— Их движения вокруг горы имеют двоякого рода цель,— сказал гамбузино,— узнать, не смогут ли они, наперекор очевидности, взобраться наверх или, еще скорее,— не сможем ли мы сойти. Перспектива продолжительной осады выводит их из терпения; но ничего, пусть продолжают. Со своей стороны, в ожидании лучшего, я хочу лишь одного, чтобы хотя один из этих негодяев прошелся вблизи моего штуцера.

— Это едва ли возможно,— сказал Генри Тресиллиан,— смерть вождя послужила уж им уроком.

— Как знать? — возразил, усмехаясь, гамбузино.— Видя нас такими спокойными, им, не нынче, так завтра, захочется же, наконец, подойти ближе хотя бы для того, чтобы нам слышнее были их ругательства. Вот этим-то моментом и надо будет воспользоваться, чтобы уложить из них несколько человек. Главное, надо предоставить им на некоторое время свободу думать, что они могут рассчитывать на безнаказанность.

Как бы в подтверждение слов Педро Виценты, в ту же минуту два-три индейца, отделившись от отряда, мелкой рысью приблизились к горе и остановились на порядочном расстоянии. Очевидно, они о чем-то сильно спорили между собою, так как шум их голосов долетал до площадки.

Гамбузино, знакомый со всеми местными наречиями, стал прислушиваться, сделав знак своим товарищам соблюдать самое строгое молчание. Спустя несколько секунд он объяснил, в чем было дело.

— Эти собаки,— сказал он,— зная Затерявшуюся го-

ру так же прекрасно, как и ваш покорный слуга, справляются, нет ли, кроме оврага, еще какой-нибудь тропинки, куда мы, под покровом темной ночи, могли бы ускользнуть от них, и вот почему, в продолжение нескольких дней, с таким неослабным вниманием следят и наблюдают за нами. Но вот, кажется, двое из них в пылу разговора забыли правила предосторожности. Не время ли теперь, дон Генри, испробовать силу нашего оружия? Вы метьте в правого,— добавил он,— а я возьму левого, и постараемся хорошенько...

Вскоре, среди тишины, грянул двойной выстрел, и оба индейца скатились со своих коней. Затем послышался галоп испуганных животных и те же самые крики, которыми сопровождалась смерть вождя.

— Ревите,— философически произнес гамбузино,— рев койотов не воскрешает мертвых.

Педро Вицента угадал: главной целью наблюдения дикарей за горой было желание убедиться в том, что осажденных не было возможности бежать, а поэтому совершенно бесполезно было рассеиваться вокруг и утомлять силы, которыми они располагали.

Скоро, впрочем, появилось доказательство тому. Подняв трупы двух убитых дикарей, индейцы вернулись к своему стану и, кроме как у входа в овраг, больше уже нигде не ставили часовых.

На другой день с утра, после завтрака из медвежьего окорока и разных консервов, дон Эстеваи нашел нужным осмотреть возвышенность и убедиться, не было ли тут поблизости еще бурых медведей, и не угрожал ли мексиканцам переполох, подобный вчерашнему.

Предводительствуемые главным инженером, мексиканцы сильными взмахами топора и заступами проложили тропинку сквозь густой лесок и дошли до такого места, куда никогда еще не ступала нога человека.

Множество незнакомых птиц, завидя их, улетали в испуге; из травы и переплетавшихся между собою ветвей показывались странные животные. Под травой и мхом, главным образом, скрывались пресмыкающиеся: мочки, огромные ящерицы, необыкновенно странные роющие лягушки, известные в зоологии под именем *agalyptis cognita*, и изрядное количество гремучих змей, называемых так по причине шума, производимого трением их покровов при разгибании колец.

Они скользнули под сухие листья, но напрасно ста-

рались убежать незамеченными. Их выдавал звонкий шорох, и рудокопы беспощадно убивали их. Педро дошел в своих шутках даже до того, что, не имея возможности отправлять гадин живыми, бросал их мертвыми по направлению индейского лагеря, чтобы напомнить индейцам,— говорил он,— бывшего их вождя и неожиданную его смерть.

Четвероногие попадались тоже нередко; время от времени охотники убивали про запас то антилопу, то дикую козу, не говоря уже о более скромной дичи, как зайцы и кролики.

Большие волки и родственные им шакалы также водились в этой чаще, едва ли замеченные до этих пор каким-нибудь заблудившимся разведчиком. Их так же не пощадили, и коршуны на некоторое время были обеспечены добычей.

Но сколько ни искали вокруг,— ни один медведь, ни черный, ни бурый, не показывался из берлоги.

Неужели же те два медведя были единственными представителями своего рода?

Охота продолжалась целый день, сопровождаясь различными случайностями; они готовились уже засветло вернуться в бивуак, как вдруг двойной сигнал гамбузино и его товарища Генри Тресиллиана, бывших все время во главе охотников, показал, что случилось что-то важное.

Их поспешили догнать и увидели вдруг на лужайке новую пару медведей, которая, поднявшись на дыбы, производила странные телодвижения.

Звери стояли у входа в чашу, темное отверстие которой выделялось в каменистой массе. Непрерывные выстрелы из ружей и карабинов встревожили их; однако они не обнаруживали никакого наступательного намерения и не двигались от входа в пещеру, готовясь укрыться при первой тревоге.

Так, по крайней мере, предполагал Педро Вицента и просил дон Эстева запереть стрельбу.

Все приготовили было уже оружие и теперь вопросительно смотрели на гамбузино.

— Вот опасные соседи,— сказал дон Эстефан,— которых надо уничтожить как можно скорее. Сознать их пребывание в этих местах не особенно утешительно, и если мы сейчас же не избавимся от них, то беспрестанно

будем находиться меж двух огней. Не находите ли вы, Педро, что общий залп...

— Быть может, это и удалось бы,— прервал его гамбузино,— но предположите вдруг, синьор, что мы не риним их насмерть,— а это при непроницаемости их шкур очень возможно,— и что, по крайней мере, одно из этих животных ускользнет от нас и бросится прямо на бивуак, где подобного визита не ожидают.

— Вы правы,— возразил дон Эстебан.— Но не можем же мы удалиться с мыслью, что оставили в живых подобных зверей?

— Конечно нет,— сказал Педро,— нужно избавиться от них, но с возможно меньшим риском. С вашего позволения, на этот раз это уже будет мое дело; я попрошу лишь, чтобы все удалились от опасности и взобрались бы на эти деревья. А затем не выпускайте ни одного крика и предоставьте мне действовать.

Часть возвышенности, на которой они находились, была на расстоянии не более 400 метров, по прямой линии, от края горы, выходявшего против стана апахов. Гора эта, по направлению к равнине, представляла плоскость слегка наклонную, но ровную как огромная металлическая плита. Сверху донизу почти все было голо; это были бесплодные скалы без трещин. Лишь на верхнем краю, в расщелине, где скопилась земля, наклонившись вперед, росло дерево, главная ветвь которого, высотой в шесть футов, могла выдержать тяжесть человека.

Когда все охотники неподвижно разместились по деревьям, очутившись вне опасности, гамбузино зарядил оба ствола и мерным шагом направился к чудовищам.

Как это легко представить себе, все взоры были прикованы к смелому охотнику, очевидно рисковавшему своей жизнью, готовясь на опасный подвиг.

Оба медведя, все еще стоявшие на задних лапах, как залось, сами были смущены такой смелостью и медленно пятились назад, испуская все-таки глухое яростное рычание и непомерно вытягивая свои неумолимые когти.

Педро Вицента по-прежнему приближался спокойным и размеренным шагом. Не доходя шагов пятидесяти до медведей, он начал ругать их, и на брань эту они отвечали все более и более усиливающимся рычанием.

Он подошел еще ближе и с особенным наслаждением стал швырять в них камни.

Это было уж слишком. Разъяренные чудовища гру-

но опустились на передние лапы, в продолжение нескольких секунд втягивали в себя воздух, и беспощадная погоня, вызванная гамбузино, разом началась.

Несмотря на то, что последний бежал со всех ног, эти на вид столь неповоротливые животные не отставали от него, и, что больше всего беспокоило спрятавшихся на деревьях мексиканцев, Педро, не предусмотрев отступления, прямо направлялся к пропасти.

Между тем, он сбрасывал с себя на бегу по очереди какую-нибудь часть костюма и кидал ее за собою, чтобы отвлечь чудовищ и тем хотя немного опередить их. Медведи на несколько мгновений останавливались, обнюхивали вещи, затем пускались еще шибче со все усиливавшимся яростным рычанием.

Дойдя до расстояния 6 метров от края возвышенности, Педро Вицента остановился, обернулся, и, прицелившись, выпустил оба заряда.

В ответ на этот двойной выстрел медведи заревели от боли. Они оба были ранены и с невыразимой яростью устремились на Педро; в один, промелькнувший быстро, как молния, момент, мексиканцы увидели, что гамбузино бросил ружье и с ловкостью клоуна кинулся к склонившейся ветви описанного нами дерева. С легкостью обезьяны он схватился за нее и очутился верхом, между тем как оба медведя с разбегу пронеслись под ним по крутому скату утеса.

Раздался взрыв восторга. В одно мгновение Педро Вицента соскочил с дерева и наклонился за своим оружием.

Спустя минуту мексиканцы, подавшись вперед, смотрели вместе с гамбузино на дно пропасти.

К их величайшему удивлению, оба чудовища, хотя и раненные пулями гамбузино, были только оглушены своим странным падением. Они отряхивались внизу откоса, как промокшие собаки. Потеряв под ногами почву, они упали навзничь, свернув, как ежи, голову между передними лапами, и в виде огромных клубков почти невредимыми скатились кубарем вдоль края утеса. Очутившись внизу, они встали на ноги, поводя головой, как бы намереваясь снова начать тот путь, который они только что прошли не по своей воле.

Пораженные мексиканцы стояли перед Педро Вицентой; дон Эстебан энергически пожимал его руку, а тот, повернувшись к равнине, лукаво заговорил:

— Внимание! Спектакль только еще начинается, и нам, пожалуй, не скоро еще придется увидеть конец его. Смотрите, — прибавил он, указывая пальцем на обоих медведей, — смотрите, синьоры: эти шутники, едва оправившись от падения, уже чуют свежее мясо, — если только так может быть названо мясо дикарей, — и идут искать пищи в стан койотов.

Действительно, оба медведя, окончательно разъяренные, увидев стан индейцев, бросились туда и в мгновение ока пролетели разделявшее их расстояние.

Солнце, быстро склонявшееся к горизонту, мало-помалу угасало и, наконец, скрылось в разом наступившей ночи.

Осажденные увидели лишь начало последовавшей сцены. И только по многочисленным, в течение по крайней мере четверти часа, непрерывным выстрелам внилу и по испуганным возгласам и крикам боли, смешанным со страшным ревом, они угадывали ход совершавшейся у подножия горы драмы.

Когда все стихло, они направились к бивуаку, где всю ночь шли толки о подвиге гамбузино.

Дон Эстебан осмотрел, по своему обыкновению, караулы, и спустя несколько минут наступила такая тишина, что никто бы не сказал, что в этой пустыне отдыхали люди, готовые по первому знаку кинуться друг на друга.

Педро Вицента, засыпая, думал о том, что медведи, должно быть, сослужили хорошую службу, и что, наверное, они уложили, по крайней мере, с полдюжины индейцев.

Глава 14

КОМУ?

На другой день, с раннего утра, мексиканцы снова пустились в путь для окончания начатых розысков. Дело шло о том, чтобы, с одной стороны, убедиться, что впрямь возвышенность свободна от всяких опасных гостей, с другой же — навести справки о какой-нибудь помощи, которая могла бы представиться при случайностях неизбежного долгого пребывания на горе.

Как и всегда, отрядом предводительствовали дон Эстебан, Генри Тресиллиан и гамбузино.

Последний, с виду беспечный, на самом же деле зорко следивший за всем окружающим, старался если не ободрить неподверженного никаким страхам дона Эстева, то внушить ему некоторую надежду.

С обычной своей пронизательностью он заметил, что время от времени признанный начальник рудокопов, превратившихся в осажденных солдат, кидал безутешные взгляды по направлению палатки, где были синьора Вилланева и ее дочь.

Не страшась ничего для себя лично, готовый ко всему, что бы ни случилось; Эстева Вилланева терял свое обычное спокойствие при мысли о жене и дочери Гертруде и о страшной участи, быть может, ожидавшей их в более или менее близком будущем, если не удастся ускользнуть от осаждающих.

Гамбузино старался ободрить его, указывая на те средства, которые помогут им еще долго продержаться.

На Затерявшейся горе оставалось много дичи и растительности, начиная со знаменитого мецкаля, качества которого были известны Педро, и кончая различными сортами мецкинов, в длинных обвисших стручках которых заключались легко растрившиеся зерна, годные для приготовления хлеба или приятных на вкус и питательных лепешек, не говоря уже о ядрах еловых шишек, которыми в жареном виде пренебрегать тоже не следует.

Что касается плодов, то горная возвышенность представляла разновидности кактуса и между ними питагайя, плоды которого несколько напоминают вкус европейских груш.

Генри Тресиллиан мимоходом сорвал несколько штук, радуясь, что может сделать сюрприз синьоре Вилланева и прелестной дочери ее.

Дон Эстева, не перестававший быть озабоченным, соглашался с гамбузино относительно возможности выдержать долгую осаду; но его страшили бедствия, предшествовавшие его людям.

Редко бывает, чтобы привыкшие к деятельной жизни работники, очутившись вдруг взаперти на небольшом пространстве и зная о возможности освободиться, не начали бы безумствовать. Эти-то опасения и преследовали дона Эстева, и, направляясь к бивуаку, он высказывал их.

— В конце концов,— сказал он,— нездорово питаться одними иллюзиями, и я, прежде всего, не допускаю

вероятности, даже возможности какой-либо помощи извне, а между тем только это и могло бы принести нам пользу. В наших обстоятельствах помочь может лишь случай, а случайности не должны приниматься в расчет. Вы согласны с этим, Педро? Самая важная ошибка была сделана нами, когда, застигнутые врасплох приходом апахов, мы не позаботились отрядить несколько человек в Ариспу, чтобы дать знать властям о положении, в которое мы попали.

— Синьор,— живо возразил гамбузино,— не говорите мне об этой ошибке! Не прошло еще и двух часов с того времени, как мы оказались замкнутыми на этой возвышенности, как она предстала предо мной со всеми неправыми своими последствиями; это самый страшный упрек, не перестававший мучить меня. Я никак не могу постичь, как всем нам прежде всего не явилась мысль о такой простой и необходимой мере, лишь только близость индейцев стала очевидна. Я уже двадцать раз собирался сказать вам то, что вы сказали сейчас, и если я не сделал этого, то только потому, что не видел никакой возможности поправить эту непростительную оплошность. Однако не может же быть, чтобы в Ариспе не догадались сами разузнать о нас. Ведь у вас там остались друзья и дела, и в конце концов там должны вспомнить о вас. Несомненно, Затерявшаяся гора очень заброшена в пустыне. Однако же и не рассчитывая на какую-либо счастливую случайность все-таки было бы ошибкой не поспособствовать ей, хотя бы, например, подняв мексиканский флаг на самой высшей точке нашей возвышенности. Как я только что сказал, можно предположить, что в городе, не получая от нас известий, удивятся и захотят, наконец, узнать, где мы. Допуская это довольно смелое предположение, ибо при нашем отъезде никто не мог и не должен был предвидеть того, что случилось с нами, я нахожу, что национальный флаг привлечет внимание разведчиков гарнизона Ариспы, если там решат, что мы в опасности.

— Вы правы, Педро,— отвечал Эстебан.— На нашей палатке сейчас же по прибытии в бивуак будет вывешен флаг. Но разве не позорно для храбрых людей довольствоваться бездеятельностью на глазах этих краснокожих разбойников?

— Но ведь вы все-таки не можете действовать, синьор! Если бы тут были одни мужчины, я бы сказал вам: ни

пробуем! Хотя я все-таки уверен, что мы остались бы на месте. Эти негодяи внизу вооружены не хуже нас и такие же хорошие стрелки, как и большинство наших людей. Кроме того, у них есть над нами и преимущество: у них есть лошади, а, следовательно, они могут каждую минуту укрыться от наших выстрелов. Если бы мы могли у выхода в овраг найти полсотни таких коней, как Круздер, я первый посоветовал бы вам скомандовать атаку, и держу пари сто против одного, что мы пробились бы сквозь ряды этих негодяев. Но нам недостает только этого, сеньор, а оно — все. Вы ведь воевали с апахами, дон Эстебан, и знаете, что в пустыне человек без коня — пропащий человек.

— Я полагал, — прервал Генри со всем пылом молодости, — что отважный белый стоит десяти таких краснокожих.

— Когда-то это было так, — отвечал гамбузино, — но теперь — нет. На наше несчастье они, по нашему примеру, приучились к войне и почти привыкли к дисциплине. Во всяком случае, не беспокойтесь, дон Генри; как они ни бдительны, мы все-таки попытаемся наделать им хлопот.

— Вы надеетесь, что они в конце концов отступят?

— На это я не смею рассчитывать, сеньор, — отвечал гамбузино. — Койоты терпеливы как коршуны: они умрут с голода в ожидании последнего вздоха добычи, на которую посягают.

— Послушать вас, Педро Вицента, нам остается только покориться и умереть, — возможно позже, но все-таки умереть.

— Совсем нет, — живо возразил гамбузино. — Вы предводительствуете храбрыми людьми, дон Эстебан. Они надеются, что вы выведете их из этого положения; пусть же они ни на одну минуту не усомнятся в этом, и пусть в конце концов их надежда на вас не окажется тщетной.

— Но как же поддержать, а в особенности — как оправдать такое доверие? — спросил дон Эстебан.

— Да, как быть? — проговорил гамбузино, ударяя себя по лбу. — Ответа на это я ищу и до сих пор еще не нашел. Но я найду, сеньор; в этом мозгу должна зародиться мысль о способе освобождения. Может явиться случай, который подскажет нам средство к спасению.

Беседау таким образом об опасностях положения,

разведчики вернулись в бивуак, где первым их делом было водрузить на горном хребте флаг,— национальное трехцветное знамя с сидящим на дереве орлом посередине.

Отныне каждый ехавший с юга путешественник должен был заметить это развевавшееся в воздухе знамя и понять, что на вершине Затерявшейся горы творится что-то особенное.

Конечно, осажденные ошиблись бы, рассчитывая на близкую помощь, но они не хотели также и сбрасывать ее со счетов. А пока, ввиду того, что противник не мог проникнуть к ним иначе, как со стороны оврага, нельзя ли было изловить их часовых или попытаться проделать еще какую-нибудь смелую штуку, нагнав суеверный ужас на дикарей?

Дон Эстебан, боявшийся за нравственное состояние своих людей при продолжительности осады, конца которой нельзя было и предвидеть, полагал и, конечно, справедливо, что хорошо было бы беспрестанно беспокоить осаждавших с какой-нибудь укрепленной позиции.

Но от теории до практики и от проекта до осуществления его — очень далеко. Думая наказать врага не покажут ли они самих себя и при том без малейшего результата?

Молодой и пылкий Генри Тресиллиан настаивал на частых вылазках, надеясь рядом счастливых ударов утомить и сразить врага.

Но на все эти предложения Педро Вицента покачивал головою.

— Вы забываете,— повторял он,— что если дело будет на равнине, ночью ли, днем ли, мы попадем в руки к этим дикарям; здесь есть женщины и дети, не имеющие возможности следовать за нами, и которых вы не захотите бросить... (конечно, Генри никого не хотел бросать). Вы забываете, наконец, простите за повторенье, что копиты имеют лошадей, и, что, даже допустив частный успех нашей атаки, противники наши все-таки достаточно многочисленны, чтобы стать между нападшими и оставшимися караулить у оврага. Тогда, разделенные надвое и окруженные, численно убавившись за невозможностью соединиться, сможем ли мы сделать что-нибудь?

Дон Эстебан, осторожный по природе, как и все действительно храбрые люди, признал благоразумие этих слов.

— К несчастью, вы правы, синьор Вицента.

И после минутного молчания он продолжил:

— Все, что у меня есть самого дорогого на свете, находится здесь, на этом неприступном возвышении, где мы, найдя благодаря вам убежище, еще относительно счастливы; но, не говоря уже о том, что мысль увидеть свою жену и дочь в руках апахов причиняет мне по временам страшные мучения, я не могу также забыть и этих преданных людей, последовавших за нами, которые, вместо ожидаемого богатства, предоставлены отныне самой ужасной смерти. Моя совесть говорит мне, что раз мы привели их сюда, мы должны также и вывести их отсюда. Согласны ли вы со мной, Тресиллиан?

— Разумеется,— отвечал англичанин.— Как и вы, синьор, я считаю это нашей неперменной обязанностью: сначала их спасение, а потом уж, если возможно, и наше.

Затем, как истинный англичанин, невольно вспомнив о неудавшемся дорогом предприятии, он продолжал, указывая негодующим жестом на стан индейцев:

— Между нами и верной удачей стоят лишь эти недобряки апахи. Сразу или поодиночке, но надо их уничтожить. Пусть не говорят, синьор Вицента, что открытые вами прииски представляют лишь мертвый капитал потому только, что случая захотелось поставить против нас этих волков Соноры.

Ничем больше нельзя было задеть гамбузино, как этими словами.

Потеря открытого им богатства выводила его из себя, и, угрожая дулом ружья по направлению стана апахов, он воскликнул:

— О, если бы существовал хоть какой-нибудь шанс на уничтожение этих дикарей, то Педро Вицента первый попросил бы начать битву! Но я не вижу ни одного, синьор. Надо бы придумать что-нибудь такое, что спасло бы нас или хотя бы подало надежду на спасение. Давайте же думать! Ради Бога, придумаем что-нибудь!

— Не в этой же тюрьме,— вскричал Генри,— может представиться какая-нибудь удача! А там, внизу — кто знает? Счастье часто бывает на стороне смелых...

— Как я ни уважаю вашу храбрость, синьор,— прервал гамбузино,— позвольте еще раз напомнить вам, что вылазки против сильного и многочисленного врага могут иметь успех лишь тогда, когда можно надеяться на вовремя подоспевшую помощь извне, или, по крайней мере,

когда они застают осаждающих врасплох. Но как же, однако, накрыть людей, стоящих настороже, к которым мы можем подойти только с одной стороны, и когда им заранее известно, откуда мы выйдем?

— Тогда,— резко воскликнул Генри, все еще одержимый своей неотвязной мыслью,— по-вашему нам остается только спокойно сложить руки, пока не истощатся наши запасы, и ждать, чтобы койоты, ободренные нашей трусостью, напали на нас, уже обессиленных и даже не способных дорого отдать свою жизнь?

— Я не говорю этого, синьор, и, проповедуя вам терпение, я сам чувствую, как кипит бешенство в душе моей, когда вижу отсюда, как эти бесчувственные собаки нахально корчат нам рожи, будучи вне наших выстрелов. Но, черт возьми! никогда не поздно сделать глупость, и ждать, чтобы ее сделал другой, чрезвычайно разумно. Разве враги наши не подают нам пример терпения? И не думаете ли вы, что они остались там, внизу, для своего удовольствия, как и мы здесь, наверху?

Между тем день проходил за днем, а эти напрасные споры не приводили ни к чему. Время от времени, благодаря ловкости гамбузино и храбрости молодого Тресиллиана, мексиканцы укладывали, рискуя жизнью, несколько часовых в лощине; но павшие вскоре заменились новыми воинами.

За немногими исключениями, Зопилот, наученный опытом, умел необыкновенно искусно размещать часовых вне выстрелов в светлые ночи и приближать их к лощине в темные; кроме того, он расставлял их в таком количестве, что напасть и справиться с ними, прежде чем поднимется весь стан, не было никакой возможности.

В своем невольном бездействии, на которое вынуждала мексиканцев бдительность дикарей, они нашли себе если не занятие, то, по крайней мере, развлечение. Под начальством инженера они работали над изготовлением двух пушек — да, двух пушек!..

В одну из своих предыдущих экскурсий инженер открыл, почти на поверхности, довольно богатые минеральные залежи.

Под искусным руководством из рудокопов нетрудно сделать литейщиков и даже кузнецов; надеясь на успех, каждый всей душой предан работе.

По правде сказать, это было только развлечение, предоставленное инженером своим молодцам, чтобы кликнуть

будь скоротать бесконечно тянувшиеся часы убийственной осады; для некоторых же это было уверенностью в спасении.

Наиболее мечтательные из них мысленно присутствовали уже при сцене, которая должна была, может быть, положить конец их бедствиям. Расплавляя медь и изо всех сил работая молотом, они заранее представляли уже пальбу этих орудий, быстрый полет ядер, внезапное падение их с треском в индейский лагерь, пожар, ужас и смерть, рассеиваемые осколками и т. д.

Педро Вицента, допуская все-таки, что в известный час пушка может сыграть существенную роль, не преминул определить услуги будущей артиллерии до самых точных размеров.

Однако надо было продолжать раз начатое предприятие, и можно было надеяться, что несколько удачно направленных пушечных выстрелов наверное помешает изрядному числу койотов присутствовать при развязке, которая, как они думали, будет счастлива лишь для них одних.

Между тем однажды утром донесшиеся с равнины радостные крики привлекли вдруг внимание осажденных, и по далеко не приятному для них поводу.

Толпа индейцев, больше чем в двести человек, явилась присоединиться к отряду Зопилота.

Она состояла, с одной стороны, из воинов, которым поручено было вначале проводить и поставить в безопасное место отнятый у мексиканцев скот, с другой же — из людей, приведенных в качестве подкрепления.

Призвав эту новую толпу, Зопилот, следовательно, не имел ни малейшего намерения снять осаду.

Событие это сделалось предметом оживленных разговоров во всем лагере.

В палатке дона Эстевана, где собрались Тресиллиан, инженер, мажордом и Педро Вицента, все лица были мрачны, ибо присутствовавшим представилось сомнительное до этих пор будущее не только безрадостным, но и зловещим.

Гамбузино объявил между тем, что из этого, по-видимому, важного события не следует выводить слишком мрачных предзнаменований.

— Синьор, — сказал он, особенно обращаясь к дону Эстевану, — будьте уверены, что эта вторая шайка негодяев появилась ненадолго и скоро исчезнет, и с завтраш-

него дня, быть может, положение наше станет такое же, как и вчера, — ни лучше ни хуже.

При этих словах все насторожились, не исключая Генри Тресиллиана и Гертруды, беседовавших в эту минуту обо всем, кроме апахов.

— Что же по-вашему, синьор гамбузино, доставит нам эту относительную удачу? — спросил дон Эстебан.

— Ведь не нас же, — отвечал Педро Вицента, — искала сначала шайка Гремучей Змеи. Переpravляясь по этим пустыням, грабитель, несомненно, имел лишь одну цель: грабеж какого-нибудь селения белых на берегах Горказита. Надеясь на большую выгоду, эти дети дьявола свернули с пути, чтобы осадить нас здесь. Но дикари, а койоты в особенности, упрямы как ослы; те, что недавно прибыли, выслушав приказания нового вождя, будучи уверены, отправятся для тех самых целей, которым помешала наша встреча с первыми, и все пойдет по-старому. Эти волки, идя в поход, — продолжал он, — уверены в своей силе; и как ни грустно наше положение, но оно может быть, все-таки лучше участи тех несчастных, которых эти чудовища собираются грабить.

Как бы ни был близок к смерти или, по крайней мере, к серьезной опасности человек, в душе его всегда остается все-таки запас сострадания к другим. Эстебан и друзья его с грустью думали о тех своих соплеменниках, которым угрожали индейцы и которым они не могли ничем помочь, так же, впрочем, как и самим себе.

После вызванного довольно вероятными предположениями Педро Виценты молчания первый заговорил дон Эстебан.

— Есть одна ужасная вещь, — сказал он, — неизвестная нашим людям, но сказать о которой скоро застанет нас необходимость; это то, что охота не доставляет нам больше мяса, а съестные припасы уменьшаются. Скоро придется урезать порции.

— Прикажете это сейчас же, — сказал Роберт Тресиллиан, — и все безропотно подчинится. Не мы ли должны подавать пример?

— Вы правы, мой друг, — возразил дон Эстебан. — Но чему ни вы ни я не можем помешать, — это тому, что при уменьшении порций люди наши угадают голод, а при голоде — все более и более приближающуюся смерть.

— До тех пор, — заметил инженер, — всегда еще будет время повергнуть людей в отчаяние. Лучше умереть,

бросившись вперед, чем подвергнуться пыткам и быть привязанными этими гнусными скотами к позорному столбу.

— Несомненно,— сказал гамбузино,— но...

— Но что? — воскликнули все кругом.

Педро Вицента спокойно, не сморгнув, выслушал все посыпавшиеся на него вопросы, и, когда водворилось молчание, начал:

— Одно меня удивляет,— сказал он,— что эти дьяволы, прославившие замечательно хитрыми, не притворились еще до сих пор уходящими и не скрылись ночью в каком-нибудь повороте, чтобы сначала ободрить нас, а затем, когда мы покинем наше убежище, наскочить на нас со всей быстротой своих коней. И нельзя ручаться, что эта уловка в конце концов не могла бы обмануть нас! Право, я не узнаю их, и теперь за нами очередь проучить их. В нашем теперешнем положении, с голодом в перспективе, самое худшее безумие может оказаться разумным действием. А это безумие, дон Эстебан, теперь самое время попробовать.

— Bravo! — воскликнули все.

Гамбузино выждал, когда все опять замолчат, и самым отчетливым голосом медленно произнес следующие слова:

— У нас осталось только одно средство поправить огромную ошибку, которую все мы сделали вначале, забыв отрядить в Ариспу нескольких курьеров: одному из нас, в темную ночь, надо попытаться убежать и обратиться за помощью в Ариспу — в единственное место в мире, откуда она может явиться к нам. Вот что необходимо. Один из нас должен постараться укрыться от апахских часовых и обратиться через овраг. Взятый за это дело имеет девяносто шансов из ста остаться там на месте. Я прибавлю, что благодаря моему знакомству со страной и индейскими наречиями я имею право требовать себе этого поручения, и если предложение мое будет одобрено доном Эстеваном, то никому другому я не уступлю этой чести.

Дон Эстебан встал и, решительно отклонив услуги гамбузино, отсутствие и потеря которого повредили бы всем, объявил, что попытка эта все-таки должна быть сделана, и немедленно.

— Синьоры,— сказал он,— мой зять, полковник Рекисенц, командует, как вам известно, в Ариспе закате-

касским уланским полком, и Педро Вицента совершенно прав: один из нас или, еще лучше, двое должны дать ему знать о нас и привести сюда его и его эскадроны.

Генри Тресиллиан выступил вперед и решительным голосом произнес:

— Я готов.

При этих словах яркий румянец покрыл нежные щеки Гертруды. Было ли это удивление пред мужеством Генри Тресиллиана или страх, что предложение его будет принято? Несомненно, оба чувства слились в одно.

Дон Эстебан отклонил предложение молодого человека, как и вызов гамбузино, но по другим причинам: Генри был такой же солдат, как и все, и не имел более других права на предпочтение, которого просил.

В голове начальника зародилась более справедливая мысль, и, обращаясь ко всем присутствующим, особенно же к Педро Виците, он спросил:

— Не можете ли вы сказать мне, сколько из наших могли бы отправиться в Ариспу, не рискуя сбиться с пути?

— По-моему,— отвечал гамбузино,— с этой стороны можно рассчитывать, по крайней мере, человек на пятнадцать. Среди наших аррьеросов и вакеросов нет ни одного, кто бы не добрался до Ариспы, если удастся проскользнуть в равнину незамеченным апахами.

— Если так,— воскликнул дон Эстебан,— то пусть решает сама судьба! Как вы думаете об этом, Тресиллиан?

— Я полагаю, Вилланева,— отвечал Тресиллиан, что те, на кого падет жребий, раз они храбры, в чем и не сомневаюсь, могут и должны рискнуть собою. Удастся им — мы спасены, если же нет — наша участь не лучше их; они умрут только немного раньше остальных. Мы должны все подлежать жребию — я и сын мой, как и прочие наши товарищи, исключая, впрочем, на первый раз, людей женатых.

Даже при самом сильном отчаянии нужно очень мало, чтобы вызвать луч надежды. В одно мгновение все лица прояснились.

Молодой Тресиллиан со всей горячностью своего возраста настаивал, чтобы жребий был брошен тот час же.

Но дон Эстебан считал необходимым предупредить людей, подлежащих жребью, заключавшему в себе вероятную смерть, и решено было отложить жеребьевку до другого дня.

Тем временем стали обсуждать, кто же способен дойти до Ариспы; на другой же день этих людей собрали, чтобы объяснить им, чего от них ожидают.

Ни один из них не сделал ни малейшего возражения; никто не пытался освободиться от этого опасного поручения.

Видя, что Роберт Тресиллиан и сын его готовы подвергнуться тем же опасностям, как и все, многие охотно соглашались последовать примеру гамбузино, который накануне и как милости просил права почти наверное пожертвовать своей жизнью.

Для метания жребиев были взяты ядра еловых шишек, соответственно количеству годных для опасного поручения людей; два ядра были слегка помечены углем, и вся масса опущена в *sombrego* *.

Теперь все зависело от судьбы. Два намеченных ядра были выигрышными номерами в этой оригинальной лотерее.

Мужчины столпились вокруг дона Эстебана, и, с занятыми глазами, каждый из них по очереди подходил и опускал руку в шляпу, которую начальник держал за края.

Сцена была захватывающая. Каждый вынутый орех сопровождался глухими восклицаниями; но ожидать пришлось недолго: не прошло еще и половины людей перед своеобразной урной, как оба роковых ореха были уже вынуты.

Двое, на которых пал жребий, были: один — погонщик мулов, другой — быков, — храбрейшие из храбрецов этой толпе искателей приключений.

Привыкнув ко всем случайностям пустыни, они уже заранее, едва вступив в льяносы, готовились, в случае надобности, пожертвовать жизнью.

Первая последовавшая за этим ночь должна была решить их участь.

Заметим, между прочим, что еще до ее наступления одно из предсказаний гамбузино сбылось.

* *Sombrego* — шляпа с широкими полями.

Индейцы, внезапное прибытие которых произвело на возвышенности такое удручающее впечатление, снова двинулись в путь по направлению к реке Горказиту, и осажденные не без удовольствия следили взором за длинной вереницей, пока не потеряли ее из виду.

Глава 15

РОКОВАЯ РАЗВЯЗКА

— Вряд ли удастся нашим двум смельчакам отправиться нынче ночью,— сказал дон Эстеваи гамбузино.

— Может быть, синьор,— возразил Педро Виценти, — пустыня изменчива, как море. Глядя на это безграничное пространство, озаренное палящим солнцем, на это безоблачное небо, можно рассчитывать на очень хорошую, даже слишком хорошую для нашего проекта ночь. Но Бонито Ангуэц и Джакомо Барралья готовы на все и неустрашимы. Пусть только поднимется туман в льянос, что бывает в это время года нередко, и обоим нашим товарищам, уже знакомым с местностью, совершив трудную переправу мимо апахов, останется лишь идти прямо. Туман же, как нам известно, синьор, друг бегства.

— Да простит нам Бог! — вскричал дон Эстеваи. Но посягая на это дело, мы искушаем милосердие Господа. Я решил, что совесть моя неспокойна, так как нет уверенности. Я бы в тысячу раз охотнее согласился быть сам на месте Ангуэца и Барралы.

— В этот час, синьор,— сказал гамбузино,— было бы почти преступно думать о чем-либо другом, кроме общего спасения.— И коротко добавил: — Судьба произнесла уже свой приговор.

На некотором расстоянии от бивуака оба избранных думали лишь о том, чтобы приготовить и снарядиться в путь. Окруженные своими товарищами, они прощались с ними и с удивительным спокойствием ожидали условленного часа.

Это не было ни покорностью судьбе ни равнодушием с их стороны: они последовали роковому решению и принадлежали уже более себе.

— Все, что я могу обещать вам,— говорил Барралья,— это то, что мы даром не дадимся в руки койотов.

Ангуэц же, в свою очередь указывая на револьвер, говорил:

— В этом инструменте есть нечто, что заставит взлететь на воздух полдюжины апахов. Если мы не пройдем — вина не наша; не забывайте только считать выстрелы.

— Полдюжины твоих, полдюжины моих, — шутил Барраль, — итого двенадцать, и ни одним меньше. А потом, в случае надобности, в свою очередь, можем умереть и мы.

Целый день осажденные провели в созерцании неба; страх и надежда чередовались между собою.

Несомненно, это палящее солнце не предвещало ничего хорошего. Наконец небольшие испарения заволочили горизонт. Это могло означать, что ночь будет облачной и темной.

После обеда тучи вдруг соединились и прорвались над горой настоящим потоком, заливая огонь в кузницах, вокруг которых шла работа.

Ливень, однако, продолжался лишь несколько минут, небо приняло вскоре свою прежнюю ясность.

Когда солнце быстро скрылось за горизонтом, дружка стали появляться южные созвездия, и, хотя ночь была безлунная, звездный свет позволял осажденным различать индейских часовых, стоявших неподвижно на обычных местах, протянувшись, как живая цепь, между основанием оврага и лагерем Зопилота.

Лишние сутки не представляют особой важности в положении осажденных; но нетерпение их не допускало больше отсрочек. Они решили, что, если попытка освобождения не произойдет в ту же ночь, то все кончено. Приговор произнесен. Зачем же ожидать, что следующая ночь должна быть милостивее и благоприятнее?

Слово «милостивее» — означало темнее и таинственнее.

Несмотря на это, все были на ногах. По некоторым признакам гамбузино предсказывал перемену атмосферы. Проливной дождь насытил землю, и достаточно будет простой ночной прохлады, чтобы сырость образовала густой туман.

Вид неба подавал некоторую надежду.

Действительно, около полуночи поверхность озера, до сих пор довольно бурная, сделалась спокойной и ровной как скатерть, и медленно, точно дым, выходящий из кра-

тера потухающего вулкана, стали подниматься испарения.

Мало-по-малу туман усилился, скрыл под своими мягкими клочьями озеро, перешел на берега, распространился по льяносам, окутал стан краснокожих, скользнул, подымаясь вверх, по склонам горы и протянулся до высочайшей точки, где позади каменного парапета в него взволнованно вглядывались мексиканцы.

Там были все: мужчины, женщины и дети, скрытые туманом, ожидали торжественного часа, и почти невозможно было говорить, так как даже на очень близком расстоянии друг от друга приходилось повышать голос, чтобы быть услышанным.

Дон Эстебан призвал Бенито Ангуэца и Джакопо Барраль и пожал каждому из них руку.

— Минута настала, — сказал он, — и более благоприятной погоды трудно было бы и пожелать. В такую ночь можно пройти. Да сохранит и направит вас Господь, друзья мои!

Оба уходившие не испытывали никакого волнения и, обнявшись с некоторыми из окружавшей их толпы, объявили, что готовы проникнуть в овраг.

У каждого из них на широком ремне была сумка со съестными припасами, бутылка воды, смешанной с небольшим количеством водки; на поясе висели револьвер и кистень. Другого оружия они не пожелали брать. Прежде всего им нужна была свобода движений.

Бесшумно вскарабкавшись на утес, они исчезли в тумане.

Осажденные, перегнувшись за парапет, старались следить за ними взором, и если не посылали им вслед горячих пожеланий, то лишь потому, что дон Эстебан приказал соблюдать самую строгую тишину.

Ничто не нарушало безмолвия этой непроницаемой ночи.

Ангуэц и Барраль шли так осторожно вдоль тщательно изученного ими оврага, что ни один камешек не шевельнулся под их ногами.

Со времени своего плена на Затерявшейся горе осажденные провели много спокойных ночей, но такой торжественной — они не знали до сих пор.

В лице обоих их товарищей исчезла во мраке надежда на освобождение.

Прошло еще четверть часа, как Ангуэц и Барраль скрылись из виду.

Что за счастье, если утром, с восходом солнца с низу горы не донесется ни крика призыва, ни малейшего стопа!

Прошел час — ничто не нарушало ночной тишины.

Дон Эстебан, сжимая руку Роберта Тресиллиана, с сердцем, преисполненным волнения, быть может, даже надежды, тихо шептал слова благодарности по адресу тех, которых считал в это время невредимыми в пустынных льяносах.

Наклонившись вперед и наполовину перевесившись за парапет, Педро Вицента пытался, казалось, читать сквозь густую мглу.

Мало-по-малу, по мере того, как проходило время, страшный, убийственный гнет беспокойства уменьшился. Рудокопы вздохнули свободнее. Они мысленно видели уже двух направлявшихся к Ариспе людей, которые вернутся вскоре в сопровождении уланов полковника Реквезенца, как вдруг со стороны оврага донесся до возвышенности шум, сначала смутный, перешедший вскоре в вопль, послышались учащенные выстрелы, неистовые крики, прерываемые ржанием лошадей и гортанными возгласами дикарей, предположивших вылазку и собиравшихся у оврага.

Среди этого зловещего шума раздались друг за другом сухие и частые выстрелы револьверов. Гамбузино мог сосчитать их.

Не оставалось сомнения: Бенито Ангуэц и Джакопо Барраль, настигнутые индейцами, защищались с геройским хладнокровием.

Стая койотов у подошвы Затерявшейся горы бросилась на этих храбрецов, и ничем, ничем — увы! — нельзя было помочь им.

Никогда еще осажденные не чувствовали так ясно всего ужаса своего положения. Свирепые крики дикарей раздавались в ушах их, как погребальный звон, и, к довершению ужаса, они слышали все более и более замиравшие крики прощания, которые посылали им их несчастные товарищи.

Сам гамбузино, обыкновенно такой бесстрастный, не мог удержаться от вопля отчаяния.

— Проклятые! — воскликнул он, — они видят впоть-

мах как кошки! Нам уже не придется возобновить попытку. Это было бы безумием!

Исход им же самим вызванного предприятия привел его в уныние.

Между проектом и осуществлением его прошли только сутки, и снова мексиканцам оставалась одна лишь покорность судьбе.

На возвышенности все, разбитые от усталости или, скорее, волнения, старались заснуть; но зрелище, представившееся взорам осажденных при восходе солнца, заставило запылать сердца новым бешенством.

На том же самом месте, где апахи совершали свои, сопровождавшиеся ревом, похоронные пляски вокруг трупа Гремучей Змеи, был воздвигнут позорный столб.

Вскоре койоты привязали к нему человека, в котором рудокопы узнали Бенито Ангуэца.

С несчастного была сорвана одежда, а на груди наклеена зловещая эмблема племени — мертвая голова и две скрещенные кости.

Со скрученными над головой руками, со связанными ногами, с выдающимися ребрами, несчастный погонщик мулов повернул голову к Затерявшейся горе, как бы надеясь на помощь оттуда.

Тогда дикари отошли и, избрав мишенью грудь пленника, начали поочередно стрелять, пока совершенно исчезнувшая мертвая голова не заменилась зияющей раной.

Смерть давно освободила уже злополучного погонщика мулов, а опьяневшие от крови и бешенства койоты все еще стреляли.

В конце концов, для вящей жестокости, они привязали Джакопо Барралья поверх трупа товарища и с той же ловкостью и ревом снова начали свои упражнения. Затем двое из них скальпировали мертвых; потрясая над головами кровавыми скальпами, они приблизились, насколько позволяла осторожность, к Затерявшейся горе и размахивали этими страшными трофеями перед глазами бессильных мексиканцев.

Незадолго до заката солнца осажденным представилось утешение. Ангуэц и Барраль сдержали слово. Ни одна пуля их револьверов не пропала даром, и, смертью того, послужили еще и кистени.

Индейцы хоронили пятнадцать человек. Гибель двух Маккавеев Затерявшейся горы обошлась им дорого.

ЧУДЕСНЫЙ ПРЫЖОК

Целый день на возвышенности Затерявшейся горы царствовало уныние.

Почти мгновенный переход от надежды к отчаянию захватил и сильнейших. Теперь делать больше нечего, — вот что говорили все друг другу.

Дон Эстебан понял, что надо дать другой оборот этим безнадежным мыслям, которые он не без основания считал опасными.

Как ни была славна мученическая смерть Бенито Ангуэца и Джакомо Барраля, но она все же не могла, конечно, способствовать рассеянию мрачных мыслей; а этому он считал необходимым противодействовать.

Предпринять новую попытку было бы бесполезно. Кроме того, койоты теперь уже настороже и не преминут удвоить бдительность, так что с этой стороны не было никакой надежды. Всякая мысль об этом должна была быть оставлена.

Но человек утопающий, даже при самой полной уверенности в неизбежности своей гибели, должен бороться до конца, хотя бы и посреди океана.

Вот что сказал себе дон Эстебан, и такую именно решимость хотел он пробудить в сердцах подавленных бедою рудокопов.

Пример Барраля и Ангуэца, с которыми апахи справились лишь ценою потери пятнадцати своих, — разве это не достойный пример?

Пасть, но на горах неприятельских трупов, — вот последняя надежда, которая не обманет.

И тут ему в который раз помог гамбузино со своей неистощимой энергией.

— Синьор, — сказал гамбузино, указывая, что в лагере все обсуждали подробности недавней казни, — в настоящее время остается лишь одно: объявить прямо всем этим людям, что им не придется умереть такой ужасной смертью.

— Чем же вы их убедите в этом, Педро?

— Чем, синьор? Я собрал бы их как можно скорее и объявил, что, когда настанет час, мы найдем средство умереть всем вместе, не отдавая больше ни одного скальпа этим собакам-индейцам.

Дон Эстебан с удивлением смотрел на гамбузино. Но что еще мог он рассчитывать?

— Я не так безумен, как вы, по-видимому, думаете, синьор,— возразил тот,— корабль никогда не отдается в руки неприятелю, пока имеется на нем порох. Когда вся надежда потеряна, командир дает приказ зажечь фитили и взорвать его.

— Но разве мы на корабле? — спросил дон Эстебан.

— Почти что так, синьор. Пороху у нас достаточно. Если мы не найдем нового средства направить в Ариспу вестника, не может быть ничего легче, как в последнюю минуту заложить под парапет оврага мину. Хорошенько подготовив место, стоит только затем привести туда врага. Мы можем добиться этого, сделав вылазку с единственной целью вызвать погоню за нами апахов, и потом, отступая мало-по-малу, увлекать их за собою. Очутившись на возвышенности, мы взорвем их вместе с собой. Чем бы то ни было, синьор, но необходимо загладить впечатление, вызванное казнью наших бедных товарищей.

Нарисованная гамбузино перспектива смерти, с устроением погибели врагу там, где он надеется найти победу, подняла упавшее было мужество.

Все снова ободрились при мысли, что жизнь женщины и детей не будет уже в руках дикарей, и, когда ударит последний час, все падут вместе, так сказать, рука об руку, на ложе из трупов койотов.

Как человек ловкий, дон Эстебан рассудил, что надо воспользоваться этим хорошим настроением и извлечь из него всевозможную пользу, и объявил, что положение далеко еще не безнадежно, что ресурсы Затерявшейся горы, быть может, не так истощены, как это предполагалось, и что, если предпринять генеральную охоту, непременно найдется какая-нибудь дичь, а, следовательно, и возможность продолжать сопротивление.

Охота была назначена на следующий день, с восходом солнца.

Уверенность, что они не попадут в руки койотов, вошла осажденным нечто вроде веселости. К мысли о смерти уже все привыкли как и ко всякой другой и, при признав ее, больше о ней не думали.

На другой день, с рассветом, все отправились в путь,

кроме людей, необходимых для караула,— и охота началась.

Как и предвидел дон Эстебан, она не была бесплодна. Настреляли много дичи, хотя и не особенно тонкой,— до волков и шакалов включительно; но теперь не приходилось уже быть очень разборчивым.

Почти около полудня шедшие во главе дон Эстебан, оба Тресиллиана, инженер и гамбузино услышали вдруг необычный шум в чаще и увидели бросившегося со всех ног великолепного дикого барана.

Что за неожиданная находка! Это, несомненно, был последний представитель того стада, которое Педро Вицента и Генри Тресиллиан встретили в самом начале осады, служившего изо дня в день таким большим подспорьем для осажденных.

Во всяком случае, то был особенный экземпляр,— молодой могучий самец со стройными формами и плотными мускулами, с длинными загнутыми рогами, и он не мог ускользнуть от охотников, так как бежал по прямой линии к краю возвышенности, со стороны, противоположной индейскому стану, то есть к пустыне.

А раз он очутился там, то справиться с ним можно было легко, перерезав ему дорогу.

Возбужденные страстным желанием овладеть этой добычей, охотники не в состоянии были больше ждать. Пять-шесть выстрелов грянули, не попав, однако, в животное, которое, добежав до края пропасти, разом остановилось, оперлось на сильные и тонкие ноги и заглянуло вниз.

Вдруг, поджав передние ноги, с быстротою молнии оно ринулось вперед и исчезло на глазах изумленных охотников.

Что за прыжок!

Обезумевшее животное бросилось, очевидно, бессознательно в пропасть и теперь, должно быть, лежало под скалой уже мертвым, раздавленным, разбитым, со сломанными костями и вздрагивавшими мускулами.

С особенным чувством, смешанным с разочарованием и любопытством, охотники приближались к краю возвышенности.

Впереди всех бежал гамбузино.

В этом событии он усматривал нечто достойное размышления. Остановка животного у самого края пропасти заставила его сильно призадуматься. Прежде чем

броситься вперед, оно размышляло и действовало, конечно, обдуманно. Под влиянием страха обезумевшее животное может броситься в пропасть, но не останавливаясь и не всматриваясь сначала, куда оно бросается. Тут же случилось наоборот: оно обдумывало, несмотря на пули, свистевшие вокруг, и прыгнуло, рассчитав высоту и расстояние прыжка.

Придя к краю возвышенности, гамбузино растянулся во весь рост и стал смотреть вниз. Появившиеся один за другим охотники следовали его примеру. На скалах, составлявших бока Затерявшейся горы, не было, по крайней мере, видно следов крови на камнях.

Вдруг, бросив взгляд на равнину, Педро не мог удержаться от крика, и, вскочив, протянул руки вперед, по направлению к горизонту.

Все посмотрели вслед за его движением и увидели вдали дикого барана, бежавшего с быстротой пущенной из индейского лука стрелы.

Что все это значило?

Разве мыслимо, чтобы животное, состоявшее из мяса и костей, убегало таким образом после страшного падения с высоты пятисот футов?

Что касается гамбузино, то лицо его озарилось улыбкой. В голове его, искавшей средства к освобождению, зарождалась какая-то мысль.

Но порешив, что новое разочарование может повлечь за собою непоправимые последствия, он выждал, пока удалились его изумленные товарищи, притворился даже следующим за ними; когда же нашел возможным незаметно вернуться обратно, Педро приблизился к краю, крайне внимательно осмотрел бок Затерявшейся горы, измерил хребет скалы по всей высоте и длине его, еще раз, свесив голову, лег ничком, изучая малейшие неровности; затем, после этого внимательного и продолжительного осмотра, он направился к бивуаку, с радостью во взоре проговорив:

— Ну, мы, может быть, еще и не совсем погибли!

Когда он вернулся на бивуак, уже наступила ночь, и, приближаясь к палатке дона Эстевана, он был крайне удивлен долетавшими оттуда взрывами довольно оживленного спора.

Гамбузино вошел и, по обыкновению, был приглашен принять участие в совещании.

В эту минуту говорил Генри Трессилиан, доказывая, что неподвижное пребывание на возвышенности — хуже смерти, особенно имея перед глазами такой пример, как смерть двух товарищей, которые, прежде чем уступить силе, уложили пятнадцать человек.

Приход Педро Виценты если и не охладил спора, то все-таки вызвал некоторое смущение. Каждый из них знал, что он решительный враг подобных попыток.

Поставив в угол палатки свой карабин и заняв свое обычное место, он почтительно выслушал переданное дон-ом Эстеваном краткое содержание только что происшедшего разговора, затем, на приглашение высказать свое мнение, проговорил:

— Все это, синьоры, очень хорошо, но теперь у меня есть кое-что гораздо лучшее.

— Да объясните же в чем дело! — вскричали все. — Говорите! да говорите же! Что за весть принесли вы?

Все взоры, не исключая дона Эстевана и Генри Трессилиана, были устремлены на гамбузино, который, отчетливо произнося каждое слово, проговорил:

— Быть может — спасение.

— Или вы способны творить чудеса, синьор гамбузино? Хорошо; скажите же нам ваше средство, — сказал инженер.

— Оно до того просто, — отвечал Педро Вицента, — что я не понимаю, как мы не подумали об этом раньше. Так как эти негодяи мешают нам отрядить курьера в Ариспу через главные ворота, то мы пошлем его окольным путем, то есть со стороны горы, противоположной оврагу и не оберегаемой индейцами.

Присутствующим показалось, что Педро Вицента одержим галлюцинацией.

— Да ведь это прыжок в пятьсот футов! Вы не подумали об этом, друг мой? — сказал дон Эстеван.

— Вы предлагаете нам последовать примеру дикого барана? — разом проговорило несколько голосов.

— Именно это, — сказал Педро. — Только у нас и осталось — последовать примеру дикого барана.

И он продолжал далее:

— С завтрашнего дня, с рассветом, если вы согласитесь следовать за мной, синьоры, я лучше объясню вам свое решение, и вы сами увидите, что если план мой и по-

лон трудностей, то все-таки, при некоторой ловкости и энергии, он выполним. Кроме того, на этот раз рискну собой уж я. Все, что я попрошу вас, господин инженер, это выдать мне, если возможно, пятьсот футов веревок. Целиком или частями,— добавил он, улыбаясь,— это все равно.

Инженер объявил, что такой веревки у него не окажется, а есть самое большое футов в четыреста.

Таким образом, не хватало еще ста футов. Как же добыть их?

Предложили связать вместе несколько лассо, но и этого было бы недостаточно. Может быть хватит, если разрезать на тонкие полосы полотно палаток и затем скрутить их вместе. Во всяком случае, надо было попробовать.

Среди этих перекрестных разговоров, где каждый предлагал свое, гамбузино сделал знак, что хочет говорить.

— Нечего напрасно беспокоиться,— промолвил он,— материала на веревки здесь немало, и нам стоит только нагнуться и собрать его.

— Где же это? Из чего вы сделаете их? — кричали кругом.

— Вот из чего,— отвечал гамбузино, отбрасывая ногой кучу сухих листьев, на которых сидел.

Это были листья мецкалов, волокна которых, как у конопли, действительно могут идти на нитки и на очень крепкие веревки.

Дерево это, кормившее мексиканцев, выходит, могло еще предоставить им возможность отправиться за помощью в Ариспу.

На Затерявшейся горе мецкалов было вполне достаточно.

Если горячо приняться за дело, можно было выполнить его к вечеру другого дня, и было решено, что с рассветом, между тем как на бивуаке пойдет работа, дон Эстебан и товарищи последуют за гамбузино, который на месте объяснит им свой способ побега.

С утра все уже были за работой. Женщины собирали упавшие несколько дней назад листья мецкалов, так что можно было немедленно употребить их в дело, свежие не годились для данной цели.

Вооруженные толстыми деревянными колотушками,

наскоро сделанными и обтесанными топором, мужчины неутомимо обивали сухие листья о стволы деревьев, чтобы отделить волокна; другие скручивали их в тонкие нитки, которые, будучи крепко связаны и скручены в свою очередь, принимали вид прочных веревок.

Надежда вернулась, а вместе с ней и мужество. Наиболее беспечные и те принялись за работу.

В то время, как каждый старался таким образом изо всех сил, дон Эстебан в сопровождении обоих Тресиллианов, инженера и гамбузино отправился исследовать край Затерявшейся горы, обративший на себя накануне внимание Педро Виценты, благодаря исчезновению дикого барана.

Все направлялись туда в большом волнении.

Итогом этой зарождавшейся второй попытки, все шансы которой они готовились теперь взвесить, им по-прежнему виделся уланский полк полковника Реквезенца.

Гамбузино был прав: он объяснил прыжок дикого барана и на примере умного животного доказывал, что спуск, хотя бы и чрезвычайно опасный, может все-таки быть совершен и человеком. Перегнувшись вперед, со всею смелостью людей надеющихся, которым некогда думать об опасности, дон Эстебан и его спутники осматривали малейшие неровности стены, следуя указаниям Педро Виценты, излагавшего свои доводы с поразительной ясностью, как человек, вполне уверенный в своем деле.

Начиная шагов за тридцать от верхнего края, эта сторона Затерявшейся горы постепенно переходила в ряд маленьких скалистых уступов или, скорес, выступов, перпендикулярных к стене и чрезвычайно узких, благодаря чему они должны были быть совершенно невидимы с равнины, представляя, однако, достаточно места, чтобы стать на них. С помощью веревки можно было спускаться с уступа на уступ. Начиная с последнего из них, на расстоянии приблизительно пятисот футов от поверхности, голая и совершенно гладкая скала спускалась к льяносам с легким наклоном, по которому обезумевший от погоны дикий баран мог соскользнуть, быть может, даже скатиться вниз.

На высоту этого последнего перехода несомненно следовало обратить самое серьезное внимание; но с прочно укрепленной веревкой, которую у последнего уступа бу-

дут держать двое, человек ловкий и хладнокровный мог бы тут пробраться. В общем, спуск был опасный и, вероятно, трудно исполнимый, но с надеждой на Бога... Кто ничем не рискует — ничего не получает.

Словом, в заключение, гамбузино рассказал, что размышления о чудесном бегстве дикого барана внушили ему мысль последовать тем же путем.

Дон Эстебан и его спутники были изумлены такой пронизательностью.

Устремив глаза вдаль, в каком-то опьянении, они уже не думали о трудностях этого спуска в пятьсот футов, который предстояло совершить, прежде чем выбраться в льяносы.

В минутном восторге каждый из них готов был отправиться сейчас же, среди белого дня, забыв о зорких глазах индейцев.

Осматривая пространство льяносов, взгляд Педро упал вдруг на черную подвижную точку, все увеличивавшуюся, казалось, по мере приближения к горе. Он указал на нее своим спутникам.

Генри Тресиллиан сразу узнал Крузадера.

— Это он! — вскричал он. — Право, не говорит ли он мне, появляясь в такую минуту: вы ведь знаете — если я нужен, я готов?

Уже несколько раз, во время своих прогулок, Генри замечал в том же самом месте своего коня и заключил из этого, что, избрав его своим местопребыванием, храбрый Крузадер там нашел, должно быть, и безопасное убежище и более вкусную пищу.

Он не удивился теперь, увидав его там, но обстоятельство это внушило ему внезапное решение.

— На этот раз, — сказал он, — и уже без всякого жребия — отправлюсь я. Дело идет о спасении всех.

Это неожиданное вступление вызвало минутное молчание.

— Вы? — спросил дон Эстебан. — Почему же именно вы, мой юный друг, а не другой? Не Педро Вицента, который сейчас только просил этой чести для себя?

— Ты, Генри?! — вскричал Роберт Тресиллиан. — Ты, дитя мое?!

— Да, я, синьор, я, отец мой, — возразил смелый молодой человек, — и по той решительной причине, что никто здесь не может иметь столько шансов на успех, как я. Очутившись внизу, я почти уверен, что благодаря сит-

налу, хорошо известному Крузадеру, лишь я один могу заставить его прибежать. Вам известно, синьоры, что у апахов нет мустанга, который мог бы соперничать с Крузадером, а так как вы полагаете, что в Ариспу должны отправиться двое, то вот вам они: Крузадер и я! Именно мы с ним, если только все не сговорится против нас, можем добраться до Ариспы.

Тронутый этой смелой речью, гамбузино приблизился к молодому человеку и, крепко пожав ему руку, сказал:

— Позвольте же, по крайней мере, мне идти с вами, Генри. Я уверен, что сумею направить вас прямо на Ариспу, тогда как вы...

Генри Тресиллиан не дал договорить ему.

— Не беспокойтесь,— сказал он,— и не отговаривайте меня. Если бы надо было идти пешком, Педро, я бы не смел равняться с вами или, скорее, мы пошли бы вместе; но ведь вы знаете, что Крузадер позволит сесть на себя только мне одному.

— А если вы не найдете его внизу горы?

— Я найду его. А если это случится, сверх ожидания,— сказал Генри Тресиллиан,— ну тогда я буду вас ждать внизу, синьор Педро, и мы отправимся вместе.

Точно электрический ток пробежал по всем присутствующим.

Каждый почувствовал, что молодой человек прав. Кто же еще, кроме Крузадера, может быстро домчать гонца до Ариспы?

Роберт Тресиллиан, гордясь своим сыном, сжал его в своих объятиях. Что же касается донна Эстевана, то, соглашаясь, он невольно вспомнил о своей Гертруде, которой известие это причинит, конечно, сильное волнение.

Лишь один инженер испытывал укоры совести. Он говорил себе, что надо было совершиться чуду, чтобы веревка, при таком трудном деле, не лопнула, не истерлась или же, при почти неизбежном трении, не перерезалась бы о край какой-нибудь скалы. Но имел ли он право высказать все это, не имея предложить ничего лучшего?

Было решено, что отъезд состоится в ту же ночь, и они повернули обратно к бивуаку.

Лишь только исследователи вошли туда, как, весь запыхавшись, прибежал один рудокоп.

Он рассказал, как, сляясь с товарищем сдвинуть с места скалистую глыбу, препятствовавшую прокладке дороги, которую инженер велел сделать им почти у самого края возвышенности, со стороны, противоположной оврагу,— они были поражены вдруг, увидав, как глыба эта внезапно погрузилась и исчезла, провалившись в пропасть с таким страшным треском, точно грянул ряд выстрелов.

Удивленные, испугавшись сначала, они вскоре пришли в себя и вместе с товарищами расчистили вход в яму.

Они открыли, таким образом, отверстие естественно-го колодца, который, судя по времени, в какое долетали до дна брошенные им друг за дружкой, после неожиданного падения первой глыбы, камни, был, должно быть, чрезвычайно глубок.

У этого зияющего отверстия они и принуждены были остановиться, и товарищи послали его известить об этом открытии инженера.

Пещеры попадают в горах нередко. Но при том состоянии духа, в котором находились осажденные, малейшая новость принимала размеры целого события. Во всяком случае надо было посмотреть, в чем дело.

Инженер с живейшим интересом выслушал рассказ своего рабочего. Собрав тотчас же наиболее искусных из своих людей, он велел им взять с собой все, что могло бы понадобиться для спуска в колодец: имевшееся количество веревок, цепи, даже корзину, способную выдержать тяжесть нескольких человек; и, снабженный всеми бывшими в его распоряжении средствами для подземного изыскания, которыми он успел запастись на возвышенности со времени появления койотов, как-то: лампами, электрическими приборами и проч.,— инженер отправился со своими людьми к месту открытия, где немедленно велел приготовиться к спуску.

В нескольких метрах от устья колодца, которое он велел расширить, поставили столб, обмотали вокруг него все имевшиеся веревки и цепи, прочно прикрепили к канату корзину, в которой могли поместиться пятеро, и инженер первый вошел в нее; за ним последовали помощник мастера и три рудокопа, вооруженные заступами и грузилами.

Чтобы иметь возможность ориентироваться в темноте,

инженер приказал зажечь лампы, и спуск начался осторожно, без торопливости и задержек.

Колодец был глубок. Через каждые пятьдесят футов инженер с видимым удовольствием удостоверился в этом. Спустя некоторое время корзина коснулась земли.

Инженер и спутники его очутились в каком-то месте, довольно обширном, продолговатой формы, но замкнутом со всех сторон скалами. И ни одного выхода! По крайней мере так показалось инженеру на первый взгляд.

Приказав все-таки исследовать стены, он взялся за это и сам, изо всей силы ударяя по ним ручкой заступа.

Вдруг он вздрогнул. Ему показалось, что за одним из ударов последовал менее глухой звук. Не ошибся ли он? Инженер предписал строгое молчание, и все молоты опустились. Лишь один его заступ ударял в скалу, и, действительно, все согласилось, что удар производил продолжительный звонкий отзвук. Опыт был повторен три раза и с тем же успехом. Сомнений больше не могло быть: за этой стеной, по-видимому, должна была существовать подземная галерея.

Сначала пробовали пробить скалу ломом, потом чрезвычайно сильными ударами кирки, и по мере того, как она подавалась под этими неустанными усилиями, отзвук становился все более и более ясным.

Весь подавшись вперед инженер размышлял. Голова его кружилась. То, что он предполагал, осуществилось!

Вдруг кирка его, вместо того, чтобы упереться в стену, прошла насквозь. Не без труда удалось ему вытащить ее. Приблизив лампу, он увидел, что стена была пробита.

Расширить трещину было уже нетрудно. Все взялись за дело. По мере увеличения отверстия работавшим показалось, что на них пахнуло свежестью.

Вскоре отверстие, наконец, было увеличено настолько, чтобы дать возможность пройти одному человеку.

Инженер с лампой в руке проник первый; остальные последовали за ним.

Галерея горизонтально направлялась вглубь сквозь

скалистую массу. Они не ошиблись: там был приток свежего воздуха. Они чувствовали его на своих разгоряченных трудной работой лицах, и шедшему впереди инженеру привиделась даже полоска света.

Просвет постепенно увеличивался. Вскоре показалось отверстие, увеличивавшееся по мере увеличения просвета, и, дойдя до него, инженер не мог удержать торжествующего крика, увидев сквозь переплетавшийся кустарник бесконечно тянувшиеся необъятные льяносы.

Глава 17

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

План гамбузино упростился самым чудесным образом.

Открытие колодца и галерей устранило все затруднения. Наружный спуск в льяносы, сократившийся теперь самое большее до ста пятидесяти футов, сам по себе не был опасен. За Генри не приходилось уже больше бояться, если только ничто не возбудит подозрений апахов.

Как это и требовалось, наступившая ночь не была ни очень темной ни чересчур светлой и вполне благоприятствовала побегу. Инженер, дон Эстебан, Роберт Тресиллиан, его сын Генри, гамбузино и несколько избранных рудокопов проникли в пещеру, спустились на дно колодца и дошли до конца галереи, открывавшейся в пустыню.

Несмотря на то, что все благоприятствовало предприятию, провожавшие испытывали сильное волнение.

Гамбузино отыскал впотьмах руки Генри и крепко сжал их.

— Синьор,— проговорил он,— еще не поздно, позвольте мне идти; ночь благоприятна, и допустив, что конь ваш и не придет на мой зов, у меня остается еще достаточная часть ночи, чтобы успеть до рассвета скрыться из глаз дикарей.

— Благодарю вас, синьор Внцента,— возразил молодой человек,— тысячу раз благодарю! Но только я один могу быть уверен, что найду внизу моего храброго Крузадера. Он ответит лишь мне одному, и когда над льяно-

сами взойдет солнце, я буду, благодаря ему, гораздо далее по пути к Ариспе, чем человек пеший, хотя бы им были вы.

Гамбузино видел, что настаивать бесполезно.

Настал час разлуки. Генри бросился в объятия к отцу, потом к дону Эстевану.

Он не хотел упоминать имени Гертруды. В эту решительную минуту ничто не должно было омрачать его мужества. Разве от его хладнокровия и энергии не зависит теперь спасение всех?

Когда он очутится виизу, сдержанный свист даст знать остающимся у отверстия галереи, что он прибыл благополучно и вступил в льяносы; два свистка послужат сигналом опасности и требованием, чтобы как можно скорее поднимали его обратно.

Начался спуск.

С бесконечными предосторожностями люди опускали веревку,—слишком медленно, по мнению молодого человека, и чересчур быстро, на взгляд оставшихся у отверстия галереи, которые чувствовали, что он отдается неизвестности, и что каждая сажень разматываемой веревки приближает его к опасности, быть может, даже к смерти...

Наконец Генри Тресиллиан коснулся земли.

Первым делом его было прислушаться. Под звездным небом, расстилавшимся над этой частью пустынной Сопоры, царствовала торжественная тишина.

Тогда Генри дал сигнал, извещавший об окончании спуска, и направился прямо к тому месту льяносов, где он видел своего Крузадера.

Ему нужно было только добраться до коня и дать знать умному животному, что это он, его господин, тут, в пустыне, отыскивает его.

А, раз очутившись верхом, он, чтобы скрыться от взоров индейцев, сделает крюк и как молния помчится по направлению к Ариспе.

В то время, как он шел таким образом, инженер объявил, что в случае надобности можно будет осветить равнину по пути Генри на расстоянии одной мили.

Гамбузино вдруг быстро схватил его за руку.

— Избави вас Бог! Этот неожиданный свет в такую минуту скорее может погубить, чем спасти его. Пока Генри не будет в безопасности, не надо предпринимать ничего такого, что могло бы вызвать подозрение апахов.

Мексиканцы прислушивались, задерживая дыхание, но ни малейшего шума не долетало до них.

— Синьоры,— сказал гамбузино,— сама тишина эта уже служит доказательством того, что в настоящую минуту дон Генри вне опасности.

В то же мгновение до слуха их донесся свист, слабый, как дуновение, но с особенными переливами.

— Или я очень ошибаюсь,— сказал Педро,— или молодой человек сейчас звал своего Крузадера.

Вступив в льяносы, Генри Тресиллиан пустился на запад. Полярная звезда указывала ему путь.

Пройдя расстояние метров в четыреста, молодой англичанин действительно решил, что пора уже призвать Крузадера, как он дельвал это раньше.

Если бы, как было условлено, лошадь не ответила на призыв, то, после трех бесплодных попыток, Генри Тресиллиан должен был вернуться обратно, взяться за петлю веревки и, с помощью ожидавших его, добраться до галереи.

О, блаженство! С первого же зова до слуха его донеслась вскоре мерная лошадиная рысь.

Не могло быть сомнений: Крузадер понял, что его зовут.

Уже с меньшей осторожностью, чем в первый раз, Генри Тресиллиан свистнул вторично.

Спустя несколько секунд он почувствовал на лице своем горячее дыхание Крузадера.

Обрадовавшись, что снова нашел своего господина, благородный конь положил к нему на плечо свою голову; забыв, что каждая минута драгоценна, молодой англичанин обхватил обеими руками эту голову и поцеловал ее.

Итак, они встретились. И конь и всадник были готовы. Генри накинул на Крузадера уздечку, которую Педро догадался сунуть ему почти в самый последний момент, и одним прыжком очутился на смелом животном, помчавшемся вперед как стрела.

Склонившись на шею Крузадера, Генри с восторгом чувствовал его безумный полет. Он дышал полной грудью.

Отец и друзья его, склонившись у края галереи, все еще прислушивались к малейшему шороху пустыни; но гамбузино больше не сомневался уже в успехе.

— Ваш сын теперь на коне, синьор,— обратился он к Роберту Тресиллиану,— я готов поклясться в том. Слышите? Крузадер только что радостно заржал. Это признак того, что он нашел своего господина.

Роберт Тресиллиан, слишком взволнованный, чтобы взвесить эти доводы, все еще силился проникнуть взором в густой мрак, окутавший льяносы.

В эту минуту гамбузино сказал что-то на ухо инженеру:

Вдруг со сверкающим блеском ракеты сноп электрического света озарил на несколько секунд целый угол равнины.

Более удачного момента нельзя было выбрать

Генри предстал вдруг перед своим отцом и товарищами как бы в блеске молнии. Верхом на Крузадере он мчался по дороге в Ариспу.

Сноп света, на мгновение упавший на льяносы осветил лишь известное пространство, потом опять все погрузилось во мрак.

Если бы индейцы даже и заметили что-то, они все-таки не успели бы отдать себе отчета в том, что для них представилось бы лишь непонятным феноменом. Кроме того, сноп света шел со стороны Затерявшейся горы, противоположной их стану.

Но луча этого было достаточно, чтобы успокоить отца и друзей всадника.

— Спасен! Генри спасен! — вскричал отец его, отирая слезы.

— И спасает в свою очередь нас! — сказал гамбузино.— На этот раз у него есть все шансы. Он победит, а значит, мы спасены.

Между тем в эту ночь никто не спал на возвышенности. Каждый из осажденных строил массу предположений.

Все почти были уверены, что Генри Тресиллиан имел возможность убежать, но уверенность эта не была еще все-таки полной.

Он отправился в путь благополучно; прибудет ли он так же счастливо и в Ариспу?

Вот о чем с горечью думали на возвышенности люди, находившиеся в почти безысходном положении и потому боявшиеся верить надежде.

Вопрос о плене или свободе обсуждался также и начальниками.

Дон Эстебан невольно был огорчен слезами Гертруды, мужество которой с отъездом Генри истощилось.

Роберт Тресиллиан делал невероятные усилия, чтобы казаться спокойным, но под этой бесстрастной наружностью скрывались невыносимые страдания.

Лишь один гамбузино рассуждал благоразумно.

— Синьоры,— говорил он,— больше чем когда-либо мы имеем основание надеяться. Дон Генри мчится по направлению к Ариспе, на пути своем он не встретит диких карей, направившихся к реке Горказиту. Следовательно, людей бояться нечего. Голод? Жажда? Так разве он не обеспечен запасами на целых пять дней? Итак, прибыв в Ариспу, он увидится с полковником Реквезенцем. На этой же неделе полковник во главе своего полка явится сюда. Следовательно, нам остается лишь двенадцать дней терпения. К тому же,— прибавил он, обращаясь преимущественно к Роберту Тресиллиану,— мы не слышали ни малейшего шума, способного встревожить нас, а койоты, как вам известно, не забирают в плен без своих зловещих воплей. Повторяю, все обстоятельства складываются благоприятно для нас.

— Значит, вы думаете, Генри спасен? — прошептала Гертруда.

— Синьорита,— отвечал гамбузино,— я не только думаю, но готов поклясться в том.

Люди, испытанные судьбой, всегда недоверчивы. Если и предположить даже, что Генри прибудет в Ариспу цел и невредим, то кто может поручиться за успех его предприятия?

Полковника Реквезенца могло и не быть там, и — кто знает? — быть может, узнав о враждебных намерениях индейцев против колоний на реке Горказите, он отправился именно туда, чтобы разрушить их планы.

— А если бы даже и так? — возразил гамбузино, всегда на все находивший ответ.— Разве оставляют построенный в степи город совершенно без войска? Я прекрасно помню, что перед нашим отъездом говорилось в Ариспе о возмущении индейцев яквитов, живущих в стране Гуайямы. Затем, если предположить, что полковник Реквезенц и отправился в поход против индейцев, остаются еще жители Ариспы и работники на гацидендах и в окрестностях. Разве я сам не слышал, как говорили, что брат синьоры Вилланева, дон Ромеро, в состоянии по-

ружить триста добровольцев и в случае нападения может защищаться в своей гашиенде собственными силами, не рассчитывая на помощь извне?

— Совершенно верно, Педро Вицента, но ведь это не солдаты.

— Что вы говорите? — возразил гамбузино. — Ну, хорошо. Предположим самое худшее, что только возможно, — отсутствие полковника со своими уланами; для меня несомненно в таком случае, что дон Ромеро во главе своих добровольцев отправится в льяносы, и тогда будем кое-что значить и мы, ибо к нам присоединятся солидные всадники, по крайней мере, на таких же хороших конях, как и апахи. А раз настанет эта минута, клянусь, дон Эстебан, вам не придется увидеть, что я побоялся спуститься и уложить, в свою очередь, столько этих разбойников, сколько позволит мне запас зарядов.

При виде такой уверенности нельзя было не приободриться, особенно когда ее обнаруживал тот, кто показывал себя до сих пор таким осторожным и рассудительным человеком.

Но мере того, как шло время, исчезала и уверенность, внушенная Педро Вицентой; опять явилось сомнение и обуяло людей, у которых голод убавил не только терпения, но энергии и даже нравственной силы.

Глава 18

ПОЛКОВНИК РЕКВЕЗЕНЦ

В Ариспе, как и предполагал гамбузино, очень интересовались экспедицией, и отсутствие всяких известий о ней вызывало живейшие опасения.

Отъезд собравшегося под начальством дона Эстебана и товарища его Роберта Тресиллиана каравана возбуждал большой интерес и вместе с тем некоторое беспокойство. Но присутствие и содействие Педро Виценты, славившегося по всей провинции неустрашимостью и глубоким знанием пустыни, успокаивало самых боязливых.

Однако полное отсутствие от них вестей начинало казаться чрезвычайным.

Дон Эстебан обещал прислать в Ариспу гонцов, как только отыщет местонахождение рудника, которое было известно одному гамбузино.

Уже прошло около месяца, как должно было прийти известие, а оно все не приходило. Мрак неизвестности покрывал участь рудокопов.

Гонцы и всадники, рассылаемые полковником Реквезенцем на расстоянии трех-четырёх дней от Ариспы, поочередно возвращались назад, не находя ни малейшего следа рудокопов.

Полковник знал, что шайки индейцев свирепствовали в Соноре; лазутчики донесли ему даже, что некоторые селения в Горказите, между ними большое село Накомори, были разграблены краснокожими. Но он не имел права распоряжаться вверенным ему войском для оказания помощи частным предпринимателям, которые на свой страх и риск с большою смелостью проникали часто в самый центр индейских земель.

Известная ему опытность дона Эстебана и умение ориентироваться гамбузино долго успокаивали его. К тому же на основании одних лишь догадок он не решался пуститься со своим войском наудачу в необъятную пустыню.

Он объяснил это дону Юлиано Ромеро, богатому помещику из окрестностей Ариспы, родному брату синьора Вилланева, тоже обеспокоенному отсутствием известий и явившемуся за справками к начальнику гарнизона.

— А! это вы, дон Юлиано! — вскричал полковник Реквезенц, когда тот был введен адъютантом. — Хотя вас и не часто видно здесь, синьор, но я все-таки не решаюсь спросить, каким ветром вас занесло сегодня в Ариспу, так как догадываюсь о причине вашего приезда.

— Да, полковник, — отвечал дон Юлиано, — я не скрою от вас, судьба зятя меня страшно беспокоит. Я уже не сомневаюсь теперь, что с ним случилось какое-нибудь несчастье и с каждым днем мои опасения увеличиваются. Клянусь вам, я желал бы лучше услышать о какой-нибудь катастрофе, когда, по крайней мере, можно было бы придти на помощь, чем довольствоваться одними предположениями. Может быть, вам известно что-нибудь? Если да — умоляю вас, говорите скорее.

— Я знаю не больше вашего, — отвечал полковник Реквезенц, — и тоже начинаю отчаиваться. Уже несколь-

ко дней, как я обсуждаю препятствия, которые мог встретить на своем пути Эстеваи; я говорил себе, что голод, жажда, быть может, болезнь, могли задержать экспедицию, заставить уклониться от прямой цели в поисках воды или съестных припасов. Но с такой энергией и таким знанием пустыни, как у Педро Виценты, можно справиться с этими препятствиями. Надеюсь, вы не предадитесь панике, дон Юлиано? Ну, так я скажу вам, что боюсь другого, самого худшего.

— А именно?

— Я боюсь индейцев,— сказал полковник Реквезенц.

— Индейцев! — возразил дон Юлиано.— Шайки их, конечно, попадают в Соноре, но из этого еще не следует, чтобы они могли напасть на многочисленный и хорошо вооруженный караван.

— Вы ошибаетесь, мой друг. У апахов царит сильное возбуждение после жестокой и бессмысленной резни, учиненной капитаном Жилем Перечем, и индейцы, разъезжавшие некогда небольшими партиями, бродят в настоящее время многочисленными отрядами с единственной мыслью о мщении. Я не говорю, что экспедиция попала в их руки, но подозреваю, что она окружена, быть может осаждена, и, доведенные до последней крайности, наши родственники или уже сдались или кончат тем, что сдадутся.

— Подумайте хорошенько о том, что вы говорите, полковник! — вскричал дон Юлиано в сильном волнении.— Моя сестра и племянница — во власти этих неумолимых разбойников!

— Быть может, не все еще погибло, синьор,— сказал полковник Реквезенц.— Я знаю Вилланева и уверен, что даже захваченный врасплох он сумеет защититься. Если бы это зависело только от меня, я давно уже был бы в пустыне. Но, скажите на милость, имею ли я право оставлять без защиты город и распоряжаться правительственным войском для оказания помощи частным лицам, не зная даже хорошенько, в опасности ли они и где именно находятся?..

— Предприятие Эстевана,— отвечал дон Юлиано,— имеет исключительное значение как по своей цели, могущей обогатить всю страну, так и по количеству и качеству представляемых им интересов. Вам вовсе не понадобится, полковник, оставлять Ариспу без защиты: мои работники к вашим услугам; они вооружены и на конях.

Все распоряжения мною сделаны, и я могу даже сегодня привести их к вам.

— Когда войску приказывают отправляться в поход — отвечал полковник, — то должно знать, куда направить его, синьор. А этого я не знаю. Вы согласитесь со мной. Сам Эстебан, отправляясь, не знал в точности того места, куда гамбузино хотел привести его. Последнему же нелегко было объяснить это на словах, а карты Соноры еще не существует. Мы можем пойти теперь направо, в то время как окажется, что они пошли налево. Сонора — это почти бесконечность, и мои разведчики не могут помочь мне. Я не сомневаюсь, что Эстебан де Вилланева с товарищами осаждены индейцами. Но где? Скажите мне это, синьор, и я сейчас же велю седлать лошадей, невзирая на то, что без согласия правительства не имею на это права.

Дон Юлиано Ромеро молчал несколько минут, затем, приняв энергичную позу, проговорил:

— Полковник! я понимаю — не скажу: ваши колебания, — но ваши укоры совести при мысли, что вы без определенной цели могли бы завести в пустыню людей, которыми вы командуете. Что же касается меня, то никакие соображения не могут больше удержать меня, и с завтрашнего дня я отправляюсь с моими прекрасно вооруженными работниками в путь. Что бы ни случилось — все лучше той неизвестности, которая угнетает меня.

— Вы правы, дон Юлиано, — сказал полковник. — И хотя я не имею права рисковать всем полком, но могу, и даже обязан оказать вам содействие двумя-тремя эскадронами. Помочь вам, — это уже определенная цель, за которую я не боюсь ответственности. Цецилио, — прибавил он, обращаясь к своему ординарцу, — передайте, пожалуйста, майору Гарсиа, что мне тотчас же нужно поговорить с ним.

Молодой офицер удалился, но почти тотчас же вернулся обратно.

В ту же минуту на площади поднялся необычайный шум.

— Послушайте, — сказал молодой офицер, — вы ждете посыльных, полковник, и, право, мне кажется, это был один из них.

Полковник и дон Юлиано бросились к окну.

К большой площади Ариспы приближался бледный,

с утомленным видом, всадник, в беспорядочной одежде, покрытой пылью. Конь его, весь белый от пены, казалось, изнемогал.

Всадник, чувствуя, вероятно, что, ступив на землю, он лишится сил, указал рукой на дом командующего войсками.

При этом жесте он поднял голову.

Полковник узнал его и, лихорадочно стиснув руку дон Юлиано, воскликнул:

— Ради Бога! Или меня обманывают мои глаза или этот всадник — Генри Тресиллиан!

Да, это был действительно он, только что прибывший, наконец, в Ариспу, после пятидневного стремительного бега по пустыне.

Несчастный молодой человек был еле живой.

Целые сутки ему нечем было подкрепиться: фляжка была пуста и припасы истощились.

Увидав в окне полковника, он мог только вынуть из кармана доверенный ему Эстевагом де Вилланевой запечатанный конверт и, что было красноречивее всяких слов, протянуть его по направлению к нему.

Чрезвычайно взволнованный, как и дон Юлиано, полковник сжал молодого человека в своих объятиях.

Какие вести привез Генри? Цел ли еще караван? Или он один пережил страшное несчастье?

Все еще окруженный толпой Генри добрался до дому, сошел с коня и бросил повод улану, присланному полковником.

— Могу ли я понадеяться на вас, — сказал он, — что вы хорошенько присмотрите за этим благородным животным?

— Как на самого себя, синьор, — отвечал солдат. — Конь прежде всадника, — это закон.

Генри Тресиллиан сунул ему в руку нечто, могущее еще больше поощрить его, и вошел в дом.

Полковник и дон Юлиано выбежали к нему навстречу.

— Конечно, вы с дурными вестями? — спросил помещик.

— Они, действительно, не особенно хороши, — отвечал Генри, — но лучше всего вы определитесь, когда полковник прочтает письмо, присланное доном Эстевагом.

Полковник взял письмо, быстро сломал печать и начал вслух:

Дорогой брат!

Если Бог когда-нибудь допустит, чтобы вы прочитали это письмо, то, стало быть, Он сжалился над нами. Мы в критическом положении, которое ухудшается с каждым днем: мы осаждены среди пустыни койотами, самым жестоким из всех апакских племен. Храбрый молодой человек, который вручит вам это письмо, сообщит вам все подробности нашего положения, которое за время отъезда его может лишь ухудшиться. Знайте только, что жизнь всех нас зависит от вас одного, и, если вы нам не можете, нам остается только одно — умереть.

Эстебанъ.

— Именем самого дорогого для меня на свете, мы спасем их, если еще не поздно! — вскричал полковник. — Можете ли вы, молодой человек, быть нашим проводником?

Но тут он заметил, что обессиленный усталостью и голодом вестник почти замертво упал в кресло, безжизненно свесив голову.

Попросив своего ординарца возможно скорее приготовить закуску, полковник заставил молодого Тресиллиана проглотить несколько глотков французской водки. Постепенно юноша начал приходить в себя.

— Простите нас, синьор, — сказал плоковник, — что из-за страшной вести, которую вы привезли нам, мы забыли о вашем положении. Ради Бога, не говорите больше ни слова, пока не оправитесь вполне.

В эту минуту вошел слуга, неся на подносе холодное мясо, фрукты и бутылку вина.

Генри Тресиллиан с жадностью принялся за еду. Утолив первый голод, он вспомнил, что там, на Затерявшейся горе, тоже начинают голодать. Обращаясь к полковнику Реквезенцу, он проговорил.

— Синьор! вы читали письмо дона Эстевана, и, если хотите спасти его, то идемте. Простите, что я потратил столько времени на разговоры.

Полковник с чисто военным добродушием успокаивал его.

— Кушайте, молодой человек, — сказал он, — и при этом вы можете дать нам все нужные сведения. Кроме того, нам надо еще время на необходимые сборы, и раньше рассвета мы отправиться не можем.

— Прежде всего, — прервал его дон Юлиано, — где именно находятся наши друзья?

— В относительной безопасности,— отвечал Генри,— если бы были съестные припасы; но в данную минуту все источники должны быть итощены или около того. Знаете ли вы, синьоры, часть пустыни, называемую Затерявшейся горой?

— Я уже не в первый раз слышу это название,— сказал полковник Реквезенц.

— Я видел ее,— продолжал дон Юлиано.— Так это та тайная цель, к которой вел вас гамбузино?

Тут Генри Тресиллиан рассказал все, что произошло с ними: рассказал о жажде, с которой приходилось бороться, о том, как удачно пришла экспедиция к озеру и Затерявшейся горе и, благодаря гамбузино, могла укрыться там, когда открылось вдруг присутствие индейцев и в таком количестве, что нечего было и думать о защите на равнине.

— Каковы могут быть силы койотов? — спросил полковник.

— Около 500 человек,— отвечал Генри; — но, по всей вероятности, к ним присоединилась теперь другая шайка в числе 200 всадников, собирающаяся сделать набег на берега Горказита в расчете разграбить плохо защищенные селения.

— Совершенно верно! — сказал полковник.— Эти негодяи с некоторого времени слишком уж нагло нападают на колонистов, пора их хорошенько наказать. Что же касается Эстевана,— прибавил он,— то я вижу, что обстоятельства требуют правильно организованного похода, для чего пригодятся и ваши люди, дон Юлиан. Сможете ли вы, синьор Тресиллиан, провести нас кратчайшим путем? Нам дорога каждая минута.

Молодой англичанин улыбнулся.

— Господин полковник,— сказал он,— я ехал пять дней по прямой от Затерявшейся горы, среди таких препятствий, которых нельзя не узнать; но для войска они будут непроходимы, и вам придется идти в обход. Если же через семь дней мы не увидим развевающегося на вершине Затерявшейся горы мексиканского флага, то вы можете свалить всю вину на меня.

— Хорошо— отвечал полковник,— я вам очень благодарен. Ваш отец, синьор, по справедливости может гордиться таким сыном. А теперь,— прибавил он, обращаясь к дону Юлиану,— соберите две сотни своих самых силь-

ных работников, и, с рассветом, соединимся за Ариспой.

— Можете положиться на меня,— сказал дон Юлиано Ромеро.

И он быстро удалился.

Гауценда * его находилась на некотором расстоянии от города, и, чтобы собрать к назначенному часу своих людей, ему необходимо было торопиться.

По уходе его полковник велел позвать караульного офицера и приказал ему возможно скорее собрать штаб уланского полка.

На это не потребовалось ни труда, ни времени.

Молва о приезде молодого англичанина быстро разнеслась по городу и стала предметом всеобщих разговоров.

Появление молодого гонца на еле живом коне дало пищу воображению и, как это случается часто, было истолковано почти верно. Название Затерявшейся горы уже носилось в толпе, и с быстротой молнии распространилось известие, что караван Вилланева и Тресиллиана находится почти в руках дикарей.

Крики: «Индейцы! Индейцы!» — повторявшиеся все чаще и чаще, раздавались по всему городу, и, когда на перекрестках зазвучали трубы улан, все уже знали, что полк отправляется в пустыню.

В виду суматохи, некоторые вообразили даже, что апахи угрожали и городу.

В эту ночь никто в Ариспе не ложился спать, и когда, с рассветом, уланы полковника Реквезенца с молодым Тресиллианом и полковником во главе, двинулись по большой площади, раздались нескончаемые приветственные крики.

Прекрасно вооруженные, на добрых конях, снабженные всем необходимым, эскадроны продефилировали перед начальством, прежде чем пуститься в далекий путь. За ними следовал обоз: телеги со съестными припасами, водой и фуражом, походные повозки для раненых.

Неподалеку от Ариспы дон Юлиано Ромеро с двумя сотнями своих работников, в живописных костюмах палкесосов и рангеросов, присоединился к колонне прави-

* Поместье, усадьба.

тельственного войска, среди которого двигалось несколько орудий.

Дон Юлиано поместился с полковником Реквезенцем, Генри Тресиллианом, успевшим совершенно оправиться после нескольких часов здорового сна, и главными офицерами полка, и все войско бодро двинулось вперед, по направлению к Затерявшейся горе.

Глава 19

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

На десятый день после отъезда Генри засевшие на вершине Затерявшейся горы бледнолицые сделались очевидцами зрелища, которое еще более увеличило их нравственные и физические страдания.

После полудня на горизонте показалась длинная вереница всадников, оказавшихся краснокожими.

Это были койоты, возвращавшиеся из экспедиции на берега Горказита.

По мере того, как они медленно подвигались вперед, так как каждый всадник был тяжело нагружен добычей, тревога мексиканцев возрастала.

Жители осажденного города, пока у них есть провиант, не думают о роковом исходе. Артобстрел сам по себе менее страшен, чем недостаток провизии. Но когда появляется страшный призрак голода со всеми его ужасными последствиями, тогда прощай энергия и мужество, которые до тех пор поддерживали осажденных!

Прибывшие койоты, которые, к слову сказать, прекрасно знали положение осажденных, старались пройти как можно ближе около горы, но так, чтобы выстрелы винтовок и больших карабинов не могли нанести им вреда.

Мексиканцам теперь не только хорошо были видны фигуры страшных дикарей, но слышны были и громкие крики радости, которыми хвастливые краснокожие давали знать об одержанной победе.

Между двумя отрядами всадников шли белолицые пленники — мужчины, связанные попарно, в изорванной одежде, с окровавленными ногами. Женщин здесь не было ни одной, — их везли апахн на своих мустангах, перекинув через седло.

Дальше несколько дикарей с громкими криками гнали отбитый у побежденных скот.

Жалобные стоны пленников и дикие вопли краснокожих, почти поголовно пьяных, производили тяжелое и в то же время зловещее впечатление на осажденных.

Во время нападения на бледнолицых краснокожим удалось найти несколько бочонков с водкой, часть которых была распита тут же на месте, и попробовавшие огненной воды дикари бесновались вследствие этого как безумные.

Тяжелое нравственное состояние, в котором находились осажденные, еще более усугубилось от этого печального зрелища.

Прошло десять дней, и вместо ожидаемого подкрепления, на скорое прибытие которого все так надеялись, они видели перед собой только дикарей, которые, издеваясь над ними, показывали им бледные, изможденные фигуры пленников, которых мучили у них на глазах, точно желая показать, что и их ожидает та же самая участь.

Педро Вицента, несмотря на то, что был гораздо привычнее ко всякого рода лишениям и опасностям, чем рудокопы,— и тот не мог сохранить необходимого в таких случаях хладнокровия. Стоя на краю площадки, он осыпал руганью проходивших мимо апачов, дерзко гарцевавших на своих мустангах на глазах у осажденных.

Синьора Вилланева и дочь ее Гертруда не выходили более из своей палатки. Увы! несмотря на их горячие молитвы, помощь не появлялась! Не было ни малейшего признака, по которому можно было бы предположить, что друзья близко! Женщины в период отчаяния видят все в более мрачном свете, чем мужчины. Они думали, что Генри Тресиллиану не удалось достигнуть Ариспы, и, если он не был застигнут шайкой апачских наездников, то погиб в борьбе с одной из тысячи опасностей, которые ставит на каждом шагу пустыня неосторожному смельчаку.

Напрасно гамбузино доказывал им, что вооруженный отряд не может перейти пустыню так же скоро, как одинокий всадник, имеющий вдобавок такую лошадь, какая была у Генри, и поэтому нет оснований говорить, что все потеряно. Виною всему была последняя проделка койотов, которая довела отчаяние и уныние осажденных до крайней степени.

Последние силы истощились, и осажденные не говорили уже: «что надо делать?» — а спрашивали: «сколько еще времени осталось до конца?»

Но, несмотря на это, позади бруствера и на площадке были вырыты ловушки. Гамбузино взялся поджечь их в нужную минуту, когда, после вылазки, удастся заманить дикарей на то место, где они приготовлены.

Дон Эстеван, все время сохранявший обычное спокойствие и хладнокровие, тоже начал отчаиваться и, указывая Педро Виценте на фитиль, проведенный к месту, где заложили мину, сказал:

— Вот наша последняя надежда... и чем скорей, тем лучше.

— Дон Эстеван,— почти грубо отвечал гамбузино,— я вас не узнаю!

И затем, обращаясь к Тресиллиану, прибавил:

— Может, вы тоже думаете, что пробил наш последний час?

— Ты хочешь знать, что я думаю? — отвечал англичанин.— Я готов на все; но прежде, чем умереть, мы должны хорошенько отомстить за себя.

— Мы отомстим, будьте уверены, краснокожим чертям недешево достанутся наши скальпы, если только у них будет кому эти скальпы снимать! — воскликнул гамбузино.— Все готово, и если мы должны умереть, то ведь их жизнь в наших руках.

Пройдя как можно медленнее мимо горы, новая шайка индейцев достигла лагеря Зопилота, где после того весь вечер раздавались громкие, приветственные, торжествующие крики.

На ночь койоты зажгли большие косты, и безмолвные пустыни нарушалось только гортанными криками часовых.

На площадке большинство мужчин спало. Одни только начальники бодрствовали в обществе сильных и энергичных мужчин, не потерявших еще уверенности в успехе поездки Генри Тресиллиана; они считали необходимым держаться во что бы то ни стало, не прибегая до последней минуты к последнему страшному средству — погибнуть вместе с осаждающими.

Двое из этих людей прошедшей ночью привели в исполнение один из тех смелых подвигов, которые почти переходят границы того, что принято называть человеческой храбростью.

Это были двое друзей Ангуэца и Барралья, двух мучеников первой попытки к спасению.

Заметив, что индейские часовые стоят по двое, на некотором расстоянии вокруг подошвы горы, и что к двоим последним, более отдаленным, можно приблизиться, если спуститься с площадки дорогой, избранной Генри, они решили, как только настанет ночь, отомстить за мученическую смерть своих товарищей.

Еще днем они сговорились с тремя рудокопами, которые вызвались помочь им в смелом предприятии. Рудокопы должны были спустить их в долину в том же месте, откуда ушел Геири Тресиллиан. Спустившись вниз, смельчаки предполагали обогнуть гору, укрываясь за ее выступами; затем, с ножами в зубах, проползти расстояние, отделявшее их от часовых, и одним прыжком кинуться каждый на избранную жертву. Весь исход предприятия зависел от той быстроты, с которой оно будет выполнено.

Они страшно рисковали и шли почти на верную смерть.

Но умереть, отомстив убийцам,— такая смерть стоила всякой другой, да кроме того разве не имели они возможности покончить с собой прежде, чем попадут в руки дикарей.

Но их смелая вылазка увенчалась успехом. С той ловкостью, на которую способны только люди, прошедшие всю свою жизнь в охотничьих приключениях, подползли они к ближайшим часовым-индейцам и, прежде чем те успели заметить их и поднять тревогу, вонзили свои ножи по самую рукоятку в грудь краснокожих. Индейцы молча, как подкошенные, свалились на землю. Затем мексиканцы так же осторожно вернулись к месту, где их ждали товарищи, и минутой спустя были подняты уже на площадку.

С первыми проблесками зари осажденные могли видеть обоих часовых, лежавших на спине с неподвижностью трупов; их окружала группа дикарей, взбешенных и в то же время пораженных этим необъяснимым случаем.

Когда дон Эстебан узнал о ночном походе двоих из своих людей, он не имел духа наказать их за нарушение дисциплины, воспрещающей покидать лагерь без разрешения начальника. Дон Эстебан сделал вид, что ему ничего не известно, хотя в душе был очень благодарен

смельчакам, подвиг которых должен был иметь громадное нравственное влияние на краснокожих. Но тем не менее гамбузино поручено было принять меры, чтобы подобные попытки не повторялись, и объяснить людям, что это могло бы дать возможность дикарям открыть путь, которым мексиканцы пробрались в долину.

Ангуэц и Барраль были отомщены. Геройский подвиг был совершен, но положение не изменилось.

Стало только двумя индейцами меньше — вот и все. Но их оставалось еще более чем достаточно, чтобы заменить выбывших и победить защитников крепости, если подкрепления не подойдут.

Одиннадцатый день прошел так же монотонно, но с еще большей тревогой, чем предыдущие.

По мере того, как время приближалось к вечеру, надежда на прибытие помощи начинала сменяться всеобщим разочарованием.

Неведение, в котором находился Роберт Тресиллиан относительно участи своего сына, мрачные предположения, зарождавшиеся вследствие этого как в уме отца, так и в умах остальных, доводили нетерпение и возбуждение до высшего накала, каждый предлагал самые невозможные планы.

Один только гамбузино сохранял свое хладнокровие и слышать не хотел о неудаче.

— Зачем приходить в отчаяние раньше времени? — говорил он. — Кто может сказать наверное, где теперь подкрепление, которого мы ждем? Оно и не могло придти раньше. Мало ли что могло их задержать? Целый отряд не может идти так скоро, как вы думаете. Я, по крайней мере, уверен, что Генри благополучно доехал в Ариспу, и теперь к нам идет помощь, которая скоро будет здесь. Если не через двенадцать, а через четырнадцать дней, — я беру самый большой срок, — помощь не придет, тогда и я соглашусь с вами, но не раньше. Тогда и взлетим на воздух вместе с нашими врагами. Только представьте себе, что будет, если мы сделаем так, как вы хотите? На другой же день после того приедет Генри и в награду за перенесенные им труды и опасности найдет не нас, а наши трупы, правда, вместе с трупами наших врагов... Но ему-то от этого будет не легче. Синьоры, терпение — тоже в своем роде доказательство храбрости, хотя и в самой слабой степени, а в нашем положении оно необходимо. Кроме того, двадцать четыре, даже двадцать

восемь часов, право, вовсе уж не так много, чтобы нельзя было подождать, пока они пройдут!

Гамбузино говорил золотые слова, и те, к которым он обращался с этими мудрыми речами, не усомнились бы в их справедливости, если бы они видели и знали, что происходило в это время в степи, милях в двадцати от Затерявшейся горы.

Глава 20

ВЕЧЕР ОДИННАДЦАТОГО ДНЯ

— Так значит эта груда утесов, эта гранитная цитадель, которая видна там вдали, и есть Затерявшаяся гора? — спросил полковник Реквезенц у Генри Тресиллиана.

— Она самая, полковник, — отвечал молодой англичанин, который ехал рядом с полковником и служил проводником для полка закатеказских улан.

— Наконец-то, — сказал полковник со вздохом облегчения. — Знаете, молодой человек, я начинал уже отчаиваться! Но скажите мне, пожалуйста, — так как вы уже сделали раз это путешествие, — на каком расстоянии, по вашему мнению, мы находимся от нее? Я охотно держал бы пари, что милях в двадцати.

— И вы были бы правы, полковник. Когда мы здесь проходили (я узнаю это место по малорослой пальме, на коре которой гамбузино Педро Вицента вырезал свои меты), — я помню, как он говорил, что от этого места до подножия горы ровно двадцать миль.

Позади обоих собеседников в полном порядке двигался полк улан.

Немного дальше добровольцы донна Юлиано шли менее стройными рядами, но все же это были молодцы на подбор, природные наездники

Затем следовала легкая артиллерия, бесшумно катившаяся по песчаному грунту.

Наконец, на некотором расстоянии, трусил последний эскадрон улан, составляя арьергард.

Несмотря на препятствия или, скорее, на трудности, мешавшие движению многочисленной колонны, отряд

полковника Реквезенца спешил как только это было возможно.

Но придет ли он вовремя? Этот вопрос задавали себе и полковник и Генри.

Затерявшаяся гора виднелась на горизонте, но расстояние было еще слишком велико, чтобы видеть лагерь индейцев.

— Молодой человек,— сказал полковник, обращаясь к Генри Трессиллиану,— вот мы почти уже у цели и этим мы обязаны исключительно вам. Но странно: с самого момента нашего отъезда из Ариспы я не испытывал такой безотчетной грусти, как теперь.

— О чем же вы думаете, полковник? — спросил дон Юлиано, присоединившийся к ним в эту минуту.— Разве мы не подходим теперь к месту, куда стремились столько дней?

— Кто знает? — грустно проговорил полковник Реквезенц.

— Как кто знает? Что вы такое говорите, полковник? Разве вы боитесь, что не одолеете этих индейских собак?

— Я не этого боюсь,— возразил Реквезенц.— Но ответьте мне на следующий вопрос, дон Юлиано! Я последние часы все время думаю об этом. Уверены ли вы, что наши друзья в этот час все еще находятся на площадке горы? Как вы думаете: не пришлось ли им, поневоле, конечно, сдаться?

— Я уверен, синьор, что они не сдались,— живо возразил Генри Трессиллиан.

— Вы уверены, мой молодой друг,— мягко проговорил полковник,— но на каком основании говорите вы так?

Со времени вашего бегства отсюда прошло одиннадцать дней, а вы сами нам говорили, что уже тогда положение было почти отчаянное.

— Позвольте мне, полковник,— продолжал Генри Трессиллиан,— воспользоваться на некоторое время вашей подзорной трубой.

— Пожалуйста,— отвечал полковник Реквезенц,— но расстояние слишком велико, чтобы можно было рассмотреть защитников, даже в том случае, если бы они все еще находились на горе.

— Да я не их и ищу,— сказал Генри.

— Так кого же? — вместе проговорили полковник и дон Юлиано.

Генри Тресиллиан, не отвечая, приложил трубку к глазам.

Вдруг он издал радостный крик и вслед за тем передал трубку полковнику Реквезенцу.

— Слава Богу! — воскликнул он. — Они еще там!

— Почему вы это узнали? — спросил полковник. — Каким образом могли вы определить отсюда, что они еще там?

— Посмотрите направо, полковник: разве вы не видите на самой верхушке горы точно черту, вырисовывающуюся на небе? Ну, это национальный мексикаинский флаг, который дон Эстебан велел поднять на самой высокой точке площадки. Флаг все еще там, смотрите, направо, на самом краю горы! Для других это, конечно, не могло бы служить указанием, но для меня это значит все. У нас был уговор с доном Эстеваном, что флаг будет спущен только тогда, когда им придется покинуть гору.

— Клянусь небом, вы правы, молодой человек! И если это не иллюзия, то мне кажется, что я даже различаю и орла, который отсюда кажется точкой. Ах! значит мы еще не опоздали и успеем спасти наших друзей и к тому же накажем этих пиратов Соноры.

Известие это почти в ту же минуту распространилось по всему отряду от первых рядов до арьергарда.

Энтузиазм был общий.

Недаром, по крайней мере, проехали они такое расстояние по пустыне, под палящими лучами солнца.

Без всякого приказанья отряд стал быстрее двигаться вперед.

Воинственный трепет пробежал по всем рядам. Каждый на ходу осматривал свое оружие, курки пистолетов и пробовал, свободно ли вынимаются сабли и кинжалы из ножен и чехлов.

Это было приблизительно около полудня одиннадцатого дня, в то самое время, как там, на вершине Затсравшейся горы, отчаяние осажденных достигло высшей точки.

Полковник Реквезенц по характеру своему принадле-

жал к числу людей, которые больше всего боятся поступить опрометчиво. Он еще раз объехал ряды, осматривая на ходу как людей, так и лошадей. Во время этого объезда полковник не упускал случая посоветоваться со старшими офицерами и просил каждого из них свободно высказать свое мнение.

Когда весь отряд был таким образом осмотрен, полковник приказал остановиться и собрал офицеров на военный совет. Предстояло обсудить, не следует ли, как только отряд подойдет на пушечный выстрел, начать битву с дикарями, хотя бы только обстреливая их позиции из орудий.

Подобный вопрос согласовался с мнением большинства, когда командир спрашивал каждого из них поодиночке. Поверхностный наблюдатель подумал бы, что полковник одного мнения с ними, на самом же деле этого не было. А если вопрос и был сформулирован в таких именно выражениях, то только потому, чтобы доказать офицерам необходимость умерить свой воинственный пыл. Против обычая, отвечать на вопрос должен был не младший офицер, а майор, которого почему-то раньше полковник не спрашивал.

Майор, старый солдат, поседевший в боях за свою тридцатилетнюю службу, не замедлил с ответом.

— Полковник,— сказал он,— не следует забывать, что апахи, палатки которых вы только что видели в подзорную трубу, еще не подозревают о нашем приходе, и для того, чтобы раздавить их сразу, с возможно меньшим уроном, всего лучше захватить их врасплох, а вовсе не давать им знать пушечными выстрелами, что мы пришли. По-моему, прежде чем нападать, надо постараться окружить их незаметно так, чтобы они не могли догадаться о нашем приближении, и в то же время отрезать им отступление.

— Господа,— объявил полковник, обращаясь к остальным офицерам,— я прихожу к заключению, что советом почтенного майора не следует пренебрегать, и всего лучше будет, если мы сделаем именно так, как он говорит. Против него можно сказать только одно, что этим общая атака будет отсрочена на несколько часов. Но, по-моему, лучше промедлить несколько часов для того, чтобы идти потом наверняка, с уверенностью в успехе.

— Полковник прекрасно меня понял,— продолжал старый солдат,— я так же горяч, как и другие; но нам гораздо лучше будет маневрировать, когда станет темно. А до тех пор, пока свет дает нам еще возможность ориентироваться, расположим наших людей отрядами таким образом, чтобы образовать полукруг, оба конца которого сомкнутся затем у Затерявшейся горы. Апахам таким образом нельзя будет даже убежать, и мы захватим их как в мышеловке.

Небольшая речь майора заслужила всеобщее одобрение, а полковник, в восторге от того, что так легко удастся исполнить его тайное желание, произнес в заключение.

— Теперь нам незачем пока идти вперед, и мы должны остановиться здесь. Впрочем, несколько часов отдыха только удвоят силы и людей и лошадей.

Сам Генри, несмотря на свою торопливость, еще большую, чем у всех остальных, что и понятно, сдался в ответ на такие разумные доводы.

По приказанию полковника офицеры галопом выехали немного вперед и стали осматривать позиции. Затем, когда был выработан общий план, командиры эскадронов направились к своим частям. Полк закатаказских улан раскинулся полукругом, радиус которого должен был уменьшаться по мере приближения к Затерявшейся горе.

Движение вперед предполагалось начать с наступлением ночи.

Судя по словам Генри Тресиллиана, койотов было приблизительно до пятисот человек. Если же к ним присоединились и те, которые участвовали в экспедиции на реке Горказите, в чем не было ничего невозможного, то общее число краснокожих могло доходить до шести или до семи сот человек.

Столько же приблизительно было и в отряде наступающих, следовательно, победа была верная, даже полная, в особенности если осажденным на горе удастся принять участие в битве и громить сверху массу дикарей, которых уланы и добровольцы замкнут железным кругом и оттеснят к оврагу.

Мексиканские солдаты и пионеры дона Юлнано с лихорадочным нетерпением ожидали наступления ночи.

Глава 21

БИТВА И ОСВОБОЖДЕНИЕ

В то время как офицеры уланского полка под председательством командира выработывали план военных действий на следующий день, защитники Затерявшейся горы предавались отчаянию.

Большинство из них уже не сомневалось в печальном исходе. Мужественный молодой человек погиб в пустыне, а гарнизон Ариспы, не зная, что с ними происходит, и не думает идти на помощь к погибающим.

Несмотря на это, дон Эстебан де-Вилланева, Роберт Тресиллиан, инженер и гамбузино Педро Висента не переставали осматривать горизонт с юга.

Оттуда именно должна была придти помощь; оттуда и ждали ее все, хотя с каждым часом надежды было все меньше.

— Солнце скрывается за горизонтом,— сказал дон Эстебан,— и, если наши друзья не придут сегодня, нам останется только одно: как можно дороже продать нашу жизнь, так как оставаться дольше в том же положении невыносимо. Запасы почти истощены, если не считать скудного остатка, которого едва достанет для того, чтобы продлить наши страдания еще на один день. Скоро мы увидим, как изнуренные женщины и дети будут умирать с голоду.

— Мы сегодня похоронили троих,— проговорил скорбно Роберт Тресиллиан,— они умерли, разумеется, не от излишества в пище...— И затем добавил: — Я не о них сожалею. Для них это все же лучше, чем сделаться добычей койотов и коршунов, как это случится с нами.

Гамбузино, тоже сильно ослабевший от лишений, вздрогнул при этих словах и почти с раздражением вскричал:

— Нет, сто раз нет! Мы еще не имеем права сказать, что то, чего вы боитесь, должно непременно случиться, синьор. Генри не погиб. Мы не имеем права сомневаться в успехе его предприятия. Целых десять дней я стараюсь доказать вам это, а вы не хотите меня слушать.

— Что мне слушать? — возразил Роберт Тресил-

лиан.— В присутствии этой безмолвной и угрюмой пустыни, где мой сын...

И он жестом указал на южный горизонт.

— Невозмутимость этой пустыни меня убивает, — продолжал он, — и что бы теперь ни говорили вы и дон Эстебан, а, по-моему, для нас только один исход — спуститься в долину и кинуться очертя голову на лагерь Зопилота.

В ответ на это дон Эстебан произнес решительным голосом:

— Тресиллиан прав. Мне временами даже кажется, что вы просто бредите, Педро Вицента. Если мы будем сидеть здесь до тех пор, пока совершенно ослабеем, эти разбойники убьют нас, как беззащитных детей. Что касается меня, я объявляю, что предпочитаю смерть этому безвыходному положению.

Гамбузино топнул ногой, но ничего не ответил. Из всех осажденных только он с инженером еще не отчаялись.

Расчет его был следующий: пять дней нужно Генри Тресиллиану, чтобы добраться до Ариспы; семь дней — для того, чтобы отряду полковника Реквезенца пройти то же расстояние в обратном направлении. Еще один день на непредвиденные задержки, хотя, собственно говоря, одного дня на это даже еще мало.

Но из остальных никто и мысли не допускал о возможности каких-нибудь задержек, хотя они обыкновенны во время путешествия. Не истек еще даже и одиннадцатый день, как уже и самые благоразумные начали терять последнюю надежду.

Гамбузино, видя, что нечего надеяться их убедить, потребовал, чтобы все собрались на совет.

— Дон Эстебан, — начал он, когда все были в сборе, — завтра в это же время там ничего не будет видно, — и он протянул руку, указывая на юг, — тогда делайте, что хотите, и я первый исполню ваше приказание, какое бы оно ни было; но, прошу вас, подождите до завтра.

— Завтра, — прошептал Роберт Тресиллиан, — но ведь завтра у наших рудокопов не хватит силы поднять оружие, может быть, даже идти. Знаете, что говорили два часа тому назад те двое смельчаков, которые с опасностью собственной жизни отомстили за Ангуэца и Барраля? «Если завтра ничего не будет нового, мы опять слезем вниз, но на этот раз мы пойдем за обедом». Если

вы хотите меня выслушать, Вилланева, то как только настанет ночь прикажите инженеру бомбардировать лагерь дикарей. Для нас это будет сигналом смерти, но по крайней мере смерти почетной, с оружием в руках.

— Я даю вам еще два часа и ни одной минутой больше, Педро Вицента. Как только пройдут эти два часа, я поступлю, Роберт, по вашему совету,— отвечал Эстефан тоном, не допускавшим возражения.

Гамбузино умолк.

В эту минуту солнце почти касалось горизонта нижним краем своего огромного диска.

Гамбузино взобрался на один из высоких и широких известковых камней парапета, иногда служивших ему обсерваторией.

Вдруг ему показалось, что вдали как будто блеснуло что-то металлическое. Направив туда подзорную трубу, неподвижный, твердый как древесный ствол, он оставался в этом положении несколько секунд, не произнося ни слова. Потом, опустившись на колена, он передал трубу зону Эстефану. Тот, взглянув на гамбузино, увидел, как по бронзовым щекам его катились крупные слезы.

— Что случилось? — спросил он. — Что с вами, Педро Вицента? Что значат эти слезы?

Гамбузино провел рукой по глазам, и, указывая рукой на полускрывшийся за горизонтом диск заходящего солнца, проговорил почти сдавленным голосом:

— На этот раз вы не скажете, что я брежу: вон они!

— Они? кто?!.. Что вы там видели, синьор гамбузино?

— Я видел блеск оружия при последнем отблеске дня,— отвечал он глубоко взволнованным голосом.— А чье может быть это оружие, как не уланов полковника Реквезенца?

Известие это вызвало общее волнение. Все стали возле гамбузино. Зрительная трубка в несколько минут прошла из рук Эстефана по всем рукам; а когда солнце скрылось за горизонтом, как в пропасти, ни для кого на площадке уже не оставалось сомнений: мексиканское регулярное войско находилось в нескольких милях, готовое кинуться на шайку койотов.

Роберт Тресиллиан пытался пронзить взором быстро

сгущавшуюся ночную тьму. Гамбузино, угадав его мысль, сказал:

— Если бы Генри там не было, и никого бы не было. Храбрый, храбрый молодой человек! Вы должны отдать мне справедливость, синьор: я не усомнился в нем ни одной минуты.

На площадке, как на палубе судна с перебитым рангоутом, когда возрождается надежда при виде показавшегося вдаль паруса, рудокопы обнимались.

Дни горя и нужды были забыты; забыт был голод. Стоит ли говорить о таких пустяках, когда помощь близка?

Сейчас же устроился совет. Следует ли подать о себе весточку прибывшим? Апахи их, очевидно, еще не успели заметить, потому что даже с горы, возвышавшейся на пятьсот футов над равниною, их можно было отличить только по блеску оружия.

— Почему бы,— говорил Роберт Тресиллиан,— не пустить в дело электричество и не осветить лагерь Зопилота, чтобы точнее указать на него Реквезенцу? Разве Генри не объяснил им, чем в долгие часы осады рудокопы, по указаниям инженера, заполняли свое время?

Мысль эта едва не была приведена в исполнение, и инженер предлагал даже пустить в дело и обе свои пушки, но, к счастью, гамбузино, как человек вообще очень осторожный, успел уговорить их не делать этого. Это могло бы только повредить планам полковника Реквезенца, который, по всей вероятности, рассчитывал захватить индейцев врасплох. Разумеется, нужно быть наготове и ждать, пока войска приведут в исполнение задуманный ими план. Тогда, и только тогда, могут заговорить пушки инженера. Из них, конечно, придется стрелять по лагерю, который весь раскинулся вокруг палатки Зопилота. Индейцы будут застигнуты врасплох, и пушки натворят чудес. Тогда и понадобятся фонари, чтобы осветить поле битвы.

Совет гамбузино приняли без возражений.

Безмолвие было торжественно, нарушаясь по временам только криком перекликавшихся индейских часовых.

Рудокопы, вытянувшись во весь рост и прильнув ухом к земле, уверяли,— так хотелось им верить,— что слышат топот мексиканской кавалерии.

Первые часы ночи прошли в лихорадочном нетерпении, которое не давало уснуть даже вконец ослабевшим рудокопам, женщинам и детям.

Педро Вицента с карабином в руке находился среди группы, состоявшей из дона Эстевана, Роберта Тресилиана, инженера и старших рудокопов, повторяя каждому, что они не должны первыми начинать битву. Очевидно, полковником Реквезенцем руководил Генри. Не мог же он не заметить среди дня мексиканское знамя, развевавшееся на вершине горы? А раз так, то он уверен, что, как атака кавалерии, так и вылазка осажденных должна начаться в одно время и, конечно, рассчитывает, что ему предоставят право быть инициатором и руководителем боя.

Таким образом протекли еще два часа, в течение которых ничто не нарушило ночного безмолвия.

Неописуемое волнение подняло дух у всех, и даже самые слабые ощущали в своих мускулах нечеловеческую силу.

— Терпение,— говорил им гамбузино,— дадим время полковнику Реквезенцу устроить все, что надо, чтобы захватить индейцев сонными и отнять у них возможность спастись бегством. Может быть, осталось ждать всего несколько минут, и тогда наступит наш черед. Разве не приятно будет поймать в их же собственную западню всех этих красных чертей, которые целую неделю смотрят на нас как на верную добычу?..

Гамбузино не успел окончить речи, как вдруг страшная ружейная пальба разбудила эхо долины, и почти в то же время треск ружей был покрыт густым ревом пушек Реквезенца.

Вопли ужаса, возгласы испуга, смешиваемые с криками боли, поднявшиеся вслед за тем в лагере койотов, застигнутых во время сна, доказали осажденным, что выстрелы Реквезенца попали в цель.

Атака шла с той стороны, откуда, как были уверены индейцы, им не грозило ни малейшей опасности. Во все время они даже не ставили там часовых. Теперь вся эта орда металась в паническом ужасе.

Но положение их еще более ухудшилось, когда сноп электрического света, направленный с вершины горы, осветил лагерь индейцев, выставляя его под удары невидимых нападающих, которых инженер позаботился оставить в тени.

Как и предвидел гамбузино, самые храбрые собрались вокруг палатки Зопилота.

Теперь настало время пустить в дело пушки инженера, и они выбросили, очень кстати, двойной залп картечи в обезумевшую толпу индейцев.

Даже самые неустрашимые из них кричали от страха: «Бледнолицые — колдуны: они могут заменять ночь днем и зажигать солнце, которое освещает лагерь!»

Один только Зопилот, уже сидя на лошади, сохранял некоторое хладнокровие. Несмотря на царивший беспорядок, он пытался собрать воинов около себя, но пушки Реквезенца и инженера вырывали все новые и новые жертвы, расстраивая в то же время ряды сомкнувшихся было индейцев.

Вдруг Зопилот испустил громкий крик бешенства.

В снопе электрического света, расширявшемся по мере удаления от горы, он только что заметил отряд мексиканских солдат, двигавшихся под прямым углом к утесу.

Появление врага, по-видимому, вернуло храбрость индейцам, которые до тех пор толпились беспорядочной кучей, пораженные суеверным страхом.

В одно мгновение вскочили они на лошадей и, издав воинственный клич, готовились ринуться на эскадрон Реквезенца, когда Зопилот остановил их отчаянным жестом.

Под тремя другими снопами электрического света справа, слева и позади показались три других отряда улан, составляя круг, двигавшийся вперед в полном боевом порядке.

Дальше с карабинами в руках стояли в боевом порядке перед озером люди дона Юлиано; они стерегли единственный проход, через который индейцы могли попытаться спастись бегством.

С первого же взгляда Зопилот понял, что битва проиграна: индейцы попали под перекрестный огонь и, если не удастся спастись бегством, погибнут все до единого.

В одну минуту в голове его созрел смелый план. Одной половиной людей он приказал остаться в арьергарде, чтобы встретить лицом к лицу врагов с долины, а с другой половиной кинулся на штурм оврага.

Арьергарду было поручено прикрывать нападение на гору, на которую он смотрел как на единственное средство к спасению.

Если бы ему удалось овладеть верхней площадкой, из осаждающего он обратился бы в осажденного. Но это

было не так уж плохо, и следовало во всяком случае сделать попытку. В одно мгновение половина шайки помчалась к оврагу.

На вершине горы была полная тишина, равно как и в узком и крутом проходе, который вел туда.

Прижавшись друг к другу, воины Зопилота лезли вверх, толкая один другого с слепой яростью.

Осажденные позволили им подойти довольно близко и заполнить овраг.

Но как только первые индейцы достигли камней парапета, почва вдруг заколебалась в одно и то же время над их головами и под ногами на всем протяжении подъема. Глыбы утесов и громадные камни, катившиеся лавиной в эту траншею, набитую осаждающими, давили своей тяжестью, удесятеренной быстротою падения, несчастных индейцев. Вслед за грудой камней началась стрельба в упор. Ни один выстрел не пропал даром; каждая пуля непременно находила жертву.

Трупы койотов, стиснутые в этом узком месте, держались стоя, опираясь один на другого, и лишь через несколько минут невыразимой сумятицы некоторые из оставшихся в живых, между которыми находился и Зопилот, снова выбрались на равнину, где попали в середину железного круга, образованного победоносным отрядом полковника Реквезенца.

Тогда, видя, что всякое сопротивление бесполезно, Зопилот, тяжело раненный в правую руку обломком скалы, и оставшиеся при нем люди сложили оружие. Неподвижно, склонив на грудь голову, ожидали они решения своей участи.

В эту минуту взошло солнце, ярко освещая кровавую сцену.

В равнине, между горой и мексиканцами, эскадроны которых сомкнулись и образовали непроницаемый полукруг, лежали на земле многочисленные трупы койотов, а там, немного дальше, виднелась остатки лагеря индейцев, почти совсем уничтоженного огнем артиллерии.

Восход солнца приветствовали громкими криками рудокопы с горы и бледнолицые пленники Зопилота, которых мексиканские кавалеристы, к счастью, вовремя заметили в этой ужасной свалке и выпустили из лагеря.

Из семисот воинов Зопилота едва только двести пятьдесят человек остались в живых после битвы. Победители начали с того, что связали их по двое, скрутив руки

за спиной, и поручили людям донна Юлиано их караулить.

Когда покончили с этим и очистили овраг от загромоздивших его трупов, осажденные спустились вниз.

Невозможно описать трогательные сцены, которыми сопровождалось окончание битвы и встреча осажденных со своими освободителями. Роберт Тресиллиан дрожащими руками прижал к себе сына, которого считал погибшим. Потом молодой человек подошел к Гертруде, побледневшее лицо которой сияло счастьем и гордостью за возлюбленного.

Глава 22

САНТА-ГЕРТРУДЭС

Когда рудокопы снова вернулись в лагерь, покинутый ими много дней тому назад, то были приятно удивлены, найдя все вещи в целости и сохранности.

Повозки, машины, инструменты,— все это оказалось не тронутым индейцами. Койоты даже не дали себе труда уничтожить бесполезные для них предметы.

Это было неожиданным счастьем, так как дикари, очевидно, не знали ценности дорогих машин и инструментов.

Что касается лошадей и мулов, то, взамен брошенных рудокопами при нападении индейцев, они получили их еще больше из захваченной уланами добычи.

Два дня спустя почти все следы битвы исчезли. Мертвых похоронили, и в то время, как полковник Реквезенц, возвращаясь в Ариспу, вел с собою пленных апахов, участь которых должна была там решиться, дон Юлиано со своими добровольцами проводил в деревню Накомори отбитых у краснокожих пленных женщин, детей и несколько человек мужчин.

Теперь всякая опасность раз навсегда была устранена. Являлась даже надежда, что, если взяться поискуснее, удастся сделать Зопилота своим союзником. Рана его оказалась настолько серьезной, что пришлось тут же, на поле битвы, сделать ампутацию руки. Он стал негоден для войны, а поэтому можно было надеяться, что он станет уступчивее.

Удался ли этот проект? Смирилась ли перед грозной перспективой безжалостного и беспощадного укрощения несговорчивая гордость и природная ненависть апахов к

бледнолицым? Как бы там ни было, доступ к Затерявшейся горе, в которой инженер устроил отлогие галереи, представляется теперь, три года спустя, далеко не трудным. На вершине ее вырос целый город, защищаемый крепостью, более грозной, чем все те, которые когда-либо возводились рукою человека.

Издали виднеются трубы многочисленных фабрик, дым которых стелется по воздуху.

Иногда слышится резкий свисток локомотива, так как железная дорога связывает новый город с Ариспой.

Кругом не осталось ничего из бывшего дикого вида. Парусные суда скользят по озеру, богатому всевозможной рыбой. Вдали расстилаются сочные и обширные пастбища, день ото дня захватывающие все большую площадь некогда дикой пустыни. Многочисленные стада находят для себя здесь обильную пищу.

Открытие первой золотоносной жилы доказало, что в горе имеется золото, и добыча его идет тем больше, чем глубже проникают люди в недра земли. Затерявшаяся гора стала Золотой горой.

Состояние четверых компаньонов громадно. Вначале товарищество состояло только из трех лиц, но теперь их четверо.

Эстефан, Роберт Тресиллиан и инженер уничтожили заключенное с гамбузино условие и сделали его своим компаньоном в знак благодарности за оказанные им услуги в тяжелые дни осады на горе.

Но разбогател не один гамбузино. Из рудокопов, находившихся на горе во время осады, никто не был забыт,— все они получили награду по заслугам.

У каждого из них есть свой когтэдж, доказывающий, что владелец его пользуется известным достатком. По общему их желанию поставлен памятник Бенито Ангуэцу и Джакопо Баррелю, убитым койотами в роковую ночь.

Это — каменная пирамида, без украшений, на одной из сторон которой начертаны имена обоих мучеников; она окружена решеткой, внутри которой с трогательной заботой выращиваются самые редкие цветы.

На площадке возвышается замок элегантно архитектуры, на вершине которого развевается национальный флаг; это — крепость и замок в одно и то же время, откуда дальнобойные пушки могли бы, в случае надобности, обстреливать равнину во все стороны.

Понемногу явились торговцы и поставщики. Откры-

лись лавки и магазины; образовались улицы, открылась школа и даже типография, где почти тотчас же поместилась и редакция процветающего журнала. Все предвещает блестящую будущность только что народившемуся городку.

В центре города, как и во всех поселениях Мексики, находится Plaza Mayor, обсаженная деревьями, имеющая вид прямоугольника, каждая из сторон которого богаче и правильнее, чем остальной город. На одной из этих сторон была воздвигнута элегантная капелла с колокольней и четырехугольной башней, как большинство мексиканских капелл.

Уже три года подряд город Санта-Гертрудэс празднует день избавления рудокопов от смерти.

На площади движется пестрая толпа, среди которой, как бы оправдывая предсказания полковника Реквезенца, видны несколько человек апахов, одетых в богатые серапе ярких цветов. Рангеро и вакеро с соседних гацциенд, в живописных национальных костюмах, сопровождают жен и детей в праздничных одеждах. Между всеми этими разнообразными туалетами подчас мелькает красивая форма закатаказских улан, стоящих лагерем на некотором расстоянии от города, после недавней и окончательной экспедиции в самое сердце индейских племен.

Фабрики везде закрыты, и обыватели покинули свои дома. Слышится нескончаемый говор веселящейся толпы, покрываемый гулом колоколов капеллы.

В этот день совершается крещение первенца Генри Тресиллиана и Гертруды Вилланева, которое празднуют с таким торжеством и радушием жители города, названного, по единогласному желанию участников экспедиции, именем молодой и храброй девушки.

Довольство читается на всех лицах и скоро уступает место восторгу, когда показывается на ступенях церкви, в волнах кружев, ребенок, которого полковник Реквезенц и синьора Вилланева только что приняли от купели.

За ними идут дон Эстебан, дон Юлиано Ромеро, Роберт Тресиллиан, потом инженер и Педро Вицента, весь сияющий, под руку с молодым отцом. Разве счастье его молодого друга не есть в то же время и его счастье?

Тогда начинаются нескончаемые приветствия и крики «ура», которые все усиливаются по пути прохождения кортежа.

Когда начнутся увеселения, в них примет участие и

гамбузино, который на Крузадере, сделавшемся его другом, рассчитывает взять первый приз. Толпа приветствует появление благородного животного; слышатся громкие крики: «Ура, Крузадер!»

На Plaza Mayor, в импровизованном павильоне, украшенном ветвями и огромными букетами цветов, оркестр закатаказских улан играет любимые мелодии.

А когда настанет ночь, когда фонарь маяка, построенного инженером на крайней точке площадки горы, осветит окрестность на целые мили кругом, обитатели Санта-Гертрудэса, вернувшись в свои дома, станут вспоминать былые невзгоды.

Всем людям свойственно именно в самые счастливые минуты вспоминать опасные приключения, пережитые ими в недавние времена.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ТРАНСВААЛЯ. Роман	5
ВОДЯНАЯ ПУСТЫНЯ. Роман	173
ЗАТЕРЯВШАЯСЯ ГОРА. Повесть	341

Майн Рид.

- М14** Переселенцы Трансвааля. Роман., Водяная пустыня. Роман.; Затерявшаяся гора. Повесть. / М.: МП «Активитас», 1992.— 476(4) с., ил. (Капитан Майн Рид. Романы и повести. Т. 1).

ISBN 5—7685—0049—9

Эта книга является первым томом многотомного издания «Капитан Майн Рид. Романы и повести». Издание в целом подготовлено на основе выходявших в начале XX века в России собраний сочинений общепризнанного классика авантюрно-приключенческого жанра Т. М. Майн Рида (1818—1883) в издательствах И. Сытина, П. Сойкина, М. Волфа. В первый том вошли три малозвестных произведения — «Переселенцы Трансвааля», «Водяная пустыня» и «Затерявшаяся гора». Книга предназначена для самой широкой читательской аудитории.

4703010100—001

Э26(03)—92

ББК 84.(Вл).

Подписано в печать 11.08.92. Заказ 2914. Тираж 300 000 экз. (1-й завод 1—150 000 экз.).
Российский государственный информационно-издательский центр «Республика»,
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ВПЕРВЫЕ!!!

Впервые нашему читателю предоставляется возможность познакомиться с творчеством замечательного английского писателя капитана Фредерика Марриэтта и признанных летописцев французской революции Эркмана и Шатриана.

Известность капитана Марриэтта, как мастера морских приключений, может сравниться лишь с известностью его американского собрата по перу и современника Фенимора Купера. Содержание романов Марриэтта всегда составляет заманчивая и разнообразная фабула, «нельзя оторваться от книги, не дочтя ее до конца» (Белинский).

Книгами Эркмана и Шатриана зачитывалась вся Франция. История их Отечества представала перед французами из романов и рассказов писателей выпукло и живо, сродни увлекательному приключению.

Собрание сочинений капитана Марриэтта выпускает МП «Активитас», объем — 10 томов, в твердом переплете. Собрание сочинений Эркмана и Шатриана выпускает также МП «Активитас», объем — 10 томов, в твердом переплете.

Срок выхода первых томов — конец 1992 г. — первое полугодие 1993 г.

Оптовых заказчиков приглашают обращаться по адресу: 125124, Москва, 5-я ул. Ямского поля, 28/32, МП «Активитас».

Иллюстрации в этом издании многотомного собрания «Капитан Майн Рид. Романы и повести» взяты со старинных оригиналов. Просим извинить за качество воспроизведения.

МАЙН РИД

ТОМ 2

Мальчики на севере
Охотники на медведей
Пропавшая сестра
Молодые невольники

